СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ЛЕТОПИСЬ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

РЕЦЕНЗИИ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

ОПЕЧАТКИ

в № 3 журнала «Историк-марксист» за 1941 г.

Стр. 42, строка 32 сверху, **напечатано:** Т. И. Грановского — **должно быть:** Т. Н. Грановского.

Стр. 43, строка 30 сверху, **напечатано:** в «Историю много фактического...— **должно быть:** в «Историю балтийских славян» (Собр. соч., IV. СПБ. 1874). В этом труде собрано много фактического...

Стр. 159, в содержании, 11-я строка сверху, **напечатано:** **Кан Б.**— **должно быть:** **Кац. Б.**; в колонке страниц, 10-я строка снизу, **напечатано:** 149 — **должно быть:** 139; 11-я строка снизу **напечатано:** 139 — **должно быть:** 140.

СТАТЬИ

ЦАРСКАЯ РОССИЯ И БУХАРА В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

А. Рябинский

Бухарское ханство возникло в начале XVI века. До 1868 г. оно было независимым восточнодеспотическим государством.

Поражение, понесенное Бухарским ханством в войне 1866—1868 гг. с Россией, открыло новую страницу в истории бухарского народа — страницу его колониального порабощения царизмом и русской буржуазией.

По мирному договору 1868 г. с Россией Бухара потеряла около ⅓ своей территории (Самаркандская область), уплатила 500 тыс. рублей контрибуции золотом и предоставила русским купцам на территории ханства целый ряд льгот. Особенно тяжелой для ханства была утрата верховьев реки Зеравшана — основной артерии, питающей водой бухарский оазис, так как это ставило Бухару почти в полную экономическую и политическую зависимость от России.

Русско-бухарский договор о «дружбе» 1873 г., предоставивший русским подданным право свободно приобретать на территории ханства недвижимую собственность и заниматься разными промыслами и ремеслами, еще больше усилил экономическое господство России в Бухаре.

Оба эти договора предопределили дальнейшее закабаление Бухарского ханства царской Россией.

Бухара лишилась права сношения с иностранными государствами, обязалась сократить армию до 12 тыс. человек. Вопрос о бухарском престолонаследии стал решаться, в конечном счете, не эмиром, а российским императором. Наследники бухарского престола должны были для получения образования ездить в Россию, где их воспитывали «в соответствии с видами» царского правительства.

В 1886 г. в Бухарском ханстве учреждается Российское политическое агентство, перед которым в качестве основной задачи ставится усиление экономического и политического влияния России в ханстве и осуществление контроля над эмиром и бухарским правительством.

Огромную роль в дальнейшем колониальном порабощении Бухары сыграла проложенная в 1887—1888 гг. через территорию Бухарского ханства Закаспийская железная дорога, соединившая Красноводск сначала с Самаркандом, а затем — с Ташкентом.

В 1888 г. царское правительство основало Аму-Дарьинскую флотилию, имевшую по преимуществу военное значение.

Сооружение железной дороги и создание флотилии значительно расширили русско-бухарскую торговлю и положили начало колонизации Бухарского ханства русскими переселенцами.

В 1888 г. по линии железной дороги возникли первые русские торговые поселения (Каган, Чарджуй), где были размещены царские гарнизоны. В 1889 г. был поставлен новый русский гарнизон в Керках, а де-

сять лет спустя — в Термезе. Около этих гарнизонов вскоре возникли новые русские поселения.

К началу XX в. на территории Бухарского ханства, по данным Губаревича-Радобыльского, было расквартировано около 8 тыс. царских войск[1]. К 1917 г. в ханстве проживало до 50 тыс. русских подданных, не считая военнослужащих. Русские подданные были изъяты из подсудности бухарских судов.

В девяностых годах прошлого столетия суверенным правам Бухарского ханства был нанесен новый удар. В 1894 г. Бухарское ханство включается в русскую таможенную черту, а русские пограничные части занимают бухарско-афганскую границу. В этом же году эмир лишается права производить чеканку теньги (монеты) без согласия на это туркестанского генерал-губернатора, а над бухарской ирригационной системой устанавливается «технический» контроль со стороны России.

Наконец, в том же, 1894 г. царское правительство «для развития русско-бухарской торговли» открывает отделение Российского государственного банка, которое сыграло значительную роль в экономическом завоевании Бухары.

История Бухарского ханства от 1868 г. до начала XX в., таким образом, представляла собою процесс превращения ханства из полуколонии царской России в ее колонию. К концу XIX в. этот процесс завершился.

С наступлением эпохи империализма начался второй этап в истории колониального порабощения Бухарского ханства царизмом и русской буржуазией,—когда колониальный гнет значительно усилился по сравнению с периодом домонополистического капитализма.

В статье «Итоги дискуссии о самоопределении» Ленин указывал, что Россия «побила всемирный рекорд угнетения наций на основании империализма, гораздо более грубого, средневекового, экономически отсталого, военно-бюрократического»[2] (разрядка моя. — *А. Р.*).

Одним из методов угнетения колониальных народов монополистическим капитализмом является вывоз в колонии капитала, который в эпоху империализма приобретает особо важное значение. Зависимость России от иностранного финансового капитала и в первую очередь от капитала французского и английского не исключала стремления российской буржуазии к расширению сфер приложения своего капитала в колониях и зависимых странах. Сферами приложения русского финансового капитала в Бухарском ханстве были: хлопководство, хлопкоочистительная промышленность, ирригация, горное дело, железнодорожное строительство, организация транспортировки сельскохозяйственного сырья в Россию и заграницу.

РУССКИЕ БАНКИ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

Аппаратом, при помощи которого русский финансовый капитал осуществлял вывоз капитала в Бухарское ханство и ограбление бухарских народных масс, были русские банки, транспортные и страховые конторы.

Помимо отделения Государственного банка к 1915 г. в столице Бухарского ханства насчитывалось уже 7 отделений частных банков: Русского для внешней торговли, Русско-Азиатского, Московского учет-

---

[1] Губаревич-Радобыльский А. «Экономический очерк Бухары и Туниса», стр. 91. СПБ. 1905.

[2] Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 272. 1931.

ного, Азовско-Донского коммерческого, Сибирского торгового, Соединенного, Волжско-Камского коммерческого[1].

Кроме этого Русско-Азиатский банк имел отделение в городе Керках и своего представителя на станции Зирабулак, а Московский учетный банк — комиссионерство в городе Чарджуе.

О роли русских частных банков в экономической жизни Бухарского ханства свидетельствуют следующие цифровые данные Центрального статистического управления Туркестанской ССР.

Средние балансы 6 частных банков, находившихся в бухарском ханстве, за 1915 год

№№	Название банка	Сумма (в рублях)		В % к сводному балансу
		Актив	Пассив	
1	Русский для внешней торговли	5 900 000	5 900 000	28,5
2	Русско-Азиатский	4 800 000	4 800 000	24,0
3	Московский учетный	4 300 000	4 300 000	21,5
4	Азовско-Донской	2 900 000	2 900 000	14,5
5	Сибирский торговый	1 500 000	1 500 000	7,0
6	Соединенный	900 000	900 000	4,5
		20 300 000	20 300 000	100,0

Значительная часть перечисленных банков, работавших в Бухаре, была тесным образом связана с иностранным капиталом (французским и немецким).

Русско-Азиатский и Соединенный («Унион») банки, а также Азовско-Донской (последний, правда, в меньшей степени) находились в зависимости от французского финансового капитала, а Русский для внешней торговли и Сибирский торговый банки — от немецкого финансового капитала. Только Московский учетный банк являлся представителем «независимого» русского капитала[2].

Значительная часть перечисленных банков особое внимание уделяла хлопковым операциям в Бухарском ханстве.

В последнее пятилетие, предшествовавшее Октябрьской социалистической революции, усиленно стал завоевывать командные высоты в бухарской экономике Русско-Азиатский банк. В 1912 г. он через своего представителя, инженера Ковалевского, получил разрешение на сооружение Бухарской железной дороги. В 1913 г. бухарское правительство сдало в концессию 10 тыс. десятин земли некоему Стовба, являвшемуся агентом Русско-Азиатского банка. В 1915 г. инженер Ковалевский получил 34 тыс. десятин земли в концессию, которую он вскоре «переуступил» торгово-промышленному товариществу, созданному при содействии Русско-Азиатского банка.

В 1911 г. в Бухарском ханстве появился Азовско-Донской банк, который был связан с хлопчатобумажной промышленностью Петербурга и Западного края.

Русский для внешней торговли банк сосредоточил в своих руках кредитование торговли бухарским каракулем.

Сибирский торговый банк, появившийся в Бухаре в 1912 г., помимо хлопка, сосредоточил свое внимание на операциях с мануфактурой.

[1] Центральное архивное управление УзССР (Ташкент), ф. кушбеги Бухарского ханства. Дела визирата за 1915 год. Переписка с Российским политическим агентством о взыскании долгов.

[2] См. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 111—112; Ленин «Тетради по империализму», стр. 84—85. 1939.

Русский торгово-промышленный банк, зависевший от английского капитала, финансировал акционерное общество «Ширабад», которое получило в Бухарском ханстве в концессию 72 тыс. десятин земли.

С открытием в Бухарском ханстве банков в них сосредоточились почти все нити эксплоатации бухарского народа. В качестве агентов этих банков выступали бухарские терразудары и пахтакеши[1], а также немалое количество бухарских купцов.

В архиве бухарского кушбеги[2] сохранилась довольно обширная переписка между канцелярией визирата и российским императорским политическим агентством по поводу взыскания долгов с бухарских подданных в пользу русских банков, акционерных обществ, различных товариществ, торговых домов и отдельных капиталистов[3].

Просьба политического агента о взыскании долгов с бухарцев, адресованная «достопочтенному кушбеги», являлась для последнего, по существу, приказанием. Обычно по получении такой «просьбы» кушбеги отдавал распоряжение соответствующему беку о немедленном взыскании долгов. Должники нередко отправлялись в зиндан[4].

Вот один из таких документов-телеграмм, посланных от имени кушбеги каршинскому беку:

«...Должник Баратбай Кабылбаев здесь арестован. Предписываю немедленно, описав движимое и недвижимое имущество его в сумме 1242 руб., продав с публичного торга, вырученные деньги представить мне вместе с описью и оценкой. 11 октября 1915 г. Кушбеги»[5].

Часть капитала, экспортированного русской империалистической буржуазией в Бухарское ханство, была вложена в транспортное и страховое дело. В Старой Бухаре, кроме 7 банков, обосновались 7 транспортных и страховых контор, имевших 7 отделений в других городах ханства. Кроме того в Чарджуе находилась транспортная контора Владикавказской железной дороги.

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Часть капиталов, ввозившихся в Бухарское ханство, российская буржуазия инвестировала в строительство и эксплоатацию хлопкоочистительных, маслобойных и других заводов по первичной обработке сельскохозяйственного сырья.

Первые гузоломочные[6] и хлопкоочистительные заводы появились в Бухарском ханстве в самом конце XIX и в начале XX века. По данным Губаревича-Радобыльского, в Бухарском ханстве к 1905 г. насчитывалось 9 хлопкоочистительных заводов, стоимость которых равнялась 800 тыс. рублей[7]. Эти предприятия за сезон в 6 месяцев могли переработать около 2500 тыс. пудов гузы, т. е. несколько меньше половины всей гузы, собиравшейся в ханстве и исчислявшейся в 5500 тыс. пудов.

«Следует ожидать,— говорил Губаревич-Радобыльский,— что на это

---

[1] Терразудары — весовщики хлопка на базаре, при содействии которых русские торговые фирмы и банки, а также крупные бухарские купцы организовывали скупку хлопка у дехкан, выдавая терразударам для этой цели ссуду (бунак). Терразудары, как правило, непосредственно не скупали хлопок, а делали это при помощи мелких скупщиков — пахтакешей,— распределяя между ними бунак.

[2] Кушбеги — глава бухарского правительства Ему непосредственно подчинялись все беки (губернаторы), назначавшиеся эмиром. Кушбеги также управлял Бухарским бекством.

[3] ЦАУ УзССР, ф. кушбеги Бухарского ханства. Дела визирата за 1915 год. Опись № 484.

[4] Зиндан — бухарская тюрьма.

[5] ЦАУ УзССР, ф. кушбеги Бухарского ханства. Дела визирата за 1915 год. Опись № 484.

[6] Гуза — нераскрывшиеся коробочки хлопка.

[7] Губаревич-Радобыльский А. «Экономический очерк Бухары и Туниса», стр. 73—74.

дело современем будет затрачено не менее 1½—2 миллионов рублей»[1]. Его предположения в основном подтвердились.

Согласно данным «Сибирского торгово-промышленного ежегодника» за 1913 г. и «Путеводителя по Туркестану и железным дорогам Средне-Азиатской и Ташкентской» за тот же год, в Бухарском ханстве накануне первой империалистической войны имелось уже 26 хлопкоочистительных заводов, из которых 19 принадлежали российской буржуазии, 3 — бухарскому эмиру, 3 — капиталистам-мусульманам, подданство которых не выяснено, и 1 — крупнейшему бухарскому купцу Мирза-Мухитдин Мансурову. Следовательно, около 80% хлопкоочистительных заводов Бухарского ханства было сосредоточено в руках российской буржуазии.

С очисткой хлопка тесно связана маслобойная промышленность. В Бухарском ханстве в 1913 г. было 2 маслобойных завода: один — в Новой Бухаре, второй — в Чарджуе.

Далее, необходимо отметить 3 кишечных заведения, продукция которых шла не только в Россию, но главным образом на международный рынок. Они были сосредоточены в Старой Бухаре. К числу предприятий, производивших первичную обработку экспортного сырья, относился также прессовальный завод солодкового корня в Чарджуе. Там же находился один шерстеочистительный завод.

Кроме того в ханстве имелись 3 винокуренных завода, 3 европейских мукомольных мельницы, 10 кирпичных заводов на станции Кара-Куль, 2 папиросные мастерские в Чарджуе и, наконец, типо-литография в Новой Бухаре.

Этим, собственно говоря, почти исчерпывается вся более или менее «крупная», с точки зрения бухарских масштабов, капиталистически организованная промышленность ханства. Итого на территории Бухарского ханства в 1913 г. находилось 52 капиталистически организованных предприятия, учтенных справочниками и путеводителями по Средней Азии. Подавляющее большинство этих предприятий было сосредоточено в руках не национальной, а российской буржуазии. Для полноты картины необходимо добавить железнодорожные мастерские и мастерские Аму-Дарьинской флотилии в Чарджуе. Оба последние предприятия принадлежали царскому правительству.

В Бухарском ханстве производилась лишь самая элементарная, первичная обработка некоторых видов сырья; в дальнейшем сырье подвергалось переработке на предприятиях, находившихся в метрополии (в России).

Характеристика промышленной политики империалистических государств в колониях, изложенная в решениях VI конгресса Коминтерна, в полной мере относится и к русской политике в Бухаре. «Как общее правило, — говорится в резолюции конгресса, — промышленная обработка колониального сырья не происходит в самой колонии, а в капиталистических странах, и прежде всего в метрополии... Только там, где фабрикация представляет собою совершенно простой процесс... или где издержки на перевозку сырья, благодаря первоначальной обработке его на месте, значительно снижаются, развитие производства в колониях принимает сравнительно большой размах»[2].

ИРРИГАЦИОННЫЕ КОНЦЕССИИ

В период 1905—1910 гг. Россия ввозила из-за границы от 9,3 до 13 млн. пудов хлопка. Царское правительство и российская буржуазия

[1] Губаревич-Радобыльский А. «Экономический очерк Бухары и Туниса», стр. 73—74.

[2] Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932 гг., стр. 839—840. М. 1933.

в целях уменьшения зависимости русской текстильной промышленности от иностранного хлопка и для замены относительно дорогого американского хлопка более дешовым, возделываемым в пределах российской таможенной черты, должны были встать на путь развития ирригации в Средней Азии и, в частности, в Бухарском ханстве. Область ирригации явилась, таким образом, одной из сфер приложения капитала в Бухарском ханстве.

Первый шаг в этом направлении сделал Московский биржевой комитет. В 1908 г. он отправил специальную экспедицию в бассейн Аму-Дарьи (Бухара, Хива) во главе с инженером-ирригатором Ермоловым для выяснения вопроса о возможности орошения пустующих в этом бассейне земель. Представленный Ермоловым проект создания ирригационной сети в бассейне Аму-Дарьи (в песчаной пустыне Кара-Кумы) Московский биржевой комитет не смог использовать ввиду того, что реализация его требовала огромных капиталовложений и сложных технических сооружений.

Идя навстречу запросам русской буржуазии, царские земельные органы подсчитывали количество земли, годной для орошения в среднеазиатских владениях России и в вассальных ханствах Бухаре и Хиве. В 1910 г. департамент земледелия и землеустройства сообщал в Государственную думу, что «по имеющимся данным следует полагать, что... может быть орошено в Бухаре около 230 тысяч десятин»[1].

Два года спустя русская буржуазия стала уже внедряться в ирригационное дело Бухарского ханства. 23 февраля 1912 г. инженер Ананьев заключил с эмирским правительством концессионный договор на орошение 72,5 тыс. десятин земли в Ширабадской долине[2]. Это был первый кабальный договор, открывший путь русской, а отчасти и западноевропейской буржуазии к захвату земельных пространств Бухары и превративший воду бухарских рек в орудие эксплоатации бухарских дехкан. В договоре говорилось, что площадь земли, предоставляемая в концессию Ананьеву в количестве около 72 тыс. десятин, «более или менее, сколько в натуре окажется... по окончании изысканий должна быть точно определена»[3]. Для орошения указанной земли Ананьев получал право отводить воду из реки Сурхан-Дарьи.

Четвертый пункт договора гласил: «В случае необходимости отчуждения недвижимости, принадлежащей частным лицам... предприниматель входит в добровольное соглашение с собственниками отчуждаемой недвижимости. Если на отчуждение не последует добровольного соглашения, то недвижимость отчуждается по соглашению с беком, коему подведомственна будет местность, где находится отчуждаемое имущество, за вознаграждение по существующим ценам»[4]. Этот же пункт договора предоставлял концессионеру право переносить пастбища дехкан в другие места, оговаривая, правда, что убытки, понесенные от этого населением, должны быть возмещены Ананьевым, хотя не указывалось, кто же будет определять размеры этих убытков.

Таким образом договор создавал широкий простор для произвола со стороны концессионера над бухарским дехканством, потому что концессионер при желании всегда мог «обосновать» необходимость выселения или переселения дехкан потребностями орошения, а также и для злоупотреблений со стороны бека, представлявшего собой последнюю, безапелляционную инстанцию, решавшую эти вопросы.

Пятый пункт договора предоставлял аналогичные права концес-

---

[1] Архив внутренней политики, культуры и быта (Ленинград), ф. Государственной думы, арх. № 1647, л. 6.

[2] Архив Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б) (Ташкент), ф. № 11, д. 2-а, лл. 27—42.

[3] ЦАУ УзССР, ф. Российского политического агентства в Бухаре, д. № 705, л. 31.

[4] Там же.

сионеру в том случае, когда «гидротехнические сооружения и постройки для целей орошения... необходимо будет предпринимателю Ананьеву соорудить и построить на местах, вне отведенных ему участков земли»[1].

Концессионный договор с Ананьевым ставил значительную группу ширабадских и байсунских дехкан в прямую зависимость в отношении воды от концессионера, так как «пустопорожние» земли, сданные в концессию, перемежались с землями, обрабатываемыми дехканами, причем количество последних, как это выяснилось впоследствии, равнялось приблизительно 55% общей площади, нанесенной на план, т. е. достигало почти 40 тыс. десятин земли.

В течение первых 8½ лет Ананьев, согласно договору, совершенно освобождался от арендной платы за землю, в дальнейшем же обязан был вносить по 100 тыс. рублей в год. От всяких других платежей и налогов Ананьев, равно как и его правопреемники освобождались. Срок действия концессионного договора — 99 лет.

Если учесть, что из 72 тыс. десятин земли, упомянутых в договоре, было лишь около 33 тыс. десятин пустопорожних земель, то получается, что Ананьев через 8½ лет должен был платить эмирскому правительству в год не более 3 рублей арендной платы с десятины земли, имея в то же время довольно высокий доход от возделываемого на орошенной земле хлопка и от сдачи этой земли в аренду дехканам.

Так выглядел договор Ананьева с бухарским правительством, открывший новую фазу колониального порабощения Бухары. Ширабадская концессия сулила Ананьеву сказочные барыши.

После неудачной попытки вступить в свои концессионные права вследствие решительного сопротивления ширабадских дехкан Ананьев передал полученную им концессию акционерному обществу «Ширабад», располагавшему капиталом в 12 млн. рублей. Общество «Ширабад» финансировал петербургский Русский торгово-промышленный банк, в портфеле которого находился контрольный пакет акций данного общества. Этот банк, как сказано выше, был связан с английским финансовым капиталом. Проект орошения Ширабадской долины, составленный обществом «Ширабад», намечал на территории концессии создание нового административно-промышленного центра — города Наушахара, на заводах которого должна была производиться первичная обработка хлопка.

С 1916 г. акционерное общество «Ширабад» широко развернуло строительные работы на территории концессии. В 1917 г. в 20 верстах от Термеза были построены складочные помещения, здания под мастерские, службы и т. д. Концессия частично вступила в эксплоатацию. Общество вложило в концессию около 5363 тыс. рублей. Октябрьская революция в России аннулировала права русских концессионеров в Бухарском ханстве. В марте 1918 г. ширабадские дехкане уничтожили все сооружения, воздвигнутые концессионерами, излив в такой форме ненависть против своих былых поработителей.

Вслед за договором с Ананьевым бухарское правительство под нажимом русских властей должно было заключить ряд новых концессионных договоров. 31 марта 1912 г. оно подписало концессионный договор с известным политическим аферистом, князем М. М. Андрониковым, о предоставлении ему права пользоваться всей свободной водой реки Кашка-Дарьи и 25 тыс. десятин земли в Каршинской степи, к северо-востоку от станции Кассан[2].

Наряду с небывало низкой арендной платой (94 копейки с десятины) Андроников также добился от эмира его согласия принять на себя расходы, связанные с предварительными изыскательными работами

[1] ЦАУ УзССР, ф. Российского политического агентства в Бухаре, д. № 705, л. 31.

[2] Архив Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б), ф. 11, д. 2-я, лл. 27—42, а также Архив внешней политики (Москва), ф. МИД, отд. В. Ср., ст. Ср. Аз., № 88-5, л. 31.

в Каршинской степи. Концессию на столь необычайно выгодных условиях Андроников получил благодаря своим связям с «двором» Николая II и поддержке военного министра Сухомлинова.

Производство подготовительных работ на территории Каршинской (Кассанской) концессии вызвало решительное сопротивление со стороны бухарского дехканства, и князь Андроников должен был отказаться от концессии, мотивируя это «недостаточной выгодностью предприятия». Он решил все же не выпускать из своих рук избранную им жертву — Бухарское ханство.

Когда Сеид-Мир-Алим-хан прибыл в марте 1913 г. в Петербург, князь Андроников на аудиенции в Зимнем дворце добился от эмира «принципиального согласия» на предоставление ему в концессию 86 тыс. десятин земли в Каршинском бекстве. На территории, которую эмир обещал отдать в концессию Андроникову, находилось 17 кишлаков. 11 июня 1913 г. бухарское правительство подписало соглашение о предоставлении Андроникову сроком на 99 лет концессии на 80 тыс. десятин земли в Каршинском бекстве «для культуры сухого земледелия и др. сельскохозяйственных и промышленных целей».[1].

13 февраля 1913 г. был подписан договор бухарского правительства с Д. Ф. Стовба о предоставлении ему на 99 лет концессии «Гавар-Али», в Кабадианском бекстве, на орошение 10 тыс. десятин земли водами Аму-Дарьи[2]. За спиной Стовба стоял Русско-Азиатский банк, в котором монополия принадлежала французскому капиталу.

Стовба вскоре передал свои права на концессию сокомпаньону — директору Русско-Азиатского банка в Ташкенте М. А. Зайделю. Последний же сначала попытался сдать ее в субаренду кому-либо из предпринимателей-хлопководов, а когда это не увенчалось успехом, стремился переуступить ее по повышенной цене сначала фирме Рябушинского, затем — банкирской конторе братьев Джамгаровых, банку Юнкерса и др. Из-за пропуска концессионером срока начала работ договор потерял свою силу. Концессионер успел произвести лишь съемочные работы и некоторые гидрометрические и геологические исследования.

5 июля 1914 г. бухарское правительство заключило новый концессионный договор сроком на 99 лет с дворянином Харьковской губернии А. В. Глушковым и коллежским советником Области войска донского Д. Ф. Коневым о предоставлении им 5 тыс. десятин земли в Башкетской долине, Кабадианского бекства, при впадении Кафирнигана в Аму-Дарью, «для орошения, возделывания сельскохозяйственных культур и строительства промышленных предприятий»[3]. 5 августа 1914 г. учредители передали концессию товариществу «Айвадж».

К 1917 г. площадь концессии была вымежевана, однако точного описания границ, засвидетельствованного беком, еще не было сделано. Товарищество вывело из Кафирнигана магистральный канал длиною в 8 верст (при проектной длине в 25 верст), на территории концессии возвело постройки (хутор и др.) на сумму 8—10 тыс. рублей и соорудило кирпичный завод. На орошенной земле были посеяны хлопок, пшеница, люцерна, ячмень и т. д.

Товарищество устроило скотоводческую ферму стоимостью в 12 тыс. рублей золотом.

Таким образом, Айваджская концессия частично вступила в эксплоатацию. Во время мартовских событий 1918 г. сооружения концессии были разрушены.

В июле 1915 г. инженеру путей сообщения А. Н. Ковалевскому, «принимая во внимание его заслуги»[4], связанные с проведением Термез-

[1] Архив внешней политики, ф. МИД, отд. В. Ср., ст. Ср. Аз., № 88-б, лл. 78 и 79-а.

[2] Там же, № 95-б, лл. 3—5.

[3] Там же, № 93-б, л. 3-об.

[4] Там же, № 89-б.

ской железной дороги, по дарственной эмира были отданы в собственность два крупных участка земли: один, в 28 630 десятин,— в Керки-Пулизинданском районе, другой, в 5619 десятин,— в районе Келифа, на правом берегу Аму-Дарьи. В 1916 г. Ковалевский переуступил оба дарственных участка торгово-промышленному товариществу «Иван Стахеев и К° и инженер А. Н. Ковалевский». К осуществлению келифской оросительной системы товарищество приступило в 1916 году. За спиной его также стоял Русско-Азиатский банк.

Ввиду того что предоставление ирригационных концессий русским капиталистам, помещикам, офицерам и чиновникам встретило резкое сопротивление бухарского дехканства, а эмирские власти несмотря на нажим со стороны Российского политического агентства не всегда имели возможность гарантировать беспрепятственное осуществление концессионерами их прав, в период империалистической войны была сделана первая попытка получить оросительную концессию в ханстве на новых условиях.

В 1914 г. инженер Чаев обратился в Главное управление земледелия и землеустройства с просьбой об оказании ему содействия для получения концессии на орошение водами реки Вахша 65 тыс. десятин земли в Курган-Тюбинском бекстве. Половину этих земель он обещал предоставить на выкуп русским переселенцам. Привлечение русских переселенцев на концессионные земли имело в виду создать более устойчивые условия для эксплоатации концессии и гарантировать концессионеров от всяких неожиданностей со стороны бухарских дехкан.

Ходатайство Чаева было поддержано, правда, с рядом оговорок, многими царскими правительственными инстанциями. В 1915 г. он получил от бухарского правительства в концессию 65 тыс. десятин земли, однако вопрос о переселенцах не был разрешен вплоть до февраля 1917 года. За декаду до свержения самодержавия Главное управление земледелия и землеустройства направило переписку по этому вопросу на окончательное разрешение Совета министров. Февральская революция

Сводная таблица земель, сданных концессионерам в Бухарском ханстве (к стр. 12).

Название концессии	Концессионер	Время заключения договора	Количество десятин земли
Ширабадская	Ананьев А. Г., затем общество „Ширабад"	23/II 1912 г.	72 500
Каршинская 1-я (Кассанская)	Князь Андроников	31/III 1912 г.	25 000
„Гавар-Али" (Кабадианская)	Стовба Д. Ф., затем Зайдель М. А.	13/II 1913 г.	10 000
Каршинская 2-я	Князь Андроников	11/VI 1913 г.	80 000
Айваджская	Глушков А. В. и Конев Д. Ф., затем товарищество „Айвадж"	5/VII 1913 г.	5 000
Керкинская	Ковалевский А. Н., затем товарищество „Иван Стахеев и К° и инженер А. Н. Ковалевский"	июль 1915 г.	28 680
Келифская	Те же	июль 1915 г.	5 619
Курган-Тюбинская	Инженер Чаев	1915 г.	65 000
Термезская	Царское правительство	1899 г.	800

помешала царскому правительству принять решение относительно колонизации Бухарского ханства русскими переселенцами-крестьянами.

Особое положение занимала термезская оросительная система на реке Сурхан-Дарье, построенная по распоряжению царского правительства и на средства последнего. Она находилась на территории, предоставленной эмиром в распоряжение царского правительства при создании последним термезского укрепления на границе с Афганистаном. Здесь водами реки Сурхан-Дарьи орошалось около 800 десятин земли.

Приведенные данные об ирригационных концессиях свидетельствуют о том, что русский — а отчасти и иностранный — капитал на протяжении каких-либо 3—4 лет (1912—1915 гг.) сумел прибрать к своим рукам в Бухарском ханстве 291 799 десятин земли. На предыдущей странице помещена сводная таблица земель, сданных концессионерам для орошения и сельскохозяйственного использования.

За спиной почти всех перечисленных в таблице оросительных концессий, за исключением концессии Глушкова и Конева, а также термезской оросительной системы, принадлежавшей царскому правительству, стояли сильные банковские или промышленные группы. Оросительные концессии в руках русской и иностранной буржуазии являлись также орудием колониального закабаления бухарского дехканства, усиливавшим зависимость Бухарского ханства от царской России.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Помимо ирригационных концессий российские империалистические круги значительное внимание уделяли вложению капиталов в железнодорожное строительство в Средней Азии вообще и в Бухаре в частности.

В 1912 г. по поручению Русско-Азиатского банка инженер путей сообщения А. Н. Ковалевский приступил к переговорам с бухарским правительством о предоставлении ему концессии на сооружение Бухарской железной дороги. 10 июня 1912 г. Ковалевский получил от эмира Сеид-Мир-Алим-хана «принципиальное согласие» на проведение в пределах бухарского ханства железной дороги от станции Каган — на Карши, Керки, Келиф, Термез, с веткой от Карши на Гузар-Китаб, общей протяженностью около 585 верст.

Министерства путей сообщения, финансов и иностранных дел России поддержали ходатайство инженера Ковалевского. После этого эмирским властям оставалось лишь оформить ходатайство Ковалевского по своей линии. Однако на окончательное оформление строительства Бухарской железной дороги в бухарских и российских правительственных инстанциях Ковалевскому потребовалось больше года.

13 мая 1913 г. кушбеги уведомил российского политического агента о согласии эмирского правительства предоставить Ковалевскому концессию на сооружение железной дороги и на образование частного акционерного общества для ее строительства.

Приводим текст этого документа: «Вследствие приказания его высочества уведомляем вас, что заявление ваше о том, что императорским правительством признано возможным разрешить инженеру Ковалевскому вести железную дорогу от Кагана на Карши—Керки—Термез с веткой на Шахрисябз и Китаб, вполне удовлетворяет интересы бухарского населения и вполне нами одобряется. Также бухарское правительство вполне соглашается, чтобы к этим новым линиям и к полосе отчуждения под эти линии был применен тот же распорядок, который был установлен в пределах Бухарского ханства в отношении Средне-Азиатской казенной железной дороги.

Вопрос о разрешении инженеру Ковалевскому образовать общество на тех же основаниях и с теми же правами, какими пользуются прочие частные железнодорожные общества в России, зависит всецело от усмо-

трения императорского правительства, распоряжения коего в этом отношении будут всегда одобрены бухарским правительством. В заключение, по приказанию его высочества, бухарское правительство выражает императорскому правительству свою признательность и благодарность за постоянные заботы, направленные к развитию всех отраслей народного хозяйства ханства, в частности же за заботы о скорейшем осуществлении предположенной Бухарской железной дороги»[1].

Бухарское правительство произвело безвозмездно отчуждение 6 тыс. десятин земли под полотно железной дороги и под необходимые для дороги сооружения. Такая щедрость бухарских правителей по отношению к частному предприятию, равно как и выражение ими благодарности царскому правительству, объясняется тем, что эмир Сеид-Мир-Алим-хан сам был причастен к строительству дороги: «Эмир выразил согласие... принять на себя, в случае образования общества Бухарской железной дороги, одну четвертую часть расходов, могущих потребоваться от императорского правительства по гарантии выпускаемых означенным обществом облигаций»[2]. В дополнение к этому эмир в апреле 1914 г. передал возникшему вскоре «Частному обществу Бухарской железной дороги» 4 участка земли стоимостью в 250 тыс. рублей.

13 июля 1913 г. устав общества, одобренный Государственным советом, получил «высочайшее утверждение», и тотчас же было приступлено к строительству железной дороги. Стоимость Бухарской железной дороги, по данным второго департамента Государственного совета, была определена в 26 900 тыс. рублей. Акционерный капитал общества равнялся 3122 тыс. рублей, облигационный — 23 млн. рублей. За спиной «Частного общества Бухарской железной дороги» стоял тот же Русско-Азиатский банк.

Содействуя развитию хлопководства и облегчая доступ русской буржуазии к бухарским рынкам сбыта и источникам сырья, железная дорога должна была создать условия для еще большей эксплоатации бухарского народа российским империализмом. Эта дорога должна была также усилить и военное господство России в ханстве, поскольку она облегчала переброску русских войск на территорию ханства. Эта дорога кроме того преследовала оживление русско-афганской торговли. Наконец, она имела и большое военно-стратегическое значение в связи с той борьбой, которая издавна велась между царской Россией и Британской империей в Средней Азии.

При этом русские империалистические круги не упускали из виду и целей колонизации Бухары. На страницах газеты «Россия» автор статьи «Бухарская железная дорога» писал: «Обслуживаться дорога должна русскими подданными, за исключением низших служащих: путевых сторожей, стрелочников и т. п., которыми могли бы быть и знающие по-русски бухарские подданные»[3]. Таким образом, проведение Бухарской железной дороги ставило Бухарское ханство в еще большую зависимость от Российской империи.

Бухарская железная дорога вступила в эксплоатацию 1 июля 1916 года. Быстрые темпы строительства дороги были довольно необычны для царской России. Их можно объяснить, во-первых, огромными прибылями, которые сулило русской буржуазии проникновение в восточную часть Бухарского ханства, и, во-вторых, тем, что в связи с войной и

---

[1] Соглашение с бухарским правительством по вопросу о постройке инженером Ковалевским железной дороги в Бухарском ханстве. В кн. Жуковский С. В. «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие», стр. 190. Петроград. 1915.

[2] «Обзор деятельности второго департамента Государственного совета по рассмотрению дел о частных железных дорогах за время с 1906 по 1913 год», стр. 253—254. СПБ. 1914.

[3] «Россия» № 48 за 1916 год.

блокадой царская армия остро нуждалась в каждом лишнем пуде хлопка, кожи, шерсти и т. д.

Необычайно яркую характеристику роли железных дорог в закабалении колониальных народов дал В. И. Ленин в предисловии к французскому и немецкому изданиям своей классической работы «Империализм, как высшая стадия капитализма». «Постройка желдорог,— писал он, — кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения миллиарда людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизованных» странах»[1].

Сооружение Бухарской железной дороги содействовало быстрому развитию товарных отношений в районах, прилегавших к этой дороге, а также росту посевов экспортного хлопка.

Одновременно с постройкой Бухарской железной дороги русская буржуазия проектировала сооружение новой железнодорожной колеи через Бухарское ханство, которая должна была соединить ханство сначала с Хивой, а затем — через Александровск-Гай — с Саратовом. Об этом плане железнодорожного строительства, сулившем русской буржуазии огромные барыши, но оказавшемся непосильным для нее, упоминается во всеподданнейшем докладе командующего войсками Туркестанского военного округа еще в 1911 году. «Предпринимателю Бухарской железной дороги Каган—Карши—Келиф—Термез—Патта-Гиссар,— говорится в докладе, — разрешены также изыскания новой железнодорожной линии по левому берегу реки Аму-Дарьи: ст. Чарджуй Ср. Аз. ж. д., Хива, Ходжейли, Кунград. Сооружение этой линии предполагает продолжение ее далее на Александровск-Гай, что даст вторую магистраль от Саратова в Туркестан»[2].

О большом военно-стратегическом значении, придававшемся этой железной дороге правящими кругами царской России, можно судить по тем комментариям, которыми сопроводил упомянутый выше документ военный министр в своем докладе на имя Николая II в 1913 году. «Указывая на необходимость проведения второй магистрали, — писал он, — соединяющей Туркестан с Европейской Россией, командующий войсками высказал мнение, что проектируемая дорога помимо военного значения представит и экономические выгоды. Вашему императорскому величеству благоугодно было текст этого доклада отчеркнуть»[3].

Как ни заманчива была перспектива строительства железной дороги Чарджуй—Александровск-Гай для царизма и русской буржуазии в целях укрепления позиций в борьбе против Англии, однако у них не хватило средств для осуществления этого плана.

Кроме ширококолейного железнодорожного строительства в Бухарском ханстве российская буржуазия намечала также вложение капиталов и в строительство узкоколейных железных дорог. Начавшаяся империалистическая война, однако, помешала осуществлению этих намерений.

ГОРНЫЕ КОНЦЕССИИ

Бухарское правительство заключило несколько договоров на предоставление русским капиталистам, дворянам и чиновникам горных концессий по разработке золота, серы и извести. К числу их относятся

[1] Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 74. 1931.

[2] Военно-исторический архив (Ленинград), ф. военного министерства. Всеподданнейший отчет командующего Туркестанским военным округом за 1911 год.

[3] Военно-исторический архив, ф. военного министерства. Доклад императору военного министра от 1 июля 1913 года.

договоры с горным инженером Жоравко-Покорским, заключенные в 1897 и 1901 гг. на право разработки Сафет-Дарьинских золотых приисков в Бекджуванском бекстве, договор с Т. П. Петровым от 20 июня 1915 г. на право выработки селитры в окрестностях кишлаков Чакарджуй, Дузара и Ходжа, Калик-Каршинского бекства, сроком на 10 лет, с правом продления на следующие 10 лет, и др.

Помимо этого бухарское правительство выдало русским капиталистам, дворянам, офицерам и чиновникам 35 дозволительных свидетельств на право производства разведок золота и 2 разрешения на разведку серы.

Горная промышленность и, в частности, золотопромышленность являлись теми отраслями народного хозяйства Бухарского ханства, куда российский финансовый капитал проник лишь в незначительном размере («Сирасс и К°» и др.). Здесь по преимуществу орудовали «дикие» капиталисты, офицеры и чиновники в отставке, сколотившие незначительные капиталы, мелкопоместные дворяне, а в отдельных случаях — и представители российской знати.

РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

Монопольное положение русской буржуазии на бухарском рынке обеспечивало ей получение сверхприбылей.

Русско-бухарская торговля стала заметно развиваться еще в эпоху домонополистического капитализма, в связи с проведением в 1887—1888 гг. через территорию Бухарского ханства Закаспийской железной дороги. Торговля эта в еще большей мере усилилась в эпоху империализма, чему, между прочим, содействовало проведение Ташкентской железной дороги, связавшей в 1905 г. Ташкент с Оренбургом и Москвой. Бухарское ханство оказалось, таким образом, соединенным с Россией с двух сторон: на юге — через Красноводск и на севере — через Оренбург. В ханстве стали быстро развиваться товарные отношения; натуральный обмен и меновая торговля заменяются торговлей денежной. Только в отдаленных районах Восточной Бухары, с которыми связь была слаба, продолжало существовать натуральное хозяйство и обмен продуктами.

Вот некоторые данные о росте русско-бухарской торговли с 1833 по 1911 г. (в тысячах золотых рублей):

Годы	Вывоз	Ввоз
1833	710	350
1839	1 170	638
1865	3 [illegible]06	1 913
1900—1904	23 700[1]	23 200[1]
1911	31 255	35 344

Происходила товаризация дехканского хозяйства. Дехкане начали заниматься производством экспортного сырья и в первую очередь — разведением хлопка. Если в 1850—1860 гг. экспортного хлопка было произведено приблизительно 50 тыс. пудов, то в начале XX в. производство его достигло уже 1200 тыс. пудов, а к 1915 г. возросло до 2 млн. пудов.

Рост экспорта толкал бухарское дехканство также и на приспособление животноводства к потребностям российского и иностранного рынков. Это прежде всего сказалось на развитии производства каракулевых шкурок. В середине XIX в. экспорт каракулевых шкурок составлял 30—40 тыс. штук в год, а в 1911—1914 гг. он доходил уже до 1,5 млн. штук в год. Увеличился также экспорт шерсти, поднявшийся с нескольких тысяч пудов в год в середине XIX в. до 150—170 тыс. пудов в начале XX в. и до 200 тыс. пудов ко времени первой империалистической

[1] В среднем в год за пятилетие с 1900 по 1904 год.

войны. Развивалось и ковровое производство. В предвоенные годы вывоз ковров из Бухары доходил до 20 тыс. штук в год.

Экспортно-импортные операции в Бухарском ханстве кредитовались 7 частными банками. В годы, предшествовавшие войне, банки ежегодно выделяли для этой цели около 40 млн. рублей. Экспортно-импортная торговля частично субсидировалась эмиром, отпускавшим для этой цели около миллиона рублей в год.

Товары российской промышленности поставлялись в ханство различными комиссионно-торговыми и технически-промышленными конторами и торговыми предприятиями, которые в большом количестве были сосредоточены в столице Бухарского ханства. По данным «Сибирско-торгового промышленного ежегодника» за 1913 г., в столице Бухарского ханства находилось 10 посреднических контор и около 50 торговых предприятий, принадлежавших российской и отчасти иностранной буржуазии. Немалое количество русских торговых заведений можно было встретить в Новой Бухаре и Чарджуе; имелись они также и в других русских поселениях (Керки, Термез, Сарай). В XX в. значительная часть бухарского купечества находилась в зависимости от российских банков, торгово-промышленных фирм и контор и, в конечном счете, служила российскому финансовому капиталу, выступая таким образом в роли компрадорской буржуазии. В экспортно-импортной торговле Бухарского ханства Россия занимала первое место.

В период с 1911 по 1913 г. ежегодный ввоз товаров в Бухарское ханство из-за границы в среднем равнялся 36 610 тыс. рублей золотом, из которых 35 344 тыс. рублей приходились на долю России, 1900 тыс.— на Китай, 866 тыс.—на Афганистан, 800 тыс.—на Индию, 500 тыс.—на Персию, 100 тыс. — на Хиву и остальные 100 тыс. — на прочие страны.

Что касается вывоза товаров из Бухарского ханства в другие страны, то средние ежегодные размеры его за тот же период равнялись 35 385 тыс. рублей золотом, из которых 31 255 тыс. рублей приходилось на долю России, 1035 тыс. — на Хиву, 500 тыс. — на Индию, 200 тыс.— на Персию, 100 тыс.—на Афганистан и 2295 тыс.—на прочие страны.

Из приведенных данных об экспортно-импортной торговле Бухарского ханства видно, что за период с 1911 по 1913 г. ежегодно в среднем имело место превышение ввоза над вывозом на 1225 тыс. рублей.

Импорт русских товаров в Бухарское ханство в 1911—1913 гг. составлял 96,5% всего бухарского импорта, а экспорт бухарских товаров в Россию — 88% всего экспорта Бухары.

О номенклатуре и среднегодовом количестве товаров, импортировавшихся Бухарой из России, дает представление следующая таблица:

Товары, ввозившиеся в Бухару в 1911—1913 гг.	Среднегодовое количество товаров (в тысячах пудов)
	2 700
Мука	700
Нефть и ее продукты	674
Лесные материалы	397
Семена	332
Сахар	228
Ткани бумажные	203
Спирт	150
Металл	

О номенклатуре и количестве товаров, экспортировавшихся Бухарой

в Россию, можно судить по следующим данным, относящимся к 1914 году:

Товары, вывозившиеся в Россию	Количество товаров
Хлопок	2 000 тыс. пудов
Шерсть	250 „ „
Кишмиш	200 „ „
Солодковый корень	900 „ „
Кишки	1 000 „ „
Каракуль	1 800 тыс. штук
Кожа	1 200 „ „

Кроме того из Бухары в Россию вывозились хлопковое и кунжутное масло, сушеные фрукты, шолк-сырец, жмыхи, ковры и т. д.

Таким образом, хлеб и хлопок были основными товарами бухарского импорта и экспорта.

ВОПРОС О ПОЛНОЙ АННЕКСИИ БУХАРСКОГО ХАНСТВА

В XX в., когда российский монополистический капитализм стал захватывать в Бухарском ханстве одну экономическую позицию за другой, в рядах наиболее ярых русских аннексионистов все чаще и чаще стали раздаваться голоса в пользу немедленного и полного присоединения Бухарского ханства к Российской империи.

Царское правительство являлось сторонником поглощения Бухарского ханства Россией, но по соображениям международного и внутреннего характера (нежелание осложнить взаимоотношения с Англией и вызвать неблагоприятное впечатление в Афганистане и Индии, боязнь возбудить против себя мусульман России и т. д.) предпочитало осуществлять это «тихой сапой», сохраняя видимость власти в руках эмира и бухарской администрации.

О наличии такой политики у царского правительства по отношению к Бухаре можно судить на основании заявления русского министра иностранных дел А. П. Извольского, сделанного им 11 августа 1907 г. на заседании Особого совещания о заключении соглашения по вопросу об Афганистане. Это совещание было созвано в связи с предстоявшим подписанием англо-русской конвенции 1907 года. Так как в проекте конвенции совершенно не упоминалась Бухара, участник совещания генерал А. А. Поливанов задал министру иностранных дел Извольскому вопрос: «Не вызовет ли каких-либо недоразумений полное неупоминание в соглашении о Бухаре?» [1].

На это со стороны Извольского последовал ответ, что «на Бухару фактически следует смотреть как на часть русской территории и что упоминание о ней параллельно с Россией в договоре могло бы иметь весьма неудобные последствия, давая повод рассматривать Бухару как самостоятельную страну, чего мы всемерно должны избегать» [2].

Отсутствие упоминания в конвенции 1907 г. о Бухаре говорит о молчаливом признании Англией полной зависимости Бухарского ханства от России. Однако по дальнейшему поведению царского правительства и министерства иностранных дел видно, что английские правящие круги дали понять царской России о желательности сохранения status quo в Бухаре. Царское правительство в целях укрепления Антанты вынуждено было считаться со своим союзником.

Эта официальная линия царского правительства в бухарском вопросе встречала возражение со стороны крайних аннексионистов, чуж-

[1] Журнал заседания Особого совещания 11 августа 1907 г. о заключении с Англией соглашения по вопросу об Афганистане. В журн. «Красный архив» за 1935 год. Томы 65—66-й, стр. 7.

[2] Там же.

дых всякой дипломатии и в своих захватнических целях предпочитавших идти напролом. На страницах печати они все чаще и чаще стали выдвигать вопрос о необходимости ликвидации Бухарского ханства.

Наиболее активно выступали русские военные круги. Развернутое «обоснование» аннексионистско-колонизаторской точки зрения на судьбы Бухарского ханства дал подполковник Д. Н. Логофет, в течение многих лет работавший в этой стране. В своей книге «Страна бесправия» он подверг критике линию министерства иностранных дел в бухарском вопросе и недвусмысленно настаивал на присоединении Бухары к России. «Создав пресловутый русско-бухарский договор, поражающий своими аномалиями, — писал Логофет, — и признав существование полунезависимого Бухарского государства под протекторатом России, министерство иностранных дел затем совершенно почти устранило себя от всех вопросов, связанных с этим государством... Слабые и бессистемные попытки военного ведомства и министерства финансов практических результатов дать не могли... Самое же министерство иностранных дел... совершенно не считало нужным выдвинуть бухарский вопрос, находя это дело, повидимому, слишком сложным и щекотливым. И эти дипломатические сантименты в продолжение почти 40 лет не дали ничего решительного ни России, ни Бухаре»[1].

Что же предлагал Логофет? Его ближайшая программа сводилась к трем основным требованиям: 1) переселению из центральных губерний России в Бухару «вне всякой зависимости от усмотрения и произвола бухарских властей»[2] нескольких тысяч крестьян; 2) созданию на территории Бухарского ханства, на границе с Афганистаном, русского амударьинского казачества; 3) предоставлению русским предпринимателям права свободно приобретать земли для промышленных целей во всех пунктах ханства.

Эта программа-минимум должна была создать условия для того, чтобы в ближайшем же будущем «приобщить» Бухарское ханство «к общегосударственной жизни»[3], т. е. присоединить к Российской империи.

Книга Логофета предназначалась вниманию депутатов III государственной думы, черносотенной по своему составу. Книга нашла отклик прежде всего среди высшей администрации Туркестанского края. В 1909 г. в Ташкенте состоялось два специальных совещания, посвященных бухарскому вопросу. Первое происходило под председательством туркестанского генерал-губернатора Мищенко, второе — под председательством его преемника — генерала Самсонова.

На первом совещании было рассмотрено 8 вопросов и приняты следующие решения:

1. По вопросу о положении русскоподданных в Бухаре и о праве приобретения ими там земель совещание признало желательным развитие русских торговых поселков в ханстве.

2. Колонизация Бухарского ханства русскими поселенцами была признана преждевременной.

3. Относительно русской торговли в Бухарском ханстве Мищенко в своем резюме высказал следующие два положения: а) русская торговля должна быть обставлена полной свободой; б) товары, следующие транзитом из русских владений в Афганистан, должны быть освобождены от всяких налогов.

4. О бухарской армии мнения совещания разделились. Мищенко и Рихтер высказались за обучение бухарских войск русскими инструкторами и за возможность привлечения этих войск к охране путей сообщения (Средне-Азиатская железная дорога и почтовый тракт Самарканд — Тер-

---

[1] Логофет Д. «Страна бесправия», стр. 169—170. СПБ. 1909.
[2] Там же, стр. 178.
[3] Там же.

мез) в случае возникновения военных действий России с соседними странами.

Остальные участники совещания считали, что бухарская армия непригодна, малонадежна и поэтому «желательно ее постепенное уничтожение»[1].

5. По вопросу о предоставлении российскому политическому агенту прав губернатора в отношении русских поселений совещанием «было признано желательным... предоставление политическому агенту прав начальника области или учреждение подобной должности для Бухары»[2].

6. Совещание обсудило вопрос об установлении контроля туркестанского генерал-губернатора над деятельностью бухарского правительства и пришло к выводу, что для обеспечения этого контроля необходимо подчинить российского политического агента не только министерству иностранных дел, но и туркестанскому генерал-губернатору.

В этих же целях большинство совещания высказалось за учреждение при туркестанском генерал-губернаторе дипломатической канцелярии, «в руках коей должно сосредоточиться ведение всех дел с Бухарой»[3] и Хивой, а также рассмотрение пограничных дел с Персией (на границе с Закаспийской областью), Афганистаном и Китаем.

По проекту Мищенко, начальник этой канцелярии должен был всецело подчиняться генерал-губернатору и действовать лишь от имени последнего. Мищенко добивался восстановления туркестанских генерал-губернаторов в правах наместников императора в Средней Азии[4].

7. По вопросу «о мусульманстве» совещание приняло решение об усилении разведки «за состоянием мусульман» Туркестана и сопредельных стран, в частности об усилении «наблюдения за Бухарой»[5].

Еще более агрессивную позицию по отношению к Бухарскому ханству заняло второе совещание, под председательством туркестанского генерал-губернатора Самсонова, состоявшееся 10 и 11 августа 1909 года. Это совещание происходило в несколько более расширенном составе. На этот раз для решения судеб бухарского народа собралась почти вся колонизаторская верхушка Туркестанского края.

Августовское совещание рассмотрело примерно тот же круг вопросов, который обсуждался в Ташкенте полгода тому назад. Председатель совещания генерал Самсонов поставил коренной вопрос, касавшийся судеб бухарского народа,—вопрос о поглощении Бухары Россией. В своем выступлении на совещании Самсонов заявил собравшимся, что «основная цель наша — поглотить Бухару»[6]. В связи с этим он считал необходимым не проводить от имени эмира в Бухарском ханстве никаких реформ, мотивируя это тем, что «нам, пожалуй, выгодней просто выжидать до тех пор, пока не будет решено окончательно присоединение Бухары, что, как можно предполагать, входит в задачи нашего правительства»[7].

На совещании выявились две точки зрения на судьбы Бухарского ханства: первая — Самсонова, которую с некоторыми оговорками поддерживали самаркандский губернатор Галкин и другие, вторая — Лютша, Минорского и Губаревич-Радобыльского, которые, отстаивая дальнейшее удушение Бухары Россией, считали все же преждевременным немедленное ее поглощение.

На совещании был также выдвинут вопрос о том, «возможна ли

---

[1] Центральный военно-исторический архив (Москва), ф. главного штаба, д. № 90, лл. 41—44.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Такими правами обладал, например, первый туркестанский генерал-губернатор фон Кауфман.

[5] Центральный военно-исторический архив, ф. главного штаба, д. № 90, лл. 41—44.

[6] Там же, лл. 45—54.

[7] Там же.

русская колонизация в Бухаре». Генерал Галкин дал на это положительный ответ, указав, что колонизационные земли имеются по Сурхану, в Курган-Тюбинском и Кулябском бекствах, которые при условии их орошения могут быть использованы для русской крестьянской колонизации. В журнале совещания указывается, что на этом обсуждение вопроса о колонизации Бухары было прекращено.

«Генерал-лейтенант Самсонов отложил, однако, обсуждение этого пункта, ввиду того, что вообще колонизация наша в Бухаре не представляется удобной, пока ханство считается отдельным от России владением. Временно лучше и не обнаруживать, какие участки могли бы быть заселены впоследствии, при более удобных политических условиях»[1].

По всем остальным вопросам повестки дня решения августовского совещания носили еще более агрессивный характер, чем решения февральского совещания. Это особенно ярко выявилось при обсуждении и принятии решения по вопросу о бухарской армии.

Самсонов, задававший тон всему совещанию, настаивал на скорейшей ликвидации бухарской армии и передаче средств, тратившихся на нее эмиром, в царскую казну для содержания дополнительных русских частей на территории Бухарского ханства.

Самсонов указывал:

«Пока мы не рискнем еще вводить воинскую повинность для наших мусульман (т. е. для мусульман, населяющих Туркестанский край.— *А. Р.*), тем опаснее обучать население не совсем еще подчиненного нам Бухарского ханства. Если бы мы когда-нибудь присоединили ханство, то прежде всего пришлось бы начинать с разрушения созданного нами бухарского войска, т. к. преемства войска мы не можем допустить... За истекший период занятия нами Туркестана, боевые качества населения безусловно упали, и не в наших интересах вновь пробуждать старые инстинкты, обучая бухарцев ношению оружия»[2].

Исполнявший обязанности дипломатического чиновника Минорский высказался за организацию бухарской армии по образцу казачьей персидской бригады, во главе которой стояли бы русские офицеры. Он предлагал разместить такую армию небольшими гарнизонами по всему ханству, что, по его мнению, дало бы русским властям возможность держать ханство «всецело в наших руках и близко следить за всем происходящим»[3].

Самсонов отклонил предложение Минорского, заявив, что слишком опасно возлагать охрану тыла русских войск на случай военных действий против Афганистана на бухарскую армию.

«Ввиду сказанного,— говорится в журнале совещания,— председатель совещания, к которому присоединились присутствовавшие, полагал, что было (бы.—*А. Р.)* всего лучше, если бы армия бухарская (была.— *А. Р.)* распущена, а тратящиеся на нее средства переданы нам на содержание добавочных военных сил, умеющих вполне обеспечить Бухару от внешнего врага, и на производство общеполезных работ»[4].

Решение совещания о желательности уничтожения бухарской армии, насчитывавшей в своих рядах около 10 тыс. сарбазов, должно было привести к полному и окончательному разоружению Бухары.

Протоколы совещания Самсонов направил при докладной записке начальнику главного штаба Н. Г. Кондратьеву и министру иностранных дел. В этой записке Самсонов вновь подчеркивал необходимость скорейшего присоединения Бухарского ханства к России. «Общее и коренное разрешение бухарского и хивинского вопросов,— писал он,— сводится

---

[1] Центральный военно-исторический архив, ф. главного штаба, д. № 90, лл. 45—54.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

к окончательному и полному включению нами территории ханств в состав русского Туркестана»[1].

Министерство иностранных дел выступило с рядом возражений против решений ташкентского августовского совещания по бухарскому вопросу. Прежде всего оно не соглашалось на немедленное поглощение Бухарского ханства Россией, приводя против этого свои традиционные возражения внешне- и внутреннеполитического характера. Министерство предпочитало осуществлять ограбление бухарского народа при сохранении номинальной самостоятельности этого ханства, по крайней мере, на ближайший отрезок времени.

28 января 1910 г. бухарский вопрос был поставлен на обсуждение Совета министров.

Заседание Совета министров, происходившее под председательством П. А. Столыпина, было открыто докладом Самсонова, который заявил, что сколько-нибудь серьезные улучшения в управлении и экономическом положении «страны бесправия» могут наступить «лишь при условии присоединения Бухары к России»[2].

После Самсонова выступил Столыпин. Он указал, что не следует форсировать присоединение Бухары к России, во-первых, потому, что в данный момент «все силы империи напряжены на дело внутреннего усовершенствования» (т. е. на укрепление третьеиюньской монархии, на разгром рабочего и крестьянского движения), во-вторых, ввиду того, что присоединение Бухары к России на первых порах вызовет «новые, весьма крупные расходы для казны и при том расходы, едва ли оправдывающиеся необходимостью»[3], и, наконец, в-третьих, потому, что присоединение Бухарского ханства может встретить отрицательное отношение к этому акту со стороны русского и мусульманского общественного мнения. «Неизвестно, — говорил Столыпин, — как отнесется русское и мусульманское общественное мнение к такому шагу правительства»[4]. В заключение Столыпин заявил, что Бухарское ханство рано или поздно будет присоединено к России, но что момент для этого еще не наступил.

«Совещание признало желательным, — говорилось в протоколе, — применить в отношении Бухары указанный в записке министерства иностранных дел способ осуществления реформ в стране путем воздействия на его высочество»[5].

Это решение не удовлетворило крайних аннексионистов царской России, и они вновь возбудили вопрос о необходимости присоединения Бухары к России. Рупором этих агрессивных кругов и на этот раз был прежде всего Логофет. В 1911 г. он выпустил новую книгу — «Бухарское ханство под русским протекторатом». Через всю эту книгу красной нитью проходила мысль, что уже полностью созрели условия для окончательного присоединения Бухары к России. «Управление ханством, — писал Логофет, — установленное русским правительством, в самом непродолжительном времени создаст возможность для перехода к окончательному присоединению Бухарского ханства к России, с применением к нему в полном объеме положений, существующих ныне для всех остальных русских областей Туркестанского края...»[6].

Чтобы заставить царское правительство изменить свою точку зрения в бухарском вопросе, Логофет указывал, что присоединение ханства к России уже в первые годы даст России значительный доход, что

---

[1] Центральный военно-исторический архив, ф. главного штаба, д. № 90, лл. 45—54.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Логофет Д. «Бухарское ханство под русским протекторатом». Т. II, стр. 334. СПБ. 1911.

оно поможет освобождению русского рынка от американского хлопка, что, наоборот, политика сохранения «полной самостоятельности, без какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела... привела, как в настоящее время наглядно видно, к самым печальным результатам...»[1]. Желая показать, что защищаемая им точка зрения выражает взгляды значительных кругов помещичье-буржуазной России, в то время как линия министерства иностранных дел является узко ведомственной политикой, Логофет писал: «Вся пресса с редкой солидарностью высказывается за необходимость аннексии Бухарского ханства с поставлением его в полную прямую зависимость от туркестанского генерал-губернатора»[2].

Царское правительство в дальнейшем уже не возвращалось к бухарскому вопросу. Решениями январского совещания 1910 г. о Бухаре, происходившего под председательством Столыпина, чиновники царского правительства руководствовались вплоть до февральской революции.

В 1914 г. бухарский вопрос в связи с утверждением новых штатов российского политического агентства в Бухаре сделался предметом обсуждения Государственной думы.

10 июня он довольно подробно дебатировался на заседании бюджетной комиссии Государственной думы. Однако члены этой комиссии, по словам ее председателя Ржевского, «не могли остановиться на какой-либо определенной формуле при тех разъяснениях, которые были даны представителем ведомства»[3], т. е. министерства иностранных дел. Заявление Ржевского дает основание предполагать, что на заседании бюджетной комиссии 10 июня происходила довольно острая борьба между сторонниками немедленного присоединения Бухарского ханства к России и сторонниками линии министерства иностранных дел. Как видно, в комиссии голоса раскололись, и она не смогла принять какого-либо определенного решения.

14 июня бухарский вопрос обсуждался на пленарном заседании Государственной думы, на котором докладчиком от комиссии по направлению законодательных предположений выступил Антонов, а в прениях приняли участие депутаты Караулов, Милюков и Ржевский.

От имени комиссии Антонов внес следующие предложения:

1. Существующий в Бухарском ханстве социально-экономический строй вредно отражается на интересах русских подданных, экономически связанных с Бухарой.

2. В Бухарском ханстве необходимо произвести ряд реформ, которые усилили бы позиции царизма и русского капитала в этой стране.

3. Необходимо установление повседневного контроля со стороны России за внутренним управлением ханства.

Вот текст этого предложения:

«Принимая во внимание крайнюю неудовлетворительность строя внутреннего управления в Бухарском ханстве, задерживающего культурный и экономический рост страны и весьма стеснительно отзывающегося на русских подданных, связанных с Бухарою торговыми и иными интересами, и признавая необходимым, чтобы министерство иностранных дел озаботилось принятием решительных мер к побуждению бухарского правительства произвести в самом непродолжительном времени необходимые реформы в управлении ханства с целью согласовать порядки этого управления с современными потребностями жизни, с установлением при этом действительного надзора русской власти за гражданским управлением в ханстве, — Государственная дума переходит к очередным делам»[4].

[1] Логофет Д. «Бухарское ханство под русским протекторатом». Т. II, стр. 339.
[2] Там же, стр. 348.
[3] Архив внутренней политики, культуры и быта, ф. Государственной думы. 4-й созыв. 1914 г., арх. № 3421, л. 126.
[4] Там же, л. 42.

Караулов в своем выступлении указал на наличие, по его мнению, ненормальных взаимоотношений между Российской империей и Бухарским ханством и подчеркнул тяжелое положение, в котором находятся в ханстве «имущество и благосостояние русских подданных, жителей основной части империи»[1]. Он предложил следующую формулу перехода к очередным делам:

«Признавая необходимым: 1) установление большей определенности во взаимных отношениях Бухары и империи и 2) реорганизацию судебных и административных учреждений в Бухаре,— Государственная дума выражает пожелание, чтобы правительство озаботилось внесением в законодательные учреждения соответствующих законопроектов, и переходит к очередным делам»[2].

Милюков в своей речи рекомендовал депутатам воздержаться от принятия резолюции по бухарскому вопросу на данном заседании Государственной думы. «Я предлагаю, — говорил он, — ввиду сложности и невыясненности вопроса и быстроты, с которой проходит законопроект, этой формулы на этот раз не принимать»[3]. Лидер кадетской партии, сторонник активной агрессивной политики, не хотел связывать руки царской России принятием решения о необходимости реформ в Бухаре. Он добивался того, чтобы думское решение не исключало возможности полного присоединения Бухарского ханства к России. Его поддержал председатель бюджетной комиссии Ржевский.

Предложение Милюкова было принято Государственной думой, которая постановила: «Предложенные Комиссией по направлению законодательных предположений и Карауловым формулы перехода к очередным делам отклонить»[4].

Прения в бюджетной комиссии и на заседании Государственной думы показали, что помещичье-буржуазная Россия была единодушна в стремлении к дальнейшему удушению бухарского народа. Расхождения в ее рядах касались лишь методов осуществления этого удушения. Окончательное решение по бухарскому вопросу Государственная дума должна была принять осенью 1914 г., в связи с обсуждением общего доклада о внешней политике царского правительства на Востоке.

Начавшаяся вскоре первая империалистическая война отодвинула бухарский вопрос на задний план.

УСИЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА В БУХАРЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Война еще в большей мере усилила закабаление бухарского народа русскими помещиками и капиталистами и тяжело отразилась на экономическом положении Бухары.

15 октября 1914 г. и 1 января 1915 г., согласно «высочайше утвержденным» постановлениям Совета министров, был установлен особый временный налог в размере 2 рублей 50 копеек с пуда очищенного хлопка, отправлявшегося со всех станций Средне-Азиатской дороги, в том числе и находившихся на территории Бухарского ханства.

Когда в 1915 г. было открыто временное товарное движение на участке Эмир-Абад — Карши Бухарской железной дороги, министерство финансов России поставило вопрос о необходимости введения налога также на хлопок, перевозимый по Бухарской железной дороге, мотивируя это, с одной стороны, интересами российской казны, с другой — недопустимостью ставить Бухарскую железную дорогу в особо привилегированное положение.

---

[1] Архив внутренней политики, культуры и быта. ф. Государственной думы. 4-й созыв. 1914 г., арх. № 3421, лл. 123—124.

[2] Там же.

[3] Там же, л. 125.

[4] Там же, л. 42.

«К подобному освобождению от налогов бухарского хлопка, — писало министерство финансов, — не имеется никаких оснований, между тем, при освобождении его от налога, с одной стороны, государственное казначейство по приблизительным подсчетам лишилось бы дохода в размере около 5 миллионов рублей, с другой стороны, хлопчатобумажные фабрики, потребляющие бухарский хлопок [1], оказались бы в более выгодном положении, по сравнению с получающими хлопок из других районов, что могло бы вызвать справедливые нарекания» [2].

Предложение министерства финансов получило одобрение царского правительства, было санкционировано решениями Государственной думы и Государственного совета и приобрело силу закона [3].

В годы мировой войны в Бухарском ханстве усилился и эмирский налоговый гнет, так как Сеид-Мир-Алим-хан, как вассал российского императора, должен был принять участие в финансировании войны. Установить более или менее точно размеры этого участия автору не удалось. Во всяком случае, за годы войны эмир внес в царскую казну не малую лепту, исчисляемую несколькими миллионами рублей.

30 декабря 1915 г. вышел «высочайший рескрипт на имя его высочества Сеид-Алима эмира бухарского». «С началом настоящей войны, — писал Николай II в своем рескрипте,— ваше высочество высказали в этом отношении особое старание и проявили большое участие к нуждам войны, делая крупные пожертвования и оказывая доброжелательное содействие по разным мероприятиям русского правительства в ханстве, связанным с войной» [4]. В знак особого внимания к заслугам эмира Николай II пожаловал ему чин генерал-лейтенанта и назначил его своим генерал-адъютантом [5].

В сентябре 1916 г. эмир Сеид-Мир-Алим-хан сделал очередной взнос на нужды войны в размере миллиона рублей, приехав специально для этого в Ставку, где тогда находился Николай II. Черносотенная суворинская газета «Новое время» поспешила об этом акте преданности эмира России оповестить весь мир. «Его высочеством эмиром бухарским, — писала газета, — в царской Ставке предоставлен в распоряжение государя императора один миллион рублей на нужды войны» [6]. Николай II счел нужным отметить монаршей милостью участие эмира Сеид-Мир-Алим-хана в расходах царского правительства на империалистическую войну, наградив его орденом Александра Невского.

В феврале 1917 г. царское правительство сделало еще шаг по пути закабаления бухарского народа.

В пределах Бухарского ханства по указанию из Петербурга были введены твердые цены на хлопок и овчину. Цены эти, даже по признанию полукадетского «Туркестанского курьера», были чрезвычайно низки [7].

За годы империалистической войны Бухарское ханство было почти полностью приравнено к обычной губернии или области России. Там почти свободно распоряжались царские власти и действовал ряд царских законов.

На протяжении полувека народные массы Бухарского ханства неоднократно поднимались против колониального гнета русских помещиков и буржуазии.

---

[1] Правильнее было бы сказать: «бухарский хлопок, поступающий с Бухарской железной дороги», так как бухарский хлопок поступал в Россию и со Средне-Азиатской ж. д., где он, как уже было сказано выше, облагался налогом.

[2] Архив внутренней политики, культуры и быта, ф. Государственной думы, арх. № 1244 за 1915 г., л. 4.

[3] Там же, арх. № 4069, лл. 2—7.

[4] «Туркестанские ведомости» № 5 от 8 января 1916 года.

[5] «Туркестанские ведомости» № 3 от 5 января 1916 года.

[6] «Новое время» № 14546 от 3 (16) сентября 1916 года.

[7] «Туркестанский курьер» № 45 от 25 февраля 1917 года.

Свержение самодержавия в России не уничтожило колониального гнета в Бухаре. При Временном правительстве «старая грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета»[1].

Полное поглощение Бухарского ханства буржуазно-помещичьей Россией, следовательно, являлось лишь вопросом времени.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России сорвала аннексионистско-колонизаторские планы российских буржуазно-помещичьих кругов. Благодаря победе, одержанной в октябре 1917 г. рабочими и деревенской беднотой России над буржуазией и помещиками, Бухара вновь стала независимым государством.

Сентябрьская буржуазно-демократическая революция 1920 г. в Бухаре, происшедшая при содействии российского пролетариата и под руководством РКП(б) и Коминтерна, ликвидировала феодально-деспотический строй, и на развалинах его была создана Бухарская Народная Советская Республика.

В результате помощи, оказанной российским пролетариатом бухарскому народу, Бухарская республика стала на путь социалистического развития.

После превращения Бухарской Народной Советской Республики в социалистическую республику (1924 г.), национального размежевания среднеазиатских советских социалистических республик (1924 г.) и вхождения их в качестве союзных республик в Советский Союз (1925 г.) бухарские народные массы в тесном содружестве со всеми трудящимися СССР стали активно участвовать в строительстве бесклассового социалистического общества в СССР.

---

[1] И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 52. 1934.

СЕНТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1917 г. В ТАШКЕНТЕ *

Р. Голубева

Временное правительство, пришедшее к власти 2 марта 1917 г. в результате февральской буржуазно-демократической революции, в отношении Туркестана продолжало проводить политику царизма.

В апреле 1917 г. Временное правительство направило в Туркестан так называемый Туркестанский комитет Временного правительства. Комитет, обладавший правами дореволюционного генерал-губернаторства, действовал от имени Временного правительства в трех коренных областях Туркестанского края: Самаркандской, Сыр-Дарьинской, Ферганской,— а кроме того в Закаспийской и Семиреченской областях и в пределах Хивы и Бухары [1].

В сентябре 1917 г. руководящая роль в Туркестанском комитете принадлежала председателю Наливкину [2] и члену комитета Шендрикову [3], в областях и уездах были представители комитета — комиссары — из старых уездных начальников и приставов, алаш-ордынцев (буржуазных националистов), эсеров и меньшевиков.

Туркестанский комитет не разрешил ни одного из коренных вопросов революции: ни национального, ни аграрного, ни рабочего. Трудящиеся массы находились попрежнему под двойным гнетом — «своей» и русской буржуазии; этот гнет революционизировал массы и толкал их на борьбу с Временным правительством, меньшевиками, эсерами и буржуазными националистами. «Двойной пресс угнетения не может не революционизировать трудовые массы угнетенных национальностей, не может не толкать их на борьбу с основной силой угнетения — на борьбу с капиталом. Это обстоятельство послужило той базой, на основе которой пролетариату удалось осуществить соединение «пролетарской революции» не только с «крестьянской войной», но и с «войной национальной» [4].

Особенно усилилось революционное движение в Туркестане в связи с ликвидацией корниловщины.

В сентябре в Самарканде забастовали рабочие картонажного отделения товарищества Газарова. В Ташкенте бастовали машинисты Туркестанской железной дороги. В первых числах сентября рабочие хлопковых, маслобойных и мыловаренных заводов — основной промышленности Туркестана — предъявили ряд требований капиталистам. В ответ некоторые фабриканты объявили локаут.

---

* Глава из диссертации «Великая Октябрьская революция в Узбекистане», защищавшейся автором на степень кандидата исторических наук. Даты в тексте статьи по старому стилю.

[1] «Вестник Временного правительства» № 26 за 1917 год.

[2] В. П. Наливкин — депутат 2-й Государственной думы от Ташкента, примыкавший к меньшевикам, бывший вице-губернатор Ферганской области.

[3] Шендриков — доверенное лицо Керенского, член с.-д. группы «Единство», участвовал в расстреле ленских рабочих в 1912 году. Впоследствии Шендриков служил у Колчака.

[4] И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 141—142, 1936.

В кишлаках аграрное движение прежде всего проявилось в борьбе за землю и воду. Чиновники Временного правительства доносили о случаях отказа от уплаты налогов, о стремлении захватить казенные земли. Дехкане не пускали воду на казенные земли, выступали против засилья в кишлачных комитетах баев, духовенства и чиновников.

Усилилось движение и в армии. Солдаты 1 и 2-го запасных сибирских стрелковых полков и крепостная рота, находившиеся в Ташкенте, отказались выполнить приказ о пополнении маршевых рот, отправляемых на фронт. В Самарканде в сентябре на митингах в запасных частях солдат призывали бороться с Временным правительством за установление власти рабочих и дехкан, за прекращение империалистической войны. В целом ряде воинских организаций в Новой Бухаре, Коканде, Перовске и в других городах по докладам большевиков были приняты резолюции о передаче власти в руки советов.

В Ташкенте во время так называемых сентябрьских событий произошло стихийное выступление масс против Временного правительства под лозунгом передачи власти советам.

Сентябрь 1917 г. вообще можно характеризовать как переломный момент во всей истории революции 1917 г. в России. «Конец сентября,— писал Ленин,— принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции»[1]. В сентябре, после разгрома Корнилова, началась полоса оживления и обновления советов, полоса «большевизации Советов»[2].

Центром борьбы в Туркестане был Ташкент, где большевики развернули большую революционную работу.

11 сентября большевики Ташкента на совещании краевых демократических организаций внесли предложение объявить совещание революционным комитетом, к которому должна перейти вся полнота власти. Предложение большевиков было отклонено 11 голосами против 6. За предложение большевиков голосовали представители железнодорожников и почтово-телеграфного союза и член ВЦИК СР и СД рабочий-большевик А. Першин[3].

Большевики ввиде протеста покинули собрание. Они ушли на заседание исполкома Ташкентского совета, на котором присутствовало много рабочих, как русских, так и из коренного населения, а также солдат. Большевики на заседании исполкома внесли только что провалившуюся на совещании краевых демократических организаций резолюцию об организации ревкома. Правые эсеры прапорщик Б. Першин — председатель Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов — и прапорщик Терлецкий — товарищ председателя совета — подали письменное заявление о сложении полномочий и вместе с остальными правыми эсерами, присутствовавшими на собрании, покинули последнее. После их ухода исполком Ташкентского совета принял резолюцию большевиков о передаче власти советам, создании ревкома и об устройстве общегородской демонстрации.

Сбежавшие с собрания эсеры Б. Першин (не смешивать с рабочим-большевиком А. Першиным) и Терлецкий отправились к командующему войсками генералу Черкесу и сообщили ему о принятой исполкомом резолюции.

Туркестанский комитет Временного правительства в страхе перед возможностью революционного выступления масс запретил митинги 12, 13, 14 и 15 сентября[4]. Но несмотря на это массы рабочих и солдат

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 235.
[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 194. 1938.
[3] «Свободный Самарканд» № 73 от 17 сентября 1917 года. Центральное архивное управление Узбекской ССР, ф. Совнаркома, 1917 г., арх. 12, л. 111.
[4] «Наша газета» № 115 от 12 сентября 1917 года.

12 сентября вышли на улицу и в бывшем Александровском парке состоялся многотысячный митинг. На митинг прямо с работы явились железнодорожники и рабочие ряда других предприятий, пришли на митинг солдаты 1 и 2-го запасных сибирских полков, много узбеков из старого города[1] Ташкента. «Поразительную, потрясающую по своей силе и мощности картину представлял этот митинг в Александровском парке. Собралось не меньше десяти тысяч[2] человек. Стоя на трибуне и глядя на собравшихся, мы чувствовали, что именно на нас, на большевиках, лежит теперь ответственность за дальнейший ход революции, что рабочие доверяют нам и требуют от нас решительных действий, что вся эта огромная масса готова к борьбе за рабочую власть, нужно только эту массу организовать и сплотить»[3].

Лозунги большевиков «Вся власть Советам!», «Долой империалистическую войну!», «Фабрики и заводы рабочим!», «Земля крестьянам!» были близки собравшимся. Выступавших большевиков Шумилова, А. Першина и других встретили с восторгом. Рядовые рабочие и солдаты произносили пламенные речи. Об этих выступлениях участник митинга пишет следующее: «Солдат, недавно прибывший с фронта, говорил с трибуны вещи, которые глубоко запали в душу; я не знаю, кто такие большевики, я еще не знаю всего того, что они хотят сделать, но они за власть советов, за передачу земли беднякам-крестьянам... Большевики против золотопогонников, против продолжения кровавой войны, не пусть поднимает руку тот, кто желает продолжать эту бойню»[4].

В тех же воспоминаниях читаем о выступлении другого солдата: «Если большевики против войны, если они против помещика и деревенского богатея и за передачу земли нам, беднякам-крестьянам, то я тоже за большевиков»[5].

На митинге выступали и правые эсеры и анархисты, но их встречали враждебно, некоторых даже стаскивали с трибуны.

На митинге был поднят вопрос о власти. На голосование были поставлены три резолюции: большевиков, «левых» эсеров и анархистов. С огромным подъемом была принята резолюция большевиков:

«Обсудив вопрос о создавшемся в Ташкенте остром продовольственном кризисе и рассматривая его в общероссийском размере, вся ташкентская революционная демократия в лице 1 и 2-го сибирских полков, мелких команд, рабочих Ташкентской и Среднеазиатской железных дорог и представителей революционной демократии города Ташкента, собравшись 12 сентября на митинге в Александровском парке, считает необходимым заявить, что из создавшегося положения они видят выход: 1) в немедленной реквизиции находящихся у капиталистов предметов и продуктов первой необходимости, что может выполнить только местная власть, опирающаяся исключительно на советы PC и КД; 2) в осуществлении полного контроля над производством и распределением продуктов; 3) в национализации банков и предприятий, имеющих государственное значение; 4) в правильном обмене продуктов между деревней и городом с тем, чтобы крестьяне могли получить мануфактуру, городские продукты и сельхозорудия, а городское население — хлеб; 5) в немедленном переходе всех земель без выкупа в руки трудового крестьянства; 6) в издании закона, запрещающего закрытие фабрик и заводов без разрешения совета рабочих депутатов, профессиональных и фабрично-заводских комитетов; 7) в немедленном издании закона о страховании безработных за счет предпринимателей; 8) все из-

---

[1] Ташкент, как и многие другие города Туркестана, делился на старый и новый город.

[2] В «Рабочем пути» напечатано: «...не менее 7 тысяч».

[3] Шмаков «Первые годы борьбы», стр. 9.

[4] Из воспоминаний, хранящихся в фонде «Истории гражданской войны» (ИГВ). Т. XII, папка 21, д. 11, л. 54.

[5] Там же.

ложенное может быть осуществлено при условии немедленной передачи всей полноты власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; 9) немедленное образование революционного комитета в Ташкенте из представителей всех органов революционной демократии, который с завтрашнего же дня взял бы всю полноту власти, провел бы немедленный учет всех необходимых продуктов и взял бы на себя их распределение.

Касаясь организации власти на местах, собрание считает необходимым немедленное принятие всей полноты власти советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[1].

Митинг решил впредь до созыва краевого съезда советов организовать временный революционный комитет, в самом же Ташкенте всю власть передать Ташкентскому совету. Во временный революционный комитет было избрано тут же, на митинге, 14 человек: 5 большевиков, 2 меньшевика, 5 эсеров и 2 анархиста.

Революционному комитету было поручено вручить резолюцию митинга Ташкентскому совету рабочих и солдатских депутатов для немедленной отправки ее в Петроград во ВЦИК СР и КД, Всероссийскому демократическому совещанию и Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов.

12 сентября, в 4½ часа дня, ревком, избрав президиум, приступил к работе.

Во временном ревкоме большинство было эсеро-меньшевистским, большевики там были в меньшинстве.

Отвечая эсеровскому органу «Дело народа» по вопросу о едином революционном фронте, товарищ Сталин, приводя пример Ташкента, писал:

«Вы хотите единого революционного фронта? Поддержите Советы, порвите с правительством Керенского и единство придет само собой. Единство фронта складывается не в результате прений, а в ходе борьбы...

В Ташкенте Совет, состоящий в своем большинстве из эсеров, взял власть в свои руки, сместив старых чиновников. А правительство Керенского посылает туда карательную экспедицию, требуя восстановления старой власти, «наказания» Совета и пр...

Нам говорят об единстве революционного фронта. Но единство с кем?

С партией эсеров, у которой нет мнения, ибо она молчит?

С группой Керенского, которая собирается громить Советы?

Или с группой ташкентских эсеров, которые творят новую власть во имя революции и ее завоеваний?

Мы готовы поддержать Ташкентский Совет, мы будем бороться в одних рядах с революционными эсерами, с ними у нас будет единый фронт...

Вы хотите единства фронта с большевиками? Порвите с правительством Керенского, поддержите Советы в их борьбе за власть — и единство будет»[2].

В Ташкенте «левые» эсеры выступили против Временного правительства, отражая там, как и в других местах, настроения крестьян, их «недовольство политикой соглашательства с буржуазией»[3]. Туркестанские большевики, выступая единым фронтом с «левыми» эсерами, поступали правильно, но они не учли всех указаний, которые товарищ Сталин давал в своих статьях, и не разобрались до конца в том, что же

[1] ЦАУ УзССР, ф. Ташкентского (Новогородского) исполкома, 1917 г., арх. 1, л. 110; ф. СНК, 1917 г., арх. 12, л. 110; «Наша газета» № 117 от 14 сентября 1917 года.

[2] И. Сталин «На путях к Октябрю». Статьи и речи. Март — октябрь 1917 г. стр. 171—172. 1925.

[3] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 194.

представляли собой «левые» эсеры. Товарищ Сталин оправдывал тактику единого фронта, но требовал, чтобы большевики поддерживали только тех эсеров, которые порывали с Керенским и боролись за установление власти советов. Большевикам Туркестана следовало бы быть вожаками единого фронта, чего на деле не получилось. Большевики Туркестана должны были бы разоблачать колебания «левых» эсеров, их половинчатость, но на самом деле они этого не выполняли.

Избрание ревкома вселило большое беспокойство среди представителей и сторонников Временного правительства в Ташкенте. Командующему Туркестанским военным округом генералу Черкесу не удалось разогнать митинг 12 сентября: военные части, получившие от него соответствующий приказ, отказались его выполнить. Тогда 12 сентября, в 5 часов вечера, было устроено экстренное совещание Туркестанского комитета Временного правительства с представителями краевого совета рабочих и солдатских депутатов[1] и командующим генералом Черкесом. На этом совещании член краевого совета правый эсер Гросман предложил действовать решительно и твердо и изолировать вожаков. К нему присоединился генерал Черкес, предложивший немедленно арестовать членов ревкома. Совещание быстро согласилось с этим предложением и в качестве «подходящих» для этого дела людей наметило Черкеса и правых эсеров Гросмана и Терлецкого. 12 сентября, вечером, в «Доме свободы»[2] в разных комнатах заседали революционный комитет и Ташкентский совет рабочих и солдатских депутатов. Ревком занимался вопросом о получении реальной помощи от воинских частей: он разослал в воинские части телефонограммы с приказом подчиняться его распоряжениям и быть наготове.

Заседание Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов ввиду большого количества присутствующих было перенесено на террасу. На заседание совета пришли воинские части со знаменами, рабочие железнодорожных мастерских и депо станции Ташкент, рабочие типографий и других предприятий. В саду перед террасой собралось около десяти тысяч[3] человек, многие вследствие недостатка места влезли на деревья и крышу «Дома свободы». Предстояло избрать новый исполком. Правые эсеры демонстративно ушли с собрания. Был избран новый исполком во главе с председателем «левым» эсером Черневским. Исполком состоял из семи большевиков — Шумилова, Першина А. и других,— десяти меньшевиков и шестнадцати «левых» эсеров. Правые эсеры не были избраны в исполком, но зато «левые» эсеры опять оказались в нем в подавляющем большинстве[4].

В тот же день, в 10½ часов вечера, Черкес, собрав юнкеров, роту прапорщиков и казачью конвойную команду, вооружив их пулеметами и бомбами, оцепил «Дом свободы» и арестовал ревком. В момент ареста некоторые из членов ревкома бросились к телефону, но провода оказались перерезанными, тогда они подбежали к окнам и увидели на улице против дома вооруженных юнкеров с пулеметами, дула которых были направлены на окна.

Арестованных членов ревкома Черкес отправил в тюрьму. Известие об аресте ревкома вызвало взрыв негодования у собравшихся в саду «Дома свободы» рабочих и солдат; возмущенные, они потребовали Черкеса для объяснений.

---

[1] Во главе краевого совета стояли меньшевики и эсеры.

[2] «Домом свободы» называлось здание, в котором помещался Ташкентский совет рабочих и солдатских депутатов.

[3] «Рабочий путь» № 13 от 30 (17) сентября 1917 года.

[4] 10 сентября 1917 г. в партии эсеров, как известно, произошел раскол на «левых» и правых.

Черкес и Шендриков явились в «Дом свободы». Вместе с ними пришел прокурор окружного суда Барановский.

Несмотря на требования рабочих и солдат Черкес отказался освободить арестованных, ссылаясь на «величайшую опасность, грозящую Ташкенту от самочинных действий арестованных»[1]. Пытался выступить и Шендриков, но ему не дали говорить. Возмущение собравшихся было так велико, что в Черкеса после его отказа освободить членов ревкома полетели камни и табуретки. Черкес, раненый, обнажив шашку, убежал.

Солдаты 1 и 2-го запасных сибирских полков, узнав об аресте членов ревкома от товарищей, которым удалось бежать из «Дома свободы», сбили замки у оружейного склада и разобрали винтовки.

Под угрозой разгрома тюрьмы Шендриков и прокурор Барановский дали согласие на освобождение членов ревкома. Ордер на освобождение подписали Гросман и Беликов. В 2 часа ночи члены ревкома были привезены из тюрьмы в «Дом свободы».

Освобожденный ревком вместе с только что избранным исполкомом на ночном заседании постановили арестовать правых эсеров Б. Першина и Терлецкого, генерала Черкеса, командира роты прапорщиков капитана Фролова (корниловца), начальника школы прапорщиков Савицкого; занять почту и телеграф; поставить караул у штаба округа; разоружить школу прапорщиков. Командующим войсками решено было вместо Черкеса назначить поручика Перфильева, комендантом города вместо полковника Атаева — поручика Гриневича, начальником штаба вместо Маккавеева — полковника Белецкого. О происшедших событиях было решено известить все советы Туркестана.

Центральный орган большевиков «Рабочий путь» при оценке событий 12 сентября в Ташкенте решительно высказывался за ревком и новый исполком Ташкентского совета. В статье «Высекли себя» газета писала: «Рабочие и солдаты Ташкента, подчиняясь революционизирующей логике событий, выразили недоверие старому составу исполнительного комитета, и, избрав новый революционный комитет, сместили корниловскую власть, поставили новых, взяли в руки власть и пр. Этого было достаточно для перехват-залихватов Временного правительства, чтобы объявить войну «анархистскому» совету Ташкента... А эсеровские Гамлеты из «Дела народа», бегая петушком вокруг Керенского, глубокомысленно объявили Ташкентский совет «контрреволюционным», потребовали отзыва эсеров из совета...»[2].

★

Ташкентский революционный комитет и исполком вскоре получили первую моральную поддержку с мест — приветственную телеграмму объединенного собрания граждан и солдат Чимкента. Затем поступили телеграммы от совета рабочих и солдатских депутатов и общественных организаций города Оша, Ферганской области, и других районов с выражением солидарности и поддержки.

Председательница союза солдаток Ташкента от имени союза приветствовала ревком и исполком. «Я состою председательницей того союза, который насчитывает более 4000 обездоленных, бедных, недовольных,— писала она.— Я следила за настроением наших членов и знаю, что нам угрожает. Люди озлоблены и изголодались. В Александровском парке их было немало... Призываю вас слушаться своих избранников и поддерживать их. А этим белоручкам, барчукам, самим юнкерам школы прапорщиков надо дать урок, чтобы впредь неповадно было»[3].

Краевой совет созвал 13 сентября объединенное собрание с представителями краевых крестьянского и киргизского советов, на котором

---

[1] «Свободный Самарканд» № 86 от 4 октября 1917 года.

[2] «Рабочий путь» № 27 от 17(4) октября 1917 года.

[3] ИГВ. Т. XII, папка 24, д. 1, стр. 50.

под давлением краевого совета было принято решение не признавать ревкома и исполкома, о чем было опубликовано обращение к населению. В ответ на это исполнительный комитет Ташкентского совета отстранил от работы руководителей краевого совета.

В полной растерянности руководители краевого совета рабочих и солдатских депутатов 14 сентября бежали в Скобелев (ныне Фергана), где было много офицеров и чиновников, на поддержку которых они рассчитывали. В Скобелеве находились член ЦК эсеров правый эсер В. Чайкин, буржуазные националисты Чаньшев и Чокаев и бежавшие туда ташкентские правые эсеры Б. Першин и Терлецкий.

В Скобелеве руководители краевого совета установили связь с представителями буржуазии, эсерами и буржуазными националистами и развернули борьбу против Ташкентского совета и ревкома. Чайкин усиленно помогал им, распространяя контрреволюционные слухи о ташкентских событиях. Чайкин отправил телеграмму эсеро-меньшевистскому ВЦИК, в которой писал: «Сегодня ночью Ташкентским советом совершен военный переворот. Образован временный революционный комитет... ВЦИК, оценивая события, должен учесть чрезвычайно тяжелое продовольственное положение края, а также крайне слабую связанность советов с толщей туземного населения»[1]. Не ограничившись этим, Чайкин и лидер буржуазных националистов Чокаев в особых телеграммах Керенскому требовали присылки войск для расправы с ревкомом.

Член краевого совета рабочих и солдатских депутатов Фиттерман, присутствовавший в Петрограде на Демократическом совещании, когда узнал о телеграмме Чайкина, потребовал от соглашательского ВЦИК посылки в Ташкент карательной экспедиции. Правого эсера Фиттермана ВЦИК охотно выслушал, с большевиком же Фроловым, делегатом от Самарканда, ВЦИК не хотел разговаривать и мандата его не признал. Только Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов внимательно отнесся к Фролову, поставил его отчет на заседании совета и обещал оказать поддержку Ташкенту.

«Мой мандат в Петрограде не приняли,— писал Фролов в Ташкент.— Когда в Петрограде была получена телеграмма о ташкентских событиях, то всех туркестанцев пригласили на собрание. Фиттерман и другие настаивали на посылке карательного отряда»[2].

Ревком и исполнительный комитет Ташкентского совета действовали очень активно — фактически вся власть была в их руках. 13 сентября была разоружена школа прапорщиков, арестованы начальник военных сообщений полковник Михайлов, начальник школы прапорщиков полковник Савицкий, командир роты прапорщиков капитан Фролов, комендант города полковник Атаев (председатель ташкентской организации «Дашнакцутюн»); на почту и телеграф был послан представитель ревкома; захвачены были типографии штаба округа и «Нашей газеты»; установлен караул по городу.

Однако ревком и исполком целиком использовать деморализацию врага не сумели благодаря наличию и в ревкоме и в исполкоме эсеровского большинства. А между тем события требовали решительных действий, каждым промахом ревкома пользовались враги — Туркестанский комитет Временного правительства и краевой совет.

Вместо того чтобы разгромить силы контрреволюции, арестовать членов Туркестанского комитета Временного правительства и других его сторонников, захватить почту и телеграф, ревком ограничился арестом только названных выше лиц, дал возможность руководству краевого совета улизнуть в Скобелев, а почту и телеграф оставил фактически

---

[1] «Война в песках», стр. 72. М. 1935.

[2] Протокол заседания Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов. ИГВ. Т. XII, папка 24, д. 1, стр. 15.

в руках Туркестанского комитета. Таким образом, ревком очень мало сделал для углубления революции и не воспользовался воодушевлением масс, готовых вступить в бой с Временным правительством.

В момент бегства из Ташкента в Скобелев руководители краевого совета солдатских и рабочих депутатов обратились с воззванием к населению, в котором писали, что краевой совет «отсюда будет продолжать свои обязанности и уверен, что за Ташкентом никто не пойдет. Все советы, комитеты профсоюзов и другие должны телеграфно протестовать против ташкентских захватчиков»[1].

Эсеро-меньшевистские заправилы краевого совета совместно с соглашательским Ферганским областным советом рабочих и солдатских депутатов по телеграфу предъявили такие требования ревкому и исполкому: «Распустить революционный комитет, вернуть к прежним обязанностям Черкеса и всех смещенных» и до «возвращения краевого совета в Ташкент прекратить издание «Нашей газеты»[2].

Туркестанский же комитет продолжал творить свое контрреволюционное дело. Объединившись с монархистами и их организациями, близкими к черносотенному Союзу Михаила архангела, Туркестанский комитет сеял в городе панику, а также посылал в Петроград ложные телеграммы, задерживая телеграммы ревкома и исполкома. Наливкин в телеграммах просил Керенского о немедленной присылке из Петрограда командующего войсками ввиду возможности в Ташкенте серьезных осложнений.

Наливкин рассылал телеграммы на места, в которых призывал не подчиняться ревкому. «Источником власти,— писал он,— попрежнему остается Временное правительство и поставленные им, перед ним ответственные его представители в лице Туркестанского комитета»[3].

Самаркандский областной комиссар Слинько в своих воззваниях к населению писал, что «избрана какая-то кучка людей, назвавшая себя Временным революционным комитетом»[4], и что с этой организацией нечего считаться. Представитель Туркестанского комитета в Семиречье Шкапский также рассылал на места телеграммы о том, чтобы не исполняли никаких распоряжений «большевиков-мятежников».

Ревком и исполком в течение 13, 14 и 15 сентября поддерживали в городе революционный порядок. В старый город Ташкента была направлена специальная делегация, чтобы приветствовать узбеков в связи с их праздником и рассеять распространяемые Туркестанским комитетом провокационные слухи о готовящемся якобы изъятии у них продуктов и повальных обысках.

Ревком регулировал распределение продуктов, создавал секции для ведения текущей организационной работы, подыскивал помещение для курсов инструкторов по технике выборов в Учредительное собрание и т. д. Но, оставив почту и телеграф в руках врага — Туркестанского комитета,— ревком лишил себя телеграфной связи с местами и оказался не в состоянии информировать их о событиях в Ташкенте.

Почтово-телеграфные чиновники, служащие Общества взаимного кредита, союз торгово-промышленных служащих и краевой почтово-телеграфный союз, среди которых было много правых эсеров и меньшевиков, попытались с самого начала, в дни наиболее напряженной работы ревкома, нанести ему серьезный удар: они приняли резолюцию, в которой требовали немедленного ареста и предания суду революционного комитета и его ставленников, немедленного командирования правительством генерального комиссара, снабженного всей полнотой власти, для установления «порядка» в крае.

---

[1] «Свободный Самарканд» № 76 от 21 сентября 1917 года.
[2] «Свободный Самарканд» № 74 от 19 сентября 1917 года.
[3] Там же.
[4] Там же.

Фракция правых эсеров гласных думы на заседании городской думы 15 сентября заявила, что «отказывается от санкции максималистских и большевистских тенденций своим участием в революционном и исполнительном комитетах и слагает с себя всякую ответственность за дальнейшее» [1].

Меньшевистско-эсеровские советы: Самаркандский, Ферганский, Наманганский, Казалинский, Кокандский, Пишпекский (Фрунзе), Верненский (Алма-Ата), Керкинский, Петро-Александровский — приняли резолюции, осуждающие выступление ташкентских рабочих и солдат.

Совет города Верного постановил запросить Керенского об отношении Временного правительства к событиям в Ташкенте. Ферганский областной совет 15 сентября предложил созвать краевой съезд советов в одном из городов края, но не в Ташкенте, для обсуждения происходящих в Ташкенте событий. Правый эсер Чайкин обратился ко всем советам края с призывом поддержать краевой совет в его борьбе с Ташкентскими исполкомом и ревкомом. Краевой совет рассылал во все стороны телеграммы и письма с просьбами о помощи в борьбе с ташкентскими большевиками и ревкомом.

На стороне же ревкома были массы; его главной опорой были рабочие железнодорожных мастерских и трамвая — основные кадры ташкентского пролетариата,— а также рабочие других предприятий и союзы трудящихся мусульман — «Иттифака», — большинство производственных союзов, мелкие воинские команды, 1 и 2-й запасные сибирские полки.

Ревком получил приветственные телеграммы от гарнизонов Самарканда, Андижана, Катта-Кургана, Кушки. Перовск одобрил действия ташкентских большевиков и советовал им стойко держаться. Кушкинский совет требовал немедленного переизбрания позорно бежавшего краевого совета. Джизакский гарнизон прислал приветствие Перфильеву, избранному командующим войсками округа. В Ашхабаде под председательством большевика Житникова (погибшего в июле 1918 г. в числе 9 ашхабадских комиссаров от рук эсеров, поднявших по указке английских империалистов контрреволюционное восстание в Закаспии совместно с меньшевиками и буржуазными националистами) образовался революционный комитет, который работал до 29 сентября, после чего был распущен.

★

Чем больше углублялась революция в Узбекистане, тем сильнее давали себя знать расхождения большевиков с меньшевиками и «левыми» эсерами — членами исполнительного комитета и ревкома — по вопросу о дальнейших действиях. Эсеры не соглашались с большевиками, что захват власти должен быть окончательным. У эсеров стали проявляться свойственные им трусость и колебания. Так, председатель совета «левый» эсер Черневский заявил, что он непричастен к сентябрьскому выступлению масс.

Такую же трусость и колебания проявили и меньшевики. Они хотя и поддерживали Временное правительство, но в то же время стояли и за борьбу с корниловцами через советы, как наиболее демократические организации. Несмотря на словесные заявления на деле их борьба с корниловцами была непоследовательной и нерешительной. Большевики и меньшевики в Ташкенте, как и в некоторых других местах, в 1917 г. входили в одну общую, объединенную организацию. Хотя большевики Туркестана по всем важнейшим вопросам выступали самостоятельно, тем не менее пребывание их вместе с меньшевиками в одной объединенной организации РСДРП противоречило решениям апрельской конференции РСДРП(б) и являлось политической ошибкой.

15 сентября в Ташкенте, на заседании объединенной социал-демократической организации, член ревкома, большевик, изложил отношение

[1] «Туркестанские ведомости» № 148 (210) от 13 октября 1917 года.

большевиков к Демократическому совещанию и к вопросу об организации власти. Он заявил: «Мы должны были исполнить волю народа и взять власть в свои руки. В настоящее время Россия покрывается революционными комитетами и бояться расхождения с Всероссийским центральным исполнительным комитетом СР и СД нечего, если разойдемся с Центральным исполнительным комитетом, то значит, что ВЦИК не отражает настроения всей России. Демократическое совещание для нас не авторитетно, если совещание выскажется за коалиционное правительство, то этому решению не подчинимся. Вся железнодорожная линия на стороне революционного комитета»[1].

В противоположность этому меньшевики внесли резолюцию, в которой предлагали всем членам объединенной социал-демократической организации, вошедшим в состав революционного и исполнительного комитетов, совместно со всеми демократическими организациями и Туркестанским комитетом Временного правительства создать временный орган власти до того момента, пока будет организована власть в центре и создана власть в крае. Меньшевики требовали упразднения ревкома, доказывая, что всю власть нужно сосредоточить в руках исполкома. Поведение меньшевиков показало большевикам, что ревком и исполком необходимо переизбрать, и большевики потребовали перевыборов.

Рабочими среднеазиатских железнодорожных мастерских и в запасных сибирских полках была принята резолюция о том, что власть можно взять только вооруженной борьбой, что теперешний ревком власти не возьмет, необходимо ревком переизбрать, очистить его от случайных элементов. Таких же взглядов придерживались железнодорожники, а также металлисты, строительные и кожевенные рабочие и печатники.

15 сентября по требованию большевиков президиум исполкома Ташкентского Совета и некоторые члены ревкома были переизбраны. Новый исполком состоял из 14 «левых» эсеров, 13 большевиков, 4 меньшевиков-интернационалистов и 3 беспартийных. Большевиков в новом составе исполкома было больше чем в прежнем. Новый исполком деятельно взялся за работу, но уже на следующий день обстановка в Ташкенте резко изменилась. В ночь на 16 сентября от Керенского была получена телеграмма, ободрившая притаившиеся, но готовые броситься в бой силы сторонников контрреволюционного Временного правительства. Керенский писал: «Преступная попытка Ташкентского совета расшатать на далекой окраине власть республиканского правительства является явно контрреволюционной и будет признана мятежом со всеми последствиями такого признания. Захватчики власти... которые в двадцать четыре часа не подчинятся представителям Временного правительства, понесут наказание по всей строгости закона»[2]. Далее Керенский предлагал немедленно освободить всех арестованных и восстановить везде порядок, «не отступая перед действием вооруженной силой. Высылаются войска и пулеметы. Генеральный комиссар и командующий войсками выезжают»[3].

Товарищ Сталин по поводу посылки Керенским карательной экспедиции в Ташкент писал: «Невероятно, но факт. Сидящий в Директории питерский эсер Керенский, вооружившись «пулеметами», выступает походом против эсеров, сидящих в Ташкентском Совете, а центральный орган партии эсеров «Дело народа» глубокомысленно молчит, как будто это его не касается! Эсер Керенский собирается резаться с эсерами из Ташкента, а «Дело народа», печатая погромный «приказ» Керенского, находит возможным обойти его молчанием, соблюдая, очевидно, «нейтралитет»!»[4].

---

[1] «Туркестанские ведомости» № 147 (209) от 29 сентября (12 октября) 1917 года.
[2] «Война в песках», стр. 74—75.
[3] Там же.
[4] И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 171.

Наливкин, официально объявивший себя главнокомандующим, разослал телеграмму Керенского по всем областям и уездам с припиской о том, что в целях сохранения спокойствия необходимо немедленно заявить Туркестанскому комитету Временного правительства о своей готовности подчиниться Временному правительству и Туркестанскому комитету, который обладает полнотой военной и гражданской власти.

В Ташкент спешно выехали представители соглашательского Ферганского областного совета: правые эсеры во главе с Чайкиным, буржуазный националист Чокаев и др. Они намеревались оказать «содействие Турккомитету в борьбе против Ташкентского совета»[1]. Чайкин, доказывая «преступность и легкомыслие ташкентского захвата»[2], требовал должного наказания.

Вечером 16 сентября в Ташкенте было тревожно. Притаившиеся сторонники Временного правительства начали вооружать «верные» части. Писаря штабов и управлений получили оружие. Юнкера школы прапорщиков, разоруженные исполкомом, устранив охрану артиллерийского склада, взломали пакгаузы с оружием и разобрали его. Черкес и другие арестованные ревкомом лица были освобождены. Утром 17 сентября Турккомитет получил короткую, но многозначительную телеграмму от министра внутренних дел, почт и телеграфов Никитина: «Посылается военная экспедиция, держитесь стойко»[3].

Эсеро-меньшевистский Всероссийский центральный исполнительный комитет в телеграмме от 17 сентября резко высказался против действий Ташкентского совета и временного ревкома. ВЦИК объявлял всем рабочим, солдатам, гражданам, что будут приняты самые энергичные меры для подавления таких выступлений. ВЦИК требовал немедленного упразднения революционного комитета, немедленного освобождения всех арестованных комитетом и восстановления в правах прежнего исполнительного комитета. ВЦИК предупреждал, что правительство отправляет в Ташкент войска и что вина за кровопролитие в случае неисполнения требований правительства падает на членов комитета.

Рассчитывая на скорое прибытие военного комиссара и карательного отряда, ташкентская контрреволюция развивает усиленную агитацию против ревкома и Ташкентского совета. Узнав об этом, исполком вызвал Наливкина для переговоров. Но Наливкин не явился. Солдаты 1-го запасного сибирского полка, узнав об отказе Наливкина явиться в исполком, силой доставили его в «Дом свободы», где ему было объявлено, что он арéстован.

Наливкин, учитывая свое положение, всячески оправдывал посылку им телеграммы Керенскому и соглашался разоружить школу юнкеров.

В 2 часа ночи Наливкин был отпущен. С него взяли слово приехать в исполком на следующий день для выработки окончательного соглашения. Но Наливкин, очутившись на свободе, и не подумал сдержать слово, он решил не вступать в переговоры с «мятежниками».

Городская дума Ташкента была солидарна с Туркестанским комитетом. Собрания городской думы проходили под лозунгом «Никакой власти, кроме Временного правительства!» На объединенном совещании городской думы, адвокатуры, офицеров члены думы выступали с черносотенными речами. Гласные — представители буржуазно-националистической организации «Улемы» — пугали голодом, предсказывая, что скоро исчезнет хлеб в старом городе, требовали удаления солдат из старого города. Правые эсеры говорили, что ни один «социалист и демократ не может признать Ташкентского революционного комитета, выбранного на случайном митинге», и упрекали краевой совет и генерала Черкеса в по-

[1] ЦАУ УзССР, ф. Ферсблсовета, 1917 г., арх. 1, л. 33.
[2] «Туркестанские ведомости» № 209 от 29 сентября (12 октября) 1917 года.
[3] ЦАУ УзССР, Турккомитет, арх. 25, лл. 95—96.

спешности ареста членов ревкома, считая, что «позднее это можно было бы сделать совершенно безболезненно» [1].

Другие гласные думы требовали немедленной расправы с революционными рабочими и солдатами, с Ташкентским советом и исполкомом. Но, бессильное что-либо сделать, зная, что нет надежных воинских частей на стороне Туркестанского комитета, совещание отклонило требование о немедленной расправе с рабочими и солдатами и в своей резолюции предложило Туркестанскому комитету вести выжидательную политику [2].

Наливкин потребовал исполнения телеграммы Керенского, поставив перед исполкомом ультимативный срок—24 часа—и заявив, что в случае неподчинения будет пущена в ход военная сила. В ответ на это объединенное собрание Ташкентского совета и ревкома, происходившее в «Доме свободы», в принятой резолюции заявило протест против действий Туркестанского комитета Временного правительства, «направленных против органов ташкентской демократии в лице исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов», и требовало «не подвергать репрессиям войска, преданные революции. Образовать следственную комиссию для расследования действий командного состава и школы прапорщиков» [3]. Кроме того собрание считало недопустимым предъявление Туркестанским комитетом «требования ультимативного характера» [4].

Решение Ташкентского совета было поддержано массами: рабочие железнодорожных и трамвайных мастерских, а также рабочие других предприятий Ташкента, угрожая забастовкой, требовали отмены ультиматума Туркестанского комитета Временного правительства.

Под давлением трудовых масс Наливкин 18 сентября подписал следующее соглашение с исполнительным комитетом совета рабочих и солдатских депутатов:

«1. Ультиматум, предъявленный исполнительному комитету Ташкентского совета Сол. и Раб. Деп. заявлением Туркестанского комитета от 17 сентября считается аннулированным.

2. Гарантируется неприкосновенность лиц и частей, участвовавших в последних событиях.

3. Туркестанский комитет посылает телеграфное сообщение полковнику Коровниченко (копия Керенскому) о ненужности карательного отряда ввиду спокойствия и порядка в городе.

4. Телеграмма исполнительного комитета, а равно корреспонденция, адресованная на его имя, не подвергается цензуре и не задерживается» [5].

На самом деле Наливкин и не думал выполнять это соглашение. Он подписал его для того, чтобы выиграть время. О ненужности посылки в Ташкент карательного отряда Керенскому он не написал и с нетерпением ждал приезда отряда.

Ташкентский совет на экстренном собрании потребовал от Наливкина выполнения обязательств, угрожая объявлением всеобщей забастовки. Но угроза не подействовала на Наливкина. Тогда 18 сентября большевики и центральное бюро профсоюзов выпустили воззвание с призывом к забастовке.

18 сентября на заседании Ташкентского совета было принято решение послать 8 человек по Ташкентской железной дороге для правильной информации о событиях.

В Петрограде 18 сентября состоялось заседание «Совета пяти» под председательством Керенского, которое было целиком посвящено обсуждению «беспорядков» в Туркестанском крае и принятию срочных мер к их прекращению. Керенский сообщил, что 17 сентября он вел по

---

[1] «Туркестанские ведомости» № 145 (207) от 20 октября 1917 года.
[2] «Наша газета» № 120 от 19 сентября 1917 года.
[3] ЦАОР, ф. 3, оп. 1, д. 55, 1917 год.
[4] «Туркестанские ведомости» № 217 от 8(21) октября 1917 года.
[5] «Туркестанские ведомости» № 218 от 10 октября (23 сентября) 1917 года.

прямому проводу переговоры с Самарой, с командующим Казанским военным округом Коровниченко, посланным в Ташкент во главе карательной экспедиции. «Временное правительство убеждено, что решительными мерами, которые приказаны Коровниченко, беспорядки в Туркестане будут прекращены» [1].

На заседании была прочитана телеграмма председателя краевого исполнительного комитета и члена местного комитета почтово-телеграфной организации, адресованная Центральному почтово-телеграфному комитету: «В Ташкенте надвигаются большие беспорядки. Вся власть захвачена шайкой темных личностей, выступавших на митинге. Части двух полков перешли на сторону контрреволюции. Положение ужасное: полное неподчинение Временному правительству... Лично переговорите с Временным правительством и просите принять скорейшие меры... В случае ареста Туркестанского комитета, сообщения по его поручению будут делаться нами. Просим учредить на телеграфе в Петрограде дежурство представителей Временного правительства» [2].

Керенский был в курсе событий, происходивших в Ташкенте. Шендриков и Наливкин, ведя переговоры с исполнительным комитетом, в то же время регулярно сообщали Керенскому о результатах этих переговоров, о грозящей забастовке рабочих [3].

Эсеры были недовольны Наливкиным за то, что последний подписал договор с исполкомом совета, хотя, как было им известно, этот договор должен был служить лишь средством для отвода глаз и обмана. Но уже то, что Наливкин разговаривал с исполкомом, вызывало раздражение эсера Чайкина. Последний не был уверен в Наливкине и требовал от Керенского присвоить «президиуму краевых организаций до приезда генерального комиссара права совещательного учреждения при Туркестанском комитете, ввиду неустойчивости Туркестанского комитета и попыток буржуазных кругов воздействовать на него справа» [4].

19 сентября, в 4 часа дня, представители краевых организаций постановили образовать при Туркестанском комитете временное совещание, так как действия Наливкина им казались медлительными и нерешительными. Наливкин заявил, что не нуждается в совещательном органе и сам позаботится о восстановлении порядка.

В это время Шендриков поддерживал связь с Коровниченко и по прямому проводу передал ему сведения о силах Временного правительства. В Ташкенте насчитывалось 400 прапорщиков, вооруженных пулеметами и ручными бомбами, 300 юнкеров, также вооруженных, ударный батальон в 250 человек, казачий конвой Турккомитета в 58 человек и некоторые мелкие команды [5]. Шендриков обрисовал Коровниченко положение в Туркестане так: артиллерии, преданной Временному правительству, не было; железная дорога от Оренбурга до Ташкента требовала особой осторожности; в Перовске неблагополучно; из Казалинска не выпускалась 4-я сотня оренбургского полка.

Ташкентский исполком деятельно готовился к борьбе. По гарнизонам была разослана телефонограмма, призывавшая солдат сохранять полное спокойствие и не выходить из казарм без указания исполнительного комитета; в телефонограмме предлагалось установить непрерывное дежурство в полковых и ротных комитетах, а также прислать солдат для несения дежурства в исполкоме.

Кроме того было разослано письмо за подписью председателя исполнительного комитета и командующего войсками Перфильева о необходимости в любой момент быть готовыми защищать свой совет и выста-

[1] «День» № 167 от 19 сентября 1917 года.
[2] «Рабочий путь» № 14 от 19 сентября 1917 года.
[3] ЦАОР, ф. 3, оп. 1, д. 55, 1917 г., л. 24.
[4] «Дело народа» № 162 от 23 сентября 1917 года.
[5] ЦАОР, ф. 3, оп. 1, д. 55, 1917 год.

вить усиленные караулы к складам оружия, патронов и пороха и иметь тщательное наблюдение за этими складами; поддерживать постоянную связь полкового комитета с ротами, чтобы в случае тревоги можно было быстро оповестить роты; наблюдать за частными лицами, чтобы те не распространяли ложных слухов; самим же без указания исполкома не выступать.

В ответ на телеграмму ВЦИК исполком послал телеграмму председателю Демократического совещания Чхеидзе, военному министру Верховскому, Московскому и Петроградскому советам солдатских депутатов. В телеграмме исполком требовал задержать карательную экспедицию. Исполком сообщал, что с трудом сдерживает солдат и рабочих от выступления. Рабочие бастуют под лозунгом поддержки совета и его исполнительного комитета. Телеграмма не дошла по назначению, так как была перехвачена Туркестанским комитетом.

Между тем Керенский торопил Коровниченко выехать «с возможной поспешностью, ни в какие переговоры с мятежниками не вступать. Дальнейшие колебания недопустимы, необходимы самые решительные меры» [1].

Туркестанский комитет Временного правительства регулярно сообщал Коровниченко о событиях и настроениях в Ташкенте. 20 сентября Турккомитет отправил следующую телеграмму коменданту Оренбурга: «Сообщите едущим с воинским эшелоном генеральному комиссару Туркестана Коровниченко и его помощнику Елпатьевскому телеграмму из Ташкента 18 сентября. Положение обостряется. Мусульманской среде волнение. Революционный комитет караул на телеграфе усилил. Двинуты две роты в парк для устройства митинга. Революционный комитет выпустил срочное воззвание о неправильном информировании Временного правительства о событиях в Ташкенте» [2].

Керенский успокаивал Шендрикова, что по приезде Коровниченко в Ташкент «представители правительства, опираясь на разумные общественные силы, в ближайшем будущем окончательно установят порядок в Туркестане» [3].

Посылка карательной экспедиции, призывы Керенского к расправе с ташкентскими рабочими и солдатами усиливали революционные настроения среди рабочих, дехкан и солдат.

Профсоюзные организации обратились к рабочим, служащим и солдатам с призывом не допускать кровавой бойни, подготовляемой Временным правительством.

Участник гражданской войны в Туркестане, бывший рабочий типографии при штабе военного округа, в своих воспоминаниях пишет, что до сентябрьских дней в типографии было 3—4 большевика и сочувствующих, большинство рабочих сочувствовало меньшевикам. В сентябрьские дни, до приезда Коровниченко, ячейка большевиков выросла до 20—22 человек, а после сентября — до 50 человек. В военных частях, в 1 и 2-м запасных сибирских полках также увеличилось число членов партии и сочувствующих.

В 1-м запасном сибирском полку командир полка был смещен солдатами за то, что не позволил им разобрать патроны в цейхгаузе; вместо него был выбран другой. В 15-й и других ротах 2-го запасного сибирского полка солдаты сменили своих ротных командиров. Занятия в полках не производились, ежедневно происходили митинги.

В эти дни большевики Ташкента, опираясь на помощь трудящихся масс узбеков, киргизов, сыграли большую роль. Для правильной и подробной информации рабочих и трудящихся о сентябрьских событиях большевики послали по Среднеазиатской и Ташкентской железным дорогам

[1] ЦАОР, ф. 3, оп. 1, д. 55, 1917 г., л. 8.
[2] ЦАОР, ф. 3, оп. 1, д. 55, 1917 г., л. 8.
[3] «Свободный Самарканд» № 90 от 8 октября 1917 года.

агитаторов, которые призывали трудящихся присоединиться к ташкентской забастовке.

Посылка агитаторов вызывалась тем, что рабочие и дехкане не знали истинного положения вещей, исполком и Ташкентский совет извещать о событиях не могли, так как почта и телеграф были в руках Туркестанского комитета Временного правительства. Три агитатора были посланы на Ташкентскую железную дорогу, пять — на Среднеазиатскую.

Трудящиеся Узбекистана с энтузиазмом откликнулись на призыв большевиков и центрального бюро профсоюзов начать забастовку в знак протеста против посылки экспедиции Коровниченко [1]. Образован был стачечный комитет. По его постановлению 20 сентября, в 4 часа дня, началась всеобщая забастовка. Сигналом к ней послужил тревожный гудок среднеазиатских железнодорожных мастерских. Первыми забастовали рабочие мастерских Среднеазиатской и Ташкентской железных дорог.

Всеобщая забастовка охватила 40 профсоюзов [2]: всех рабочих трамвая, электростанции, типографий, предприятий, работающих на оборону, извозчиков, фонарщиков. Отказались бастовать лишь почтово-телеграфные и торгово-промышленные служащие. Агитаторы-большевики рассыпались по городу, они выступали на предприятиях, призывая к забастовке тех, кто еще не осознал важности момента. Рабочие охотно присоединялись к бастующим.

Наливкин попытался при помощи саперов пустить в ход электрическую станцию б. Бельгийского общества, но это ему не удалось: рабочие испортили машины. Город погрузился во мрак. Главным требованием рабочих было немедленное отозвание карательной экспедиции.

В связи с забастовкой председатель Турккомитета объявил Ташкент на военном положении, запретил демонстрации и митинги и выслал наряды войск для охраны банков, почты и телеграфа.

Краевой совет рабочих и солдатских депутатов, а также совет мусульманских и совет киргизских депутатов, где было засилье эсеров, меньшевиков и буржуазных националистов, не поддержали забастовки.

Утром 20 сентября прибыла в Ташкент сотня казаков, направлявшихся из Семиречья в Хиву. Рабочие и солдаты встретили казаков на вокзале и рассказали им о ташкентских событиях. До вечера сотня казаков находилась на вокзале, только вечером Турккомитету удалось перевести ее в казармы. Вечером прибыла сотня казаков оренбургского полка, которая двигалась в Бухару. Казаки были высажены на станции Келес и в целях предосторожности отправлены Наливкиным в Ташкент ночью походным порядком [3]. Обе сотни были задержаны в Ташкенте Туркестанским комитетом.

В это время карательная экспедиция Коровниченко подходила к Ташкенту; ее сопровождали комиссар Временного правительства Елпатьевский и член ВЦИК Захватаев. Попытки трудящихся Туркестана задержать карательную экспедицию не дали результатов из-за предательской роли меньшевиков и эсеров, засевших в советах и исполкомах. Меньшевики и «левые» эсеры, работавшие в исполкоме, по мере приближения карательной экспедиции начали все в большей степени проявлять свою трусливую и оппортунистическую сущность.

Большевики в эти дни развили энергичную деятельность: большевик А. Першин и другие были командированы 21 сентября в Петроград для правильного освещения сентябрьских событий в Ташкенте. К ним внимательно отнесся Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. На заседании Петроградского совета от имени исполкома

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. Ташкентского (Новогородского) исполкома, 1917 г., арх. 1, лл. 117—120.

[2] «Рабочий путь» от 4 октября (21 сентября) 1917 года.

[3] ЦАУ УзССР, ф. Ташкентского (Новогородского) исполкома, 1917 г., арх. 1, лл. 131—132.

и фракции большевиков выступил Володарский, который следующим образом обрисовал тактику Временного правительства и ВЦИК. Временное «правительство... желает анархии в стране, — сказал он, — для того, чтобы подавить революционную демократию. ЦИК вел себя позорно, санкционировав посылку карательной экспедиции в Ташкент»[1]. Петроградский совет принял резолюцию, в которой выражал готовность оказать всяческую поддержку революционным силам Ташкента[2].

Сторонники Временного правительства с приближением карательной экспедиции к Ташкенту все выше поднимали голову. Они закрыли «Нашу газету»—орган Ташкентского совета,—разгромили «Дом свободы». Туркестанский комитет Временного правительства действовал в Ташкенте так же, как и его хозяин — Временное правительство — в июльские дни в Петрограде, где при помощи юнкеров были разгромлены типография и редакция большевистской газеты «Правда».

Товарищ Сталин в статье «Ждать вам — не дождаться...» писал, что если Временное правительство остается у власти, «если оно, творя волю меньшинства, собирается господствовать над явно враждебным большинством, то ясно, что оно может рассчитывать лишь на одно: на насилие над массами. Никакой другой опоры у такого правительства нет и не может быть.

Поэтому не случайность тот факт, что первым шагом правительства Керенского-Коновалова послужил разгром Совета в Ташкенте»[3].

24 сентября карательная экспедиция Коровниченко прибыла в Ташкент. В ее составе были пехота, пулеметные роты, броневая рота и легкая артиллерия.

В день приезда Коровниченко по всей линии Среднеазиатской железной дороги прекратилось пассажирское движение. Пролетариат почти всех предприятий Ташкента продолжал начавшуюся еще 20 сентября по призыву большевиков забастовку протеста против карательной экспедиции. Рабочие старались сагитировать приехавших с карательной экспедицией солдат пензенской кавалерийской бригады. Выяснилось, что солдаты не знали, для чего их везут. Им сказали, что они едут подавлять восстание против революции. Узнав правду, солдаты заявили, что не будут выступать против большевиков.

Прибыв в Среднюю Азию, Коровниченко в донесениях Керенскому с большой тревогой писал, что военные части Ташкента не внушают ему доверия, что на артиллерию положиться нельзя, что продовольственная нужда достигла размеров народного бедствия. Не помогают посещения воинских частей военным комиссаром Ивановым и членом ВЦИК меньшевиком Захватаевым. Военные части высказываются против Временного правительства.

27 сентября 1917 г. Коровниченко, донося Керенскому о своих неудачах, сообщил, что он решил сделать последнюю попытку в 1-м запасном сибирском полку: «Выделить из полка наиболее зараженных солдат и офицеров, и если оздоровления не будет, то придется полк расформировать»[4].

Желая ослабить силы революции, Коровниченко объявил демобилизацию преданных совету частей, но те отказались ехать по домам. Узнав об этом, Коровниченко приказал лишить их пайка.

Коровниченко старался спровоцировать рабочих, солдат и дехкан на преждевременное выступление, чтобы воспользоваться их неподготовленностью и подавить восстание. Он пытался вывести часть войск из Ташкента под предлогом отправки их на фронт, разоружил крепостную роту в Ташкенте, пытался натравить местное население на русских. Но

[1] «Речь» № 232 от 3 (16) октября за 1917 год.
[2] «Известия ЦИК» № 187 за 1917 год.
[3] И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 179
[4] ЦАОР, ф. 3, оп. 2, д. 55, лл. 22—27.

масса на провокацию не поддавалась. В Туркестане поднялась новая волна стачек и забастовок, усилилась классовая борьба между коренным трудовым населением и национальной буржуазией.

Началась новая страница борьбы трудящихся Туркестана, которая окончилась для них победой.

То упорство, с которым велась борьба ташкентского пролетариата и трудящихся, можно объяснить решительным поведением большевиков, стоявших в сентябрьские дни во главе масс и пользовавшихся поддержкой рабочих, солдат и коренного населения.

Сентябрьские события в Ташкенте явились одним из предвестников Великой Октябрьской социалистической революции. События эти сигнализировали рабочему классу России, готовившемуся под руководством партии Ленина — Сталина к вооруженному восстанию, о том, что пролетарская революция имеет серьезные резервы на окраинах. Они говорили о резком обострении всех противоречий, которые накопились в Туркестане, как в национально-колониальном районе.

Сентябрьские события явились стихийным выступлением масс против попыток установления генеральской диктатуры, против контрреволюционного Временного правительства, за власть советов.

Однако переход власти в руки Ташкентского совета отнюдь не означал бы установления диктатуры пролетариата в Туркестане. Для победы диктатуры пролетариата необходимо было победоносное вооруженное восстание и разгром сил контрреволюционного Временного правительства в центре страны.

Большевики Туркестана поняли причину движения и попытались стать во главе его. Но они не сумели добиться безраздельного влияния на массы трудящихся. Причины нужно искать в том, что отдельной большевистской организации в Туркестане в тот период не было, пребывание большевиков в объединенной с меньшевиками организации было огромной политической ошибкой: оно связывало действия большевиков, мешало до конца разоблачить меньшевиков, тормозило развитие и углубление революции. Кроме того большевики Туркестана, выступая единым фронтом с «левыми» эсерами ради того, чтобы усилить союз рабочего класса и крестьянства, не сумели по-настоящему возглавить этот фронт.

Сентябрьские события свидетельствовали о том, что «кризис назрел» (Ленин). В этом и заключается значение сентябрьских событий в Ташкенте не только для Средней Азии, но и для России. Сентябрьские события явились для трудящихся Туркестана подготовкой к Октябрю.

К ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИРАНЕ В ТИМУРИДСКУЮ ЭПОХУ (XIV—XV вв.).

(Образование института «суюргал»)

А. Беленицкий

Монгольское нашествие и последовавшее образование монгольских государств являются поворотным моментом в истории развития феодальных отношений у оседлых народов завоеванных монголами стран. Старые, веками слагавшиеся институты сходят со сцены, другие сильно меняют свое содержание; появляются новые установления, ранее неведомые. Особенно глубоки были изменения в области феодального землевладения. Свое внешнее выражение эти изменения находят в появлении новой терминологии — или монгольского происхождения, или же заимствованной из языков тюркского, по преимуществу уйгурского корня. В этом отношении достаточно назвать такие термины, как «тархан», «копчур», «инджу» и др.

Но далеко не все новые институты, обязанные своим появлением монгольскому завоеванию, имели одинаковую историю. Каждый из них имел свою особую судьбу и свой путь развития. Так, ряд институтов появляется буквально на второй день после завоевания, но с падением власти монголов исчезает. Другие институты, наоборот, в период монгольского владычества едва начинают оформляться и лишь в последующее время приобретают значение социального фактора, подчас чрезвычайно крупное. Именно к этой категории и относится институт суюргала, хотя до настоящего времени господствовало мнение, будто суюргал принадлежит к числу рано сложившихся институтов монгольских государств. Это, ошибочное на наш взгляд, мнение возникло благодаря тому, что авторы, высказывающие его, не диференцируют источников по времени, а также недостаточно внимательно относятся к некоторым деталям, главным образом терминологического порядка.

В европейской исторической науке суюргал давно уже привлек к себе внимание. Еще Катрмэр[1] в своем издании текста из «Собрания летописей» Рашидаддина, в примечании к слову «суюргамыши», приводит целый ряд примеров из источников, дающих объяснение этому слову, и переводит его: «faveur, bienveillance». Там же он разбирает значение и слова «суюргал». На основании данных поздних словарей («Supplement du Borhani kati'») и записок европейских путешественников (Chardin и др.) он определяет его как «un fond de terre que le roi concède à un homme et qui se transmet par heritage».

И. Березин в «Очерке внутреннего устройства улуса Джучиева», касаясь землевладения у монголов, говорит, между прочим, следующее: «Кроме того, хан мог жаловать землю в потомственную аренду, что на-

[1] Quatremêre M. «Histoire des mongols de la Perse», p. 216. Paris. 1836.

зывалось суюргал»[1]. При этом он делает ссылку как на упомянутое место из Катрмэра, так и на изданный Катрмэром же перевод текста из Абдарреззака Самарканди в «Notices et extraits» V. XIV. Поскольку Катрмэр нигде не говорит об аренде, а других примеров Березин не приводит, то толкование Березиным суюргала как аренды является, по сути дела, произвольным, если понимать аренду в нашем смысле слова. Позже, в 1871 г., К. Патканов в переводе «Истории монголов инока Магакия XIII в.»[2] безоговорочно переносит значение слова «суюргал» и на «суюргамыши». Толкование значения «суюргамыш», или «суюргатмыш», как пожалование леном, т. е. как термин, равнозначащий «суюргалу», без оговорок принято и в советской науке. Суюргал как институт, как форму феодального землевладения, склонны считать присущим монгольским государствам уже в начальный период их существования. Так, академик Б. Владимирцов в посмертном своем труде «Общественный строй монголов» без оговорок пишет: «Известно, что в западных улусах монгольской империи ханы и царевичи жаловали земли в «потомственное пользование» (soyurxal — «пожалование») разным лицам»[3]. При этом он ссылается на названных выше Катрмэра, Березина и Магакия. Б. Владимирцов не приводит примера употребления этого термина (суюргал) в монгольских источниках[4]. Повидимому, этот термин там отсутствует, как отсутствовал и сам институт, который этот термин призван был впоследствии обозначать. И. П. Петрушевский в интересной работе о Хамдаллахе Казвини пишет: «Известно, что ленные пожалования, обозначавшиеся монгольским термином soyurǧal (пожалования), давались еще Чингис-ханом, как и Хулагуханом»[5].

А. Ю. Якубовский в первом издании своей книги «Золотая Орда» утверждает следующее: «Положение полукочевых феодалов, имеющих крупные земли в оседлых районах и огромные стада скота в степи, лучше всего выражается в той системе суюргалей (ленных владений), которые в эпоху монголов являются господствующей формой крупного феодального землевладения»[6].

Последними двумя авторами, помимо названных выше источников и литературы, использованы и другие указания источников, которые, однако, мало чем отличаются от приведенных материалов Катрмэра, и на него, по существу, все вышеназванные работы и опираются.

Таким образом, все перечисленные авторы рассматривают суюргал и суюргамыши как понятия равноценные, обозначающие институт наследственного лена, существование которого предполагается уже с начального периода образования империи Чингис-хана. Однако в действительности дело обстояло далеко не так. Прошел длительный период времени, прежде чем в обиход твердо вошло слово «суюргал» в качестве определенного термина и прежде чем кроющийся за этим термином институт нашел распространение в завоеванных монголами странах на Западе.

Для правильного решения вопроса о суюргале следует прежде всего четко установить разницу между словом «суюргамыши» и «суюргал»[7]. Хотя оба эти слова и имеют в основе один и тот же корень

---

[1] «Труды восточного отделения Археологического общества». Ч. 8-я, стр. 28. СПБ. 1864.

[2] См. стр. 18, примечание 33, его перевода «Истории монголов инока Магакия XIII в.».

[3] Владимирцов Б. «Общественный строй монголов», стр. 115, примечание 2-е.

[4] Об этимологии и корне слова «суюргал» ср. Pelliot P. «Sur la légende d'uruz-khan en écriture Ouiqure «T'oung Pao» tirage à part, p. 302.

[5] Петрушевский И. «Хамдаллах Казвини...». «Известия Академии наук СССР». Серия общественных наук, стр. 883—884. 1937.

[6] Греков Б., Якубовский А. «Золотая Орда», стр. 102. 1937.

[7] Помимо этих двух форм, как видно из тарханных ярлыков золотоордынских

и в свое время, возможно, употреблялись лишь как различные грамматические формы с одинаковым семантическим значением, однако в процессе их исторического бытования лишь второму из них суждено было приобрести значение определенного термина. «Суюргамыши» же, как видно из источников, не вышел за грань своего обычного, общего значения.

Надо сказать, что уже Картмэр уловил разницу в употреблении этих слов и в своем определении их значения, как мы видели, вполне отчетливо их разделил. Березин и Патканов спутали их и тем самым дали основание для неправильных заключений последующих историков.

Рассмотрим ближе значение этих двух слов. Основным источником для суждения относительно значения их остаются персидские исторические хроники эпохи хулагидов и сочинения послемонгольского времени, главным образом среднеазиатского происхождения. Собственно говоря, значение слова «суюргамыши» не вызывает особых сомнений. Во всех известных мне случаях[1], включая и те, которые приведены всеми вышеупомянутыми авторами, как было сказано, слову «суюргамыши» нигде не придается специального значения земельного ленного пожалования. Оно приводится в самом общем значении: «оказать милость», «одарить», «обрадовать» и т. п. При этом объекты дарения часто вовсе не перечисляются. В тех же случаях, когда упоминаются конкретные предметы, авторы находят для этого другое выражение. В этом смысле чрезвычайно любопытный рассказ мы находим в «Собрании летописей» Рашидаддина. Рассказывая о старосте одной из деревень Хорасана, оказавшем в свое время услугу Газан-хану, Рашидаддин пишет:

«Когда Газан укрепился на троне султанства, он в знак благодарности его, старосту, обласкал и выказал (к нему) полное благоволение (суюргамыши тамом фармуд), ввел его в число приближенных его величества, а деревню Зир-Абад, бывшее инджу, ему подарил (бахшид) и дал ему тарханный ярлык»[2].

Здесь, как мы видим, чрезвычайно выпукло выражено, как понималось слово «суюргамыши». Автор избегает прилагать его к конкретному предмету пожалования. А то обстоятельство, что в данном случае предметом пожалования была деревня, представляет для нас особый интерес. Будь слово «суюргамыши» в какой-либо степени связано специально с земельным пожалованием, Рашидаддин, безусловно, применил бы его. Еще более существенным свидетельством в пользу сказанного является то, что Рашидаддин в своем изложении известной реформы Газан-хана о наделении войска землей нигде не применяет слова «суюргал», пользуясь для этого старым термином — «икта».

Внимательное рассмотрение и всех других известных мне случаев убеждает в том, что это слово в монгольский период, по крайней мере на территории Ирана, специального отношения к «ленному пожалованию» не имеет, хотя, быть может, не исключены и случаи, когда предметом пожалования были и земельные участки.

Что касается термина «суюргал», то следует прежде всего отметить его отсутствие в сочинениях по истории хулагидского Ирана.

Впервые с этим термином мы сталкиваемся в сочинениях, составленных на рубеже XIV и XV вв. и относящихся к истории государства Тимура. Здесь следует подчеркнуть то обстоятельство, что после падения хулагидов в историографии на персидском языке имеется значительный перерыв, примерно в полстолетие, после чего центр летописания был перенесен с Западного Ирана в Среднюю Азию и соседний Хорасан. Поэтому, говоря относительно появления термина «суюргал» в источниках конца XIV в., я отнюдь не хочу утверждать, что начало

ханов, в употреблении были и другие формы того же корня, как например «суюркап» См. Радлов В. «Ярлык Темир-Кутлуга». «Записки восточного отделения Археологического общества». Т. III, стр. 28. 1938.

[1] Ср., например, у Джувейни.— Бартольд В. «Туркестан». Ч. I, стр. 108.

[2] Рукопись Института востоковедения Академии наук СССР. Д. 56, л. 320-а.

его бытования относится именно к этому времени. Уже по одному тому, что термин этот авторами исторических сочинений тимуровского времени употребляется в достаточной мере часто и определенно, можно с уверенностью утверждать, что он появился раньше. И действительно, как мы увидим, историки впервые его применяют к эпизодам более ранним (почти на два десятилетия), чем время составления самых сочинений.

Но само собою понятно, что и даты, к которым приурочиваются первые рассказы о пожалованиях суюргалом, не могут рассматриваться, как безусловно начальные моменты появления суюргала. Нам кажется возможным высказать здесь предположение, что начало применения термина «суюргал» для обозначения земельных пожалований следует отнести к 40-м годам XIV в., когда в Средней Азии власть ханов из потомков Чагатая фактически была низведена на-нет и полное преобладание получили предводители тюрко-монгольских племен [1], заинтересованные в территориально-земельных владениях. Появление и распространение суюргала как института впервые именно в Средней Азии и в соседней Золотой Орде является фактом, пожалуй, несомненным.

Первое упоминание суюргала относится к 1377—1378 г. (779 г. хиджры). Рассказывая о переходе Тохтамыша к Тимуру, Низамаддин Шами называет золотоордынского военачальника Урук Тимура, который вместе с Тохтамышем ушел от Урус-хана. При этом последний «иль и вилает» (Урук Тимура) пожаловал в суюргал некоему Тайге (суюргал карда-буд) [2].

Шерефаддин Езди, пересказывая этот эпизод, говорит лишь о «тысяче» (хазора), переданной в суюргал. При этом добавляет, что когда впоследствии Урук Тимур вернулся к сыну Урус-хана, Тимур Мелику, тот его хотя и простил, но на просьбу вернуть «людей и иль» ответил отказом [3].

Последующие упоминания суюргала в наших источниках связаны главным образом с именем Тимура, хотя, как мы увидим, раздача подобных пожалований приписывается и другим современным Тимуру феодальным владетелям Ирана. Наиболее ранним из таких суюргалных пожалований при Тимуре была, повидимому, передача округа Радкан в Хорасане известному военачальнику Тимура — Шейх-Али-бахадуру. Последний в походе против хорасанского эмира Али-бека в 1381—1382 г. (783 г. х.) проявил особую храбрость, за что, по словам Шерефаддина, «(он) был удостоен взгляда милости и заботы, и (Тимур) приказал (передать) ему в суюргал Радкан» [4].

При таких же обстоятельствах было передано в суюргал местечко Говкуриш, недалеко от Нисы, в 1384—85 г. (768 г. х.) другому военачальнику — Мубаширу. Низамаддин при этом отмечает, что оно было пожаловано как «вечный» [5] суюргал.

Повидимому, это же самое, т. е. вечность пожалования, имеет в виду и Шерефаддин, когда применяет не совсем ясное выражение (ба хуват-бари) [6].

---

[1] Ср. Бартольд В. «Улугбек и его время», стр. 9 и др. В дальнейших ссылках — Улугбек.

[2] Nizamuddin Šami «Zafar-Nama (texte persan)», éd. par F. Tauer. Praha, 1937 (в дальнейшем «Шами»), стр. 77.

[3] «The Zafar-Namah by... Sharafuddin Ali of Yazd». Calcutta, 1888 (в дальнейшем «Езди»), I, стр. 289. Имя Урук Тимура передано в нескольких вариантах. Тайга вовсе не назван, а сказано «муддати» («на некоторое время»).

[4] Езди, I, 352.

[5] Шами, 95 — «ба сюргал-и-абади».

[6] Езди, I. 382. Minorsky V. в статье «A Soyurghal of Qasim Jahangir Aqqoyunlu (903/1498)», напечатанной в «Bulletin of the school of oriental studies» (University of London), Vol. IX, p. 4, 1939, p. 944, транскрибирует это выражение в форме «huwa abadi» (он вечный). Однако следует отметить, что в этой форме выражение это нигде не встречается, и поэтому, возможно, мы здесь имеем дело с иной формулой, хотя и имеющей, видимо, то же значение, см. ниже стр. 57—58.

К этим же годам относятся и сообщения Абдарреззака о раздачах суюргалов и в Иране. Так, говоря о современнике Тимура Султане Ахмеде из династии Джелаиридов, Абдарреззак под тем же, 784 г. сообщает, между прочим, что «он отправился в Ардебильский булюк, который был его суюргалом» [1].

Другое сообщение того же автора относится к Фарсу. В 1384—1385 г. (786 г. х.) Зейн уль-Обидейну, правителю из династии Музаффаридов, удалось захватить известный город Козирун. По этому случаю, по словам нашего автора, «(он) снова обласкал эмиров и сановников, роздал им собственные халаты, украшенные драгоценными камнями, пояса, барабаны и знамена, а (также) пожаловал им в качестве суюргала (ба расм-и-суюргал) булюки (районы) и вилайеты в областях Фарса и Кирмана» [2].

Однако, говоря об этих ранних упоминаниях суюргала у Абдарреззака, следует помнить, что он писал уже в XV веке и, возможно, применил термин своего времени взамен какого-либо другого термина источника, которым он пользовался.

В дальнейшем, поскольку области, о которых пишут наши авторы, входят постепенно в состав Тимуровской империи, упоминания о пожаловании суюргалов связываются исключительно с именем Тимура. Тимур, повидимому, продолжал применять и в дальнейшем суюргал в качестве прежде всего вознаграждения за проявленную храбрость. Наиболее примечательные подвиги, которые зафиксированы источниками, как правило, сопровождаются пожалованиями ввиде суюргала. Отметим два характерных случая. При одном из набегов монголов Семиречья на Фергану было уведено в плен значительное число жителей Ходжента. Некоему Куча Мелику с незначительным отрядом удалось, в результате ночного нападения, отбить пленных и вернуть их на родину. За этот отважный поступок Тимур, по словам Низамуддина, «дал ему суюргал и пожаловал тарханной грамотой». Одновременно суюргалами и другими милостями был награжден и сын Тимура Омар-шейх, также выказавший мужество в борьбе с отрядами монголов [3]. За военную храбрость был награжден и другой военачальник — Джелал-бахадур, сын эмира Хамида,— которому в качестве суюргала был пожалован «крупный (доходный) вилайет» [4].

Наряду с приведенными случаями раздачи суюргалов в источниках встречаются рассказы, где суюргалом называются те владения, которые Тимур оставлял за прежними феодальными владетелями, если последние добровольно ему подчинялись. Таких мест в источниках можно найти довольно много. Ограничусь несколькими примерами. Так, в 1388—1389 г. (791 г. х.) Тимур оставил по статуту суюргала («ба расм-и-суюргал») Музаффаридам часть их прежних владений, а именно Исфаган, Керман и Сирджан с его крепостью [5]. На Кавказе Тимур передал в суюргал вилайет Ахлат прежнему его владетелю — эмиру Адиль Джузу [6]. В Мосуле в качестве суюргала была отдана крепость Каркук эмиру Али — прежнему ее владельцу [7]. Так же поступил Тимур и с хакимом крепости Айтин, Баязидом, которого, по словам Низамуддина, Тимур «отличил суюргалом и лаской и передал ему крепость» [8].

---

[1] «Матла' ас-са'адайн ва маджма' ал-бахрайн». Рукопись Ленинградского государственного университета, № 157, л. 77-а.

[2] Там же, л. 82-в. Можно указать и на упоминание суюргала в отношении Фарса еще под 1373—1374 г. (775 г. х.) у этого же автора, л. 67-а, однако, что именно было пожаловано, из текста неясно.

[3] Шами, 107.

[4] Шами, 122.

[5] Езди, 444.

[6] Шами, 153.

[7] Езди, 661.

[8] Шами, 156.

Во время второго похода на Иран Тимур специально вызвал из Фарса одного из противников упомянутого выше Султан Ахмеда, «пожаловав ему суюргалы и дары, передал в его ведение дела областей Султании и Табриза»[1]. Во время похода в Малую Азию Тимур пожаловал ряд областей (Конья, Аксарай и др.) в суюргал эмиру Мухаммеду, сыну Карамана, находившегося в течение 12 лет в заточении у Баязида. При этом, как прибавляет автор этого сообщения, «области эти долгие годы (после) находились в его и его детей полном владении»[2].

Выше приводился случай, когда в числе лиц, получивших суюргалы, были сыновья самого Тимура. В источниках упоминаются и другие случаи пожалования царевичей суюргалами. Так, во время похода против Тохтамыша сын Тимура Мухаммед-султан добровольно вызвался пойти со своими воинами в передовое охранение. Тимур, приняв это за доброе предзнаменование, «обласкал его высочайшими суюргалами»[3]. К сожалению, при этом не упоминаются объекты пожалования. Также не упомянуты они и в сообщении относительно пожалования Хусейна, мятежного внука Тимура. Как передает Низамуддин, Тимур, «освободив его от оков, отличил почетной одеждой и суюргалом»[4]. К этой же категории пожалований относится и передача в суюргал (ба расм-и-суюргал) в 1403—1404 г. (806 г. х.) округа Дуджейль, вблизи Багдада, невестке Тимура — жене его внука Абу-Бекра, сына Мираншаха[5]. При этом небезынтересно отметить, что Абу-Бекр правил в это время всей областью в целом — факт, бросающий определенный свет на объем власти правителей отдельных областей при Тимуре, если даже они были и царевичами.

Как известно, сыновья и внуки Тимура еще при его жизни назначались правителями отдельных, подчас громадных областей. В. Бартольд повсюду называет такие владения царевичей уделами[6]. Источники в большинстве случаев, рассказывая о подобных назначениях царевичей, не придерживаются определенной терминологии. Лишь в одном случае для обозначения такого пожалования один из наших авторов пользуется термином «суюргал». Речь идет о передаче областей Фарса Омар-шейху в 1392—1393 г. (795 г. х.). Низамуддин, рассказывая об этом назначении, пишет: «4-го Джумади I был издан указ, чтобы их всех (Музаффаридов) схватить и заключить в оковы, а эту область пожаловать в суюргал эмир-задэ Омар-шейху, сделав (его) полновластным правителем (хаким-и-мутлак)»[7].

Небезынтересно отметить, что Музаффариды получили, как выше об этом говорилось, области Фарса в виде суюргала же. Однако рассмотрение других случаев назначения Тимуром своих потомков в качестве правителей показывает, что термин «суюргал» в смысле удельного владения царевичей не употребляется, и в этом отношении рассказ Низамуддина является исключением.

В большинстве приведенных случаев суюргалы жаловались отдельным лицам. Но, повидимому, Тимуром раздавались суюргалы и в массовом порядке. Такие раздачи обычно приурочивались к торжественным

---

[1] Шами, 97.

[2] Абдарреззак, л. 139-в. Помимо приведенных наиболее четко выраженных случаев таких суюргалов см. также Шами, стр. 101,— в отношении гилянских меликов, или там же, стр. 164, — относительно жителей Пишканда. О последних ср. Абдарреззак, л. 105-а.

[3] Шами, 119.

[4] Там же, 233.

[5] Езди, II, 575.

[6] Улугбек, стр. 43—44.

[7] Шами. 135.

случаям. Так, после возвращения с последнего в жизни Тимура похода, согласно Хафизи Абру, «его величество Сахыб-кыр'ан пожелал, чтобы в знак благодарности по поводу возвращения из столь великого похода в столицу счастливым и здоровым вместе с детьми и эмирами устроить великий праздник (и) эмиров войска и бехадуров двора убежища мира дарениями возвеличить и (каждого), в соответствии с его чином и поведением, пожаловать суюргалом и джильду»[1]. После описания устроенных празднеств этот автор пишет: «И всех предводителей войска и сановников двора убежища мира (Тимур) суюргалами и дарениями отличил и возвеличил»[2].

Как нетрудно заметить, в приведенных примерах раздачи суюргалов или, вернее, применения источниками этого термина самый объект суюргала в достаточной мере не определен. Если во многих случаях мы, безусловно, имеем дело с земельными пожалованиями, то немало и таких случаев, когда благодаря неопределенности текста можно в этом сомневаться. Сомнения эти тем более основательны, что в источниках встречаются рассказы, где словом «суюргал» прямо обозначается пожалование ценных вещей. Так, Низамаддин Шами, рассказывая о прибытии к Тимуру во время его похода на Индию Шейха Нураддина, бывшего даругой в Фарсе и привезшего с собой множество разнообразных даров ввиде убитых на охоте животных, оружия, боевых лошадей, верблюдов, почетной одежды, драгоценных камней и пр., специально отмечает, что Тимур «из тех даров пожаловал суюргалы» случившимся в это время при нем послам от китайских монголов и Золотой Орды[3]. Здесь, безусловно, суюргал никакого отношения не имеет к земельно-территориальному пожалованию. Следует еще отметить, что источник, откуда Низамаддин заимствовал свой рассказ,— Гиясаддин — в данном случае слово «суюргал» не применяет[4].

Таким образом, подводя итог сказанному, можно сделать следующий вывод. К концу правления Тимура в Иране и Средней Азии пожалования под титулом «суюргал» получили весьма широкое распространение. Хотя в подавляющем большинстве случаев объектом пожалования являются тех или иных размеров территориальные единицы, тем не менее термином «суюргал» могло обозначаться и пожалование просто ценных предметов, что свидетельствует об определенной неустойчивости в применении этого термина.

Каков же был статут суюргалных пожалований в период правления Тимура? К сожалению, на этот вопрос в полной мере ответить трудно. Лишь некоторые общие очертания этого института могут быть выяснены на основании наших источников. При Тимуре в качестве суюргала передавались преимущественно или отдельные деревни или же целые районы. Будучи наградой за те или иные заслуги — главным образом военные,— такой суюргал не обуславливался обязательной службой со стороны пожалованного лица. Наследственное пожалование специально, видимо, отмечалось в дипломах. Об этом говорят приведенные выше случаи пожалования «вечного суюргала».

---

[1] «Continuation du Zafar-Nama de Nizamuddin Šami par Hafiz-i-Abru». «Acrhiv Orientalni». Praha, 1934, vol. VI, № 3, p. 443. Не разбирая подробно здесь вопроса о термине «джильду», обозначающего также пожалование за проявленную храбрость, следует отметить, что впоследствии и этим термином в Средней Азии стали обозначать пожалование землей.

[2] Ibidem, p. 445. Цитирую по первоначальной редакции; в другой редакции сказано более обще: «ба хал'ат ва ин'ом ва ташриф ва икром».

[3] См. Шами, 172.

[4] «Дневник похода Тимура в Индию Гияс-ад-дина Али», изд. Л. А. Зимина под ред. В. В. Бартольда. «Тексты по истории Средней Азии». Вып. 1-й, стр. 57. Птр. 1915.

Хотя и в остальных случаях пожалований прямо не говорится относительно временного характера суюргала, тем не менее эти пожалования, повидимому, нуждались в постоянных (погодовых) подтвердительных дипломах. Так, Абдарреззак, отмечая в качестве одного из характерных моментов деятельности Тимура практику раздачи различных видов пожалования, в том числе и суюргалов, пишет, что он одновременно «лично (ба-худ) проверял и осведомлялся о них, и после осведомления издавался приказ о возврате или оставлении их (за владельцами), а для всех суюргалов требовал ежегодно (получения) из дивана нового указа (хукм-и-муджаддад), за исключением тех, что были (навечно) за ним (владельцем) закреплены (магар он ки бар-у мукайяд буди)» [1].

В царствование Шахруха (1405—1447 гг.) происходит дальнейшее развитие института суюргала, который приобретает уже чрезвычайно крупное значение во всей системе феодальных отношений. В соответствии с этим в исторических сочинениях этого времени мы встречаем довольно часто упоминания о нем, что позволяет установить основные контуры его содержания. Так, первые упоминания о суюргале относятся к тем годам правления Шахруха, когда он еще не был общепризнанным главой империи. Уже в 1405—1406 г. (808 г. х.), когда борьба за престол между отдельными потомками великого завоевателя была в самом разгаре, мы находим у Абдарреззака рассказ о таком пожаловании. Лицом, получившим этот суюргал, был влиятельный военачальник эмир Сулейман-шах, которому был пожалован Шахрухом один из богатых районов Хорасана — Серахский вилайет [2]. От имени Шахруха же немного позже, в 1407—1408 г. (810 г. х.), в качестве суюргала Дамганский вилайет получил сейид Изаддин Хазарджерибский [3]. В том же году округ Андхуд — также в качестве суюргала (ба расм-и-суюргал) — был пожалован эмиру Сейид Ахмед-тархану, брату жены Шахруха, известной Гаухаршад-Ака [4].

В борьбе за укрепление власти Шахруха наиболее крупную роль сыграл один из виднейших военачальников Тимура—эмир Шах-Мелик. В частности области Хорезма были присоединены к владениям Шахруха в результате похода под начальством Шах-Мелика в 1413 году [5]. В награду за его заслуги ему и был пожалован Хорезм в качестве суюргала. Рассказ об этом приведен у Абдарреззака несколько позже, под 1426—1427 г. (829 г. х.). В связи со смертью Шах-Мелика и передачей его владений сыну наш автор попутно рассказывает и о пожаловании Шах-Мелика суюргалами и Тимуром.

«Милости его величества (Тимура),— пишет Абдарреззак,— по отношению к нему были так велики, что он изволил (однажды) изречь: «из каждой завоеванной области любая избранная им деревня да будет его суюргалом». И в течение всей жизни он продолжал беспрерывно получать суюргалы. Он оставил множество благотворительных заведений — медрессе, ханака, мечетей, рабатов, водоемов — и завещал им в вакф хорошие амляки (земельные участки) и превосходные доходные статьи... А его величество хакан счастливый (Шахрух) был к нему

---

1 Абдарреззак, л. 18-а.
2 Там же, л. 169-в.
3 Там же, л. 176-в.
4 Там же.
5 Улугбек, 73.

столь милостив, что область Хорезма целиком[1] сделал его суюргалом. И он в той стране установил превосходные порядки»[2].

Время и условия, при которых раздавались эти суюргалы, объясняют и цели, преследовавшиеся раздачей областей в суюргал. Шахрух явно имел в виду привлечение на свою сторону влиятельных военачальников: такие пожалования, безусловно, были гораздо более притягательны чем, допустим, те щедрые раздачи казны, которые практиковал Халиль-Султан в Самарканде. Характерно, что к этому же методу привлечения сторонников стали прибегать и противники Шахруха. Так, о Кара-Юсуфе Кара Куюнлу, после смерти Тимура возобновившем борьбу за восстановление своей власти на западе Ирана, сообщается следующее: «Эмир Кара-Юсуф... каждого, кто становился его другом, крайне (большим) суюргалом отличал от равных ему». Некоему Баба-Хаджи Каварди Кара-Юсуф в качестве суюргала (ба расм-и-суюргал) пожаловал крепость Ковард со всей прилегающей округой и еще 600 деревень и земельных участков («карья ва мазра'а»)[3].

В первые же годы своего правления, в качестве главы всего государства, Шахрух пытался привлечь на свою сторону часть из своих родственников, главным образом племянников. Это получило отражение и в практике суюргалных пожалований. Из таких пожалований отмечу следующие. В 1409 г. (812 г. х.) Шахрух по возвращении из Самарканда назначил область Хисар в суюргал Мухаммед Джихангиру, сыну Мухаммед Султана, которого Тимур предназначал в качестве наследника своего престола[4]. Тогда же Ахмеду, сыну Омар-Шейха, Шахрух в суюргал пожаловал Фергану с главным городом Узгендом[5]. Под 817 г. Абдарреззак рассказывает о пожаловании в суюргал брату Ахмеда Мухаммеду Байкаре обширных областей на западе Ирана—Хамадан вместе с прилегающими крепостями и Луристан[6]. Из другого сообщения того же автора мы узнаем, что Кум был также на правах суюргала у Джихангира Саад-Ваккаса, брата упомянутого Мухаммеда[7].

Однако судьба этой категории суюргалов была в достаточной мере эфемерной. Вскоре же начинается их систематическая ликвидация. Шахрух заменяет своих племянников собственными сыновьями. Для нас это обстоятельство представляет особый интерес в том смысле, что источники, как правило, применяют к владениям, полученным последними, тот же термин — «суюргал». Больше того: с распространением этого термина на владения царевичей источники перестают упоминать (для времени правления Шахруха) о пожалованиях суюргалов другим представителям господствующего класса и под суюргалом начинают, повидимому, понимать по преимуществу удел — владение царевича.

Первым таким пожалованием Шахруха в пользу собственного сына Шахруха явилась передача в суюргал Ибрагим-султану областей Фарса, которые в 1414—1415 г. (817 г. х.) были в результате военной экспедиции отобраны у Искандера, сына Омар-Шейха[8], владевшего этой областью с 1409—1410 года. Такая же участь постигла через 4 года и Кайду, сына Пир-Мухаммеда, владевшего от имени Шахруха также начиная с 1409—1410 г. обширнейшими областями Восточного и Юж-

[1] В тексте употреблено выражение «дар-баста», которое в словарях переводится «целиком», «полностью». Однако следует отметить, что начиная с конца XV в. выражение это приобрело значение определенного термина, обозначавшего одну из форм феодально-ленных владений. Не применено ли оно уже здесь в этом значении?

[2] Абдарреззак, л. 232-в.

[3] Мирхонд «Раузат-ус-Сафо». Бомбейское литографированное издание Кн. VI. стр. 218.

[4] Абдарреззак, л. 182-в.

[5] Ср. Улугбек, стр. 65.

[6] Там же, 201-а.

[7] Там же, 210-в.

[8] Абдарреззак, л. 201-а.

ного Афганистана — Кабулом, Газной, Кандагаром и др. В 1418—1419 г. его обвинили в попытке объявить себя независимым (он будто бы предлагал вассальным владетелям Дели провозгласить хутбу и чеканить монету от его имени), и он был лишен своих владений, которые также в качестве суюргала (ба расм-и-суюргал) были переданы Суюргатмышу, другому сыну Шахруха [1].

Под тем же годом Абдарреззак сообщает, что вышеупомянутый Саад-Ваккас «без причины» оставил свой суюргал и бежал в Азербайджан [2]. Владения же его вместе с другими областями Ирака, как видно из позднейших сообщений, были переданы в суюргал Мухаммеду Джуки, также сыну Шахруха [3].

В свою очередь, Улугбек в результате военных действий изгнал из Ферганы Ахмеда, который бежал в Герат к Шахруху. Хотя он и был сперва принят милостиво последним, однако практических результатов он здесь так и не добился. Вскоре он вынужден был отправиться в хадж, откуда и не вернулся [4].

Наряду с областями, отобранными у родичей, Шахрух раздает в суюргал своим сыновьям и ряд других крупных областей государства. В самом центре своих владений — в Хорасане — он выделяет крупнейший район, включавший вилайеты Тус, Мешхед, Абиверд, Ниса, Байлякан, Джармаган, Хабушан, Астрабад и Кабуджама, в качестве суюргала знаменитому своему сыну Байсанкуру [5]. Таким образом, если к этому добавить владения Улугбека, то окажется, что почти вся территория государства Шахруха оказалась разделенной на крупнейшие суюргалные владения — уделы между сыновьями Шахруха.

Вышеприведенные данные источников, таким образом, рисуют в достаточной мере наглядно внешнюю сторону развития суюргала при Шахрухе. С одной стороны, складываются суюргалные владения военачальников ввиде отдельных вилайетов, а с другой стороны, суюргалы жалуются в качестве уделов членам семьи Шахруха.

Относительно юридического статута суюргалных владений при Шахрухе данных дошло мало. Прежде всего можно установить, что суюргал, безусловно, рассматривается как владение наследственное. В случае смерти лица, получившего суюргал, последний переходит к сыну. Выше приводился рассказ о передаче Хорезма сыну Шах-Мелика. Об округе Радкане, бывшем суюргалом эмира Шейх-Али-бехадура, Фасихи рассказывает, что он перешел сперва к сыну этого эмира, а затем — к его внуку [6].

Обладатель суюргала прежде всего получал право на сбор доходов с области в свою пользу и своими средствами. Так, Абдарреззак в рассказе о передаче мирзе Мухаммеду Джехангиру Хисарского вилайета прибавляет: «и сбор доходов с того вилайета передал его наибам» [7]. Этим самым в условиях феодальной системы управления того времени в руки обладателя суюргала переходила и вся полнота административной власти. Иногда и самое пожалование формулируется как передача управления. Так, относительно суюргала Султан Мухаммеда Байкары, сына Омар-Шейха, говорится, что «управление (айалят) вилайета Хамадана и крепостей Варджирда и Нихавенда и всего Луристана сделал его суюргалом» [8]. Любопытно отметить, что позднейшие историки делают попытку разграничить эти два понятия: отдачу области в суюргал и пе-

---

[1] Абдарреззак, л. 211-в.
[2] Там же, л. 210-в.
[3] Там же
[4] Улугбек, стр. 74.
[5] «Муджммил-и-Фасихи». Рукопись Института востоковедения АН СССР. В. 709, л. 405; ср. Абдарреззак, л. 202-а.
[6] Указ. соч., л. 725-а.
[7] Абдарреззак, л. 182-в.
[8] Там же, л. 201-а.

редачу управления областью. Так, Мирхонд, передавая только что приведенное сообщение Абдарреззака о суюргале Султан Мухаммеда Байкары, формулирует его следующим образом: «Его величество..., обратив взгляд милости и заботы в сторону мирзы Байкары, управление (хукумат) вилайетом Хамадана, крепостями Варджирд и Нихавенда и всем Луристаном тому господину пожаловал, а всю страну (маджму'и-мамлякат) в суюргал ему отдал» [1].

Обычно свои сообщения о раздаче подобных суюргалов Абдарреззак сопровождает рассказами об «отечественных наставлениях», которые при этом делал Шахрух. Повидимому, в них в той или иной мере отражено содержание соответствующих дипломов. Не останавливаясь на общих моментах в наставлениях, отмечу рекомендацию «не вносить изменения в налоговую систему». Так, при пожаловании Хисара Мухаммеду Джехангизу, Шахрух, со слов Абдарреззака, «врата отечественных наставлений открыв, приказал, чтобы... (Мухаммед Джехангир) сборщикам налогов велел блюсти равенство между подданными, не пренебрегать интересами слабых ради благоденствия сильных, и не позволял им уклоняться от правил обычных и законов известных и не вводил новых поборов (русум-и-мухаддас)» [2].

Насколько можно судить, это — единственное ограничение в статуте суюргала. Понятно, что на практике даже с этим ограничением не всегда считались, но надо отметить, что, как мы увидим ниже, при Шахрухе нарушения этого ограничения наказывались, даже если нарушителем являлся сын самого Шахруха.

Что касается суюргалных владений царевичей — уделов сыновей Шахруха,— то при нем и эти владения рассматривались как наследственные уделы. Так, Ибрагим-султану в Фарсе наследовал его сын Абдулла [3]. После смерти Суюргатмыша его обширный удел был передан его «истинному преемнику», т. е. старшему сыну мирзе Султан-Мас'уду [4].

То же самое было и после смерти Байсанкура. Источник наш по этому поводу рассказывает следующее: «Его величество приказал, чтобы наследство царевича (Байсанкура) разделили между наследниками, согласно с повелениями аллаха... области, бывшие суюргалом мирзы Байсанкура, пожаловать его старшему сыну мирзе Аллааддауля... а мирзе Султан Мухаммеду и мирзе Абуль Касым Бабуру назначить кормление (алюфа)» [5]. В Мавераннахре Улугбеку фактически наследовал также его старший сын Абдаллятиф, хотя для осуществления своего права ему пришлось обагрить свои руки кровью отца.

Объем власти царевичей в их уделах был весьма велик. В. В. Бартольд в «Улугбеке» [6] рассмотрел этот вопрос в разрезе взаимоотношений центрального правительства в Герате с Улугбеком. По мнению В. Бартольда, при Улугбеке Мавераннахр фактически был как в административном, так и в финансовом отношении почти полностью независимым от гератского правительства. Царевичи и в других владениях обладали значительной самостоятельностью. Так, в очень интересном сообщении Абдарреззака о передаче Байсанкуру в суюргал Хорасана приводится копия диплома, из которого явствует, что при царевиче были образованы диван с визирем и эмирами, была свита из ученых, поэтов, выдающихся людей. Всем чинам государства, знати и населению предлагается считать царевича «падишахом и повелителем своим... всю область подчиняющейся его приказу». Взимание налогов передается в распоряжение его наибов и чиновников.

Но наряду с этим мы имеем и сообщения, говорящие об ограниче-

[1] Мирхонд. Указ. соч. VI, стр. 217.
[2] Абдарреззак, л. 182-в.
[3] Улугбек, стр. 129.
[4] Абдарреззак, л. 233-а.
[5] Мирхонд. Указ. соч. VI, стр. 244.
[6] Улугбек, стр. 70 и др.

ниях власти владетелей уделов; при них находились поставленные центральным правительством чиновники, ответственные перед Гератом; финансовая автономия была также далеко не полной: часть доходов должна была вноситься ввиде ежегодных взносов в общегосударственную казну. Нерадение и своеволие царевичей в своих уделах могло даже повлечь за собой лишение суюргала в целом или части его. В этом отношении большой интерес представляет рассказ Абдарреззака о положении в Фарсе, одном из главных уделов государства. Из всего рассказа, изобилующего, кстати, чрезвычайно любопытными деталями, приведу лишь места, относящиеся к положению Фарса как суюргалного владения. При царевиче в Фарсе находился в качестве управителя некий шейх Абуль-Хайр, которому, собственно, весь рассказ и посвящен. Вот что пишет Абдарреззак: «Знать и эмиры Фарса посылали челобитные к опорам государства, извещая их о том, что все подданные от зла (причиненного) Абуль-Хайрем дошли до крайнего предела (терпения) и нож подступил к самой кости, и, что мирза Султан-Абдулла, чьим суюргалом была эта страна, не может распоряжаться и единым динаром. А шейх Абуль-Хайр не допускает ни падишаха, ни эмиров ни до каких дел, касающихся власти и доходов. Его величество хакан-счастливый (Шахрух), услышав об этом, тут же повелел сместить шейха Абуль-Хайра, а эмира Сейиди, который был одним из самых известных эмиров, назначил на управление этой областью». Этот последний, по словам Абдарреззака, был человеком крутых мер и правил так же полновластно, но вскоре умер. Вслед за тем из Герата же был назначен ходжа Муиззаддин Мелик Симнани. Что касается шейха Абуль-Хайра, то он внешне как будто примирился со своим смещением и даже оказывал разные услуги новому правителю. Однако втайне он принимал меры для восстановления своей власти. Благодаря богатым подаркам ему удалось привлечь на свою сторону влиятельных сановников из придворных кругов в Герате. Их стараниями он был вызван в столицу, где он новыми подарками, от которых «разум мудрецов пришел бы в удивление», по словам нашего автора, «так обработал вельмож государства и сановников его величества, что все они в один голос доложили: «Пребывание шейх Абуль-Хайра в Фарсе крайне важно; лишь он может упорядочить дела островов, Хувейзы, Шуштара и вилайетов Хузистана, Багдада и других областей и что для ведения дел дивана он (единственно) подходящий человек. Налоги Фарса он готов взять в откуп (иджорат) за 1000 туманов». Его величество речи эмиров одобрил и власть над доходами и (управление) областью передал в руки его (Абуль Хейра) могущества» [1].

В отдельных случаях суюргалные владения у царевичей сокращались. Так например было с мирза Мухаммед-Султаном (Мухаммед Джуки), сыном Шахруха. Под 1443—1444 г. (847 г. х.) у Абдарреззака мы встречаем следующий рассказ: «В это время до слуха августейшего дошло, что мирза Мухаммед-Султан, суюргалом которого были отдельные области Ирана, простер руки насилия и население испытывает страдания от (притеснений) его чиновников. Не довольствуясь установленными налогами, он взыскивает больше обычного. Его величество приказал, чтобы Султанию и Казвин оставить в качестве его суюргала, а в остальные местности он не вступал бы. И ходжа Шемсаддин Мухаммед Бухари был назначен правителем областей, отобранных у царевича» [2].

Аналогичные сообщения имеются и в отношении других царевичей. Таким образом, в распоряжении Шахруха, безусловно, находились средства для действительного контроля над суюргалными владениями как своих сыновей, так и военачальников. Однако именно в практике суюргалных раздач следует видеть одну из важнейших предпосылок, приведших к смуте в государстве Шахруха, вспыхнувшей после его смерти.

---

[1] Абдарреззак, л. 255-в и дальше.

[2] Там же, л. 260-в.

Тем не менее и в дальнейшей истории отдельных владений Тимуридов суюргал продолжает занимать весьма существенное место. В этом отношении нельзя не отметить время правления Абуль-Касыма Бабура, при котором снова на первом месте выступают суюргальные пожалования представителям военной верхушки господствующего класса.

Придя к власти с помощью ряда присоединившихся к нему военачальников, Абуль-Касым Бабур щедро награждает последних суюргалами. Так, после похода на Самарканд в 1454—1455 г. (858 г. х.), согласно Абдарреззаку, Абуль-Касым Бабур роздал в суюргал военачальникам следующие вилайеты: Балх был отдан эмиру Хусамаддину Шир-Хаджи; вилайеты Сон и Чарак были пожалованы эмиру Али Фарису из рода Барлас; вилайет Аидхуд получили два брата: эмиры Зульнун и Ахмед Мушток; вилайет Шапурган стал суюргалом эмира Баба-Кукельташа; Кундуз и Баклан были отданы эмиру Пир-Султану. «И таким образом,— заканчивает наш автор, — каждый вилайет и окраину (нахийат) он (Абуль-Касым Бабур) пожаловал эмиру или сердару (предводителю)» [1]. Принявшая в это время широкие размеры раздача суюргалов военно-феодальным элементам сопровождалась усилением политической роли последних. Сам Абуль-Касым Бабур очень мало занимался государственными делами, если не считать военных походов и строительной деятельности. Как видно даже из льстивой придворной хроники Абдарреззака, вся полнота власти при нем фактически перешла в руки эмиров [2]. Это политическое преобладание военно-феодальной верхушки должно было отразиться и на характере суюргала, ставшего экономической основой их могущества.

Характерным в этом отношении является чрезвычайно ревнивое отношение держателей суюргалов к своим владениям. Любопытен следующий рассказ Абдарреззака, приведенный под 1456—1457 г. (861 г. х.): «В это время между эмиром Мухаммедом Худадодом и эмиром Хасаном Шейх-Тимуром, суюргалы которых были смежны, вспыхнула ссора из-за ничтожного участка земли». В результате оба они отправились в Мешхед с челобитиями — сперва в диван, а затем и к самому Абуль-Касыму. Ссора настолько разгорелась, что они проявили дерзость в присутствии самого султана, и последний, выведенный из терпения, одного из них во время приема избил палкой [3].

Общее усиление и расширение прав суюргалодержателей из военного сословия является характерным и для последующего времени.

Изданный В. Минорским замечательный суюргальный диплом конца XV в. (1498 г.) из Западного Ирана рисует суюргалодержателя почти независимым наследственным владетелем, обладателем всей полноты власти над находящейся в его ведении областью, при этом без всяких твердо фиксируемых обязательств [4].

Нет оснований сомневаться в том, что и в тимуровских государствах военно-феодальные суюргалодержатели добились такой же полноты владения. Однако здесь наряду с суюргалами — владениями военачальников — начиная с 70-х гг. (судя по первым сведениям хроник) складывается и другой тип суюргалов, владельцами которых выступают как представители гражданской администрации, так по преимуществу и представители духовенства и связанных с ними групп господствующего класса. Первые раздачи таких суюргалов связаны с именем Султана-Хусейна, последнего из Тимуридов — правителей Герата.

Вот что пишет Хондемир об этом: «А в отношении заботы о великих сейидах и ученых ислама, знаменитых людях своего времени и поэтах красноречивых, он никогда не проявлял нерадения и не делал упу-

---

[1] Абдарреззак, л. 300-в.; ср. Мирхонд, VI, 272.
[2] Абдарреззак, лл. 289-а и 306-в.
[3] Там же, л. 304-в.
[4] См. Minorsky V. «A Soyurghal», см. выше, стр. 46, примечание 6.

щений. Что же касается (удовлетворения) их просьб и раздач суюргалов и (других) милостей этому классу предводителей религии, (то он) принимал соответствующие решения»[1]. У Хондемира же мы находим и конкретные рассказы о подобных раздачах суюргалов.

Перечисляя знаменитых людей царствования Султан-Хусейна, он упоминает, между прочим, о сейиде Асильаддине Абдаллахе ал-Хусейни, переселившемся из Шираза в Герат,— авторе нескольких книг и трактатов по религиозным вопросам и проповеднике в одной из соборных мечетей города. После его смерти (1476—1477 г. (881 г. х.) «Хакан победоносный обратился с утешениями к его потомкам и суюргалы покойного сейида им пожаловал»[2].

Аналогичное сообщение мы находим у того же автора и в отношении другого лица, именно казия Нураддина ал-Имами. После кончины последнего в 1486 г. (891 г. х.) его детям были переданы «суюргалы и обеленные владения» (суюргалат ва ма'афийат) их отца[3].

У нас имеется возможность установить статут этой категории суюргалов. В этом отношении мы находимся в достаточно благоприятном положении. Дело в том, что от этого времени до нас дошел ряд образцов современных суюргалных документов, сохранившихся в сборниках «инша»[4] и зачастую представляющих собою копии действительно выданных документов. Из таких сборников мною привлечены: 1) «Тарассуль-аль-Мерварид», содержащий копии с разнообразных документов, написанных Абдаллахом аль-Мервариди, известным секретарем султана Хусейна[5]; 2) анонимный рукописный сборник образцов разнообразных документов без названия, вывезенный В. В. Бартольдом из Средней Азии[6]. Хотя последний сборник составлен в середине XVI в., однако, как нетрудно установить, он содержит в большом количестве копии документов XV века. В частности составитель включил в него ряд документов из сборника Мерварида и из двух сборников, составленных на рубеже XV и XVI вв., а именно: «Бадайи'-уль-инша» Мунши-Юсуфи и «Нома-йи-номи» Хондемира.

Сюда же следует отнести и суюргалный документ, включенный в мемуары Васифи[7].

Не останавливаясь на разборе отдельных документов, что должно стать предметом особой работы, попытаюсь дать суммарные очертания статута суюргалов духовенства, чиновничества и других представителей землевладельческих классов общества.

Категории лиц, получавших суюргалы, были в достаточной мере разнообразны. Здесь мы находим шейх-уль ислама[8], шейха дервишского скита[9], казия[10], сейида[11], мухтасиба[12], мунши[13], арбоба[14], «ученого (?)

[1] «Раузат-ус-Сафо». Бомбейское литографированное издание. Кн. VII (написана Хондемиром), стр. 3.

[2] Там же, стр. 86.

[3] Там же, стр. 87.

[4] «Инша», собственно, обозначает искусство составления официальных документов. В средние века искусство это высоко ценилось. Составлялись документы в крайне высокопарном стиле, и лучшие, по мнению современников, образцы становились предметом подражания.

[5] Списки этого сборника имеются во многих рукописных собраниях. Автор пользовался рукописью Института востоковедения АН СССР. С. 333 (в дальнейшем — «Тарассуль»).

[6] Рукопись Института востоковедения АН СССР. А. 210 (в дальнейших ссылках — «Рукопись Бартольда»).

[7] Васифи «Бадойи'уль-вакойи». Рукопись Института востоковедения АН СССР. В. 652, л. 516-в.

[8] Рукопись Бартольда, л 32-в.

[9] Там же, л. 80-а.

[10] Там же, л. 34-а.

[11] Там же, л. 177-а.

[12] Там же, л. 38-в.

[13] Там же, л. 36-в.

[14] Там же, л. 35-а.

обладателя совершенств»[1]. Суюргал был дан и просто какому-то Хасану Джами[2], ввиду «его приверженности к исламу и державе», и, наконец, придворному музыканту[3].

Объектами пожалования являются прежде всего земельные участки точно определенных размеров. Так, в суюргал даются участки размером в 15 парных тягл[4], в 6 парных тягл[5], в 500 джерибов[6], в 300 джерибов[7], в 120 джерибов[8], в 200 танапов[9] и т. п. Эти участки могли представлять собой земли культурные, засеваемые — мазру[10], сады[11], но одновременно и земли-пустоши (бойис)[12], пригодные к возделыванию (с имеющейся оросительной системой)[13]. Объектами суюргалного пожалования могли быть и земли, известные под названием «харим»[14],— запретные, заповедные, обычно находившиеся в общинном пользовании. Этот термин (харим) прилагается, между прочим, к дорогам, к берегам арыков. Однако земли харим называются также и мамляке[15], т. е. государственными; во всяком случае, государство захватывает право распоряжаться этими участками.

Вместе с земельным участком в суюргал давалась и вода, орошавшая данный земельный участок[16]. В качестве суюргала отдавались и целые деревни[17]. Интересно отметить, что деревни эти обычно отдавались выходцу из данной же деревни, тем или иным путем заслужившему пожалование. Примером является упоминавшееся пожалование в суюргал деревни (придворному) музыканту.

В суюргал обычно передавался вполне определенный участок земли, местонахождение которого точно указывалось. Тем более любопытно отметить, что в одном случае в суюргал было передано хотя и определенное количество земли, но выбор участка был предоставлен усмотрению жалуемого лица[18].

В виде исключения в суюргал давались и копи, но, видимо, те, которые в момент пожалования не эксплоатировались[19].

Объем прав и привилегий, предоставлявшихся суюргаловладельцам всей рассматриваемой группы, в общем одинаков. Однако формулировка их в наших документах зависит как от объекта пожалования, так и от общественного положения его получателя. Диплом шейхульислама, конечно, составлялся в гораздо более выспренных выражениях и значительно подробней чем, положим, диплом музыканта. Общим для всех видов суюргала является отказ государственной власти в пользу получателя суюргала от тех доходов, что прежде шли в казну. В дипломах это выражается обычно или путем перечисления налогов и повинностей, от которых государство отказывается, или просто стандартной формулой обеления, в которой говорилось, что данный участок

---

[1] Рукопись Бартольда, л. 175-а.
[2] Там же, л. 36-в.
[3] Тарассуль, л. 79-а.
[4] Рукопись Бартольда, л. 36-в.
[5] Там же, л. 80-а.
[6] Там же, л. 176-а. Джериб равен приблизительно ¼ га (около 2400 м²).
[7] Там же, л. 38-в.
[8] Тарассуль, л. 48-в.
[9] «Бадойи аль-Инша». Рукопись Гос. Публ. библиотеки Узбекской ССР, № 286, л. 106-в.
[10] Рукопись Бартольда, л. 32-в.
[11] Там же, л. 36-в.
[12] Там же, л. 176-а.
[13] Там же, л. 176-а (замин-и-бойис-и-обдор).
[14] Там же, л. 34-в.
[15] Там же, л. 34-в.
[16] Там же, л. 80-а.
[17] Там же, л. 177-а.
[18] Там же, л. 36-в.
[19] Васифи. Указ. соч., л. 516-в, ср. Болдырев А. «Мемуары Зайн ад-дина Васыфи». «Труды отдела истории культуры и искусства Востока». Т. II, стр. 286. Госэрмитаж. Лгр. 1940.

земли становится «неподлежащим обложению, находящимся в бесспорном владении и изъятым из записей» (ма' аф, мусаллам, ва марфу' уль-калам).

В большинстве суюргалных дипломов так или иначе подчеркивается бессрочность пожалования, наследственный его характер. Бессрочность выражается весьма разнообразно, чаще всего формулой «хувад-бари», которую Минорский читает «хува-абади» («он вечен»)[1]. Однако, видимо, гипотетическая возможность отнятия суюргалов не была исключена. И поэтому в некоторых из дипломов специально отмечается, что если по какому-либо экстраординарному случаю будет издан указ о возврате суюргалов, то на данный суюргал не должен распространяться этот указ[2].

В большинстве суюргалных документов весьма выразительно устанавливаются иммунитетные права (налогового порядка) владельца суюргала. Вот что говорится в одном из наших документов о деревне, отданной в суюргал: «Ни одно создание не вправе что-либо требовать от (жителей) упомянутой деревни. Путь в нее для хакимов, даруг, визирей и чиновников дивана, арбабов, калантаров... [и др. закрыт]»[3]. Так же определенно иммунитет выражен в грамотах, относящихся к отдельным земельным участкам, которые, как предполагалось, будут обрабатываться зависимыми от владельца суюргала земледельцами. Так, в одной из грамот говорится: «Когда обмер будет произведен, то после этого чиновник, ведающий обмером (во владении хозяина суюргала), да не вступает и не подвергает притеснениям издольщиков и земледельцев (мазори'он ва корандахо) его суюргала»[4].

В принципе пожалование суюргала являлось актом милости и благоволения со стороны главы государства по отношению к тому или иному лицу. Обычно грамота отмечает те или иные заслуги на том или ином поприще или достоинства получателя суюргала, наградой чему и являлся суюргал. В этом смысле суюргал являлся бенефицием, независимым от выполнения тех или иных функций. Однако одновременно можно отметить, что суюргал иногда являлся вознаграждением и за чисто служебную деятельность. Так, встречаются грамоты на имя мухтасиба, мунши, а в одном случае и казия, которые получили суюргалы одновременно с назначением их на соответствующие должности[5]. Это сближает суюргалы с церковными бенефициями западноевропейского феодализма. Однако в отличие от них владение суюргалом не ограничивается временем состояния на службе. Суюргалы остаются в принципе в их «вечном пользовании».

Таковы в самых общих чертах наши сведения о суюргале интересующего нас времени. Они, на наш взгляд, являются достаточно убедительными для того, чтобы говорить о суюргале как о весьма важном институте феодального землевладения Средней Азии и Ирана, путь развития которого представляет и общий интерес для истории феодальных институтов на Востоке, до сих пор так слабо изученных в деталях. Приведенный материал одновременно затрагивает и целый ряд других проблем, рассмотрение которых, однако, выходит за пределы поставленной в этой статье задачи.

---

[1] Тарассуль, л. 79-а. Рукопись Бартольда, л. 36-в; ср. Minorsky V. Указ. работа, стр. 944 и др.

[2] Рукопись Бартольда, л. 42-в.

[3] Рукопись Бартольда, л. 177-а. Конца фразы недостает, однако смысл ее не вызывает сомнения.

[4] Там же, л. 32-в. Характерно, что эти категории названы «мута алякон», слово, которое, безусловно, обозначало в это время юридически зависимых лиц.

[5] Рукопись Бартольда, л. 34-в.

СООБЩЕНИЯ

ОСИПОВСКИЙ МЯТЕЖ В ТАШКЕНТЕ
(18—22 января 1919 года) *

(Воспоминания)

Д. Саликов

В кольце фронтов

Тяжел и суров был 1918 год для Туркестана. Со всех сторон его обложили фронты: с Оренбурга наступали атаман Дутов и генерал Белов, с Семиречья—Анненков, с Ферганы — басмачи. На закаспийском фронте отечественная контрреволюция в лице правых эсеров и меньшевиков боролась против советской власти вместе с иностранными интервентами — англичанами.

Голод и эпидемия тифа охватили Туркестан. Средняя Азия обычно жила привозным хлебом. «Дутовская пробка» прекратила его приток со стороны Оренбурга. Скудные местные посевы не могли прокормить население. От бескормицы начался падеж скота. Голодная смерть нависла над юртами кочевников—киргизов, казахов,—над аулами и кишлаками дехкан.

Не лучше было и в городах. Как тени бродили изнуренные от голода казахи и дехкане, приехавшие сюда из далеких аулов и кишлаков. Спекулянты не знали пощады: за маленькую ячменную лепешку, наполовину перемешанную с отрубями и мякиной, за горсть пшена или кукурузы они снимали последний халат с изголодавшегося дехканина, последнюю рубаху с рабочего.

В эту тяжелую пору я работал членом коллегии Народного комиссариата путей сообщения Туркреспублики. В моем ведении было снабжение материалами и топливом всех железных дорог и водного транспорта. Задача эта была не из легких Основным видом топлива для паровозов на Среднеазиатских железных дорогах была нефть, запасы которой подходили к концу. Пополнить их не представлялось никакой возможности, так как закаспийский фронт отрезал от нас Баку. Необходимо было срочно найти какой-то выход, иначе весь железнодорожный транспорт Средней Азии должен был замереть. Оставалось одно — заменить нефть ферганским каменным углем. Правда, этот уголь был весьма невысокого качества, но другого выхода не было. Железнодорожное движение с каждым днем сокращалось. Бывали времена, когда паровозы приходилось отапливать хлопковым маслом и даже сушеной рыбой, особенно на участках, прилегавших к Аральскому морю. Совершенно прекратилось пассажирское движение, кое-как продвигались лишь продовольственные и топливные поезда и воинские эшелоны.

С переходом на ферганский уголь встал вопрос о переоборудовании топок паровозов. Главным мастерским Среднеазиатской железной дороги было дано срочное задание — начать эту работу. Но дело неожиданно осложнилось: мы натолкнулись на глухое, упорное сопротивление начальника Главных железнодорожных мастерских инженера С. И. Ковальского и председателя совета комиссаров мастерских Агапова. Мастерские выпускали вместо 7 переоборудованных паровозов в сутки всего лишь 1—1½.

Как выяснилось позднее, Агапов играл далеко не маловажную роль в осиповской авантюре. Нити контрреволюционного заговора крепко связывали Агапова с тайным штабом заговорщиков, возглавляемым Осиповым [1], Цветковым и другими. По их указаниям Агапов проводил в мастерских контрреволюционную, подрывную работу.

Большевикам приходилось вести напряженную борьбу, чтобы сломить упорный саботаж контрреволюционных элементов, засевших тогда в советских предприятиях и учреждениях. Положение осложнялось еще тем, что «левые» эсеры в Туркестане

* Контрреволюционное выступление Осипова в Ташкенте было звеном в цепи восстаний, предусмотренных штабом Колчака в общем плане борьбы с советской властью. Организаторы и главари мятежа были тесно связаны с разведкой Англии и финансировались английской миссией в Мешхеде и Кашгаре. Непосредственным вдохновителем мятежа был Маккэрней — глава английской военно-дипломатической миссии в Ташкенте.

[1] Осипов (бывший прапорщик) в то время был военным комиссаром Туркреспублики.

продолжали быть легальной партией и имели своих представителей в советских организациях. «Левые» эсеры всячески тормозили работу советов и саботировали очищение Туркестана от махровых контрреволюционеров и вредителей. Между коммунистами и «левыми» эсерами происходили постоянные и острые схватки на заседаниях горсовета, Совнаркома, Туркцика, на различных собраниях, совещаниях и съездах.

Большевистская организация Туркестана, хотя и значительно выросшая после Октябрьской революции, не могла еще охватить своим влиянием огромный по размерам край. Наибольшее количество коммунистов было сосредоточено в городах. Коммунистов из числа коренных жителей, особенно из кишлаков и аулов, было мало. Коммунисты-русские местных языков не знали. Немало членов партии находилось в Красной Армии на фронтах.

Партийные организации в первую очередь и главным образом опирались в то время на пролетарское население городов: на рабочих предприятий, железнодорожников, а также на солдат. Коммунистам упорной работой удалось обеспечить за собой замещение руководящих постов в советских органах. Должности председателей Туркцика, Совнаркома, ЦСНХ, Туркчека, Наркомпрода, Наркомпути, Наркомвоена и др. занимали коммунисты. Менее значительным было влияние партии на крестьянство, что давало возможность «левым» эсерам проводить среди них свою подрывную работу. Укреплению партийной организации Туркестана и ее влиянию на трудовые массы края серьезно мешала деятельность антипартийной группы, называвшей себя «старыми коммунистами». Группа эта разжигала великодержавный шовинизм, старалась свернуть парторганизацию с позиций ленинско-сталинской национальной политики, угрожала расколом партии и даже открытием «нового фронта». К этой группе примыкал военный комиссар Осипов, возглавивший потом антисоветский мятеж.

Партия «левых» эсеров в Туркестане являлась выразительницей и защитницей интересов кулачества. Через кулаков «левые» эсеры старались влиять и на остальную часть крестьянства. Эсеровская организация в городах Туркестана состояла преимущественно из чиновников, кустарей, торговцев и других представителей мелкой буржуазии. Были среди них и махровые реакционеры вроде Н. И. Черневского и доктора Успенского; они числились лидерами партии «левых» эсеров, а Успенский даже был заместителем председателя Туркцика. Это не мешало ему аккуратно по воскресеньям ходить в церковь к обедне. В партии «левых» эсеров состояли и некоторые рабочие-железнодорожники, которых эсеры сумели обмануть и увлечь за собой.

После «лево»-эсеровского мятежа в Москве в июне 1918 года «левые» эсеры Туркестана, хотя и были противниками заключения брестского мира, отреклись от своего ЦК и осудили его попытку свергнуть советское правительство. Сохранив свои места в советском аппарате, лидеры «левых» эсеров вели систематическую борьбу с коммунистами, саботировали проведение декретов советского правительства, особенно тех, которые были направлены на углубление социалистической революции в деревне и на беспощадную борьбу с буржуазно-помещичьей контрреволюцией.

С другой стороны, многие рядовые «левые» эсеры, особенно рабочие, шли вместе с коммунистами и поддерживали их основные мероприятия.

Последние четыре месяца 1918 г. в Средней Азии были самыми напряженными для большевиков в их борьбе с белыми бандами и «левыми» эсерами. Фронт врагов с каждым днем все сильней и сильней кольцом сжимал Туркестан. Борьба большевиков с партией «левых» эсеров приняла самые острые формы.

Продовольственный вопрос в то время являлся самым злободневным и оживленно обсуждался на рабочих собраниях. Рабочие железнодорожных мастерских обсуждали его чуть ли не каждый день. Агапов умело и тонко разжигал страсти, всячески подчеркивая якобы безвыходность положения рабочих. Помнится, на одном из таких собраний кто-то потребовал разрешения частной торговли и прекращения гражданской войны. Кто был выступавший, неизвестно, но на нем была рабочая блуза. В другой раз кто-то предложил послать мирную делегацию к Дутову. Кому принадлежали эти голоса? Мог ли так мыслить сознательный революционер рабочий? Конечно, нет. Это был голос классового врага, замаскировавшегося в рабочую блузу.

Тучи сгущаются

31 августа 1918 г., в день покушения на В. И. Ленина, в Ташкенте был организован Комитет красного террора.

«Левые» эсеры встретили наше предложение об организации Комитета в штыки. Но в конце концов им пришлось согласиться, и они даже выделили в Комитет одного своего представителя. В состав Комитета был введен и пишущий настоящие строки.

Члены Комитета были настроены побоевому и намерены были произвести в городе тщательную чистку. Вечером в тот же день, распределив между собой районы новой части города[1], мы отправились на обыск. Мне достался центральный район, около Воскресенского базара. Здесь в гостиницах проживало немало всяких темных личностей неопределенных профессий, выдававших себя за купцов, чиновников и т. д. Все они приехали сюда из Москвы, Петрограда, Баку и других крупных центров России. При обыске мы отобрали у многих из них оружие. На наши вопросы, зачем они приехали и что здесь делают, ответы в большинстве давались стереотипные: «Я приехал по торговым делам, закупить хлопок, шолк», или: «Приехал

[1] Новой частью города называлась часть, населенная русскими.

оформить расчеты по поставкам товаров» и т. д.

Но встречались и такие, которые держались вызывающе и заявляли нам, что они застряли здесь по нашей же вине, так как «комиссары отменили пассажирское движение, вследствие чего им поневоле приходится отсиживаться». Мы любезно предлагали им для отсидки новую квартиру. Споров или каких-либо энергичных протестов не было: разводили руками, видя нас вооруженными: «Подчиняемся, мол, вашей силе, ничего не поделаешь...»

За ночь мы выловили таким образом человек до двухсот. Но при допросе произошел инцидент, сорвавший всю нашу работу. В члены Комитета красного террора попал некто Пашко, впоследствии оказавшийся провокатором. Допрашивая одного гражданина, задержанного в нетрезвом виде и без документов, он начал бить его по лицу. Мы категорически запротестовали против таких методов допроса, но Пашко нагло ответил:

— А, идите вы к чорту! Что хочу, то и делаю, на то я и террорист.

Завязался спор. Возмущенный наглым поведением Пашко, один из наших товарищей схватил винтовку, но мы вовремя остановили его.

Этим инцидентом умело воспользовались «левые» эсеры. Они сейчас же вызвали некоторых своих товарищей, пользовавшихся среди эсеров авторитетом. Приехал и Войтинцев — председатель Туркцика — коммунист. Спор принял еще более ожесточенный характер. «Левые» эсеры потребовали немедленного роспуска Комитета.

Присутствовавшие при этом коммунисты, члены правительства, проявили явную мягкотелость. Вместо того чтобы арестовать затесавшегося к нам негодяя Пашко и тем самым ликвидировать инцидент, они согласились с доводами «левых» эсеров, и Комитет, просуществовав только один день, был распущен, а город остался не очищенным от контрреволюционных элементов. Весь выловленный нами контрреволюционный сброд был распущен по домам, а в январские дни жестоко отомстил нам.

4 ноября 1918 г. произошло не менее знаменательное событие: Туркцик объявил о мобилизации населения от 18- до 45-летнего возраста для пополнения рядов Красной Армии и усиления фронтов.

Вечером состоялось многолюдное собрание сотрудников Комиссариата путей сообщения Туркестанской республики. Заслушали постановление и начали обсуждать. Выступает один оратор с пышными, аккуратно расчесанными баками, в пенсне и потертом вицмундире, на котором еще сохранились кое-где блестящие пуговицы. Голос звучит вкрадчиво, несмело.

— Господа... т. е., простите, товарищи! Не пора ли нам перековать мечи на плуги и начать мирную, спокойную жизнь? Тем более, что та жертва, которая ныне от нас требуется, предназначается исключительно для войны междоусобной...

В гуще голов, со всех сторон обступивших оратора, произошло движение.

— Хватит крови! Довольно!..— раздался чей-то истерический выкрик.

Голос оратора зазвучал увереннее и смелее:

— Я знаю, граждане-товарищи, что мы все будем единодушны в решении данного вопроса. Мы мирные труженики и войны не хотим...

— Война нужна им... комиссарам... большевикам! — опять звонко выкрикнул чей-то голос.

— Долой комиссаров! Не допускать войну! Повоевали — хватит! — продолжались выкрики.

Общее собрание под влиянием контрреволюционных крикунов приняло резолюцию: «Постановление Туркцика отвергнуть и мобилизации населения в Красную Армию не проводить».

За несколько дней до этого собрания Туркчека раскрыла большой контрреволюционный заговор. Сообщение об этом было напечатано в «Нашей газете» 29 октября 1918 года. Центр заговора был в Ташкенте. Но первоначально заговор был обнаружен в Скобелеве. Заговорщики имели тесную связь с руководителями басмаческих банд, с Иргашом и штабс-капитаном Корниловым (братом генерала Корнилова). Отдельные ячейки заговорщиков находились в Коканде, Андижане и других местностях. «Из показаний арестованных белогвардейцев,— писала та же газета,— устанавливается, что инициаторами и вдохновителями заговора являются английские империалисты». Туркчека арестовала свыше 200 офицеров царской армии — активных участников заговора.

Таким образом, контрреволюционная подготовка к вооруженному выступлению против советской власти в Туркестане велась по определенному, заранее разработанному плану. Выступление это намечалось вначале не в январе, а позднее, но события сложились так, что заговорщики решили осуществить свои планы гораздо раньше.

В Ташкенте начали открыто распространяться слухи о готовящемся восстании. Ночами на заборах чья-то рука расклеивала воззвания с призывом к свержению советской власти. Создавалась обстановка, требовавшая самых решительных, энергичных мер борьбы с контрреволюцией.

От имени фракции большевиков Комиссариата путей сообщения в декабре 1918 г. народный комиссар путей сообщения Туркестанской республики тов. Дубицкий Евдоким Прохорович поставил на заседании Туркцика вопрос о создании чрезвычайного военно-полевого суда.

Предложение Дубицкого вызвало бурные прения. Представители «левых» эсеров категорически возражали против внесенного предложения. Особенно горячо выступал лидер «левых» эсеров доктор Успенский.

— Никаких военно-полевых судов не нужно,— решительно заявил он.— Откуда вы, большевики, взяли, что советской власти угрожает опасность? Ерунда! Никакой контрреволюции нет и быть не может. Но если вы вопреки нашим благоразумным

советам все-таки организуете полевой суд, то этим самым создадите контрреволюцию. На действие всегда отвечают противодействием,— с угрозой закончил Успенский.

Выступление Успенского свидетельствовало о том, что он уже был осведомлен о надвигавшейся контрреволюционной расправе Осипова.

Во время перерыва заседания коммунистическая фракция Туркцика наметила кандидатами в состав военно-полевого суда Червякова, Шилова и Саликова (автора данной заметки). По возобновлении заседания наша фракция заявила, что коммунисты твердо решили организовать военно-полевой суд. Туркцик тут же обсудил этот вопрос и решил его положительно, причем «левые» эсеры от голосования отказались. На следующий день Туркциком был издан приказ о передаче всех дел арестованных белогвардейцев военно-революционному полевому суду.

Однако «левые» эсеры не успокоились. Они еще дважды ставили на заседании Туркцика вопрос о полевом суде, требуя отмены решения правительства и передачи этого спорного дела на соглашение партий. Но Туркцик отклонил их требование. Под председательством Червякова суд начал функционировать.

Одним из важнейших дел, которое мы собирались решить в первую очередь, было дело о 200 офицерах царской армии, арестованных Туркчека по обвинению в контрреволюции. Следствие о них было закончено, и мы начали готовиться к этому большому и сложному процессу, однако события нас опередили.

В полдень 17 января Туркчека арестовала Бота, адъютанта Осипова. При обыске на квартире Бота было обнаружено много различного оружия и боеприпасов. Боту угрожало обвинение в государственной измене со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но в дело вмешался сам Осипов. Он категорически потребовал, чтобы Бот был выдан ему на поруки. Его требование было удовлетворено.

18 января 1919 г. в железнодорожных мастерских состоялось собрание под председательством Агапова. Поводом к собранию послужили продовольственные затруднения и приказ наркома туркестанских путей сообщения Дубицкого о повышении производительности мастерских. Инициатором собрания являлся Агапов, который ловко воспользовался недостатком продовольствия и этим приказом, чтобы попытаться разжечь страсти и настроить рабочих против советской власти.

Огромный колесный цех железнодорожных мастерских, в котором собралось до полуторы тысячи рабочих, гудел как паровоз под приглушенными парами; когда мы— члены коллегии Наркомпути — вошли туда, Агапов сидел на председательском месте, за большим грязным столом цеха, и по списку вызывал ораторов. Наше появление было встречено возгласами недовольства, и мы сразу почувствовали напряженность обстановки. На трибуну, сделанную из старых ящиков, грузно поднялся широкоплечий, кряжистый человек в рабочей блузе. Осмотрев присутствующих мрачным взглядом, он начал тяжело бросать слова:

— Товарищи, наша производственная программа чрезвычайно тяжела. А что мы получаем за нашу работу?.. Осьмушку хлеба и кукурузную мамалыгу, и то не каждый день... Так я говорю, товарищи?..

— Правильно, правильно! — отозвалось несколько голосов в толпе.

Оратор кинул быстрый взгляд на Агапова, и тот, как мне показалось, едва заметно одобрительно улыбнулся ему.

— Продолжайте, товарищ,—скромно произнес Агапов.

— Так вот, мы должны прямо заявить комиссарам,— продолжал оратор,— пусть комиссары ликвидируют гражданскую войну и подвезут продовольствие...

Опять по лицу Агапова пробежала едва уловимая самодовольная усмешка.

— Кончили, товарищ? — обратился он к оратору.— Отлично. Следующий выступает товарищ Петров.

Петров поднялся на трибуну и заговорил в тон предыдущему. Он предложил послать мирную делегацию на фронт, тогда будет хлеб, мясо, мануфактура... и т. д. в этом духе.

Я потребовал, чтобы мне дали слово. Агапов неторопливо поднял голову и пристально посмотрел на меня.

— Что вы хотите нам заявить, дорогой товарищ Саликов?—спокойно, но с особым подчеркиванием спросил он у меня.— Вопрос достаточно ясен. К тому же мы неоднократно слышали ваши выступления, едва ли вы скажете что-либо новое. Я считаю более полезным дать высказаться рабочим. Впрочем... (Агапов пожал плечами и сделал многозначительную паузу) если воля собрания будет такова, чтобы вам дали слово, я не возражаю. Но ваше выступление, повторяю, отнимет лишнее время, а сейчас и без того уже поздно (Агапов посмотрел на часы), ораторов же записалось очень много... Так как же, товарищи,— обратился Агапов к собранию,— дадим мы комиссару Саликову слово?

— Нет, не давать! Слышали!..

— Дать!.. — кричали в толпе.

— Вот видите,—кротко обратился ко мне Агапов,— такова воля собрания, я ничего не могу поделать.

На лице Дубицкого появились красные пятна.

— Агапов,— громко крикнул он,— это неправильно! Я требую, чтобы нам дали слово.

— И я также прошу дать нам высказаться,— настойчиво произнес Кравченко [1].

— Товарищи комиссары,—обратился Агапов к нам, и тонкие губы его пошевелила едва заметная ироническая усмешка,— вы слышали волю рабочих? Будем считать этот вопрос исчерпанным. Дадим слово очередному оратору...

Нам ничего не оставалось делать, как только молча наблюдать, чем все это кончится.

---

[1] Ф. Г. Кравченко — член коллегии Наркомпути Туркестана.

Мы ушли с тяжелым чувством, что часть рабочих на этом собрании поддалась демагогии врагов, спекулировавших продовольственными трудностями.

Тревожная ночь

В ночь на 19 января в городе, очевидно, уже велась практическая подготовка к вооруженному выступлению. Начальник гарнизона коммунист тов. К. Ревякин был отпущен Осиповым в краткосрочный отпуск. Все наружные караулы, состоявшие из частей гарнизона, были заменены отрядами, находившимися в ведении контрреволюционных организаций. Нашей руководящей группе железнодорожников вечером 18 января почему-то не выдали пропусков, которые мы обычно получали для ночного хождения по городу. В 11 часов вечера ко мне на квартиру, находившуюся в гостинице «Бельвю», на углу Джизакской и Уратюбинской улиц (общежитие группы железнодорожников), зашел знакомый товарищ. С трудом скрывая волнение, он заявил мне, что в городе неблагополучно, но что именно происходит, он так определенно и не сказал.

— Ты, впрочем, не волнуйся, Дмитрий. Со стороны советской власти все меры приняты. Но ты все-таки будь настороже, так как очень возможны серьезные осложнения.

Сказав это, он поспешно удалился.

Я сейчас же поделился сообщением с товарищами по работе, которые жили вместе со мной в гостинице. Все собрались в комнате Ф. Г. Кравченко и устроили совещание, как быть на случай контрреволюционного выступления. Мы проверили имевшееся у нас оружие — винтовки, гранаты, револьверы. Затем попытались по телефону установить связь с некоторыми товарищами, членами правительства и Ташкентского исполкома, чтобы выяснить, что происходит в городе, и в соответствии с этим принять тот или иной план действий.

Но дозвониться нам ни к кому не удалось. Как потом оказалось, городская телефонная станция в этот момент была захвачена мятежниками, которые перерезали провода. Мой телефон, соединенный прямым проводом с Комиссариатом путей сообщения, пока еще действовал. Пользуясь им, я имел возможность поддерживать связь с вокзалом, телеграфом Туркпути, квартирой Дубицкого и т. д. Около часу ночи я вызвал квартиру Дубицкого. К телефону подошла его жена Зинаида Васильевна, которая ответила мне, что самого Дубицкого дома нет. Он ушел час тому назад на станцию или в мастерские, так как где-то была перестрелка.

Я положил трубку и отошел от телефона, но через полминуты звонок затрещал снова. Беру трубку. Грубый мужской голос рычит:

— Кто у телефона?

Я называю свою фамилию и спрашиваю, в чем дело.

— С тобой говорит белогвардеец с телеграфа,— нагло отвечает трубка.

— Белогвардеец?! — нарочито удивленно воскликнул я.— Вот новость!.. Что же это за белогвардеец и как он попал на телеграф?

— Ты с ним скоро познакомишься. Он отрывает голову таким, как ты,— со злобным торжеством захрипела трубка.— Семнадцать твоих товарищей-коммунистов уже уничтожены во дворе 2-го полка. Очередь за тобой. Жаль, что я не знаю твоего адреса...

— Много там на телеграфе таких идиотов, разбойников, как ты? — хладнокровно спросил я.

Из трубки посыпалась отборная ругань. Не желая больше терять времени на этот разговор, я отошел от телефона и поспешил к Кравченко рассказать товарищам об этом разговоре.

Мы решили приготовиться к обороне, ибо считали, что другого выхода у нас нет. Группой, вооруженными, без специальных ночных пропусков, какие тогда выдавались на каждую ночь, никуда не пройдешь. И мастерские и оренбургская школа комсостава находились на расстоянии четырех—пяти километров. Несколько человек, вооруженных винтовками, заняли входные двери, чтобы в случае появления белогвардейцев немедленно предупредить остальных.

Прошло полчаса, час — никто не появлялся. Как потом оказалось, на телеграфе белогвардейцам не дали наших адресов. Чтобы окончательно убедиться, действительно ли телеграф занят белогвардейцами, я вместе с М. П. Шишковым (комиссаром телеграфа Туркпути) вернулся на свою квартиру для разговора по телефону.

Прежде чем начать разговор, мы сняли трубку и, не давая звонка, стали прислушиваться. Обычно в трубке слышался треск работающих телеграфных аппаратов, но на этот раз треска не было слышно, а доносилась какая-то приглушенная возня, словно большая толпа наполняла комнату телеграфа. Я дал слабый, короткий звонок ручного телефона. В трубке тихо прозвучал женский голос:

— Что угодно?

— Кто отвечает? — спросил я.

— Дежурная телефонистка Андреева.

— Скажите, пожалуйста, есть ли кто-нибудь посторонний на телеграфе?

— Да! Очень много...— едва слышно поспешно прошептали в трубку.

— Не скажете ли, кто именно?

— Не наши... Больше говорить не могу...— ответила тихо телефонистка и повесила трубку.

Это короткое сообщение окончательно убедило нас, что телеграф занят отрядом белогвардейцев.

Необходимо было наладить хоть какую-нибудь связь, чтобы подробно выяснить, какие события происходят в городе, кто выступил, где находятся красноармейские части и члены советского правительства. Кто-то предложил послать в Комиссариат путей сообщения одного из шоферов, жив-

ших вместе с нами, под предлогом, будто он пришел в гараж проверить машины. Это предложение все одобрили. Тотчас же были вызваны шоферы Григорьев и Мишуев, беспартийные, преданные советской власти работники. Подробно объяснив им задачу, мы спросили, кто согласен ее выполнить. Мишуев подумал и коротко ответил:

— Ладно, товарищи, сделаю...

Попрощавшись с нами на всякий случай, он ушел.

Минут через 15 Мишуев благополучно добрался до Комиссариата. У входа в здание никого не было, и он беспрепятственно прошел на телеграф. Помещение телеграфа было переполнено вооруженными людьми, которые при его появлении схватились за наганы и винтовки. Несколько человек подбежали к Мишуеву и, угрожая ему револьверами, спросили, коммунист он или нет.

Мишуев спокойно ответил, что он беспартийный. Белогвардейцы обыскали его и, ничего не найдя, спросили у присутствующих телеграфистов, действительно ли шофер беспартийный. Те подтвердили.

— Зачем ты сюда пришел? — спросил у Мишуева один из офицеров.

Мишуев объяснил ему, что ввиду морозной ночи машины могут застыть, необходимо их подогреть и заправить, чтобы к началу занятий они были готовы.

— Отлично! — обрадовался белогвардеец.— Ты, дружище, явился как нельзя более кстати. Машины нам скоро понадобятся. Поэтому иди в гараж и сделай все, что нужно. Кстати, заправь не только легковые, но и грузовики.

Мишуев отправился в гараж, который помещался во дворе Комиссариата. Здесь он быстро и ловко вынул из всех машин магнето и спрятал их в сугробы снега во дворе. Одно магнето он захватил с собой, чтобы доказать нам, что он действительно был в гараже Комиссариата.

Около 5 часов Мишуев вернулся. За время его отсутствия мы пробовали наладить живую связь со штабом Красной Гвардии и квартирами ответственных работников — членов Туркцика и Совнаркома. Но посланная нами на разведку коммунистка Пономарь, переодетая старушкой, вскоре возвратилась обратно, заявив, что все улицы заняты конными белогвардейскими патрулями и пройти нигде нельзя.

Арест

Было около 6 часов утра, когда в городе торжественно и зловеще загудели колокола. Звон начался почти одновременно во всех церквах.

Вдруг к этому торжествующему звону примешался какой-то другой, совершенно непохожий на гудение меди звук. Это завывал тревожный гудок Главных железнодорожных мастерских.

Потрясенные этими знакомыми звуками, мы не знали, что предположить. В самом деле, что означал этот гудок: призыв ли к борьбе против советской власти или, наоборот, к защите ее? После вчерашнего собрания невольно возникал вопрос: на чьей стороне будут рабочие Главных железнодорожных мастерских, с нами или с белогвардейцами?..

И как раз в этот напряженный момент к нам в общежитие вбежал Дубицкий. На нем была красноармейская шинель и черная каракулевая шапка, сдвинутая на затылок. Рука крепко сжимала маленький браунинг.

— Что вы тут засели, как кроты?! — закричал он с порога задыхающимся голосом.— Вы не знаете, что там происходит?.. Они выступили... Понимаете, выступили... Эти сволочи!.. Но это им дорого обойдется!..

— Стой!.. Не волнуйся... Расскажи толком, в чем дело... Кто выступил? — окружили мы его со всех сторон.

Кто-то предложил ему стул, но Дубицкий яростно оттолкнул его ногой и опять закричал:

— Кто же мог выступить?! Конечно, белогвардейцы... Мало ли этого сброда... Вечером они пытались напасть на железнодорожные мастерские, но рабочие здорово им задали... Сейчас гудок всех поднял на ноги, рабочие бегут с оружием в мастерские...

Приход Дубицкого всех нас ободрил. А когда мы узнали, что рабочие не поддались на провокации Агапова и твердо решили защищать советскую власть, то это внесло еще большую уверенность и бодрость в наши малочисленные ряды.

Через несколько минут после прихода Дубицкого в комнату к нам, запыхавшись, вбежали два товарища, которым было поручено охранять главный вход нашего дома. Они сообщили, что на углу Джизакской улицы, как раз против нашего дома, появился чей-то броневик. Мы разобрали оружие и заняли заранее определенные позиции. Но тревога опять оказалась напрасной. На улице все было тихо, и в дверях нашего дома никто не появлялся.

Тогда один из вновь прибывших решил выйти на улицу и узнать, что это за броневик. Но едва он сделал несколько шагов от двери, как стоявший у броневика кавалерист угрожающе поднял винтовку и приказал ему вернуться обратно. Волей-неволей нам пришлось умерить свое любопытство и только из дверей подъезда наблюдать за броневиком.

Где-то рядом зафыркал мотор, вслед затем из-за угла Джизакской улицы вынырнул пятитонный грузовик, переполненный вооруженными людьми, часть которых была в военной форме, остальные в штатском. Автомобиль быстро промчался мимо нашего дома и исчез за ближайшим поворотом.

Минут через 5 из ресторана «Буфф», где помещался штаб эсеровской партийной дружины, вышло трое вооруженных людей. Кавалерист, охранявший броневик, двинулся им навстречу и крикнул:

— Кто идет?

—«Левые» эсеры,—последовал ответ.

— Ага, значит, наши!..— успокоенно проговорил кавалерист.

Эти короткие реплики окончательно сбили нас с толку. Как же так, неужели «левые» эсеры заодно с белогвардейцами?.. Но выяснить, так это или нет, не представлялось сейчас никакой возможности.

Пока мы вели наблюдение за броневиком, одному из наших товарищей, Коновалову, удалось добраться до общежития Туркцика. Вернувшись к нам через несколько минут, он сообщил, что в Туркцике имеются достоверные сведения, что выступили белогвардейцы. Там же он получил печальную весть о том, что вчера, в 11 часов вечера, у подъезда общежития Туркцика был убит выстрелом из нагана Червяков — председатель Чрезвычайного военно-полевого суда. Кто убийцы, выяснить не удалось.

В общежитии Туркцика из живших там членов правительства в данный момент находилось всего несколько человек. Они просили Коновалова передать нам, чтобы коллектив нашего общежития присоединился к ним. Мы стали обсуждать, как нам лучше поступить, принять ли их предложение или оставаться пока у себя. Я решительно высказался за последнее.

Но Дубицкий заявил, что он немедленно отправится в общежитие Туркцика, где договорится с товарищами, наметит общий план действий, и возможно, что мы вместе отправимся в Главные железнодорожные мастерские.

Мы категорически запротестовали, находя такую попытку крайне рискованной. Во-первых, мы считали, что помещение общежития Туркцика менее подходит для обороны чем наше, во-вторых, если улицы заняты белыми и их броневиками, то это бесцельный риск, а в-третьих, пока нам еще не удалось выяснить, кому принадлежит этот зловещий броневик, который стоит около нашего дома, нельзя оставлять нашего помещения. Все эти соображения, как потом оказалось, были ошибочны, но они удержали нас от перехода в общежитие Туркцика. Дубицкий твердо стоял на своем и несмотря на наши уговоры отправился в общежитие Туркцика. Там он встретил лидера «левых» эсеров — заместителя председателя Туркцика доктора Успенского — и яростно набросился на него:

— Ага, вот один из тех, которые занесли сегодня нож, чтобы предательски поразить советскую власть в спину!..

Успенский удивленно отступил от него, а Дубицкий, задыхаясь и ожесточенно жестикулируя, продолжал:

— Что, разве не так?.. Разве вы, «левые» эсеры, не предатели?.. Вы сегодня выступили заодно с белогвардейцами, чтобы свергнуть ненавистных вам большевиков... Но имейте в виду, рабочих вы не проведете!.. Рабочие чутьем узнают, где правда и где ложь. И тот удар, который вы сегодня хотите обрушить на наши головы, обратится на вас...

Успенский, продолжая пятиться от Дубицкого, отчаянно замахал руками.

— Евдоким Прохорович!.. Да вы с ума сошли!.. Да как вы смеете!..— визгливо кричал он.— Я перед алтарем могу поклясться, что это ложь!.. Самая наинаглейшая ложь! Ей богу-с, ложь!..

Продолжая божиться и клясться, Успенский начал доказывать, что «левые» эсеры тут не при чем. Для большей убедительности он предложил Дубицкому немедленно отправиться с ним в Главные железнодорожные мастерские, где якобы эсеровские дружины в настоящий момент с оружием в руках готовились защищать советскую власть. Дубицкий согласился, и они вместе поехали в железнодорожные мастерские. Но на улице Т. Шевченко, около казарм 2-го полка, их захватил белогвардейский разъезд. Через 15 минут Дубицкий был зверски убит по приказу Осипова, а Успенский остался невредим. Его только арестовали и заперли в комнате, где находилось несколько арестованных коммунистов. Все они, кроме Успенского, через несколько часов были расстреляны белыми.

Успенский же, как потом сам рассказывал, отделался лишь одними «переживаниями».

Такое миролюбивое отношение белых к одному из виднейших представителей партии «левых» эсеров и к тому же члену правительства, против которого они восстали, весьма характерно. Оно говорит о том, что лидеры «левых» эсеров, в том числе и сам Успенский, имели тесную связь с мятежниками, вследствие чего и пользовались их покровительством.

Достаточно указать на такие факты, характеризующие роль «левых» эсеров в восстании: «левый» эсер Бащарин (племянник Черневского) командовал в дни мятежа одним из осиповских отрядов; «левый» эсер Петренко — командир саперного отряда, стоявшего на станции Урсатьевская,— по приказу Осипова не пропустил в Ташкент советский полк тов. Коновалова из Ферганы; «левые» эсеры возглавляли беловодское кулацкое восстание против советов, поднятое в эти дни; «левый» эсер Колузаев, командир одного из отрядов, жил в одной квартире с Осиповым до самого последнего дня, и все-таки накануне восстания Осипов не постарался убрать его, как он это сделал с командирами-коммунистами. Даже паролем в ночь мятежа белогвардейцы выбрали слова «левые эсеры».

Отправившись с Успенским в железнодорожные мастерские, Дубицкий послал к нам тов. Жаркова сказать, чтобы мы все немедленно перешли в общежитие Туркцика и ждали там его возвращения.

Я в это время стоял у парадных дверей нашего дома и наблюдал за броневиком. На улице было уже совершенно светло. Из-за горных хребтов медленно поднималось солнце, освещая верхушки тополей. А поповские колокола продолжали звонить, и гудок не умолкал.

Ко мне подбежал один из наших товарищей и сообщил, что вся наша группа решила идти в общежитие Туркцика и уже выходит через другой ход на Уратюбинскую улицу. Я поспешил в свою комнату,

схватил винтовку, два патронташа, револьвер и выбежал на улицу. Наша группа уже построилась в колонну на тротуаре. Шишков, взявший на себя роль командира, отдал приказ:

— Винтовки на плечо! Шагом марш!

Колонна двинулась.

Впереди, шагах в ста от нас, из-за угла неожиданно появилась группа кавалеристов. Я спросил идущего рядом со мной товарища, что это за кавалерия. Он ответил, что, вероятно, это конные милиционеры, так как рядом с нашим домом находилось управление городской милиции. Через минуту мы поровнялись с кавалеристами. Они неожиданно выхватили наганы и закричали:

— Стой! Кто идет?

Мы остановились, продолжая держать винтовки на плече.

— Кто идет?—опять повторило несколько голосов.

— Свои, коммунары! — ответил Шишков.

— Ага, большевики, сволочи! Вас-то нам и нужно! — злорадно закричали кавалеристы.

И, прежде чем мы успели опомниться, они взяли нас в кольцо.

— Сдавай оружие!.. Ну, живо!..

Над нашими головами нависли сверкающие клинки, черные дула наганов, английские бомбы, которыми угрожающе замахнулись на нас кавалеристы. Часть их спешилась и начала наседать на переднюю нашу шеренгу, требуя сдачи оружия. Из управления милиции на помощь кавалеристам выскочило еще несколько человек. Завязалась короткая борьба. Так как мы не успели вовремя приготовиться к обороне, то через две — три минуты были все разоружены.

После этого командир кавалеристов скомандовал нам построиться в шеренгу. Мы волей-неволей должны были выполнить его приказание. Кавалеристы встали против нас, взяли винтовки наизготовку и защелкали затворами.

Надо сказать, что вся эта сцена разыгралась на глазах наших жен и детей, которые наблюдали за нами из окон квартир. Увидев готовящуюся расправу, они начали отчаянно кричать.

Кавалеристы прицелились... Еще мгновение — и должен был грянуть залп. Но в эту минуту в дверях управления милиции появился солидный мужчина с большими седыми усами. Пошатываясь, он ухватился правой рукой за дверной косяк и осовелым взглядом уставился на нас. По внешнему виду можно было заключить, что это один из офицеров, руководивших отрядом.

— Отставить!..— неожиданно скомандовал он заплетающимся языком.

Кавалеристы покорно опустили винтовки к ноге. Офицер, с трудом удерживая равновесие, спустился со ступенек и нетвердой походкой направился к нам.

— Б-боль-шевики?! — зарычал он, остановившись перед нами, непрочно распялив прямые, как палки, ноги в галифе и лакированных сапогах.— Мерзавцы! Обы-скать!

Несколько десятков рук зашарили по нашим карманам. Было отобрано еще несколько браунингов и наганов.

— С-сволочи!—ругнулся опять офицер.— Отвести их во 2-й полк. Там для них места хватит!

Кавалеристы приказали нам снова построиться в колонну, оцепили со всех сторон и повели в казармы 2-го полка, по дороге осыпая нас бранью.

В казармах 2-го полка

Белогвардейский штаб поместился в казармах 2-го полка, в центре города, очевидно, потому, что этот полк был сформирован из киргизов, не знавших русского языка и беспрекословно выполнявших все гнусные приказы Осипова.

При входе во двор 2-го полка мы увидели большую толпу местной буржуазии, собравшуюся сюда как на великий праздник. Тут были солидные мужчины в дорогих шубах и шапках, шикарно разодетые женщины с белыми повязками на руках и большими красными крестами, подростки-гимназисты и реалисты в форменных шинелях и фуражках. Вид у всех был торжественный. Большинство мужчин было вооружено винтовками, берданками и охотничьими ружьями. Даже у подростков были старые пистолеты и монтекристо. Когда нас ввели во двор, толпа зашумела, заволновалась. Раздались злорадные выкрики:

— Вот они, коммунары!

— Что, дождались праздничка! Ну, теперь мы посмотрим, как вы будете диктовать нам свою волю! На виселицу их!

— Повесить мало — шкуру живьем содрать!..

Толпа свирепо наседала на нас со всех сторон. Если бы не конвоиры, нам, пожалуй, пришлось бы плохо. На шум вышел из казармы офицер и быстро направился к нам.

— Что это за люди? — обратился он к нашим конвойным.

— Большевики, ваше благородье,— скороговоркой отрапортовал старший.

Офицер приказал вести нас в казарму. Вытянувшись в затылок друг другу, мы вошли в небольшую переднюю и здесь неожиданно увидели Осипова, который полулежал на ободранной кушетке. Вид у него был вялый и помятый, как после бессонной ночи и хорошего похмелья. Тонкое бледное лицо с ястребиными глазами и прямым, правильным носом выглядело тускло, устало. При нашем появлении он не поднял головы и даже не пошевелился. Глаза его были устремлены в одну точку и словно не видели, что происходило перед ним. Организатор мятежа чувствовал себя неважно.

Мы вошли в следующую комнату. Здесь находилось много рабочих, арестованных раньше нас на улицах. Среди них я встретил А. Я. Першина — старого товарища по подпольной работе в Оренбурге. В последнее время он состоял членом Ташкентского исполкома. Я спросил его, как он попал сюда. Першин рассказал мне, что

когда он узнал о выступлении белогвардейцев, то схватил винтовку и бросился бежать в мастерские, где, как он слышал, собирались рабочие. Но не успел он пройти и полдороги, как его схватили, обезоружили и привели сюда.

— Ну, а вас как сцапали? — улыбнулся Першин.

Я коротко рассказал ему о том, что с нами произошло, и, между прочим, спросил его, не знает ли он, кто именно выступил: «левые» эсеры или белогвардейцы?

Першин уверенно ответил, что выступили белогвардейцы. Першин сообщил нам, что как раз перед нашим приходом во дворе был убит Дубицкий, с остальными же членами правительства и ответработниками белогвардейцы расправились сегодня ночью.

— Теперь, я думаю, очередь за нами,— с затаенной тревогой в голосе, но совершенно спокойно промолвил Першин.— Я смерти не боюсь, но тяжело погибать здесь, как в капкане... Лучше бы уж на улице, с винтовкой в руках!..

Слова Першина подействовали на нас угнетающе. Стены казармы показались нам в этот момент мрачными сводами склепа... Мы сбились в тесную кучку в одном из углов комнаты и стали обмениваться мнениями о происходящих событиях. Время тянулось томительно долго. Порой нам казалось, что мы сидим здесь чуть ли не целые сутки. Но через тусклые, запыленные окна все еще робко пробивались солнечные лучи. Дверь часто скрипела на ржавых петлях, и в комнату вталкивали новых арестованных. В большинстве это были рабочие, задержанные на улице.

К вечеру наша комната до того переполнилась, что мы вынуждены были стоять, плотно прижавшись друг к другу. От большого скопления людей и отсутствия свежего воздуха трудно было дышать. Лица у всех посерели, осунулись. Появились головокружение и тошнота. Тщетно просили мы охрану открыть хоть немного дверь, наша просьба оставалась без ответа. Тогда мы начали выбивать стекла в окнах. Часовые штыками отгоняли нас и угрожающе кричали, что они сейчас начнут стрелять. Однако три или четыре стекла нам все-таки удалось выбить. В комнату хлынула волна свежего воздуха, и дышать сразу стало легче.

Около полуночи двери нашей комнаты распахнулись, и на пороге появились белогвардейцы. Один из них по списку начал выкликать арестованных. Вышло три или четыре человека.

— Зачем и куда нас вызывают? — тревожно спросили они.

— Начальство приказало... Там узнаете,— уклончиво ответил офицер.

Через час или полтора белогвардейцы опять пришли со списком. На этот раз вызвали А. Я. Першина.

— Ну, товарищи, дошла и до меня очередь... Прощайте! — обратился он к нам с слегка растерянной улыбкой.

Видимо, в глубине души он переживал мучительную тревогу, но внешне старался казаться спокойным. Когда он торопливо пожимал мне руку, губы его болезненно передернулись, как у ребенка. Но это было всего одно мгновение. Он сурово сдвинул брови и глухо промолвил:

— Жалко, не удалось еще тряхнуть стариной. Ну, да ладно, доведете сами до конца...

Прощаясь в последний раз, мы горячо с ним расцеловались.

Его увели вместе с другими товарищами. Больше никто из них не вернулся.

Потом один товарищ, случайно избежавший расправы, рассказал мне, что Першин до последней минуты держался бодро; стоя перед дулами винтовок, он сказал своим врагам:

— Многих из нас уничтожите вы в эту ночь, но коммунистическая партия и советская власть будут жить! Победа за нами!..

После ухода Першина и других товарищей мы, коммунисты, скучились маленькой группой в углу комнаты. С минуты на минуту ждали мы, что вот-вот откроется снова дверь и выкликнут наши фамилии.

— На вызов отвечать не будем,— твердо сказал кто-то из наших товарищей.

— Если нас не растерзали сразу, значит, есть еще надежда на спасение,— проговорил Кравченко.— Главное — протянуть бы денька два—три. Я уверен, что рабочие накрутят им хвост...

Среди массы арестованных легко можно было укрыться от тех белогвардейцев, которые знали нас в лицо. Мы серьезно опасались лишь одного: как бы кто-нибудь из арестованных не оказался предателем и не донес белым о том, что здесь находятся комиссары.

Несмотря на безнадежность положения в нас все время жила твердая уверенность, что контрреволюция будет разбита в ближайшие дни. Мы подсчитывали, сколько потребуется времени для того, чтобы перебросить красноармейские части с фронта в Ташкент. Если это будет сделано быстро, то спасение возможно. Но если мятежникам удастся продержаться три — четыре дня, а может, и неделю, тогда... кто знает?!

Так прошла эта кошмарная ночь.

Часов в 9 утра 20 января к нам пришел офицер в серой офицерской шинели, но без погон. Он потребовал, чтобы заключенные прекратили разговоры и соблюдали тишину. Вслед за тем он огласил нам осиповский «манифест».

После прочтения «манифеста» офицер обратился к нам с «торжественной» речью, в заключение которой объявил список расстрелянных: Войтинцев (председатель Туркцика), Фигельский (председатель Совнаркома), Шумилов (председатель Ташкентского совета), Фоменко (председатель Туркчека), Кочуринер (председатель краевого совета профсоюзов), Малков (нарком внутренних дел), Дубицкий (наркомпуть), Червяков (председатель Чрезвычайного революционного военно-полевого суда), Троицкий (редактор газеты «Красноармеец»), Финкельштейн (заместитель председ-

дателя Ташкентского совета), Першин (член исполкома Ташкентского совета), Гордеев (член исполкома Ташкентского совета), Шпильняков (командир коммунистической дружины), Лугин (помощник начальника охраны гор. Ташкента), Гриценко (заместитель комиссара по продовольствию Туркпути).

Офицер перечислил еще ряд фамилий, всего их было в списке 35. Характерно, что в списке убитых и расстрелянных не было ни одного «левого» эсера.

Мы с затаенной тоской и злобой прослушали этот печальный список, и каждый из нас живо представил себе погибших товарищей, которые только вчера еще были вместе с нами, горели верой в победу пролетарской революции. Теперь они лежали растерзанные, засыпанные мерзлой землей и снегом во дворе 2-го полка.

Около 2 часов дня 20 января послышались отдаленные орудийные выстрелы, и вслед за тем от тяжелых взрывов задрожали стены казармы. Снаряды, видимо, упали где-то близко. Это рабочие из мастерских и городской крепости обстреливали казармы 2-го полка, где находился главный штаб контрреволюции и мы — пленники.

Один из снарядов попал в дерево, которое росло против наших окон. Вспыхнул ослепительный столб пламени, и с грохотом рухнуло дерево, выбив голыми ветвями несколько стекол в наших окнах. В комнату вместе с морозным воздухом поползли густые клубы сизого дыма. Выстрелы раздавались все чаще и чаще, и снаряды падали кругом, сотрясая стены здания.

Радостное чувство овладело нами. Мы уже не рассчитывали остаться в живых, так как были уверены, что если нас не растерзают белые, то мы погибнем под стенами этой казармы, разрушенной снарядами наших же батарей. Но мы были бодры, веселы и даже шутили. Каждый снаряд приносил нам радостную весть о том, что советская власть жива, что верные сыны ее, рабочие и красноармейцы, ведут героическую борьбу с контрреволюцией.

Бомбардировка продолжалась примерно час, а затем затихла.

★

Здесь я должен несколько отступить от своего рассказа и описать события, которые разыгрывались в эти дни в городе.

Вечером 18 января, после того как Агапов провел собрание рабочих в колесном цехе, белогвардейцы сделали неудачную попытку захватить Главные железнодорожные мастерские. Мятежники, видимо, надеялись на то, что Агапов уже достаточно обработал и подготовил рабочих к тому, чтобы встретить белогвардейцев с распростертыми объятиями. Агапов по заранее разработанному плану должен был заменить все посты военной охраны мастерских своими людьми.

Захват мастерских, по расчетам белых, должен был дать им очень многое. Во-первых, они получили бы прекрасное укрепление, так как мастерские со всех сторон были обнесены железобетонными стенами; на территории мастерских находился временный склад оружия, где хранились пулеметы, винтовки, револьверы, боеприпасы и даже несколько скорострельных трехдюймовых орудий. Во-вторых, это лишило бы рабочих их постоянной базы и они не могли бы оказать белым организованного сопротивления.

Но белые просчитались: Агапову не удалось осуществить своего плана, т. е. заменить военные посты рабочих белогвардейскими; как только белогвардейский отряд появился у ворот мастерских, группа старых рабочих в пятьдесят—шестьдесят человек во главе с коммунистами встретила их дружными ружейными залпами. Белогвардейцы, не ожидавшие такого приема, бросились врассыпную. Минут через 15 после этого в мастерские явился Агапов. Как ни в чем не бывало он поздоровался с рабочими и хладнокровно спросил:

— Что это вы здесь собрались как на бивуаке?.. Пора уже спать...

Рабочие рассказали Агапову о налете белых.

— Что вы?.. Вот чудаки! — засмеялся Агапов.— Пьяную крещенскую братию приняли за контрреволюционеров.

Тогда рабочие показали ему револьвер и бомбу, которые они нашли у ворот после бегства белых. Агапов на мгновение смутился, но быстро овладел собой и процедил сквозь зубы:

— Пожалуй, здесь без крови не обойдется... Вас взвинтили комиссары до такой степени, что вы готовы перегрызть горло друг другу. Все это напрасно. Кто против вас выступит, если оружие в ваших руках и все комиссары ваши?..

Попрощавшись с рабочими и еще раз посоветовав им не беспокоиться, а идти спать, Агапов ушел.

Между тем события этой памятной ночи продолжали развиваться своим порядком. После неудавшейся попытки захватить мастерские белые решили разоружить городскую милицию и крепостную учебную команду.

Милицию им удалось разоружить без особого труда, но захватить крепость оказалось гораздо труднее. Когда часовые, стоявшие на парапете, заметили какую-то черную массу, двигавшуюся по снегу, они тотчас же сообщили об этом командованию крепости. Командир, приказав быстро забаррикадировать ворота и двери крепости, вместе с красноармейцами учебной команды выбежал на парапет. Сквозь тьму на белой, свежевыпавшей пороше отчетливо вырисовывалась цепь солдат человек в триста—пятьсот. Командир крикнул:

— Стой! Кто идет?

Ответа не последовало. Цепь продолжала двигаться, полукольцом охватывая крепость. Командир повторил окрик. Снова молчание. Тогда командир приказал открыть огонь по цепи. Цепь отступила.

Потерпев вторично неудачу, Осипов не растерялся. Он позвонил председателю Туркцика Войтинцеву, председателю Совнаркома Фигельскому, Шумилову, Фин-

кельштейну и другим членам правительства и предложил им немедленно явиться к нему во 2-й полк, так как в городе происходят какие-то волнения.

Члены правительства, не подозревая, что это ловушка, приехали в штаб 2-го полка. Здесь они нашли Осипова лежащим на кушетке. При виде их он быстро вскочил, грубо, цинично рассмеялся.

— Ага! Явились, голубчики! Арестовать их!..— приказал Осипов находившимся тут офицерам.

В ту же ночь все вызванные товарищи были зверски замучены и растерзаны во дворе 2-го полка приспешниками Осипова.

Здесь еще раз необходимо отметить, что среди убитых белогвардейцами членов правительства не было ни одного «левого» эсера. Больше того: лидеры «левых» эсеров свободно входили в казармы 2-го полка и выходили оттуда. «Левых» эсеров-рабочих, пробиравшихся в мастерские, белые арестовывали.

В 4 часа утра 19 января мятежники перерезали все провода городского телефона. Связь между крепостью, штабом Красной Гвардии и партийными дружинами прекратилась.

Осипов послал в крепость своих парламентеров с предложением соединиться с ним.

Ответом на это предложение послужило следующее решение общего собрания крепостного гарнизона, принятое по предложению красноармейцев-большевиков: «Обсудив настоящее положение и письмо военного комиссара Осипова, постановили: «Долой самочинных диктаторов! Да здравствует советская власть как власть трудового пролетариата! Мы, красноармейцы крепостного гарнизона, категорически протестуем против каких бы то ни было диктаторов и до последней капли крови будем отстаивать нашу твердыню—крепость».

Как только в Главные железнодорожные мастерские проникли сведения о белогвардейском восстании в городе, коммунисты, находившиеся в мастерских, решили немедленно дать тревожный гудок. В 6 часов утра 19 января рабочие Главных железнодорожных мастерских тревожным гудком были оповещены о начавшихся в городе событиях. Вооруженные и безоружные железнодорожники начали стекаться в мастерские. Среди них было много коммунистов. Сюда же собрались члены третьего железнодорожного райкома ВКП(б), члены горкома, крайкома, некоторые наркомы-коммунисты, члены Туркцика и другие. По инициативе коммунистов состоялся митинг, на котором большинство рабочих впервые узнало о событиях ночи. Однако никто еще в точности не знал, какой характер носит мятеж, кто его возглавляет, в чьих руках город.

По городу и среди железнодорожников белогвардейцами были пущены слухи о том, что против коммунистов восстали и «левые» эсеры. Это подкреплялось также белогвардейским паролем «левые эсеры».

Рабочие, собравшиеся на митинг, по предложению коммунистов единогласно приняли решение вооружиться и раздавить мятежников, восставших против советской власти. Тут же стали формироваться рабочие полки под командой большевиков — тов. Рубцова (умер в 1940 г. членом ВКП(б) и других. Для руководства борьбой с мятежниками был создан временный ревком, в который вошли коммунисты-рабочие, «левые» эсеры и даже один анархист. Председателем был избран коммунист. Скоро мастерские получили известие о том, что курсанты Оренбургской школы инструкторов и 4-й аулиеатинский полк — на стороне советской власти.

Партийная дружина под командой тов. Якименко соорудила на Госпитальной улице, ведущей из города к Главным железнодорожным мастерским, баррикады из хлопковых тюков. Такие же баррикады были устроены железнодорожным рабочим полком под командой тов. Семена Рубцова на Куйлюкском шоссе, на мосту через Салар и близ нефтяных баков Нобеля.

Вскоре в мастерские, ставшие штабом революционных сил, прибежал какой-то мальчик, благополучно пробравшийся через город, уже захваченный мятежниками, и принес от коменданта крепости коротенькую записку: «Крепость в наших руках».

Это обрадовало красных бойцов и придало им бодрости. Они ни на минуту не сомневались, что конечная победа останется за рабочими, хотя положение было далеко не блестящим. В руках мятежников находились все вещевые и продовольственные склады, пекарни и т. п. Весь город фактически оказался во власти белых банд. В руках рабочих оставались только мастерские и крепость, разобщенные, отрезанные от всего остального мира.

Полностью была разоблачена предательская роль Агапова. Это произошло так. С телеграфа железнодорожной станции Ташкент сообщили ревкому, что со станции Кауфманская какой-то командир вызывает к прямому проводу Попова или Агапова. Ни того, ни другого в этот момент налицо не оказалось. Тогда несколько членов ревкома подошли к аппарату и вызвали станцию Кауфманская: «Я Агапов, кто меня просил?» Со станции Кауфманская последовал ответ: «Я командир взвода Исаев, со мной Баранов и Савицкий». И, видимо, желая убедиться, действительно ли с ними разговаривает Агапов, они задали вопрос: «Вы Агапов, как ваше имя и отчество?» Им ответили: «Я Василий Ефимович Агапов, в чем дело?» Тогда все трое, поверив, что это действительно Агапов, сообщили, что у них все готово: мобилизовано 250 крестьян, для доставки которых в Ташкент необходимо выслать паровоз с вагонами и оружие. «Все ли покончено с большевиками и советской властью?» — спросили со станции Кауфманская. Им ответили: «С большевиками кончено, осталось покончить с крепостью» — и посоветовали крестьян распустить, а самим прибыть в Ташкент, обещав выслать за ними паровоз. На высланном паровозе они приехали прямо в мастерские, где и были арестованы.

19 января Осипов прислал в железнодорожные мастерские капитана Гагинского с письмом, в котором предлагал рабочим сдаться, гарантируя им личную неприкосновенность. Осиповский посланец для храбрости крепко выпил и едва держался на ногах.

Осипову было написано ответное письмо следующего содержания: «Рабочие, своей кровью завоевавшие советскую, рабоче-крестьянскую власть, сейчас готовы тоже своей кровью защищать и отстаивать эту власть».

Осипов разослал по всей республике телеграфные извещения о том, что советская власть в Ташкенте пала, что с большевиками покончено и т. п.

Что же творилось в городе? Великим праздником для ликовавшей буржуазии был этот день — 19 января (праздник крещения по старому стилю). Был ясный, солнечный день. Разряженные дамы, чиновники, офицеры и обыватели с белыми и трехцветными царскими флагами, с хоругвями, иконами и крестами торжественно шествовали по городу. Неистово звонили колокола, попы справляли благодарственные молебны, возвещая народу избавление от большевиков. А под гул колоколов на колокольню втаскивались пулеметы.

Осипов уже видел, что мятеж обречен на поражение. Разъяренным зверем метался он по городу, стараясь укрепить свое положение. Он бросал обывателям заманчивые обещания: «Новая власть даст вам хлеб, сахар и керосин»,— но в то же время объявил мобилизацию офицерства и вооружил 14—15-летних мальчиков. Расчет на то, что изменник Агапов поведет за собой рабочих железной дороги, не оправдался, и Осипов поторопился выпустить второе воззвание, в котором он пытался убедить, что якобы стоит за советы, но без большевиков.

19 января серьезных операций не было. Бои и перестрелка велись лишь между передовыми постами и небольшими отрядами.

20 января, в 2 часа ночи, состоялось совещание военно-революционного комитета и всех командиров частей. Настроение было бодрое. Все рабочие твердо заявляли, что будут сражаться до последнего. Нужно было действовать решительно и быстро, чтобы не дать белым укрепиться. Был срочно разработан план наступления. Через час в крепость отправились с секретными донесениями тт. Смирнова и Троицкая.

На заседании ревкома город разделили на два оперативных района. Границей между этими районами наметили Духовскую улицу до куриного базара. Западной частью (вплоть до Урды) командовал тов. Якименко, восточной — тов. Рубцов. Под командой первого было около 900 человек партийной дружины, курсантов Оренбургской школы инструкторов и бойцов 4-го пехотного полка, и на правом фланге в распоряжении Рубцова находилось около 700 железнодорожных рабочих и членов городских профсоюзов.

Утром 20 января из крепости и мастерских начался орудийный обстрел опорных пунктов белых. Рабочие одновременно пошли в атаку. Бой продолжался почти весь день. Рабочие дрались геройски, пядь за пядью освобождая город от белогвардейцев. Они выбили их из ряда пунктов по Куйлюкскому тракту, Старо-госпитальной и Духовской улицам. Осиповцы нигде не выдерживали натиска рабочих штыков и уходили. Стремительной атакой был занят Белый дом (дом бывшего губернатора). Мятежники поспешно бежали. Во время атаки Белого дома выстрелом с колокольни собора был убит член исполкома Викалов.

Белые особенно яростно защищали казармы 2-го полка. Но рабочие упорно прокладывали себе дорогу, проявляя чудеса храбрости. Больница имени Полторацкого, например, была отбита больными, ранеными и инвалидами. Военное училище удержал от натиска белых крайне малочисленный отряд. Ночью на 22 января пал последний оплот белогвардейцев — казармы 2-го полка.

Уничтоженные в открытом бою, белые пытались спасти свое положение, распространяя слухи о помощи, которую им якобы посылает закаспийский фронт, о крестьянских отрядах, идущих со станции Кауфманская, и пр., но никаких подкреплений они не получили и были разгромлены рабочими.

Освобождение

В 11 часов вечера 21 января один из белогвардейских офицеров подошел к караульным, охранявшим дверь нашей комнаты, и громко сказал:

— Сегодня ночью мы перейдем в другое место, потому что здесь нам оставаться невыгодно. С новых позиций мы более успешно поведем наступление на большевиков. Имейте в виду,— добавил офицер,— если перемещение будет происходить в спокойной обстановке, всех находящихся под арестом надо увести с собой, а в случае, если обстановка изменится и большевики перейдут в атаку, то всю эту сволочь перебейте на месте.

Эти слова произвели на нас двоякое впечатление. С одной стороны, мы были рады, что белогвардейцы уходят из казармы 2-го полка; значит, думали мы, дела их очень плохи. В то же время мы не могли скрыть сильной тревоги за свое положение. Надежды на спасение у нас оставалось все меньше и меньше. Победят ли рабочие или белогвардейцы — и в том и в другом случае белые нас уничтожат.

Потянулись минуты томительного ожидания. О сне, конечно, никто из нас и не думал. Мы чутко прислушивались к каждому звуку, долетавшему со двора. Но кругом все было спокойно и тихо. Только перед нашими окнами раздавались мерные шаги часового. Так прошли два или три часа, показавшиеся нам вечностью.

После полуночи в казарме началась возня. Гулко застучали торопливые шаги, во

дворе зафыркали лошади, загремели колеса орудий. Видимо, эвакуация началась. Мы с минуты на минуту ждали, что вот-вот откроется наша дверь и войдут конвойные, чтобы вести нас за собой или расстрелять на месте. Но никто не являлся.

Около 2 часов ночи послышалась отдаленная ружейная перестрелка, которая временами то усиливалась, то затихала. Мы с тревогой и надеждой прислушивались к ней. Кто вел наступление: белогвардейцы или рабочие? Прошел час, полтора. Выстрелы не смолкали, наоборот, как нам казалось, они стали доноситься отчетливее, чаще. С перерывами трещали пулеметы. Вот несколько пуль со свистом пронеслось мимо разбитых окон. Вслед за тем выстрелы раздались во дворе. Мы поняли, что это конвойные расстреливают через окна арестованных, сидящих в соседних с нами помещениях. Через минуту должна наступить наша очередь...

Но залпы неожиданно смолкли. Наступила жуткая, зловещая тишина. Настороженно глядя на черные окна казармы, мы не знали, что предположить: забыли ли о нас белые или наступление рабочих было отбито, и поэтому они не сочли нужным довершать кровавую расправу?.. В этом напряженном положении мы провели еще час.

Вдруг у дверей раздался тяжелый топот ног, и в комнату к нам ворвались пятеро неизвестных с возбужденными лицами и с винтовками наперевес.

— Кто здесь находится? — спросил один из них.

— Арестованные,— ответили мы.

— Выходите отсюда немедленно! — приказал нам неизвестный, видимо, командир этого маленького отряда.

— Скажите нам прежде, кто вы, иначе мы не выйдем,— твердо заявил один из наших товарищей.

— Никаких объяснений, выходите сейчас же! А то заставим вот этим...— и незнакомец угрожающе потряс винтовкой.

Один за другим мы вышли во двор полка. Было еще темно. В морозном воздухе лениво кружились мягкие белые хлопья. Мы осмотрелись кругом и заметили во дворе цепь вооруженных людей, а немного поодаль — большую толпу арестованных, помещавшихся в казармах. Нам приказали присоединиться к ним.

Бежим вдоль цепи неподвижно стоящих солдат и находу задаем им торопливые вопросы:

— Скажите, кто вы? Куда и зачем нас гонят?

— Бегите, бегите! Потом узнаете все...— бросают они короткие ответы.

В глубине двора стоят два пулемета, направленные прямо на нас. Сердце невольно сжимается: очевидно, готовится массовый расстрел.

Но в этот момент нам попадается навстречу солдат, который гонит впереди себя арестованного и ругается:

— Иди, иди, белогвардейская сволочь!

Это окончательно сбивает нас с толку: в чьих же руках мы находимся?.. Неизвестность мучает нас больше всего.

— Граждане, скажите же, наконец, кто вы? — снова бросает один из арестованных тревожный вопрос.

Ответа нет. Нам приказывают построиться и ведут со двора по направлению Константиновской улицы. Мы идем огромной толпой, окруженные со всех сторон плотным кольцом конвойных.

Ночная мгла быстро редеет. Мы замечаем, что вся улица загромождена баррикадами из хлопковых тюков. То там, то здесь в стенах домов зияют черные дыры, пробитые осколками снарядов. На расщепленных телеграфных столбах висит заиндевевшая спутанная проволока. Видимо, прошлой ночью здесь происходил жаркий бой. Скоро дорогу нам преградили огромные, вековые тополя, поваленные поперек улицы. Мы с трудом перебрались через них и, отойдя шагов сто — полтораста, увидели два серых броневика, неподвижно застывших посреди улицы.

Как мы узнали немного спустя, броневики эти принадлежали белым и были взяты в плен рабочими этой ночью. Рабочие сделали это весьма хитро и в то же время просто. Когда броневики устремились на баррикады, рабочие подпилили несколько самых больших тополей и повалили их поперек дороги. Наткнувшись на это препятствие, броневики повернули назад, но рабочие отрезали им отступление, быстро смастерив такую же преграду на другом конце улицы. Броневики очутились как крысы в западне и вынуждены были сдаться.

Нас привели к вокзалу и здесь по одному начали пропускать во двор Главных железнодорожных мастерских. У калитки я неожиданно увидел техника Глазунова с винтовкой в руках. Он сразу же меня узнал.

— Вы как попали сюда?! — удивленно воскликнул он.

Я коротко рассказал ему обо всем и, между прочим, заявил, что я не один, а с группой наших товарищей-железнодорожников. Нас тотчас же освободили. Глазунов провел нас в главную контору мастерских, где помещался штаб революционного комитета. Здесь мы встретили своих товарищей-коммунистов, которые были очень обрадованы тем, что мы остались живы. Вид у нас был, очевидно, настолько изнуренный, что они тотчас же предложили нам горячий чай, хлеб, консервы и т. п.

Бегство мятежников

Итак, осиповская авантюра закончилась полным поражением мятежников. В ночь на 22 января Осипов с кучкой преданных ему белобандитов отступил по Чимкентскому тракту на Семиречье. Уходя из города, банда захватила часть автомобилей и лошадей, ограбила кассу Народного банка и увезла два орудия.

Рабочие, утомленные двухдневными непрерывными боями, голодные, обморожен-

ные, не могли сразу организовать погоню за мятежниками. Что же касается командира красногвардейского отряда «левого» эсера Колузаева, то он, несмотря на распоряжение революционного комитета и желание красногвардейцев поймать Осипова, категорически отказался преследовать мятежников. Свой отказ Колузаев мотивировал тем, что ему якобы необходимо починить бронепоезд, который сильно пострадал в последних боях. С этим ремонтом отряд провозился до 8 часов утра 22 января. За это время мятежники успели уйти далеко в горы.

Утром 22 января, после своего освобождения, мы с Кравченко и группой товарищей отправились из Главных мастерских в Комиссариат путей сообщения: надо было срочно восстановить телеграфную связь с фронтами и информировать их о положении дел в Ташкенте.

Придя на телеграф, мы спросили у дежурного:

— Были ли какие-нибудь распоряжения от Осипова?

Старший телеграфист показал нам подлинную телеграмму Осипова, написанную на клочке бумаги размашистым нервным почерком. Я привожу ее текст полностью: «Станция Учаджи. Командиру Казанского полка товарищу Кириллову. Предлагаю в срочном порядке, не обращая внимания ни на какие другие распоряжения, выехать с полком в гор. Ташкент в распоряжение мое. Турвоенком Осипов. Члены гарнизонного комитета: Берестов, Бутенин, Худяков».

Не знаю, была ли эта телеграмма получена командиром полка Кирилловым своевременно или нет, но полк остался на месте.

23 января реввоенсовет решил послать своих представителей на закаспийский фронт и попутно в Самарканд и другие города для информации о контрреволюционных выступлениях в Ташкенте. В числе командированных был и я.

Первую остановку мы сделали на станции Урсатьевская, Среднеазиатской железной дороги. Здесь мы встретили командира саперного отряда «левого» эсера Петренко. Сюда же приехали немного раньше нас командир полка интернационалистов Д. Е. Коновалов и И. Ф. Казарин.

Мы собрались в служебном вагоне и рассказали этим товарищам о ташкентских событиях. Когда доклад был окончен, «левый» эсер Петренко заявил:

— Я раньше, за три—четыре дня до этого, знал о том, что в Ташкенте будут контрреволюционные выступления.

— Каким образом ты узнал это? — спросил я у Петренко.

— Ко мне из Ташкента был прислан Осиповым полковник Надольский,— ответил Петренко,— он предупредил меня, что в Ташкенте готовится контрреволюционное выступление, но пока оно отложено. Он же передал мне приказ Осипова, чтобы в случае выступления я не оказывал никакой помощи советской власти и не двигался бы к Ташкенту.

Тогда я задал Петренко вопрос:

— Почему вы не арестовали Надольского тотчас же, как получили от него это сообщение?

— Все меры были приняты,— уклончиво ответил Петренко.— За Надольским был установлен надзор, и по требованию лиц, за ним следивших, он был арестован и отправлен в Самарканд.

Я назвал действия Петренко сомнительными и потребовал, чтобы заявление Петренко было занесено в протокол. Меня поддержали Казарин, Ермолов и Коновалов. Присутствовавшие на совещании «левые» эсеры самым решительным образом запротестовали против занесения в протокол сообщения Петренко, но мы продолжали настаивать.

Этот спор едва не кончился вооруженной схваткой. Однако мы добились своего, и сообщение Петренко было занесено в протокол № 1 от 24 января 1919 года.

Сделав доклад в Самарканде, мы поехали в Чарджуй. В этот момент Казанский полк, стоявший в Чарджуе, готовился к выступлению на фронт. Мы решили сделать доклад о ташкентских событиях на полковом собрании. После доклада общее собрание Казанского полка приняло такое постановление: «Казанский полк стоит за советскую власть, никаких авантюр не разделяет и пойдет на борьбу с ними...»

По ходу дела видно, что лидеры «левых» эсеров: Успенский, Черневский и другие — действовали с Осиповым вместе, но в последний момент, убедившись в том, что рабочие не пошли за Агаповым и Осиповым на предательство советской власти, они против своего желания вынуждены были идти за рабочими, которые разгромили белую банду Осипова. Из этого следует, что «левые» эсеры не случайно дали Осипову уйти, не организовали своевременной погони за ним: они боялись поимки Осипова, ибо он разоблачил бы предательство лидеров «левых» эсеров. Рабочие, руководимые большевиками, грудью отстояли Советский Туркестан от контрреволюции и интервентов и остались до конца верными великому ленинскому знамени, под которым они честно и доблестно сражались за укрепление диктатуры пролетариата в Средней Азии.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. Семенычев

Организованная в Москве по инициативе товарища Сталина центральная в СССР Государственная Публичная историческая библиотека была открыта 20 декабря 1938 года. Работа библиотеки показала, насколько назрела потребность в ней. В первые же дни ее открытия стали быстро заполняться ее залы. В первый год работы библиотеки записалось 19 582 читателя, зарегистрировано 208 151 посещение, выдано было 663 302 книги и 9085 комплектов газет. На 31 декабря 1940 г. состояло уже 23 631 читателей, зарегистрировано 309 695 посещений и выдано 1 018 898 книг.

За последнее время читальные залы посещают ежедневно 1200—1500 человек, а в выходные дни посещаемость достигает свыше 1750 человек, с выдачей за день более 5 тыс. книг. Эти цифры говорят сами за себя.

Книжный фонд Исторической библиотеки в настоящее время насчитывает 1300 тыс. томов. Библиотека организована путем слияния бывшей библиотеки Государственного Исторического музея и бывшей Объединенной библиотеки институтов красной профессуры.

Библиотека Государственного Исторического музея составилась в свое время главным образом из библиотек коллекционеров, историков и библиофилов, пожертвовавших свои библиотеки Музею, и из коллекций, поступивших в Музей после Великой Октябрьской социалистической революции как национализированное имущество.

На первом месте по подбору, ценности книг и по объему следует отметить знаменитую Чертковскую библиотеку. А. Д. Чертков (1789—1858) был историком, автором серьезных работ в области истории, археологии, нумизматики и библиографии. Дед и отец Черткова, имевшие склонность к собиранию книг, располагали в XVIII в. значительными собраниями, перешедшими потом к А. Д. Черткову, который всю свою жизнь собирал книги по истории России и о России на русском и иностранных языках. Сын его Г. А. Чертков после смерти отца также продолжал собирать книги. В 1870 г. библиотека была пожертвована городу Москве, а в 1887 г. была передана в Исторический музей, где продолжала пополняться за счет московской городской управы. В этой библиотеке работал над историческими материалами Лев Толстой, готовясь писать «Войну и мир». Чертковской библиотекой долгое время заведывал П. И. Бартенев; на основе ее материалов с 1863 по 1917 г. издавался основанный Бартеневым «Русский архив».

Следует упомянуть также библиотеку (16 тыс. томов) князя А. Н. Голицына (1830—1911), зятя А. Д. Черткова. Голицын собирал преимущественно иностранную литературу о России («Rossica»).

Исключительную ценность представляет коллекция библиофила П. В. Щапова (1848 — 1888). Щапов — сын богатого фабриканта. Он получил высшее образование на историко-филологическом факультете Московского университета. Предоставив братьям вести торговые дела, Щапов все свои средства, время и силы посвятил собиранию книг. Он поставил перед собой задачу—собрать возможно полнее печатную продукцию по вопросам истории, литературы, фольклору, просвещению начиная с Ивана Федорова до 60-х годов XIX века. Находясь в постоянной связи со всеми крупными букинистами России, Щапов на протяжении многих лет собрал ценнейшую коллекцию изданий XVIII в. и первой половины XIX в., насчитывающую более 70 тыс. названий. В этой коллекции очень много редчайших изданий.

Особое место занимает библиотека князя А. И. Барятинского (1815 — 1879), бывшего адъютантом Александра II, а потом наместником Кавказа. В библиотеке Барятинского до 40 тыс. томов.

Барятинский, располагая огромными средствами, с молодых лет собирал книги и скупал собранные другими коллекции книг. К концу жизни Барятинского его библиотека включала 6 больших коллекций. Первой коллекцией, поступившей в распоряжение Барятинского, кроме книг, собранных им самим, была коллекция его друга графа И. М. Вильегорского, собиравшего главным образом иностранную литературу о России, о славянах (около 12 тыс. томов). Вторым крупным приобретением Барятинского была покупка библиотеки академика-ориенталиста И. А. Гульянова, умершего в 1841 году. Гульянов собирал свою библиотеку во Франции; она состоит главным образом из иностранной литературы по востоковедению и лингвистике. В 1860 г. Барятинский купил библиотеку археографа П. М. Строева (1796 — 1876), состоящую из литературы и материалов по истории России и древней русской литературе.

В собрание Барятинского влилась коллекция книг знаменитого собирателя русских народных песен А. Ф. Гильфердинга (1831—1872). Она состоит главным образом из книг по этнографии, фольклору и истории славян на русском и иностранных языках.

Наконец, как самую ценную и интересную коллекцию в библиотеке Барятинского следует отметить библиотеку политического эмигранта В. И. Касаткина. Касаткин привлекался по делу «лондонских пропагандистов», с 1862 г. жил заграницей и умер в 1867 г. в Женеве. Находясь в эмиграции, Касаткин собирал иностранную литературу по истории, этнографии и истории литературы. Его коллекция состоит более чем из 25 тыс. томов, среди них много француз-

ских изданий времен революции 1789—1794 годов.

Большой интерес представляет коллекция историка М. Д. Хмырова (1830—1871). Хмыров поставил перед собой задачу — составить «энциклопедию отчизноведения». Энциклопедии Хмыров не написал, но зато собрал огромную коллекцию вырезок из газет, журналов и книг. Эти материалы у него подобраны и сшиты в папки на различные темы: «Русские люди» (87 папок), «Иностранцы» (50 папок), «Москва», «Тюрьма», «Сибирь», «Крестьяне», «Море и мореплаватели», «Сказания иностранцев о России», «Смутное время», «Инородцы в России», «О началах России», «Литва», «Польша», «Славяне» и прочий материал.

В коллекции Хмырова всего около 900 толстых папок. Это богатейший, пока еще никем не тронутый, сырой материал, «руда» для историков.

Следует отметить собрание проф. А. А. Котляревского (1837—1881), славяноведа и археолога, первого редактора «Древностей», издававшихся с 1865 по 1894 г. Московским археологическим обществом, автора многих работ по славяноведению. Библиотека Котляревского содержит в себе большое количество книг по славяноведению, мифологии и этнографии на русском и иностранных языках, в том числе имеются книги на чешском, болгарском и сербском языках.

Одним из главных организаторов Исторического музея был историк И. Е. Забелин, проработавший в нем около 30 лет. Забелин (1820—1909) свою большую личную библиотеку и рукописи завещал Музею. «Все мое наследство без всякого исключения да перейдет в собственность сего Исторического музея...» «Никаким другим наследникам, могущим когда-либо появиться, я не оставляю ни порошинки» [1], — записал Забелин в своем завещании. Собрание Забелина содержит много книг по истории России, истории Москвы, истории быта, много комплектов старых русских газет.

Ценным и редким собранием является библиотека библиофилов Н. П. и В. Н. Рогожиных. В этой библиотеке масса библиографических материалов и редких книг XVIII века. Эта коллекция содержит 8500 томов.

В состав Исторической библиотеки поступила большая библиотека московского купца А. Н. Бахрушина (1853 — 1904). Бахрушин собирал бронзу, фарфор, картины, гравюры и книги по истории России, по истории искусства. Библиотека Бахрушина (около 40 тыс. томов) содержит массу дорогих, роскошных изданий, много редкостей.

В 1905 г. коллекционер А. П. Щукин (1853 — 1912) пожертвовал Историческому музею свою коллекцию книг (около 40 тыс. томов) по истории, археологии, истории литературы и искусства, главным образом на иностранных языках. В этой библиотеке, как и в библиотеке Бахрушина, масса роскошных, замечательных по оформлению изданий.

Кроме перечисленных коллекций следует упомянуть коллекции издателя А. С. Суворина, искусствоведа К. К. Герца, библиографа Н. С. Строилова, археолога графа А. С. Уварова, археолога А. А. Бобринского, историка Д. И. Иловайского, востоковеда П. В. Зубова, издателя Л. А. Бухгейма, издателя «Русской мысли» В. М. Лаврова, а также библиотеки А. С. Хомякова, Киреевских и многие другие.

Историческая библиотека, получившая в свое распоряжение книжный фонд Исторического музея, располагает едва ли не самой полной в Союзе коллекцией изданий времени Петра I, русских изданий XVIII в. и первой половины XIX века.

В части иностранной литературы следует отметить обилие сочинений и материалов по истории России и о России («Rossica»). Имеется много исторических книг, изданных во Франции, Германии и Италии в XVIII в. и первой половине XIX века. Много монументальных иностранных исторических серийных изданий.

Иностранные издания составляют более 40% фонда Исторической библиотеки. Среди них поражает обилие и богатство иллюстрированных изданий по истории, которые пока еще почти не используются читателями. Нет сомнения, что в будущем, когда этот богатейший иллюстративный материал будет каталогизирован, систематизирован, выявлен перед читателями, он обогатит нашу научную и популярную литературу, учебные пособия, которые будут издаваться в Союзе.

Если фонд бывшей библиотеки Исторического музея богат литературой, выпущенной главным образом до 1870 г., то фонд бывшей Объединенной библиотеки институтов красной профессуры богат новой исторической литературой, вышедшей в последнюю четверть XIX в. и в XX веке. Таким образом, слияние этих двух библиотек явилось чрезвычайно целесообразным и удачным мероприятием, фонды двух больших библиотек взаимно дополнили друг друга.

В фонде Государственной Исторической библиотеки содержится огромное количество редчайших изданий. Около 40 тыс. единиц выделено в особый фонд редких книг.

Приводим краткий выборочный перечень редких изданий, характеризующий ценность фонда редких книг Исторической библиотеки:

1. «Journal officiel» — орган Совета Парижской коммуны. Полный комплект за все время существования Коммуны.

2. «L'ami du peuple» — газета Марата (около 60 номеров) и огромное количество памфлетов, листовок, книг и периодических французских изданий времен революции 1789 — 1794 годов.

3. Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах. Издание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Женева. 1897, 48 стр.

4. Сталин К. Национальный вопрос и марксизм. Издательство «Прибой». СПБ.

---

[1] Отчет Исторического музея за 1883—1908 гг., стр. 21. М. 1916.

1914 80 стр. 1-е издание книги Сталина «Марксизм и национальный вопрос».

5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Издание Н. П. Полякова. СПБ. 1872. 1-е издание «Капитала» на русском языке.

6. Marx Karl. Le Capital. Paris. 1872. 1-е издание «Капитала» на французском языке.

7. Фейербах Людвиг. Лекции о сущности религии. М. 1861. Нелегальное литографированное издание, повидимому, кружка Заичневского.

8. «Колокол» — журнал Герцена за 1857—1862, 1864—1867 гг., издававшийся в Лондоне и Женеве.

9. «Голоса из России» Герцена. Вольная русская книгопечатная. Лондон. 1856 — 1860 гг., и многие другие издания и сочинения Герцена. Одна из книг с автографом Герцена.

10. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПБ. 1790. Подлинник издания самого Радищева, напечатанный в его домашней типографии.

«Путешествие» Радищева имеется кроме того в библиотеке в рукописном списке начала XIX в., в лондонском издании Герцена (1858), в издании Ефремова (1872) (весь тираж последнего издания был уничтожен, за исключением нескольких случайно уцелевших экземпляров), в издании А. С. Суворина (было напечатано в 1888 г. для избранных 100 нумерованных экземпляров), в издании Бурцева в его «Дополнительном описании библиографическо-редких, художественно замечательных книг и драгоценных рукописей». Т. V. 1894, и в издании библиофила Картавова (1902), тираж которого был уничтожен правительством. Имеются также все издания «Путешествия», вышедшие из печати начиная с 1905 года.

11. Радищев А. Н. Письмо к другу в Тобольске. Эта брошюра более редка чем «Путешествие». Библиофилам известны только два экземпляра: один находится в Исторической библиотеке, другой хранится в Архиве феодально-крепостнической эпохи в деле Радищева. Печатая эту брошюру, Радищев пробовал печатный станок своей домашней типографии, готовясь печатать «Путешествие».

12. «Городовое положение» Екатерины II. Издано на пергаменте (41 лист) с шолковыми прокладками, подписано собственноручно Екатериной II и скреплено подписью вице-канцлера князя Куракина. СПБ: 1785. Размер 41 × 29 см, в бархатном переплете.

13. Крейс Корнелий «Новая чертежная книга, содержащая великую реку Дон...» Амстердам. 1703—1704. В книге имеется «изображение прокопа» — проект канала Волга — Дон, сделанный по заданию Петра I.

14. Книга размерная градусных карт Ост Зее или Варяжского моря. Напечатана «повелением императорского величества Петра I». СПБ. 1723. Уникум. Имеется только в Государственной Исторической библиотеке.

Как уже говорилось выше, коллекция изданий времени Петра I в Исторической библиотеке — одна из самых полных, если не самая полная: она содержит около 300 единиц. Среди них первая книга, напечатанная гражданским шрифтом: «Геометрия словенски землемерие издается новотипографским тиснением повелением благочестивейшего великого нашего царя и великого князя Петра Алексеевича...» М. 1708.

15. «Biblia thet är a'then Heliéa Stpift pa swensko...» Stockholm 1703. 962 стр. Размер 46 × 29 см. Вес книги 8½ кг Деревянный в коже переплет с бронзовыми украшениями и вензелями Карла XII. На форзаце библии имеется надпись сотрудника Исторического музея: «По словам П. И. Щукина библия взята у шведов после полтавской победы».

Фонд рукописей в Исторической библиотеке пока невелик и еще не обработан.

Таким образом, уже сейчас книжный фонд Исторической библиотеки представляет собой солидную базу для работы историков. С 1940 г., по постановлению СНК СССР. Историческая библиотека получает полный обязательный экземпляр всей печатной продукции Союза, не только книги, брошюры, листовки, но и журналы, газеты, карты и иллюстративный материал.

Историческая библиотека широко комплектуется путем отбора печатной продукции из обязательного экземпляра, а также путем покупки и отбора в обменных фондах других библиотек. Таким путем приобретаются материалы не только по истории, но и по истории культуры, науки, техники, по истории литературы, искусства, права, по смежным и вспомогательным историческим дисциплинам. Художественная литература, отражающая историю, жизнь, быт, борьбу, идеологию и культуру различных классов, различных стран и времен, также входит в состав книжного фонда библиотеки.

Перед Исторической библиотекой стоит задача — собрать с исчерпывающей полнотой всю литературу, изданную на территории СССР и имеющую отношение к истории СССР, а также литературу по всеобщей истории, основную иностранную историческую литературу, первоисточники и документальный материал, чтобы дать возможность продуктивно работать нашим историкам, наиболее полно удовлетворяя их запросы. Библиотека ведет в этом направлении активную работу.

В соответствии со стоящими перед библиотекой задачами построен и ее аппарат. В целях создания максимально благоприятных условий для работы в библиотеке имеются: общий читальный зал, 3 читальных зала для научных работников-историков и особый читальный зал для учащихся старших классов средней школы.

Общий читальный зал Исторической библиотеки — это большой, высокий, светлый зал, красиво оформленный в спокойных светлых тонах. Зал вмещает единовременно 250 человек. В 1940 г. по общему читальному залу выдано 9381 входной билет для читателей; из них: 6940—студентам, 527—преподавателям средней школы, 70—научным работникам, 160—рабочим, 1330—

служащим и 245—прочим. За 1940 г. зарегистрировано 129 482 посещения. Дневная посещаемость доходит до 750 человек.

При общем читальном зале имеется подсобный книжный фонд исторической литературы, в котором собрано около 20 тыс. томов наиболее актуальных, часто спрашиваемых книг. Благодаря наличию этого подсобного фонда 80% книг выдается читателям быстро, в течение 2—3 минут, и только 20% книг — из основного книгохранилища. За 1940 г. в общем читальном зале было выдано 385 561 книг и номеров журналов, 4703 комплекта газет. Отказы в книгах составляют всего 2,8%. При общем читальном зале организован кабинет исторических карт. Читальные залы открыты с 9 час. утра до 11 час. 45 мин. ночи. Таким образом, для читателей созданы большие удобства в отношении выбора времени для занятий.

Для научных работников — историков СССР и ВКП(б) — организован специальный зал. Здесь каждый читатель располагает отдельным столиком. На открытых книжных полках сосредоточено значительное количество справочных изданий.

При читальном зале истории СССР и ВКП(б) имеется подсобный фонд литературы по истории СССР и ВКП(б), насчитывающий около 15 тыс. томов. Здесь собрана вся основная литература по истории СССР и ВКП(б). Выдача книг из подсобного фонда здесь призводится так же быстро, как и в общем читальном зале. В специальные залы для научных работников подаются книги и из фонда редких книг. Книги и материалы, которых нет в библиотеке, выписываются из других библиотек Москвы, Ленинграда и прочих городов СССР в порядке межбиблиотечного абонемента. Таким образом, историк, работающий в специальном зале Исторической библиотеки над той или другой темой, обеспечивается нужными материалами по этой теме в одном месте и избавляется от хлопот по подысканию материалов в других библиотеках.

За 1940 г. в читальный зал по истории СССР и ВКП(б) выдано 848 входных билетов и зарегистрировано 27 262 посещения. В составе читателей зала по истории СССР и ВКП(б) числится 37 профессоров, 56 доцентов, 193 научных работника, 274 аспиранта, 110 преподавателей средней школы, 13 студентов старших курсов, работающих над специальными темами, и 65 прочих· литературные работники, работники искусств.

За 1940 г. в читальном зале по истории СССР и ВКП(б) выдано 247 227 книг, 13 970 номеров журналов и 2730 комплектов газет.

Так же, как зал истории СССР и ВКП(б), организован зал всеобщей истории. Здесь занимаются историки, научные работники, специализировавшиеся по мировой истории. Подсобный фонд в этом зале насчитывает около 10 тыс. томов.

За 1940 г. в читальный зал всеобщей истории выдано 625 входных билетов, зарегистрировано 16 861 посещение, выдано 115 056 книг, 4295 номеров журналов и 781 комплект газет. В составе читателей зала всеобщей истории числится 24 профессора, 24 доцента, 164 научных работника, 190 аспирантов, 81 преподаватель истории средней школы, 80 студентов старших курсов и 63 прочих.

При зале всеобщей истории организованы консультации по чтению и уточнению греческих и латинских текстов античной древности. Консультации проводит профессор-лингвист С. П. Кондратьев.

В системе Государственной Исторической библиотеки имеется кабинет по истории Востока, колониальных и зависимых стран. При кабинете сосредоточена литература по истории Ближнего и Дальнего Востока, по истории колониальных и зависимых стран. Собрано более 8 тыс. томов книг и справочников, словарей на европейских, арабском, персидском, турецком, японском и китайском языках. Выписываются журналы и газеты стран Востока, колониальных и зависимых стран. На полках кабинета расположена ценнейшая коллекция востоковеда П. В. Зубова. К работе кабинета привлечены специалисты-востоковеды, которые дают консультации читателям кабинета и библиотечным работникам по их работе.

Исторической библиотекой организованы консультации, благодаря которым читатели имеют возможность работать каждый по своей теме, обращаясь за консультативной помощью к соответствующим ученым-специалистам. Консультации привлекают большое количество читателей, причем консультируются не только студенты, молодые историки, аспиранты, но и научные работники, профессора Часто консультации превращаются в научные беседы.

Для лиц, ведущих научно-исследовательскую работу в области истории, и для преподавателей истории организован абонемент с выдачей книг надом. Кроме индивидуального абонемента организован межбиблиотечный абонемент, по которому Историческая библиотека выдает и высылает книги почтой другим библиотекам. Библиотека имеет таких 261 абонентов, среди них более 100 библиотек вне Москвы. В порядке межбиблиотечного абонемента книги посылаются почтой в Ленинград, Киев, Минск, Львов, Белосток, Алма-Ату, Ташкент, Тбилиси, Баку, Кзыл-Орду, Казань, Одессу, Мурманск, Томск, Свердловск, Смоленск, Самарканд, Чернигов и почти во все краевые и областные центры. В свою очередь Историческая библиотека получает литературу и материалы из других библиотек, когда эти материалы требуются для читателей Исторической библиотеки.

Особое место в структуре и работе Государственной Исторической библиотеки занимает читальный зал для учащихся старших классов средней школы. Этот зал находится в здании Государственного Исторического музея на Красной площади и считается филиалом Государственной Исторической библиотеки.

В 1940 г. в филиале Государственной Исторической библиотеки зарегистрировано

11 939 читателей и 114 728 посещений, выдано 222 283 книги. Средняя ежедневная посещаемость филиала в октябре — декабре 1940 г.— 350 человек, а в выходные дни превышала 900 человек. Такая посещаемость держится и растет, несмотря на то что читальный зал находится на седьмом этаже здания Исторического музея и не имеет лифта. Это большой светлый зал, вмещающий единовременно более 250 человек.

Значительное количество учащейся молодежи работает шире и глубже, чем полагается по программам средней школы. В 1939—1940 учебном году по инициативе истфака МГУ был организован и очень хорошо прошел конкурс на лучшие письменные работы учащихся средней школы по истории. В конкурсе участвовало несколько сот человек. Молодежь работала с огромным увлечением. Базой, где участники конкурса получали необходимый исторический литературный материал и возможность работать, был филиал Государственной Исторической библиотеки. В этом году снова объявлен конкурс, и филиал Исторической библиотеки снова является базой работы участников конкурса.

Филиал держит тесную связь со школами, с преподавателями истории средней школы, с историческими кружками, с Домом пионеров. Читателями филиала являются школьники более 425 школ. В филиал Исторической библиотеки приезжает даже молодежь из подмосковных школ.

Отдел массовой работы ведет большую работу по выявлению и популяризации книжных богатств и материалов библиотеки, устраивая выставки как в стенах самой библиотеки, так и вне ее: на предприятиях, в рабочих клубах, школах, в парках культуры и отдыха. За 1939 и 1940 гг. было организовано 228 таких выставок. Кроме выставок отдел массовой работы организует также консультации и конференции читателей.

Для обслуживания читателей, издательств, различных культурных учреждений при библиотеке организована фотолаборатория, которая изготовляет фотоснимки с иллюстративных материалов. Отдел обслуживания обеспечивает читателям перепечатку текстов, цитат, облегчая работу читателей и избавляя их от технической работы.

Библиотека имеет справочно-библиографическое бюро, которое располагает довольно богатым фондом библиографических и других справочников. По запросам читателей бюро выдает справки о литературе и материалах по темам, над которыми работают читатели.

Работа справочно-библиографического бюро протекает очень живо, насыщенно и с большой пользой для читателей. Читатели имеют возможность работать с библиографическими и справочными изданиями, которые в большинстве своем находятся тут же, на открытых полках.

Все больше и больше поступает в библиотеку запросов о литературе на различные исторические темы из других городов СССР: из Ростова на Дону, Ашхабада, Благовещенска, Иркутска, Тбилиси, Львова, Йошкар-Ола, Ташкента, Астрахани и др.

Большую и важную работу выполняет научно-библиографический отдел библиотеки. Библиотекой поставлена задача создания исчерпывающе полной библиографической картотеки литературы и печатных материалов по истории СССР на языках народов СССР и иностранных языках, что даст возможность историкам не тратить времени и труда на разыскание материалов.

Первой задачей, намеченной в плане библиографического отдела, является составление полной библиографии библиографий литературы по истории СССР. Эту работу Историческая библиотека проводит совместно с Ленинградской библиотекой имени Салтыкова-Щедрина. К половине 1941 г. работа будет закончена и подготовлена к печати.

Параллельно научно-библиографический отдел библиотеки ведет работу по составлению библиографических указателей, рассчитанных на преподавателей истории в средней и высшей школе, студентов, научных работников — историков. Подготовлен и сдан в печать аннотированный указатель литературы по истории СССР объемом в 60 печатных листов, под редакцией проф. А. М. Панкратовой. Составлена картотека в 4000 названий литературы по древней истории. Основная литература в картотеке по древней истории аннотирована. Этой картотекой уже пользуются читатели Исторической библиотеки. Такого же типа картотека в 12 тыс. названий составлена по истории средних веков. Начата работа по составлению картотеки по новой истории. На основе этих картотек будут составлены и изданы библиографические указатели. К редактированию картотек и указателей привлекаются виднейшие ученые-специалисты. Кроме того библиотекой будут составлены и изданы указатели по истории для учащихся средней школы. Научно-библиографический отдел библиотеки за 1939 и 1940 гг. уже опубликовал в печати ряд тематических библиографических указателей.

Историческая библиотека выпускает информационный библиографический бюллетень о новой исторической литературе, выходящей в СССР и заграницей. В 1939 г. бюллетень размножался стеклографическим способом и выходил небольшим тиражом. С 1940 г. Историческая библиотека совместно с библиотекой Академии наук издает печатный информационный бюллетень «Историческая литература» тиражом в 3 тысячи, выходящий шесть раз в год. Бюллетень рассчитан на научных работников, преподавателей истории, аспирантов, студентов, на советскую интеллигенцию вообще.

Из всего вышесказанного видно, что Исторической библиотекой несмотря на ее кратковременное существование проделана большая полезная работа, положительно отмеченная на читательских конференциях. Библиотека уже прочно вошла в жизнь

историков, аспирантов, студентов и советской интеллигенции Москвы.

Партия и правительство, придавая серьезное значение Исторической библиотеке, поставили ее в благоприятные условия. Помимо бюджета, обеспечивающего обычную работу, библиотека получала и получает дополнительные средства на проведение таких специальных работ, как разборка залежей книг, проверка книжного фонда, приведение в порядок и составление каталогов и пр.

Правительством принято решение о реконструкции книгохранилища и постройке нового корпуса библиотеки. Книгохранилище будет оборудовано стандартными металлическими стеллажами. Для хранения редких, наиболее ценных изданий и рукописей в реконструированном корпусе книгохранилища устраивается специальное помещение с кондиционированным воздухом. В новом корпусе библиотеки предусмотрены: лекционный зал, зал каталогов, зал графики и иллюстраций. Для занятий ученых — специалистов-историков — предполагается устроить индивидуальные кабинеты.

Нет сомнения, что Государственная Публичная историческая библиотека уже в ближайшем будущем станет в полной мере отвечать тем задачам, которые поставлены перед ней партией и правительством.

В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

С. Ростовский

С 3 по 6 февраля 1941 г. происходила сессия исторического сектора Института востоковедения АН СССР, на которой были обсуждены многие существенные вопросы истории феодализма на Востоке. Всего сессия заслушала 16 докладов.

Сессию открыл директор Института востоковедения АН СССР акад. Струве докладом «Становление феодализма в Египте».

«В результате большой работы, проведенной в последние годы советскими историками древнего мира,— заявил акад. Струве,—опровергнуто положение о вечном феодализме на Востоке, тождественное по существу с пресловутой теорией об азиатском способе производства».

Перед историками стоит ныне кардинальный вопрос о возникновении феодализма на Востоке. Этот вопрос нельзя решить, не изучив конкретной исторической обстановки, в которой развивались общества Востока.

Далее докладчик перешел к изложению своих взглядов по вопросу о зарождении феодальных отношений в Египте в период владычества Рима. Предпосылкой для решения этого вопроса является определение общественного строя птолемеевского Египта.

Докладчик подробно иллюстрирует рядом материалов положение, что греческое владычество усилило моменты рабовладельческой эксплоатации «в полурабовладельческом, полупатриархальном строе птолемеевского Египта». «Безжалостное выжимание налогов со стороны птолемеевского правительства нанесло смертельный удар сельским общинам, сохранившим внешне еще свою старую организацию»—таков следующий тезис докладчика, подтверждаемый множеством фактов. Обнищание сельских общин рельефно выявляется большим Парижским папирусом № 64 от 164 года. Подробно цитируя его, докладчик оспаривает мнение тех исследователей, которые считают, что обнищание общины явилось следствием вторжения Антиоха IV в Египет.

Докладчик утверждает, что обеднение египетской деревни началось значительно раньше. При римском господстве в III веке «нищета деревень достигла крайнего предела». «Государство уже не могло находить имущих людей, которым оно имело бы возможность сдать пустующую царскую землю. Поэтому правительство было вынуждено коренным образом изменить передачу в аренду царской земли. В III веке оно стало сдавать в аренду государственные земли не отдельным имущим представителям деревни, а всей совокупности жителей деревни, которые потом уже распределяли землю между имущими и неимущими своими представителями, отвечая за тех и других. Таким образом обедневший представитель сельской общины, оторванный предшествующим развитием от средств производства, снова прикрепляется к земле, становясь тем самым, по существу, крепостным колоном. В положении раба намечается в период римского владычества тот же процесс прикрепления к средствам производства» — таков заключительный и наиболее важный тезис докладчика, несомненно, нуждающийся в дальнейшем уточнении.

Большой интерес и оживленные прения вызвал доклад проф В. И. Штейна «К возникновению феодальной идеологии в Китае (социально-экономические учения древнего Китая)».

В «золотой век» китайской философии, хронологические вехи которого примерно

определяются VI—III вв. до н. э., «исключительный напор социальной критики побудил представителей господствующего феодального класса выдвинуть наиболее отвечающую его классовым интересам определенную идеологическую систему, каковой явилось конфуцианство».

С особенной остротой социальная критика направлялась против общественного неравенства, в частности неравенства в потреблении.

Докладчик подробно остановился на характеристике двух основных боровшихся идеологий господствующего класса: конфуцианства, наиболее яркими выразителями которого были Мэн-Цзы и Сюнь-Цзы (IV—III вв. до н. э.), и так называемого легизма, классическим выразителем которого можно считать Шань-Яна (IV в. до н. э.).

В принципиальных спорах между конфуцианцами и легистами, по мнению докладчика, важнейшее место занимает «борьба между двумя началами регулирования общественной жизни: законом (фа) и нормой поведения, основывающейся на нравственном кодексе (ли)». Впрочем, докладчик полагает, что идеологические разногласия между конфуцианцами и легистами имели более глубокие корни.

Социально-экономический строй Китая, как он отразился в трактате Мэн-Цзы, по мнению докладчика, характеризуется следующими чертами: а) земледельческая община остается костяком всей общественной жизни, б) понятие частной земельной собственности еще не существует, несмотря на то что уже различается владение «княжеским полем» и «частным полем», в) поскольку классовая эксплоатация производится через аппарат налогов, вопрос о высоте обложения приобретает значение важнейшей социальной проблемы и уровнем налоговых тягот определяется весь стиль общественной жизни, г) жестокость налоговой эксплоатации тормозит развитие общества, д) крестьянин как непосредственный производитель выступает в качестве самостоятельного хозяина (sic!), заинтересованного в результатах своего производства.

Что касается социально-экономической теории Шань-Яна, то она, по мнению докладчика, «характеризуется прежде всего резким противопоставлением государства и народа. В его построении государство представляется растущим организмом, и ему в жертву должны быть принесены интересы всех классов населения. Население должно заниматься лишь земледелием и войной».

Докладчик критикует встречающиеся в синологической литературе утверждения, будто с победой конфуцианства нравственная норма «ли» победила закон «фа», и Китай на протяжении тысячелетий обходился без закона. «Китай,— заявляет докладчик,— знал не только уголовное, но и гражданское писаное право. Происходила широкая рецепция начал аграрного права Китая соседними народами (Японией, Кореей). На территории современного Индо-Китая возникло особое сино-аннамское право».

Охарактеризовав затем «утопические черты» конфуцианства, выражающиеся в стремлении построить политику государства на принципе гуманности и добродетели, а также в учении о мудрецах (Шэн), которые могут руководить князьями в конфуцианском духе, докладчик переходит к характеристике причин победы конфуцианства. «Если несмотря на эти черты утопизма конфуцианство все же победило легизм, то это объясняется тем, что в нем сильнее всего звучали, как уже отмечено, мотивы оправдания сложившегося и созревшего феодального общества. При практическом же осуществлении конфуцианских начал в политике государства утопические элементы были изжиты. Конфуцианство многое восприняло, в частности, у легизма, например, широкое использование закона для воздействия на общественную жизнь, вмешательство в экономику и др. Разумеется, пришлось отказаться от претензии конфуцианских ученых на роль «вождей философов». Мудрец Шэн был заменен смиренным начетчиком, представителем вышколенной бюрократии».

Выступавший в прениях акад. А л е к с е е в приветствовал докладчика за его попытку по-новому поставить и осветить эти сложные вопросы. Акад. Алексеев считает, что направление исследований, предпринятых проф. Штейном, может вырасти в новую школу «синологии». Одновременно акад. Алексеев критикует докладчика за его интерпретацию «ли» и нечеткость характеристики конфуцианской теории общественных классов.

Выступивший в прениях проф. К ю н е р весьма сдержанно оценил доклад проф. Штейна. Большинство положений доклада проф. Кюнер считает гипотезой.

С докладом о «Надельной системе в Китае» (III—VIII вв.) выступил Л. И. Д у м а н.

«Надельная система землепользования возникла в Китае в период острых классовых боев, когда под ударами восставших рабов и крестьян была разрушена централизованная династия Хань и когда страна оказалась поделенной различными военно-феодальными группами» — таков первый тезис докладчика. В 80-х годах III в. н. э., согласно законодательству цинской империи, установились два вида крестьянских наделов: 1) «поля во владении» — надел на двор, семью (мужа и жену); 2) «поля, облагавшиеся повинностями и налогами» — душевой надел. Все крестьянское население, получавшее душевые наделы, разделялось на три группы: 1) полностью трудоспособные, 2) неполностью трудоспособные, 3) нетрудоспособные. Первые две группы получали различную по размерам земельную площадь и облагались подворной (промысловой) податью.

Система надельного землевладения не уничтожила помещичьего землевладения. Крупная земельная собственность продолжала существовать параллельно с надельным крестьянским землевладением.

Докладчик затем подробно остановился на изменениях, происшедших в надельной системе в империи Сев. Вей (386—534), Сев. Ци (550—577), Сев. Чжоу (557—581), в Суйской и Танской империях.

В VII в. усиливается процесс разложения надельной системы. «Дальнейшая концентрация земли в руках крупных землевладельцев (ленных земель и частной земельной собственности), рост частной собственности на землю вызвали крах надельной системы (VIII в.). Но, потеряв почву в Китае, система надельного землепользования получила распространение в Японии (VII в.) и Корее. Значение надельной системы определяется тем, что она являлась новым этапом, переломным моментом в развитии аграрных отношений на Дальнем Востоке (в Китае, Японии и Корее), когда феодальный способ производства окончательно укрепляется, становится господствующим. Надельная система способствовала прикреплению крестьян к земле, обеспечивая феодальную эксплоатацию крестьянства» — таков заключительный тезис докладчика.

Доклад подвергся обсуждению. Наиболее критическим было выступление проф. Штейна, усомнившегося в существовании особой надельной системы. По мнению проф. Штейна, в Китае была обычная община с обычными переделами земли.

С докладом на тему «Зарождение феодальных отношений в Ираке в III—V вв. н. э.» выступил Ю. А. Солодухо.

Докладчик на основе фактических данных еврейских источников раннего средневековья проследил динамику самого процесса прикрепления к земле непосредственных производителей, начиная со II—III вв. нашей эры.

Несколько модернизируя терминологию, а возможно, и реальные исторические процессы, докладчик рисует картину того, как, «принужденный прибегать к предварительной продаже на корню продукции своего будущего урожая, к займам и к закладу своих земельных угодий, мелкий землевладелец попадал в кабалу к зажиточному землевладельцу». Теряя право собственности на свои угодья и перейдя на положение арендатора или издольщика, мелкий землевладелец в силу вещей быстро скатывался к положению крепостного, всецело зависимого от землевладельца.

Наряду с экономическими средствами новые слои землевладельцев начинают прибегать в закрепощении непосредственных производителей к средствам внеэкономическим, используя в этих целях находившийся в их руках судебный аппарат.

Докладчик связывает с этим «наблюдавшийся в Ираке начиная с II—III вв. особый интерес к юриспруденции, к гражданскому праву и возникновение там многочисленных так называемых талмудических школ, разрабатывавших преимущественно гражданские правовые нормы».

Докладчик далее указал, что «феодализация происходила не только за счет свободных крестьян, но в большей степени и за счет рабов, которых землевладельцы-рабовладельцы стали сажать на различных условиях на выделенные для каждого из них в отдельности земельные участки. Такие рабы, прикреплявшиеся постепенно к земле, становились по отношению к рабовладельцам в феодальные отношения: они вносили землевладельцу-рабовладельцу земельную ренту или ввиде части урожая возделываемых ими земельных участков или ввиде части непосредственного своего труда—отработочной рентой».

Выступивший в прениях акад. В. В. Струве отметил «большое значение, которое имеет привлечение для разрешения различных вопросов становления феодализма данных, содержащихся в еврейских источниках раннего средневековья, в так называемой талмудической литературе, обширных материалов о производственных отношениях среди населения стран Ближнего Востока — Ирака и Сирии — в первые века н. э.».

В использовании этих материалов, по мнению акад. Струве, заключается серьезная заслуга Ю. А. Солодухо.

С большим докладом на тему «Икта в Азербайджане в период Ильханов» выступил тов. А. А. Али-Заде.

«Распространение «икта» в Азербайджане связано главным образом с постоянными военными действиями между Ильханами и золотоордынскими ханами». Ильханы в целях организации сопротивления своим противникам содержали на территории Азербайджана постоянную армию, воины которой в дальнейшем получали земли ввиде «икта». Особенно большое распространение «икта» получает в период Газан-хана, осуществившего крупную земельную реформу.

«При Газан-хане часть земель «дивана» и «инджу» была отдана в собственность частным лицам, причем были признаны и права старых землевладельцев. Большая же часть земель была отдана военным в качестве икта». Опираясь на анализ ярлыков Газан-хана, докладчик утверждает, что «икта является личной собственностью владельцев и передается по наследству. Собственнику владения икта принадлежали не только земля, оросительная система, пастбища, но и все крестьяне, сидевшие на этой земле. Закон подтверждал и подкреплял существовавший ранее порядок прикрепления крестьян к земле».

«Нет сомнения,— утверждает далее докладчик,— в том, что в этот период на землях икта существовала и барщина. Это видно из ярлыков Газан-хана и других материалов. Для обозначения барщины употребляется термин «бигар». Этот термин в значении барщины употребляется не только при Ильханах, но его можно найти и в домонгольский период. Между прочим, термин «бигар» в значении барщины употребляется в произведениях азербайджанского поэта Низами».

Эти основные положения своего доклада тов. Али-Заде заканчивает следующим выводом: «Прослеживая эволюцию икта, мы видим, что собственники икта в дальнейшем превращаются в феодалов, наделенных землей с прикрепленными к ним раятами. Это положение дает нам основание владельцев икта отнести к категории феодалов».

А. И. Беленицкий сделал доклад на тему «К истории феодального землевладения в Иране и Средней Азии в послемонгольское время» (сложение института

«суюргал»). (См. статью тов. Беленицкого в настоящем номере журнала, стр. 43—58.

Интересный доклад на тему «Характеристика феодальных институтов в Турции в XV в. на основе законодательных актов Мехмеда II» сделала А. С. Тверитинова.

Докладчица в отличие от широко распространенной среди историков точки зрения считает, что «окончательное сложение основных черт турецкого феодализма следует относить не к XVI в., а на столетие раньше, к периоду султана Мехмеда II (1451—1481), законодательные акты которого явились юридическим завершением предшествующего процесса исторического развития Турции».

Докладчица утверждает, что книга законов Мехмеда II о порядке государственных рангов и придворном церемониале составлена, видимо, под непосредственным влиянием византийских законов вскоре после завоевания Константинополя. «Основой второго свода законов Мехмеда — уголовного и финансового — явилось в первую очередь обычное право, господствовавшее в удельных бейликах до завоевания их османскими султанами, и отдельные грамоты удельных беев, носившие в себе отголосок законоположений сельджукских султанов». «Законодательство Сулеймана Кануни (1520—1566) не изменило характера сложившихся в предшествующие столетия феодальных институтов в Турции,— оно базируется на древних османских законах и главным образом на законах Мехмеда II, которые в значительной части вошли в свод Сулеймана без изменения».

Тов. Тверитинова считает также, что законодательный кодекс, составленный в XVI в. муфтием Абуссуудом, не может служить исчерпывающим источником для изучения истории его времени, так как он переносит в Турцию шариатские догмы VIII—IX веков. Изучение законодательства более раннего времени, в частности XV в., позволяет заявить, что период царствования Мехмеда II является переломным рубежом в периодизации истории средневековой Турции. «Можно считать,— утверждает докладчица,— что при Мехмеде II была завершена организация военно-феодальной империи турок, а периодом наиболее мощного развития этого государства следует считать столетие от Мехмеда II до Сулеймана Кануни».

Докладчица считает также, что «на основании законодательных актов Мехмеда II можно сделать вывод о существовании крепостной зависимости в Турции уже в XV столетии».

Доклад тов. Тверитиновой вызвал оживленные прения. Выступивший в прениях тов. Новичев подробно остановился, в частности, на необходимости привлечения византийских источников для изучения средневековой истории Турции.

Тов. Муратов, соглашаясь в основном с выводами докладчицы, особо остановился на вопросе о крепостничестве в Турции и выразил полное удовлетворение тем, что давно выдвинутая и защищаемая им точка зрения о существовании крепостнических отношений в Османской империи и о законодательном закрепощении крестьян получила теперь подтверждение в докладе тов. Тверитиновой.

Доклад на тему «Маздакитское движение» сделала Н. В. Пигулевская. Опираясь на обширный материал, докладчица подробно остановилась на характеристике этого крупнейшего движения. Тов. Пигулевская утверждает, что «источники называют проповедь Маздака «ересью» зороастризма и связывают с гностическим учением Мани».

Изложив ход движения, Н. В. Пигулевская аргументировала затем тезис о том, что «идеи маздакизма оказали сильнейшее влияние на все сектантские и крестьянские движения Передней и Средней Азии в средние века. Социальное учение Муканны Сумбата-Мага, тондракитов, карматов повторяет основные идеи маздакизма, влияние которых сказалось на «еретическом учении» богомилов, альбигойцев, стригольников».

Доклад тов. Пигулевской вызвал оживленные прения. Выступавший в прениях акад. Струве посоветовал Н. В. Пигулевской шире использовать до сих пор малоизученные коптские материалы.

Тов. Али-Заде в своем выступлении привел некоторые любопытные факты, показывающие, что в современном Азербайджане бытуют различные рассказы о Маздаке.

Большой доклад на тему «Движение против омайядов в Армении (восстание 747—748 гг.)» сделал С. Т. Еремян. Подробно изложив обстоятельства подчинения Армении власти омайядов, докладчик остановился затем на характеристике перемен, внесенных арабами в завоеванную Армению. «Значительная часть земельной собственности изгнанных из страны нахараров перешла в руки арабских племен и родов, образовавших в тылу Армении военные поселения». Города превратились в военно-административные центры арабского господства, население должно было «платить подати, относиться дружески к мусульманам, кормить их, помогать им против врагов (Белазури)».

Одновременно в Армении образовался «многочисленный слой свободных земледельцев-крестьян «рамик», которые завладели землями бежавших из Армении в Византию нахараров.

Докладчик утверждает, что термин «анрамик», встречающийся у Иоанна Драсханакертского, означал крепостного, которых иначе называли еще «шинаканами», в то время как термин «рамик» означал свободного крестьянина. Удельный вес рамиков все более возрастал. В связи с этим происходила демократизация армянской конницы. «Рамикская конница вместе с рамикской пехотой играет решающую роль во всех повстанческих движениях против арабского халифата. Они составляли основной костяк вооруженных сил восставшей нахарарской Армении».

Докладчик затем подробно остановился на эволюции общинного уклада в Армении, на мероприятиях арабских завоевателей, направленных к ликвидации нахарарского строя, на видоизменениях в системе нало-

говой политики арабов, в частности на введении во второй половине VII в. денежной ренты-налога. Эти мероприятия привели к совместному выступлению против арабских завоевателей народных масс и армянской знати, начавшемуся во время войны абассидов с омайядами. «Казнь Давида Мамиконяна арабами послужила сигналом к всеобщему открытому вооруженному восстанию народных масс во главе с Григорием Мамиконяном...»

Докладчик подробно остановился, далее, на крестьянской борьбе не только против арабов, но и против нахараров (в 749 г.). Данные об этом имеются у Гевонда. Нахарары под угрозой крестьянских волнений перешли на сторону абассидов. Это было одной из причин победы последних и прекращения восстания.

В прениях по докладу тов. Еремяна выступил акад. Крачковский, указавший на большое значение разработки армянских источников по указанному периоду и по данному вопросу. Арабские источники, вообще очень обильные, этот период почти не освещают. Акад. Крачковский вместе с тов. Беленицким считают, что докладчику следовало бы показать движение против омайядов в Армении как ветвь большого движения, охватившего весь халифат.

Тов. Дондуа упрекал докладчика за то, что он «посадил всех рамиков на коней».

Акад. Струве признал ценным в докладе С. Т. Еремяна то, что он остановился на эволюции общины, стремясь показать, что община имеет свою историю.

Весьма живо изложил И. П. Петрушевский свой доклад на тему «Крестьянское восстание в Гиляне в 1629 г. н. э.».

«Выступление народных масс в Гиляне в 1629 г. следует рассматривать как одно из звеньев серии крестьянских восстаний, прокатившихся по странам Ближнего Востока в конце XVI — начале XVII вв. (группа восстаний, известных под именем «джелали» в Турции, ряд народных восстаний в Гиляне, Фарсе, Арабистане, Хоросане и других областях Ирана в 80—90-х годах XVI в.)».

Непосредственной предпосылкой восстания 1629 г. докладчик считает «внутреннюю политику шаха Аббаса I, стремившегося развить производительные силы Ирака персидского и вообще центральных областей Ирана и обогатить их за счет усиления эксплоатации и ограбления окраинных областей и покоренных стран. Отменяя ряд податей (чобан-беги и др.), снимая другие подати (мал у джихат) в Ираке персидском и предоставляя различные льготы и привилегии городам внутреннего Ирана, шах Аббас I вместе с тем систематически налагает ряд контрибуций (тарджуман) на окраинные и вновь завоеванные области и повышает здесь размеры податей и повинностей». Не избежал этих тягот и Гилян, присоединенный к Ирано-Кизылбашскому государству в 1592 году.

Докладчик в подтверждение этой своей мысли ссылается на историка Гиляна — Абд-ал-Фаттаха Фуляни.

Восстание в Гиляне вспыхнуло вскоре после смерти Аббаса I. Поднято оно было потомками местной старинной знати, которые добивались восстановления независимости Гиляна. Но, приняв участие в восстании, «сборище обездоленных и темных людей без имени и отличия» неожиданно для феодалов придало восстанию «резко выраженную антифеодальную окраску».

Докладчик, широко используя данные основных источников («История Гиляна» Фуляни и «Продолжение мир украшающей истории Абасовой» Искандер-Мунши), рисует картину расхождения целей и обострения отношений между знатью и купечеством с одной стороны и городской беднотой и крестьянскими массами — с другой после победы над местными шахскими войсками.

Крестьяне и городская беднота, истребив и изгнав шахских чиновников, городских старшин (колантаров) и знать (айян), разгромили дома знатных людей и крупных купцов, а также казенные склады, взяв оттуда товары купцов московских и франкских. Очень активное участие в восстании приняли талышские крестьяне. В результате местная гилянская знать и купечество переметнулись на сторону шахских войск, наступавших на Гилян под командованием Сару-хана Талышского.

Подавление восстания превратилось в классовую расправу феодалов над крестьянами. Убытки от восстания, понесенные казной и купечеством, официально определяются в 300 тыс. туманов, огромной по тому времени суммой.

С большим нетерпением сессия ждала доклада тов. Сулейкина на тему «Возникновение и развитие кастового строя в древней Индии в период раннего феодализма». Доклад этот не состоялся из-за болезни тов. Сулейкина. Приводим поэтому только основные положения тезисов этого доклада, представленные на сессию.

«В основе многочисленных буржуазных концепций кастового строя в Индии,—гласит первый тезис,— лежит вульгарная расовая теория, которая выводит кастовый строй из сознания людей». Своего законченного, завершенного развития она достигает в концепциях Рисли и Сенара. «Кастовый строй нужно выводить (sic!) не из сознания людей, но из условий общественного производства. В соответствии с этим нужно различать две существенно разные формы кастовых различий: рабовладельческую и феодальную. В рабовладельческий период древнеиндийское общество разделялось на четыре касты, которые назывались «варнами», в феодальный период общество распадалось на сотни каст, для обозначения которых употребляется термин «джати».

Автор утверждает далее, что данные Ригведы «не дают никаких оснований усматривать в борьбе между арийцами и неарийскими племенами аборигенов источник разделения общества на касты. Гимн X. 90 нельзя рассматривать как закон о разделении на касты. Такое разделение отнюдь не было единовременным законодательным актом, но развивалось по мере сложения классового рабовладельческого общества».

«Кастовый строй древней Индии (4 варны) был формой общественного разделения труда рабовладельческого общества. Главным источником кастовых различий в древней Индии был строй сельских общин, замкнутых производственно-племенных объединений, население которых противопоставлялось рабам».

Несмотря на консервативность данного общественного строя развитие производительных сил привело к необходимости ломки кастовых ограничений. «В связи с этим середина первого тысячелетия до н. э. ознаменовалась развитием широких социальных движений протеста против кастовых различий (материалистические течения в философии, буддизм). Развитие общественного производства совершалось путем ломки кастовых ограничений. Уже в VI—IV вв. до н. э. создаются производственные объединения ремесленников и т. д., деятельность которых расходится с обычными нормами, вытекавшими из разделения общества на четыре варны». «Но ни ремесленники, ни иные объединения не были кастами, т. е. замкнутыми, строго наследственными объединениями». «В империи Маурья (IV—II вв. до н. э.) мы впервые отчетливо наблюдаем распадение рабовладельческого строя». Объективным итогом реформ Маурья, явившихся попыткой найти выход из кризиса рабовладельческой системы, «было возникновение первых элементов феодального общества. Реформы Маурья ускорили распадение старых варн, но они же положили начало кастовым различиям нового феодального типа».

В переходный период от рабства к феодализму постепенно складываются основные институты феодального общества, возникают различные производственные и иные объединения ремесленников, купцов и т. д. Но в этот период они «не были еще замкнутыми, строго ограниченными кастами, хотя в большинстве случаев занятия носили наследственный характер».

Система индийского общества этого переходного периода отражена в «Законах Ману» и в «Законах Вишну».

«В империи Гупт (IV—V вв. н. э.) наблюдается наибольший подъем развития общественного производства, культуры, искусства и т. д. и наибольшее развитие производственных отношений, характерных для феодального общества. В основе индийского феодального общества лежал строй наследственных, строго замкнутых сельских общин. Корпоративно-кастовые принципы сельских общин полагались в основу производственных объединений в городах. Таким образом, строй сельских общин на определенной ступени развития феодального порядка стал источником развития кастовых различий в городах».

Автор указывает далее на растущее вмешательство государственной власти во внутреннюю жизнь корпораций. «Государственная власть превращала уставы и правила внутреннего распорядка корпораций в вечные, незыблемые законы общественного устройства. Корпорации раннефеодального периода окостенели и стали кастами современного типа». «Сложение кастового строя завершается в период между VI и IX веками. В этот же период завершается вытеснение из Индии буддизма и сложение индуизма — системы индийских религий, в основе которой лежит кастовое устройство общества» — таков десятый и последний тезис тов. Сулейкина.

Интересная тема и концепция, выставленные тов. Сулейкиным, несомненно, заслуживают внимания и широкого обсуждения.

Не менее интересные доклады организовала секция так называемых вспомогательных исторических дисциплин.

Тов. Б у н а к о в сделал доклад на тему о китайской письменности как историческом явлении и историческом источнике. Доклад, сопровождавшийся демонстрацией диапозитивов, вызвал прения. Акад. А л е к с е е в резко критиковал докладчика за то, что он элиминировал многое, сделанное крупными буржуазными учеными по данному вопросу. Акад. Струве указал на необходимость ответа на вопрос, почему китайцы не пошли по пути Запада и не перешли от пиктоидеографического письма к фонетическому, самому демократическому письму, которое предохранило бы Китай от аристократизации культуры.

С интересным сообщением о киданьской письменности выступил Л. Н. Р у д о в. Докладчик рассказал о краткой истории вопроса и исторических данных об изобретении киданьской письменности, а также о найденной в 1922 г. стэлле в провинции Жехе с киданьскими письменами. Л. Н. Рудов далее подверг анализу и критике метод дешифровки киданьских письмен, примененный Ван Цзин-жу, и поделился с собравшимися своим методом фонетической дешифровки киданьского письма.

Л. Н. Рудов считает, что ему удалось найти метод дешифровки киданьского письма. Во всяком случае, для Л. Н. Рудова, по его словам, киданьское письмо — уже не загадка, а расшифровка его — вопрос времени. Это открытие, несомненно, весьма важное не только для лингвистов, но и для историков Китая и вообще Дальнего Востока, вызвало ряд критических замечаний со стороны акад. Алексеева, усомнившегося в действительной ценности метода Л. Н. Рудова.

Возвратившийся к научной работе после излечения от ран, полученных в боях на Карельском перешейке, В. И. Б е л я е в сделал сообщение на тему «Китабал-аурак» ас-Сули (X в.) как источник для истории его времени». Докладчик, охарактеризовав состояние источников по истории халифата при аббасидах, подробно останавливается затем на характеристике ас-Сули: «Одним из историков специально аббасидского периода халифата является автор X в. ас-Сули. Его можно охарактеризовать как придворного историка, его интересы лежат в описании событий, связанных с жизнью двора халифов и столицы Багдада. Особенный интерес сочинение ас-Сули представляет в части, посвященной его времени, так как для этого периода оно является первоисточником. По характеру по-

вествования эта часть сочинения — нечто среднее между мемуарами и дневниками событий. Рассказ ведется без приведения имен информаторов и основан на собственных воспоминаниях и записях.

Сочинение ас-Сули как источник его времени по значению должно быть поставлено рядом с сочинениями Ибн-Мискавейха и Хилаля ас-Саби. Достоверность его информации может контролироваться сравнением с трудом Мискавейха и Ибн ас-Асира».

Выступивший в прениях акад. Крачковский привел ряд данных, подтверждающих ценность «Китаб-ал-аурак» как исторического источника.

В. А. Крачковская сделала сообщение об историческом значении памятников южноарабской архитектуры, расположенных главным образом в Иемене и Хадрамауте. Доклад иллюстрировался многочисленными, весьма интересными диапозитивами.

Акад. Струве сделал сообщение о «демотической заемной записи Московского музея изобразительных искусств имени Пушкина», которую ему удалось расшифровать. Интерес документа, по мнению докладчика, заключается в том, что это первый образец заемной записи от времен первых Птолемеев.

Уникальным является то, что «перед столбцом, который содержит контракт, имеется столбец из 5 маленьких строчек. В первой строчке этого столбца дается указание дня, когда сделка была заключена. Как известно, в договоре раннептолемеевской эпохи день не указывается».

«В том же столбце определяется процент (3/10 капитала займа), и данный процент прибавляется к сумме займа».

Примечательно и то, что в данном документе встречается имя грека как заимодавца.

И. Г. Бендер сделал сообщение об открытых в 1928 г. в северной Сирии, на холме Рас-Шамра, клинописных алфавитных текстах и их расшифровке. Найденные тексты, написанные на ранее неизвестном семитическом диалекте, который, повидимому, представляет более древнюю стадию ханаанейского языка, относятся приблизительно к XIV в. до нашей эры. Исследовано до сих пор около ⅛ части того, что найдено. Изученные тексты трактуют о мифологических темах. «Цикл поэм о Ваале и Алеине дает нам подлинные сведения о финикийском пантеоне, известном до сих пор почти исключительно из данных, сохранившихся у греческих писателей. Очень важной является новая версия мифа об умирающем и воскресающем боге (борьба Алеина — сына Ваала и Мота — сына «богов»)».

По мнению докладчика, найденные тексты ставят ряд проблем:

«а) в области истории письма: соотношение вновь открытого клинописного алфавита и ранее известного древнесемитического;

б) в области семитической лингвистики: характер вновь открытого диалекта и его отношения к другим семитическим языкам;

в) по своему содержанию тексты Рас-Шамра представляют остатки некогда богатой финикийской литературы и намного обогащают скудные данные о ней, известные ранее;

г) в свете результатов, полученных при изучении текстов Рас-Шамра, должны быть пересмотрены некоторые вопросы в области древнееврейской литературы».

★

Четыре дня работы сессии исторического сектора Института востоковедения АН СССР показали, что в Институте идет подлинно научная исследовательская работа.

Институт вновь продемонстрировал свою наиболее характерную особенность стиля работы — уменье работать над документом, мы бы сказали, любовь к документу. В этом заключается сила Института востоковедения АН и прочность тех выводов, которые делают сотрудники Института из своих исследований.

Архивохранилище, библиотека и научные кабинеты Института содержат громадное количество ценнейших источников. Эта сокровищница непрерывно пополняется, и, конечно, исследование этих источников — благодарная и необходимая для страны работа. Результаты этой исследовательской работы, продемонстрированные на сессии, помогают также осветить ряд проблем, возникших в процессе работы коллектива Института над томами Всемирной истории.

Но нам кажется, что сессия обнаружила и некоторые недостатки в работе Института востоковедения АН над историей. Главный из них, по нашему мнению, заключается в некоторой изолированности Института востоковедения АН от общеисторического фронта. Институт еще не преодолел тенденций к академической замкнутости. Он еще не стал в первую шеренгу общеисторического фронта, хотя имеет для этого все данные. Институт с запозданием улавливает запросы исторической жизни. В качестве примера можно было бы привести следующие факты:

1. Уже давно историков древнего и средневекового Востока волнует вопрос о периодизации. Диапазон колебаний по вопросу о гранях между рабовладельческим и феодальным обществами иногда достигает восьми веков. Сессия обсуждала вопрос о становлении феодализма, но не поставила и не решила вопроса о периодизации феодализма на Востоке. Между тем практическая работа над многотомной историей упирается в вопрос о периодизации.

2. Страна работает над вопросами философии. Выпущен I том «Истории философии». В нем нет философии Китая, Индии и ряда других стран Востока. Общеизвестно, что эти философско-религиозные системы существуют до сих пор и оказывают громадное влияние на жизнь народов современного Востока. Институт востоковедения АН еще не дал советскому читателю сводной работы по истории философских систем и по истории религий Востока, хотя он имеет все данные, для того чтобы такую работу дать.

3. В вышедшем томе «Истории дипломатии» не разработана чрезвычайно интерес-

ная, сложная и поучительная дипломатия Китая, Японии, Индии, Персии, Турции и других стран Востока.

Нам кажется, что Чингис-хан, Тамерлан, Бабур, Мехмед II и множество других знаменитых деятелей Востока были не худшими дипломатами, чем любой из европейских дипломатов, и история их дипломатии, несомненно, имеет много поучительного. Мы не думаем упрекать Институт в том, что он не предусмотрел необходимости разработки такой темы. Но сделать выводы из выхода «Истории дипломатии» он, на наш взгляд, должен.

4. Вопросы истории общественной жизни, вопросы историографии все сильнее занимают советских историков. Необходимость разработки этих вопросов будет сказываться все острее.

Институт может и должен был бы заниматься историей общественной мысли в странах Востока; проследить влияние, которое оказывала, например, Россия на страны Востока, и, наоборот, влияния, которые проникли из стран Востока в Россию. Институт должен был бы, наконец, заняться вопросами историографии.

На сессии акад. Алексеев, упрекая Ю. В. Бунакова в том, что последний не использовал всего, что сделала буржуазная наука, заявил: «двинуться вперед можно, лишь преодолев труды предшественников». Это правильно и вполне применимо к истории стран Востока, в том числе и к истории Китая.

Институт востоковедения АН мог бы и должен был бы поставить перед своими сотрудниками задачу разработки историографии стран Востока. Институт имеет все данные для работы в этом направлении.

5. Историков, географов, политиков, каждого советского читателя, когда он сталкивается с соответствующей книжкой, волнует вопрос о транскрипции восточных имен и названий. Существует почти столько же транскрипций, сколько существует востоковедов. Казалось бы, именно Институт востоковедения, имеющий в числе своих сотрудников наиболее квалифицированных лингвистов, имеющий большие традиции лингвистической и исторической работы, должен был бы заняться этим вопросом и, наконец, установить единую транскрипцию хотя бы важнейших, практически наиболее употребительных восточных имен и названий. Однако Институт востоковедения АН почему-то этим вопросом не занимается.

И, наконец, следует отметить один из самых существенных недостатков работы Института востоковедения АН: проблемам Ближнего Востока Институт уделяет ничтожное внимание, тогда как на этом важном участке работы надо было бы сосредоточить и силы и внимание.

Можно было бы привести и другие примеры, свидетельствующие о недостаточном учете актуальных вопросов, стоящих перед исторической наукой, со стороны Института востоковедения АН, но приведенные примеры и отчасти тематика сессии достаточно подтверждают наше мнение.

Речь идет, конечно, не о том, чтобы актуализировать деятельность Института обязательно путем приближения к современности. Совсем нет. Можно и должно изучать древность и средневековье и отвечать этим на назревшие потребности современности.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

К ВОПРОСУ О БИБЛИОТЕКЕ П. И. ПЕСТЕЛЯ

П. Зайончковский

Влияние передовой западноевропейской общественной мысли на формирование идеологии первых русских революционеров-декабристов чрезвычайно велико. В своих показаниях следственной комиссии декабристы отмечают огромное влияние, оказанное на них западноевропейской литературой. «Так называемые либеральные идеи,— говорит на следствии Сергей Муравьев-Апостол,— родились во мне не по чьему внушению, но по собственным размышлениям и чтением книг» [1]. Пестель также утверждает, что «в сем образе мыслей укреплен был как чтением книг, так и толками о разных событиях» [2]. Член «Южного общества» поручик Крюков 2-й, перечисляя произведения, оказавшие влияние на формирование его взглядов, называет имена А. Смита, Гельвеция, Гольбаха, Филанджиери, Монтескье и др.[3]. О том же говорят и другие члены «Общества».

Для изучения этого вопроса большое значение имеют данные о библиотеках декабристов, особенно о библиотеках руководителей декабристского движения.

Большинство этих библиотек погибло, и данные об их составе крайне скудны. Так, до последнего времени мы не имели почти никаких сведений о библиотеке Пестеля. Публикуемый ниже список книг библиотеки П. И. Пестеля, хранящийся в Центральном военно-историческом архиве (ЦВИА), представляет большой интерес для понимания процесса формирования идеологии автора «Русской правды». История этого списка такова: после казни Пестеля в погашение числившейся за ним задолженности по Вятскому полку продавалось оставшееся после него имущество и в том числе книги, перевезенные к тому времени в Тульчин в штаб второй армии. 14 ноября 1826 г. дежурный генерал главного штаба 2-й армии запрашивает начальника главного штаба ген. Дибича о том, как поступить с книгами Пестеля, назначенными в продажу. На основании указаний главного штаба 30 ноября из Тульчина был направлен в Цензурный комитет министерства внутренних дел список книг без указания авторов, а также места и года издания. Цензурный комитет министерства внутренних дел, вполне понятно, не мог удовлетвориться подобным списком, и на основе его указаний штабу 2-й армии составляется новый список, с более подробным библиографическим описанием, хотя также далеко не полный. Этот второй список в декабре того же, 1826 г. был направлен начальником главного штаба 2-й армии ген. Киселевым в С.-Петербург, где после просмотра в Цензурном комитете был снова возвращен в штаб 2-й армии с указанием запрещенных изданий.

Публикуемые данные о библиотеке Пестеля и представляют собой этот второй список. Является ли этот список, содержащий 64 названия различных произведений на французском и немецком языках, полным перечнем книг, имевшихся у Пестеля? Полагаем, что нет. Майор Лорер, близкий друг Пестеля, в своих воспоминаниях говорит, что Пестель обладал огромной библиотекой. «Во всю длину его немногих комнат, — по словам Лорера, — тянулись полки с книгами, более политическими, экономическими и вообще ученого содержания, и всевозможные конституции»[4]. Между тем в публикуемый список занесено всего лишь 138 томов и 2 рукописи, причем по большей части это книги сравнительно небольшого объема. Бесспорно, эти книги не могли занимать несколько полок, тянувшихся во всю длину комнат Пестеля. Что касается остальной части библиотеки, то надо полагать, что она была расхищена. Подтверждением этого может служить хотя бы то, что в первом списке книг Пестеля, составленном в конце ноября 1826 г., имеется ряд книг, отсутствующих во втором списке, относящемся к декабрю того же года; например следующие книги на французском языке: «Несколько часов досуга в Тульчине» («Quelques heures de loisir à Toulchin». Pétersbourg), принадлежащая перу князя А. П. Барятинского; «Планы фортификации» Нуазе де сен Поля (Noizet de Saint-Paul «Plan appartenant à la fortification». Paris) в двух томах; один том военных сочинений Мюллера (Müller «Militärische Schriften») и «Трактат о преступлениях и наказаниях», повидимому, Беккария («Traité des délits et des peines»). Следовательно, в течение первой половины декабря 1826 г., когда книги Пестеля находились уже в штабе 2-й армии в Тульчине, перечисленные 5 экземпляров пропали. Вполне естественно предположить, что книг

---

[1] «Восстание декабристов». Материалы. Центрархив. Т. IV, стр. 265. М. 1927.

[2] Там же, стр. 91

[3] Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), ф. 48, д. № 408 поручика Крюкова, стр. 3.

[4] Записки Н. И. Лорера, стр. 74, М. 1931.

пропало значительно больше, особенно в первое время после ареста Пестеля, когда библиотека его находилась еще в Линцах, где стоял Вятский полк.

Кратко анализируя список книг П. И. Пестеля, необходимо прежде всего подчеркнуть разносторонность его интересов: в списке мы находим книги по различным отраслям знаний, причем наибольшее место занимают книги по политическим, философским и экономическим вопросам. Мы находим в списке произведения передовых представителей западноевропейской мысли: Гельвеция, Монтескье, Адама Смита, утописта-коммуниста Мабли, итальянского публициста Филанджиери и, наконец, известное анонимное произведение Рейналя «Политическая и философская история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» («Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes»), содержащее горячую проповедь необходимости освобождения невольников, а также поднимающее ряд вопросов о деспотизме, абсолютизме и т. д. Произведения этих мыслителей, бесспорно, оказали большое влияние на формирование взглядов Пестеля.

Помимо перечисленных сочинений представителей передовой западноевропейской мысли в списке книг Пестеля находим произведения Бентама, экономиста Сэя, а также и сочинения Шатобриана, ультрароялиста Феррана, богослова и профессора истории Берлинской военной академии Ансильона, наконец, «Considération sur la doctrire et l'esprit de l'église ortodoxe» («Рассуждение об учении и духе православной церкви») мракобеса Александра Стурдза.

В списке имеется ряд произведений по истории Турецкой империи и о ее тогдашнем состоянии; повидимому, события в Греции вызвали у Пестеля интерес к турецкому вопросу.

В библиотеке Пестеля были книги и по военным вопросам: среди 64 названий, имеющихся в списке, 11 — произведения военного характера. Среди них мы находим сочинения лучших военных специалистов того времени: Карно, Жомини, Гибера, а также и произведения других авторов, посвященные разбору различных военно-теоретических вопросов.

Также у Пестеля были книги и по точным наукам.

Художественная литература представлена в списке произведениями Шиллера, немецкого поэта Карла-Теодора Кернера, французского писателя Делиля, а также немецкими переводами Гомера.

Список книг библиотеки Пестеля лишний раз свидетельствует о широте интересов руководителя «Южного общества» и заставляет вспомнить характеристику, данную А. С. Пушкиным Пестелю. «Утро провел с Пестелем, — пишет в своем кишиневском дневнике Пушкин,—умный человек во всем смысле этого слова... Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю»[1].

Какова же судьба, постигшая книги, указанные в публикуемом списке? Большинство их, за исключением 24 томов, признанных Цензурным комитетом запрещенными, было продано в Тульчине и, возможно, куплено окрестными помещиками (надо думать, что в библиотеках Киева и других городов Правобережной Украины можно обнаружить книги Пестеля). Что касается нижеследующих запрещенных произведений:

1. «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes», 6 vol.» Amsterdam. 1772.[2]

2. «Tableau historique, politique et moderne de l'Empire Ottoman» en 2 volumes par. W. E t o n, traduit par Lefebrre. Paris. 1811.

3. «Tablette chronologique des révolutions de l'Europe du citoyen K o c h». Strasbourg. 1802.

4. Oeuvres de H e l v e t i u s, vol. 2 et 4. Londres. 1777.

5. «Les révélations indiscrètes du XVII siècle».

6. «Felicia ou mes fredaines», vol. I-er. Amsterdam. 1776.

7. «Mémoire de S a t u r n i n», 2 vol. 1806.

8. «Stunden der Andacht zur Beförderung wahren Christenthums», 8 Theil. Aarau. 1820.

9. «Handbuch der Geschichte des europäischen Staatensystems», von H e e r e n, Götingen. 1811,— то таковые были направлены в Цензурный комитет и включены в состав библиотеки последнего.

C a t a l o g u e[3]

1. L'esprit de l'histoire ou lettres politiques et morales d'un père à son fils. A. Ferzand en 4 volumes. Paris, 1809[1].

2. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes, en 6 volumes, Amsterd. 1772[2].

3. L'histoire du regne de l'empereur

[1] П у ш к и н А. Соч. Т. IX, стр. 448. «Academia». 1937.

[2] Полное библиографическое описание запрещенных произведений дается нами в примечаниях к общему списку книг.

[3] Центральный военно-исторический архив, ф. 36. оп. 4/847. д. № 533, 1826 г. секретной части дежурного генерала главного штаба е. и. в. «По рапорту начальника главного штаба 2-й армии о книгах бывшего полковника Пестеля, назначенных в продажу», лл. 12—14.

Все названия, указанные в списке, сверены с оригиналом и с библиографическими указателями. Не удалось в указателях найти 11 названий, отмеченных звездочкой. Дополнительное библиографическое описание книг, помещенных в списке, дано нами ниже, в примечаниях в конце статьи.

Charles Quint par Robertson, en 6 volumes. Maestrickt, 1783.

4. Tableau des revolutions du système politique de l'Europe depuis la fin quenzième siècle, par Ancillon, en 7 volumes, Paris. 1806.

5. Oeuvres de Montesquieu, en 8 volumes. Aux deux ponts 1784.

6. Oeuvres militaires de Guibert en 5 volumes. Paris. 1803.

7. Traité des grandes opérations militaires contenant l'histoire critique des campagnes de Frédéric II, comparées à celles de l'empereur Napoléon, en 4 volumes. Paris. 1811, par Jomini.

* 8. Manuel générale du service des Etats majors généraux et divisionnaires dans les armées, par Rhiebautl. Paris. 1813.

* 9. Traité élémentaire de physique par Staiiy en deux volumes. Paris. 1803.

10. Etat actuel de l'Empire Ottoman, en 2 volumes par Abesei, traduction de Fontanelle. Paris. 1792.

11. Elements de fortifications par St. Paul, en 3 volumes. Paris. 1811 [3].

* 12. De la défense des places fortes, par Carnot, Paris, 1811.

13. Tableau historique, politique et moderne de l'Empire Ottoman, en 2 volumes par W. Eton, traduit par Lefebrre. Paris. 1801.

14. Tablettes chronologiques des révolutions de l'Europe, du Citoyen Koch. Strasbourg. 1802.

* 15. Dictionnaire militaire portatif, francais et allemand par Stoyer. Paris. 1808.

16. Edition portative des reveries, ou memoires sur l'art de la guèrre par le comte de Sax. Dresden. 1762 [4].

17. De la guerre, traduit de l'allemand. Paris. 1819 [5].

18. Oeuvres de Helvetius, tome 2 et 4 incomplet. Londres. 1777.

19. Le révélation indiscrètes du XVII-me siècle [6].

20. Précis des événemens militaires de la dernière guèrre des Espagnols contre le Français par Boutourlin. St.-Pétersbourg. 1818.

21. La sience de la législation en 7 volumes, par Filangièri. Paris, an VII.

22. Traité d'économie politique par Say, en 2 volumes. Paris. 1819 [7].

23. Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations, par A. Smith. en 5 volumes, traductio de Garnier. Paris. 1802.

24. Tactique des assemblées legislatives par Bentham, traduit par Dumont. Geneve, 1816, 2 volumes [8].

25. Oeuvres de Machiavel en 9 volumes (les deux premiers manq.), traduit par Guiro-det. Paris, an VII.

26. Constitutions des principaux états de l'Europe, et des Etats-Unis de l'Amérique, en 6 volumes (le troisième manq.) par la Croix. Paris. 1793.

27. Le droit public de l'Europe fondé sur le traités. en 3 volumes par l'abbé de Mably. Leipzig et Amsterdam. 1771.

28. Statistique (manuscrit).

29. Génie du christianisme, par Chataubriand, en 4 volumes. Paris. 1802 [9].

30. Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église ortodoxe, par Stourdza, Weimar. 1816.

31. Le Coran, traduit de l'arabe par Savary, en 2 volumes, Amsterdam. 1776 [10].

32. «Mon bonnet de Nuit» par Mercier en 2 volumes. Neuchatel. 1784.

* 33. L'académie des dames ou nouvelle traduction du Marsuis en 2 volumes. 1769.

34.* Felicia ou mes fredaines. Premier volume. Amsterdam. 1780 [11].

35. L'homme des champs ou les georgiques par Delille. Basele. 1800 [12].

* 36. Les jardins, par Delille. Londres. 1801 [13].

* 37. Mémoires de Saturnin en 2 volumes. 1806.

38. Séjour de dix mois en France par un émigré. Hambourg. 1795 [14].

39. La mort de Socrate, par Lamartin, réimprimée à Pétersbourg. 1823 [15].

* 40, Mémoires historiques, abrégées sur les telegraphes en général par Staiiy. Pétersbourg. 1810.

* 41. «La laitière suisse ou l'aveugle de Clarens», comédie en un acte par Sarrai, Damersan et Merl. Paris. 1815.

* 42. Lettres sur les révolutions du globe, par B. Paris. 1824.

43. Tablettes chronologiques de l'histoire d'Allemagne (manuscrit).

NB. On y trouve de même 3 catalogues des livres, qui se vendent chez St. Florent [16] et autres libraires de Pétersbourg.

1. Stunden der Andacht zur Beförderung wahren Christenthums; 8 Theil, Aarau. 1820 [17].

* 2. Biblia.

3. Dramatische Beytrage von Teodor Körner. Band 1, 2. Wien. 1815.

4. Die Konstitutionen der Europäischen Staaten seit den letzten 25 Jahren. 2 Theil, Leipzig. 1817.

5. Gedichte von Schiller. 2 Theil. Leipzig. 1807.

6. Der Fürst des Lebens und sein neues Reich von Dräseke. Lüneburg. 1820.

7. Christus an das Geschlechts dieser Zeit, von Dräseke. Lüneburg. 1819 [18].

8. Körner. Pontischer Nachlass, 2 Theil, Leipzig. 1818 [19].

* 9. Taschenwörterbuch der deutschen Sprache.

10. Handbuch der Geschichte des europäischen Staatensystems, von Heeren. Göttingen. 1811 [20].

11. Geist des neuern Kriegssystems. Hamburg. 1805 [21].

12. Müllers militärischen Schriften. 2 Bände. Berlin. 1807 [22].

* 13. Wolständige Naturgeschichte des Pferdes von Gehald, Ansbach. 1815.

14. Handbuch der Physik von Fünke [23].

15. Grundriss der historischen Logik von Krause. Leipzig 1803 [24].

* 16. Dresden mit seinen Prach gebäuden und schönsten Umgebungen von Kittner.

17. Hommers Ilias von Johan, Heinrich Voss. Tübingen. 1806.
18. Hommers Odysseen von J. H. Voss. Tübingen. 1806.
19. Hesiod Werke von Voss. Heidelberg. 1808[25].
20. Statuten des H. Georges Ordens. 1809[26].
21. Statuten des H. Wladimirs Ordens. 1809[27].

Дежурный генерал Потапов.

[1] Автор — Antoine Ferrand. [2] Автор — Raynal. Анонимное издание. [3] Автор — Noizet de Saint Paul. В издании два тома, а не три, как указывается в списке. [4] Автор — Maurice, comte de Sax. [5] «De la guerre, ouvrage destiné aux véritables guerriers, traduit de l'allemand en français par l'auteur. Paris. 1819. [6] Повидимому, «Les révélations indiscrètes du XVIII siècle». Представляет собой сборник отрывков из произведений публицистов XVIII в., в том числе Дидро, Вольтера, Жан-Жака Руссо и др. Издание анонимное. R. Auguis, Paris, 1814. [7] «Traité d'économie politique ou simple exposition de la manière dont se forment, se distribuent et se consomment les richesses», par Jean-Baptiste Say. Paris. 1819.[8] «Tactique des assemblées législatives, suivie d'un Traité des sophismes politiques», de M. Jérémie Bentham. Genève. 1816. [9] Génie du cristianisme, ou beautés de la religion chrétienne par vicomte de Châteaubriand. Première édition. Paris. 1802. [10] «Le Coran, traduit de l'arabe accompagné des notes et précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écriyains orientaux les plus estimés», par M. Savari. Amsterdam, Leide, Rotterdam et Utrecht. MDCCLXXXVI (повидимому, год издания в списке указан неверно). [11] Анонимное произведение. Автор—Nerciat André-Robert. [12] «L'homme des champs ou les géorgiques françaises», par Jacques Delille. [13] «Les jardins» — poëme par Jacques Delille. [14] Séjour de dix mois en France, par un émigré, qui n'avoit pu sortir de Toulon en décembre 1793, et ne s'est sauvé de France que par l'élargissement des prisonniers de Paris en août 1794, par le comte de C ***. Hambourg. 1795. [15] «La mort de Socrate», poëme, par A de Lamartine, réimprimée à St.-Pétersbourg. 1823. [16] Книготорговец в С.-Петербурге, имевший свой книжный каталог. [17] «Stunden der Andacht zur Beförderung wahren Christenthum und häuslicher Gottesverehrung. Andachtsbuch einer christlichen Familie Aarau. 1820. [18] «Christus an des Geschlecht dieser Zeit, 4 evangelische Vorträge in der freien Gemeinde einer freien Stadt», von Jah Heinz. Berh. Dräseke. [19] Körner Teodor «Poetischer Nachlass», 2 Bände, Leipzig. 1818. [20] «Handbuch der Geschichte des europäischen Staatensystems und seiner Kolonien» von Heeren. A. H. L. Göttingen. 1811. [21] «Geist des neuern Kriegssystems, hergeleitet aus dem Grundsatz einer Basis der Operationen auch für Laien in der Kriegskunst fasslich vorgetragen von einem ehemaligen preussischen Offizier. Hamburg. 1805. [22] Ludwig Müller «Nachgelassene militärische Schriften, mit Kupfern und Holzschnitten». Berlin. 1807. [23] Funke, Carl Philipp «Handbuch der Physik». Braunschweig. 1797. [24] Krause, Karl Christ Friedr. «Grundriss der historischen Logik für Vorlesung». Jena. 1803 (Leipzig). [25] Hesiods Werke und Orfeus der Argonaut von Johann, Heinrich Voss. Heidelberg 1806. [26] Statuten des St. George-Ordens. Uebersetzt auf allerhöchsten Befehl. 1809. [27] Statuten des St. Wladimirs Ordens. Uebersetzt auf allerhöchsten Befehl. 1809.

ВИЗАНТИЙСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОХРАНЕ ГРАНИЦ

М. Шангин

Греческая рукопись Московского Исторического музея № 214 (по описанию архимандрита Владимира № 393), лист 256, содержит неопубликованный любопытный памятник — форму сигиллия (пропуска) корабля[1]. Приводим этот документ в русском переводе.

Сигиллий корабля

«Мы обращаемся ко всем политическим властям, которым будет представлен настоящий наш сигиллий, посланным на выполнение разных полномочий, чтобы никогда не чинили вреда и беспокойства этому вновь отправившемуся в плавание кораблю, которому дан названный наш сигиллий. Власть и попечение о корабле принадлежит такому-то капитану. Названный (капитан) происходит из такой-то местности. Он пользуется экскурсией на имущество нашего патриарха. Так как он уже выполнил безукоризненно наше поручение, то следует, чтобы и теперь он был во всем без подозрений. Итак, да будет и корабль и его капитан во всем свободен от недоразумений и тревог. Если же кто-нибудь не послушается нашего постановления и будет действовать против бога, вскоре он испытает гнев царя. Написано (тогда-то) и с печатью выдано».

Этот памятник доказывает, что в Византии не существовало бесконтрольного плавания не только для чужеземцев, но и для подданных империи. Памятник вводит нас

[1] Об этой рукописи см. Архим. Владимир «Описание греческих рукописей Синодальной библиотеки», под № 393. М. 1894.

в вопросы византийской политики на окраинах — в большую и важную историческую проблему, забытую странным образом историками Византии и исследователями греко-русских отношений.

Границы Византии, прилегавшие к варварскому миру, уже в IV в. вызывали постоянную тревогу у византийского правительства. Соседи-варвары постоянно находились в состоянии войны с империей. Правительство было готово совсем закрыть опасную границу и тем избежать как шпионажа варваров, которые легко могли скрыть свои цели под личиной торговцев, так и не менее реальной опасности — измены пограничных жителей, сговоров их с варварами, выдачи варварам государственной тайны; сепаратистские стремления очень сказывались на окраинах. Но полное закрытие границы было неосуществимо: многие пограничные провинции жили едва ли не исключительно торговлей. Так, еще в X в. Константин Багрянородный писал: «Если херсониты не будут ездить в Романию и продавать шкуры и воск, которые скупают у печенегов, то они не смогут существовать» [1], т. е. херсонесцам необходимо разрешить торговлю с соседними народами и предоставить возможность перепродавать варварам товары, производимые внутри империи, хотя, конечно, сношения по линии варвары—Херсонес—империя внушали всяческие опасения. Полное закрытие границы слишком раздражило бы жителей окраины вследствие подрыва их торговли, а они и без того склонны были к обособлению. Пришлось поэтому пойти по пути создания специального контроля над окраинами.

В IV веке издается ряд распоряжений об окраинах. Пограничная полоса, заселенная варварами (terra limitensis), отданная им под условием охраны империи от врагов [2], была закрыта для остальных подданных империи. Существует распоряжение византийского правительства от 423 г., которое угрожает уголовной ответственностью и конфискацией имущества всякому, не приписанному к пограничной крепости, если он приобретет там недвижимую собственность [3]. Особый интерес представляют мероприятия по охране приморской полосы. В указе префекту претория от 410 г. предписывается зорко смотреть за стоянками судов, портами, береговой линией, отплытием провинциалов, «чтобы никто ни силой, ни явно, ни тайно, ни потаенно не проникал в пределы империи», но всех должно задерживать. Если же кто-нибудь прибудет с отношением к правительству, это отношение пересылается императору. Такое распоряжение вызвано, по словам документа, случаями «тиранической ярости и варварской жестокости» [4]. Распоряжением префекту претория от 420 г. устанавливается контроль над торговлей с варварскими народами. Корабли осматриваются в присутствии должностных лиц. Составляется акт о том, что на корабле нет недозволенных товаров, с указанием, в какую сторону отплывает корабль. Подлинник вручается капитану или купцу, а копия остается у местных властей [5]. Эта система, возникнув в IV и V вв., в дальнейшем развивается. Бдительность правительства к сношениям по морю была всегда исключительной. Очень показательна в этой связи приведенная в начале статьи форма пропуска (сигиллия) корабля. Сигиллий, в данном случае связанный с патриаршими поручениями, являлся общей формой всякого пропуска. Он должен быть адресован к определенным политическим властям, в нем указывалось лицо или организация, выдавшая пропуск. Документ имел дату и скреплялся печатью, он содержал удостоверение личности с указанием, из какой местности доверенное лицо, для какого дела послан, как прежде выполнял поручения. По существу сигиллий — ручательство определенного ответственного лица или организации. Формула документа говорит о строгой проверке кораблей и об обязанности политических властей задерживать плавающих без пропуска. Что такие пропуска были необходимы не только для капитана, но и для пассажиров, ясно, например, из привилегий concilii Vizaceni [6]: Юстин разрешает церкви и провинции прямо сноситься с императором, но плавание епископа для других целей возможно только по разрешению приматов. Иностранные суда подвергались тщательной проверке. Это и было причиной негодования княгини Ольги, которая на пути в Константинополь была задержана в Суде. Ввиде исключительной привилегии в 992 г. венецианцы получили особое право по aurea bulla Василия и Константина: они подлежали осмотру только одного логофета, стоявшего во главе внешней византийской политики; венецианцы же обязывались, со своей стороны, не перевозить на своих кораблях врагов империи и прежде всего лангобардов [7]. Обычно контроль над торговцами выполнялся в X в. коммеркиариями, они же взимали и пошлину. Между прочим, в книгах «Василик» говорится: если послы чужеземных народов приходят с товарами, они, вступая в империю, платят пошлину коммеркиариям, но, возвращаясь домой, не платят ничего [8].

Капитан корабля нес личную ответственность за незаконные сношения с варварами. «Капитан, показавший варварам, как оснащать корабль, или чуждым народностям, как строить суда, подлежит уголовному наказанию за то, что дал оружие врагам римлян и усилил их в борьбе с римлянами» [9]. Сюда же относится возобновленный при Льве VI старый закон о наказании капитана и матросов, вошедших в общение с врагами [10].

---

[1] De admin. imper., стр. 42; перевод см. в «Известиях ГАИМК». Вып. 91-й, стр. 44.

[2] Такой способ охраны границ практиковался до Юстиниана.

[3] Codex Theod. VII, 15.

[4] Ibidem. VII. 16, 2.

[5] Ibidem, VII, 16, 3.

[6] Jus graec.-romanum. III, 9—10.

[7] Ibidem. III, p. 304.

[8] Ibidem. V. p. 447.

[9] Ibidem, II, p. 174.

[10] Новелла македонской династии № 63. Jus graec.-romanum, III, p. 158.

Опасения внушали не только капитаны кораблей, но и окраинные приморские города. Для борьбы с ними в случае их восстаний и неповиновения царским распоряжениям устраивалась облава при помощи соседних приморских городов. Так например, по Константину в De admin. imperio, в случае измены херсонесцев посылались василики (полномочные чиновники) в фемы Армениак, Парлагонию и Вукелларнев. Эти василики при помощи кораблей названных фем задерживали херсонесские корабли, конфисковали грузы и заключали в тюрьму пассажиров, причем жителям этих фем запрещалось доставлять в Херсонес хлеб, вино и другие нужные продукты и предметы [1].

Такими мерами осуществлялся в Византии контроль над береговой полосой и корабельщиками.

Связи пограничных жителей с варварами выражались в форме брачных союзов и союзов побратимства (гостеприимства). Браки между подданными империи и варварами внушали большие опасения: они приводили к смешению населения, проникновению варваров в империю и могли создавать благоприятные условия для государственной измены. Эти браки признавались беззаконными. Еще в IV в. в силу постановлений Валентиниана и Валента карали уголовной ответственностью подданных, вступивших в брак с варварами [2]. В этом же духе была юстинианова новелла № 154. К этому же вопросу вынужден был обратиться Юстин в новелле 566 года. Юстина просили о помиловании виновные в незаконных браках жители епархий, соседящих с персами: Месопотамской, Осроенской и Евфрасийской. Новелла различает среди этих преступников несколько категорий: одни действовали по незнанию закона, другие по страсти к наживе вошли в брачные отношения с персами и сарацинами, третьи поступили так по низкой корысти, чтобы причинить «несправедливость и беспокойство народу». Многие из этих браков уже принесли потомство. Юстин постановил помиловать всех вступивших в такие браки до начала его царствования, но против незаконных браков, имевших место за время его царствования, постановление должно действовать в полной силе [3].

Насколько эти принципы были действенными в X в., говорит текст Константина De admin. imperio, глава XIII, где автор жестоко порицает самих императоров, вступавших в брак с варварами.

Особым видом личной связи было в Византии побратимство. Zachariae von Lingenthal находил, что побратимство основано на восточном начале [4]. Несомненно, побратимство представляло собой видоизмененный древний союз гостеприимства в условиях новых общественных отношений; оно имело следы влияния христианства. Свидетельство о любопытном обряде, скреплявшем этот союз между названными братьями, находим в издании Goar «Euchologion sive rituale graecorum» (Venet., 1730, p. 706—708). Побратимство, в собственном смысле, не было правовым институтом, оно не опиралось ни на церковные, ни на царские законы: оно существовало в силу обычного права. Как вид духовного родства побратимство влекло за собой ограничения брачных союзов между семьями побратимов; побратимство связывалось с правом наследования. Союзы побратимства существовали в Византии до позднего времени, и только в конце империи запрещены были церковные обряды, скреплявшие побратимство. Побратимство играло исключительную роль в международных сношениях. Император Юстиниан и Теодорих были связаны союзом побратимства. В таких же отношениях был Юстиниан II с хазарами. На почве побратимства возникает и формула обращения правителей друг к другу — «брат». Заключение побратимства с чужими народностями было политическим актом. Надо помнить, что у варваров существовали союзы гостеприимства, опиравшиеся на неписанные законы и для них священные. В этом отношении русская летопись под 968 г. приводит интересное свидетельство: «...рече же князь печенежьский к Претичю: буди ми друг; он же рече: тако сотворю. И подаста руку межю собою и вдасть печенежьский князь Претичю конь, саблю, стрелы; он же дасть ему броню, щит, мечь». Это формальный союз гостеприимства: и с рукопожатием и с обменом подарками. Византийское право, запрещавшее браки между подданными империи и варварами, не могло не запретить побратимства с варварами. Ценное свидетельство из византийского права по этому вопросу дает Synopsis minor: «Да не будет существовать побратимства с чужаками, живущими за границами Рима. И если кто-нибудь записан, как названный брат, в завещании, да потеряет он право на наследование» [5].

Какое политическое значение имели союзы побратимства с варварами, показывает один классический пример. Калокир заключает союз гостеприимства с Святославом: «Калокир... вступил в союз гостеприимства с вождем тавров, подкупил его дарами и обольстил обещаниями» [6]. В силу этого союза Святослав должен был помогать Калокиру в его честолюбивом стремлении к императорской власти. Это был формальный союз, основанный на обычном праве. Византийское правительство рассматривало поэтому союзы побратимства с варварами как прямую измену империи.

В систему контроля над границами входило преследование перебежчиков. Новелла Юстиниана № 33 карала всякого перебежчика к врагам смертной казнью. Лев VI в новелле № 67 различает добровольное и насильственное возвращение перебежчиков. Добровольное возвращение в первый

---

[1] «Известия ГАИМК». Вып. 91-й, стр. 44.
[2] Codex Theod. III, 14, 1.
[3] Jus graec-romanum. III, p. 8.
[4] См. «Geschichte des griech.-römisch. Rechts», p. 118—119.
[5] Jus graec.-romanum. II, p. 58.
[6] Leo Diaconus, p. 77, ed. Hase, Bonn.

раз прощается, второе добровольное возвращение карается трехгодичными принудительными работами, при третьем добровольном возвращении перебежчик продается в вечное рабство. Всякий перебежчик при насильственном возвращении, особенно если он запятнал свои руки в крови граждан империи, наказывается смертью, как враг [1].

Сохранение государственной тайны составляло одну из главных забот правительства. Передача врагам всяких технических сведений, например о строительстве кораблей, а в особенности такого важного военного секрета, каким был в Византии способ изготовления греческого огня, считалась уголовным преступлением.

Распоряжения правительства Византии по охране границ подчеркивают особый характер политических порядков на византийских окраинах и служат лучшим комментарием к статьям греко-русских договоров.

На фоне распоряжений об окраинах становятся понятными все те ограничения, которыми было обставлено по договорам пребывание русских купцов в Константинополе, равно как и требование от купцов княжеских грамот, в которых византийскому правительству давалась русским князем гарантия за определенное количество прибывших кораблей и удостоверялось, что русские «с миром приходят». Пришедшие без грамот задерживались стражей, а в случае сопротивления убивались, о беглецах же из-под стражи делался запрос русскому князю. И несомненно, что княжеские грамоты составлялись по образцу сигиллия кораблю, приведенного в начале статьи.

Особенно оговариваются в договорах побеги злодеев из Византии на Русь и из Руси в Византию, что вполне соответствует духу византийского законодательства о перебежчиках: под «злодеями» в первую очередь следует разуметь изменников. С вопросом о перебежчиках стоит в связи статья о беглых рабах.

Отсутствие указаний в договорах на браки между греками и русскими также свидетельствует о том, что эти браки, безусловно, воспрещались в силу византийского законодательства о незаконности браков с варварами.

Во всех других византийских договорах предусматривается взимание пошлины, и потому, естественно, возникает вопрос: облагались ли пошлиной товары русских купцов? Умолчание об этом в договорах заставляет предположить, что русская торговля была беспошлинной. А это еще раз является подтверждением того, что договоры были результатом успехов русского оружия; иначе нельзя объяснить такой милости византийского правительства к русским. Венецианские купцы (Золотая булла 992 г.) должны были платить по прибытии в Константинополь 2 солида с каждого корабля и по отбытии — еще 15 солидов с каждого корабля; кстати сказать, им разрешалось пребывание в Константинополе только на три дня.

СИРИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР *

Н. Пигулевская

Изучение сирийских источников дает возможность получить новый материал по истории среднеазиатских и прикаспийских областей, население которых приходило в соприкосновение с сирийцами, проживавшими в Иране. Сирийцы были связаны прочными культурными и торговыми связями с Закавказьем. Пребывание сирийцев-монофизитов в Константинополе столкнуло их с событиями на Балканском полуострове. Сирийский историк Иоанн Ефесский оставил исключительно интересные данные о страшных врагах Византийской империи, аварах и славянах. Таким образом, перед исследователями сирийских источников проходят народы, населявшие территории СССР от берегов Аму-Дарьи до Балканского полуострова.

В моем исследовании дана характеристика двух главных исторических источников на сирийском языке—хроники Захарии Митиленского и хроники Иоанна Ефесского. В приложении мной дан русский перевод тех глав обеих хроник, которые касаются гражданской истории, так как в обеих превалирует описание событий клерикального характера.

Первая часть исследования охватывает историю среднеазиатских и прикаспийских областей в V и VI веках. Анализ разноязычных источников о гуннах, хионитах и эфталитах приводит к следующим выводам. Орды гуннов объединяли народности различного этнического происхождения, говорившие на различных языках. Народности эти только условно, по господствующей орде, получили имя гуннов. Нет сомнения в том, что хиониты, занявшие в IV и первой половине V в. господствующее положение, по своим этническим признакам отличались резко от гуннов Аттилы, хорошо известных Приску Панийскому. Это подтверждается

[1] Jus graeco-romanum. III, p. 163—164.

* Краткий реферат книги, подготовленной автором к печати.

свидетельством Аммиана Марцеллина, который отличает гуннов от хионитов. Хиониты в отличие от собственно гуннов получили название «белых гуннов». Название это перешло и на эфталитов. Орды белых гуннов не составляли единого государства. Названия отдельных племенных объединений происходили от имен их родоплеменных вождей, как кидаритов — от Кидара и эфталитов — от Эфталана. Племенной союз, под властью мелких «царьков», владел и областями у Чора (Чола), на восточном побережье Каспия. Анализ источников позволяет придти к выводу, что хиониты, кидариты и эфталиты принадлежали к одному этническому типу, но составляли разные орды, с различными племенными названиями. Смена господствующей орды сопровождалась изменением имени «государства». У белых гуннов племенное имя было ун, или кун; отсюда возникли и все дериваты их имен: хун, унну, хунну, хиониты. Самое слово «ун», или «кун» является названием тотема россомахи и идентично имени эфталитов и белых гуннов (Alföldi, Marquart).

Массы полукочевых племен частью подчинялись новой господствующей орде или династии, а частью уходили. Так было с кидаритами в V в., из которых часть двинулась за «высокие горы» Индии, а другая часть осталась, образуя новое государство эфталитов. Под властью сменявшихся династий белых гуннов в областях Средней Азии, примыкавших к Ирану, продолжало существовать и жить оседлое население. Согды, хорезмийцы продолжали жить прежней жизнью и с прежней интенсивностью заниматься сельским хозяйством, ремеслами и торговлей. Лишний раз перед исследователем встает вопрос о взаимоотношениях между древними культурными государствами и кочевниками, между высокоразвитой и древней культурой Согда и Хорезма с одной стороны и господствующей ордой, только что вышедшей из кочевого или полукочевого образа жизни,— с другой.

Эволюция эфталитов не заставила себя ждать. В середине VI в. они группируются в городах; историк этого времени грек Менандр так и говорит, что тюрки захватили города, в которых жили эфталиты, и называет эфталитов «городским населением». Судьба эфталитов была решена между 563 и 567 гг. натиском тюрок с одной стороны и Ирана — с другой. Об образовании тюркского каганата известно из ряда источников, в том числе китайских, греческих и сирийских. Оседлые народы со своеобразной и высокоразвитой культурой оказались в подчинении у новой полукочевой орды: «согды, перед тем подданные эфталитов, теперь подчинились тюркам». Они сохранили значительную автономию, продолжали заниматься ремеслами и толкали тюрок на союз с соседними державами, чтобы иметь возможность беспрепятственно торговать. Сирийские источники сообщают о византийском посольстве, которое встретилось при дворе Сильджибу (Синджибу) тюркского кагана с посольством, присланным туда шахиншахом. Так сирийские источники дают возможность по-новому пересмотреть вопрос о народах, населявших Среднюю Азию и прикаспийские области в V и VI вв. нашей эры.

Сирийские источники дают новый материал по истории Армении в VI в., характеризующий ее сложное положение между Ираном и Византией. Восстание 571—572 гг. и последующие события были известны Иоанну Ефесскому, который сам встречался и беседовал с представителями армянского духовенства и знати, нашедшими убежище в Константинополе. Сообщения современника по-новому освещают эти события и дают возможность судить о политических группировках в Армении, о том, в каких формах осуществлялась со стороны Византии поддержка враждебных Ирану феодальных кругов, которые получали чины, денежные подарки, дома и подворья в столице.

Русский перевод Иоанна Ефесского, сделанный впервые, дает возможность специалистам использовать его самым широким образом.

Иоанн Ефесский описывает затруднения Византийской империи, вызванные варварскими нашествиями при Юстине II (565—578) и Тиверии II (578—582). «Варвары» теснили империю «со всех сторон», и на всех границах приходилось вести оборонительную войну. Больной Юстин был фактически отстранен от дел, а Тиверий был в крайнем затруднении: «Ему угрожали со всех сторон, а после смерти Юстина еще больше восстали против него, особенно же проклятые народы склавены и те, что по волосам своим называются аварами». Необходимо было «собирать отовсюду войска и посылать их во все стороны, на многочисленные войны». На север от среднего и нижнего течения Дуная в V в. славянам принадлежали большие пространства. Они совершали набеги вместе с другими ордами и племенами, тревожившими границы империи. Феофилакт Симокатта, писатель начала VII в., говорит о тождестве славян и гетов. Под именем гетов они вторгались на Балканский полуостров в начале VI века. Под давлением аваров эти походы повторялись все чаще и проникали все глубже на территорию Византии. Движения аваров и славян были вызваны причинами как внутреннего, так и внешнеполитического характера. Аварский каганат, располагавшийся на территориях Азии и Восточной Европы, был разбит тюрками. Под давлением с востока тюрок авары были вынуждены двинуться в западном направлении. В прикаспийских и в причерноморских областях они разбили аланов и антов. Под их напором сплотились и славяне. У славянских племен стали складываться новые формы общественных отношений, родоплеменные союзы стали образовывать примитивные военные государства. Авары теснили их и территориально, в связи с чем славяне стремились захватить земли Балканского полуострова. Большую роль в этом играла возможность получить богатую добычу и грабить византийские провинции. Набеги славян в 499 г. затронули Фракию, в 504 г. были направлены на Иллирию, в 517 г. были опустошены Фессалия и Македония.

На границе империи авары появились после набега на тюркский каганат и поспешно скрылись. По этому поводу тюркский каган Сильджибу угрожал им местью, говоря: «Они не птицы, чтобы, летая по воздуху, избежали мечей тюрок, и не рыбы, чтобы, нырнув в глубину моря, исчезнуть в волнах, они бродят по земле. Когда я кончу с эфталитами, нападу на аваров, и они не избегнут моих сил»[1]. Иоанн Ефесский говорит, что «авары бежали из своей земли». Желая укрепить свое положение на вновь занятых территориях, граничивших с Византией, авары направили в Константинополь посольство к императору Юстиниану. Посольство это произвело сенсацию: вся столица собралась поглазеть на них; сирийский историк говорит по этому поводу об «отвратительном», «волосатом» народе, «называемом аварами». В 562 г. им была предоставлена Паннония вторая, «земля герулов», но этого им было недостаточно, они стремились вытеснить и гепидов. Но пока их послы находились еще в Константинополе, они не решались это сделать. Юстиниан, предупрежденный аваром-предателем, задерживал послов сколько мог, а отпустив, велел отобрать у них оружие на обратном пути. Последовавшее вторжение авар и славян было направлено на северные провинции Византии, Мизию вторую и Скифию. Империя находилась в чрезвычайно затруднительном положении, на всех ее границах было неспокойно, и действовать приходилось не только оружием, но и дипломатическим путем. Помимо того что дружины федератов оказывали поддержку византийским пограничным войскам, приходилось оплачивать отдельные варварские отряды, переходившие на службу империи. От особенно воинственных соседей приходилось откупаться и задаривать их. Казна Юстиниана скудела от огромных расходов. Сирийский летописец жалуется, что аварам посылались «золото, серебро, одежда, пояса и золотые седла». Их послы и племенные старейшины сменяют друг друга в столице, увозя все новые дары, которые они требовали «под разными предлогами». Империя рассчитывала их руками разделаться на своей северной границе с другими врагами, которые не раз угрожали и самой столице. Расточительность Юстиниана и то, что «он-де опустошает государство и отдает все варварам», вызвали ропот и неудовольствие со стороны «сената и всего народа». К числу осуждавших политику непомерной раздачи «золота» принадлежал и будущий император Юстин. Недовольный тем, что варвары только «берут и уносят» из государственной казны, он, став императором, сурово встретил одну из «шаек» аваров и на их требование: «Дай нам, как давал нам покойный, и отпусти нас, чтобы мы отправились к нашему царю», — возмущенно ответил: «Вы, мертвые псы, смеете угрожать ромейскому государству? Знайте, что я прикажу обрить вам волосы, а затем сниму вам головы». После этого он отдал приказ схватить их, бросить в лодки и увезти из столицы. Их заключили в Халкедоне, где к ним была приставлена стража, которая их стерегла в течение шести месяцев. Угрозы Юстина были не напрасны: авары попытались вновь наладить отношения с империей, «обещая выполнить то, что он (император) прикажет», то есть стали служить интересам империи, и «остались дружественными во все его дни». Со своей стороны и в империи были склонны к дружбе с аварами, так как «будучи народом могучим, более богатым, чем многие северные народы, они подчинили себе их» и частью уничтожили[2]. В числе покоренных находились и гепиды. Авары «напали на другой могучий народ, гепидов, уничтожили их, завладели их областью, поселились и расположились на хорошей земле»[3]. Усиление аваров приняло, однако, нежелательные для Византии размеры. Не последнюю роль в этом их усилении сыграли франкские государства. Из источников видно, что авары обращались к последним не только с требованием золота: им были также необходимы продукты питания для людей и фураж для скота.

В Азии восточноримская империя стремилась сформировать для защиты границ небольшие буферные государства или использовать местные племена в качестве федератов, поселяя их там, где Иран соприкасался с империей. Той же политики империя придерживалась и на северозападной границе. Каждый новый народ, приходивший в соприкосновение с Византией, исчерпав свои наступательные способности, стремился приобрести ее поддержку и стать в положение союзника. До появления аваров такое положение заняли на левом берегу Дуная гепиды, в лице которых лангобардский король Альбуанос видел препятствие для нарушения границ империи с целью грабить Скифию и Фракию[4].

Недовольный Византией аварский каган Баян стремился завязать сношения с королем франков Сигизбертом. Побудила его к этому невозможность получить от империи необходимое продовольствие. Сигизберт выдал аварскому войску, терпевшему сильный голод, необходимые припасы: муку, овощи, овец и быков[5]. Лангобарды видели в гепидах враждебную силу, тем более опасную, что гепиды пользовались поддержкой Византии. Поэтому лангобарды стремились поддерживать аваров и подстрекали их к нападению на гепидов, возглавляемых Конимундом. Захватив землю гепидов, лангобарды получали возможность уже без помехи вторгаться глубже во владения империи и, следовательно, вымогать или захватывать добычу[6]. Со своей стороны новых союзников искала и империя, нашедшая

---

[1] Menander Protector. Fragment. 10. Fragmenta historicum Graecorum IV. ed. C. Mullerus. Parisiis. 1851. 205—206.

[2] Johannes Ephesius 6, 24; Corpus scriptorum christianorum Orientalium. Ser. III, vol. 6. Parisiis, 1935, pp. 325—6.

[3] Ibidem. p. 326.

[4] Menander. Fr. 24, p. 230.

[5] Ibidem.

[6] Ibidem.

их в лице тюрок. Последние могли оказывать поддержку Византии только в восточных областях. Союз этот был направлен главным образом против Ирана, но часть аварских орд находилась под властью тюрок. Последние ставили условие при союзе с восточноримской империей — «не принимать аваров», так как другая их часть, около 20 тысяч, «бежала» от тюрок.

По дунайской границе опорой для Византии были гепиды. Они занимали области по берегам Дуная, в среднем его течении, и являлись союзниками Константинополя. Конимунд удерживал за собой хорошо укрепленный город Сирмиум[1] и области на Тиссе. Испуганный союзом лангобардов с аварами, он обратился к императору Юстину, обещая возвратить Сирмиум (Сирмий). Но обещание давалось не в первый раз и не возбуждало доверия. Так как авары спорили об условиях союза с лангобардами[2], то и последние обратились с посольством к Юстину. Но военной помощи не получили ни те, ни другие[3]. Сингидон (ныне Белград), находившийся при впадении Савы в Дунай, и Сирмиум, как пограничный город, привлекли к себе внимание аваров. Борьба между гепидами и лангобардами на берегах Дуная была длительной, велась с переменным счастьем, и каждая сторона настойчиво стремилась увеличить пространство захваченных ею областей за счет другой стороны. Авары, справившись с гепидами, намечали свое дальнейшее укрепление по Дунаю. Еще к 568 г. относится их попытка взять Сирмиум приступом. Однако им это не удалось. Тогда каган Баян, обосновавшийся в областях гепидов, попытался захватить добычу другим путем.

Десять тысяч гуннов-куртигуров перешли по его приказу Саву и разорили Далмацию[4]. Ко времени Юстина, следовательно, до 578 г., относится посланное аварами дружественное посольство, которое просило дать «механиков и строителей», чтобы построить баню и дворец кагану. Их просьба была удовлетворена. Когда искусные византийские мастера закончили постройки, они стали просить отпустить их домой, но тут, как говорит сирийский источник, каган «обнаружил свою лживость». Угрожая им мечом, он приказал им перекинуть «мост через Дунай, чтобы мы могли переходить, когда пожелаем»[5]. Мастера стали отказываться от этого, по их мнению, невыполнимого приказа: «Как можно, и как когда-либо будет возможно перекинуть мост через реку, подобную морю?» Другим их аргументом было то, что подобное было бы «направлено против ромейского государства» и строители понесли бы наказание от императора. Двоим из ромеев были отрублены головы, остальные под страхом смерти согласились выполнить приказ. Они потребовали много «большого и крепкого дерева». Множество народа было послано в лес вырубить соответствующие деревья и мастера «постарались и перекинули весьма крепкий мост»[6]. Факт этот Иоанн Ефесский относит к 580 г., так как он называет 3-й год правления Тиверия, после смерти Юстина[7]. О постройке моста известно и Менандру, но он указывает на его местонахождение на Саве, между Сингидоном и Сирмиумом[8]. Сирийский историк говорит, что этим событием были весьма огорчены император и «все государство», и что делались всяческие попытки разрушить мост, но «сразу не смогли этого сделать». Авары, захватив мост, «засели» и, угрожая разорением ромейских областей, требовали, чтобы им был отдан Сирмиум «на этом берегу реки, чтобы поселиться в нем». Однако Тиверий не согласился отдать важный стратегический пункт на границе.

Но к этому времени новое обстоятельство заставило Византию использовать аварские орды в интересах защиты империи. На этот раз наиболее опасными противниками были славяне.

Известно, что греческие писатели называли славян склавенами. Сирийские писатели удержали это название, приписав алеф перед тремя согласными (esklabine). При Юстине славянские полчища прошли Фракию и, достигнув долгой стены, грозили столице. В начале правления Тиверия дружественные предложения аваров были приняты и их военные силы были направлены против славян, от нападения которых страдали византийские провинции на Балканском полуострове. В этом вопросе сообщения сирийского историографа имеют особую ценность. Он точно датирует походы славян и утверждает, что они имели своей целью не только примитивное обогащение за счет добычи. Из его сообщений ясно, что славяне стремились занять новые территории и сумели добиться своего.

«В третий год после смерти императора Юстина, в царствование императора Тиверия, вышел проклятый народ склавены и прошли всю Элладу, области Фессалоники и всю Фракию. Они захватили много городов и крепостей, опустошили, сожгли и подчинили себе (эту) область и поселились в ней свободно, без страха, как в своей собственной. Это продолжалось в течение четырех лет, пока император был занят войной с персами и все свои войска посылал на восток»[9]. Историк византийской ориентации, страстный и нетерпеливый сириец, назвал врагов империи «проклятыми». Его указание относительно того, что основная масса войск Византии была направлена на восточную границу, подтверждается и всеми другими источниками. Развивая, далее, свое положение, Иоанн говорит: «Поэтому (т. е. потому, что достаточного количества войск на этой границе не было.— *Н. П.*) они (склавены) расположились на этой земле, поселились на ней и широко

[1] В нижней Паннонии, на северном берегу р. Савы; Срем — ныне Митровицы.
[2] Menander. Fr. 25, p. 231.
[3] Ibidem.
[4] Menander. Fr. 27, pp. 231—232, 233.
[5] Johannes Ephesius 3. 24, p. 326.
[6] Ibidem.
[7] Ibidem.
[8] Menander. Fr. 37, p. 240.
[9] Johannes Ephesius 6, 25, p. 327.

раскинулись, пока бог им попускал». Их напор на Балканском полуострове перестал быть временным явлением. В течение нескольких лет склавены распоряжались на Балканском полуострове, «они уничтожали, жгли, брали в полон до самой внешней стены». Среди их добычи видное место занимал скот, они захватили «много тысяч царских табунов (конских) и всяких других». Иоанн Ефесский говорит о богатстве славян: «Они разбогатели, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия»[1]. Греческий историк относит их нападение к 4-му году Тиверия и говорит, что «славянский народ в количестве около 100 тысяч человек опустошал Фракию»[2].

Изобилие денег в земле склавен он объясняет тем, что они «издавна грабили ромеев»[3]. Несомненно, примитивное обогащение за счет военной добычи сосредоточило в руках правящей верхушки ценные металлы и скот. Оружие и кони усиливали их военную мощь. Но более всего возмущает автора сирийской хроники то, что «и до сего времени, до года восемьсот девяносто пятого, они расположились и живут спокойно в ромейских областях, без забот и страха». 895 год по греческому счислению соответствует 584 году нашей эры.

Называя склавен «грубыми» людьми, Иоанн имеет в виду то, что они были народом нецивилизованным, варварским, не имевшим стратегических и тактических навыков. Они не осмеливались «показываться вне лесов и защищенных деревьями (мест)». Более того, эти варвары «даже не знали, что такое оружие». Единственно, чем они пользовались,— это нескольких видов копья для метания или дротики, известные в греческой военной терминологии, как λογχίδια[4]. Однако к тому времени, когда они стали грозой Балканского полуострова и завоевывали себе возможность «жить спокойно» в областях Византии, они были уже «обучены воевать более чем ромеи», по признанию того же Иоанна[5]. За полстолетия своих походов на Византию и стычек с аварами и другими народами славяне приобрели новые технические приемы для войны и использовали их в войне с ромеями. Их боеспособность, храбрость и сила вызывали неудовольствие историка, который сам испытал страх и ужас при их приближении к столице. Факт усиления славян вызвал движение аваров и известные послабления им со стороны Византии.

У аваров со славянами были и свои собственные счеты, которые они были непрочь свести. Авары несли славянским землям разорения, что, однако, не остановило движения славян, которые продолжали занимать ряд областей на Балканском полуострове. С другой стороны, авары представляли сами по себе угрозу для Византии, так как они стремились занять все более прочное положение на обоих берегах Дуная.

В 580 г. Византии пришлось выплатить послу кагана Таргитаю большую сумму золотом, «обычную дань» аварам. Но сами авары стремились укрепиться на Саве и Дунае, где их привлекали города Сингидон и Сирмиум. Сирийский историк дает чрезвычайно интересные сведения о том, как они заняли оба города и как частью потонул византийский флот, отправленный через Черное море в устье Дуная. Задачей этого флота было одновременно с лангобардами ударить на аваров. Со смертью Нарсеса, возглавлявшего морскую экспедицию, от объединенного выступления пришлось отказаться. Сирмиум был сдан «варварам». Но авары немного лет оставались его хозяевами: с Сирмиумом случилось то же, что и со многими другими городами, захваченными врагом. Неизвестно, «каким образом напал огонь на город Сирмиум» и внезапно весь его «разрушил и сжег». Авары не сумели прекратить пожаров и, испуганные бедствием, покинули разрушавшийся город. Так заканчивает аваро-славянскую эпопею сирийский историк Иоанн Ефесский, умерший вскоре после описанных им событий (около 586 г.).

Краткий реферат может дать лишь относительное представление об исследовании, содержащем свыше 14 печатных листов. Но и это немногое дает возможность судить о значении данных сирийских источников и о тех новых выводах, которые вытекают из их изучения для ранней истории народов СССР.

ВТОРОЙ ТОМ ПУБЛИКАЦИИ «ЦАРИЗМ И ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Т. Милицина

Основанная на богатейшем архивном материале, главным образом на фондах Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), публикация «Царизм и французская буржуазная революция» рассчитана на несколько томов. Первый том публикации в скором времени должен выйти в свет. В нем помещен материал за 1789 г. и первые три месяца 1790 года.

Второй том охватывает период с 1 апреля 1790 по 20 июня 1791 г. и является непосредственным продолжением первого.

[1] Johannes Ephesius 6, 25, p. 328.
[2] Menander. Fr. 49.
[3] Menander. Fr. 50.
[4] Johannes Ephesius 6, 25, p. 328.
[5] Ibidem.

Том доводится до бегства Людовика XVI в Варенн. Дата выбрана не случайно: бегство короля значительно осложнило международную ситуацию и способствовало ускорению подготовки феодально-абсолютистских государств к войне против революционной Франции. С этого момента и начинается новый этап, события развертываются более бурными темпами. Эти события будут отражены в следующем, третьем томе публикации.

Во второй том вошли различные документы, главным образом донесения (dépêches-réceptions) русских дипломатов Остерману, а иногда и непосредственно Екатерине из Парижа, Лондона, Вены, Берлина, а также из второстепенных, мелких государств, на которые распадались в то время Германия и Италия; очень интересный материал дают и так называемые dépêches-expéditions, т. е. инструкции, посылавшиеся русским дипломатам из Петербурга.

Помимо этого в архивных фондах имеются материалы, добытые путем перлюстрации, а также копии с документов, переданных иностранными дипломатами (переписка монархов между собой, инструкции руководителей внешней политики дружественных держав послам в Петербурге, например инструкции Кауница австрийскому послу Кобенцлю и т. п.). Наконец, сюда входят и так называемые конференциальные записки, т. е. протоколы официальных собеседований вице-канцлера Остермана с иностранными дипломатами. Таковы разнообразные материалы, частично вошедшие в данный том.

Большая часть документов написана на французском языке, в публикации они печатаются как на языке подлинника, так и в переводе. В то время как многие дипломаты составляли свои донесения на языке международном для того времени, т. е. на французском, некоторые послы, например Воронцов (посол в Лондоне) или Колычев (посол в Гааге), предпочитали писать по-русски. Особо следует отметить депеши Воронцова; его язык богат и красочен, хотя и пестрит всевозможными иностранными словами.

По содержанию материалы второго тома смело можно назвать богатыми; они рисуют международное положение начала 90-х годов XVIII в., отличавшееся большой напряженностью и запутанностью. В 1790 и 1791 гг. в Европе происходило несколько войн, перспективы которых привлекали к себе неотступное внимание не только воюющих, но и нейтральных держав. Налицо были две враждебные группировки: англо-прусско-голландская лига с одной стороны и русско-австрийский союз— с другой. Россия в союзе с Австрией вела войну с Турцией. Англия и Пруссия активно вмешивались в ход переговоров о заключении мира и весьма настойчиво предлагали свое далеко не бескорыстное посредничество. Прусская дипломатия в лице министра Герцберга имела далеко идущие планы, тесно связанные с польским вопросом. Пруссия стремилась к захвату городов Торна и Данцига. Чтобы получить согласие Польши на уступку этих городов, Герцберг предлагал целую серию «обменов»: Турция должна была уступить Австрии часть уже захваченных в ходе войны этой последней державой земель, в свою очередь Австрия должна была уступить Польше Галицию (отошедшую к Австрии по первому разделу), Польша же — отдать Пруссии Торн и Данциг. Переписка, касающаяся этих планов прусской дипломатии, занимает огромное место в фондах ГАФКЭ, в частности переписка по вопросу о Торне и Данциге. Планы прусской дипломатии в значительной мере определялись давно уже начавшейся борьбой между Австрией и Пруссией за территории и влияние в Германской империи. Опираясь на союз с Англией, прусская дипломатия проявляла весьма значительную активность. Положение Австрии, которая вела тяжелую войну с Турцией и которой все время угрожала Пруссия, было далеко не легким. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы очень ярко рисуют внутренние противоречия, развертывавшиеся в рамках феодально-абсолютистской и многонациональной Австрии.

В австрийских Нидерландах (т. е. будущей Бельгии) происходило восстание, население этих провинций, давно уже страдавшее от чужеземного ига, добивалось независимости. Одновременно нарастало недовольство в Галиции и Венгрии.

Прусский король Фридрих-Вильгельм II усиленно вооружался и угрожал Австрии войной в случае, если его условия не будут приняты. Стремясь укрепить свое влияние в Польше, находившейся в то время в состоянии полного упадка и развала, Пруссия заключила с Польшей союз.

Переписка дипломатов ярко отображает процесс разложения правящей верхушки отсталой, феодальной Польши. Из донесений русского посла Булгакова и из других документов с полной отчетливостью выступают продажность этой правящей верхушки, податливость ее представителей соответствующим «аргументам» прусской или русской дипломатии, а также слабость, непоследовательность и нерешительность политики последнего польского короля Станислава-Августа Понятовского.

Но в 1790—1791 гг. планы прусской дипломатии в отношении Польши, тесно связанные с исходом австро-турецкой и русско-турецкой войны, не могли осуществиться. Обеспокоенная расширением русских владений и ростом могущества и влияния России, Англия настаивала на том, чтобы обе союзные державы, воевавшие с Турцией, заключили с ней мир на основе статус кво. В конце июля 1790 г. в Рейхенбахе (Силезия) состоялось соглашение об условиях перемирия и последующего мирного договора между Австрией и Турцией. Было вынесено решение о сохранении статус кво. Тем самым рушились планы Герцберга относительно Торна и Данцига и других польских владений. Но, как известно, это была только небольшая отсрочка: второй раздел Польши состоялся в 1793 году. В то же время в Рейхенбахе Австрии была обещана помощь Англии и Пруссии — в

деле подавления революции в Бельгии. Глава английского правительства Питт рассчитывал, что рейхенбахское соглашение послужит основой для последующего совместного выступления Австрии и Пруссии против революционной Франции.

Материалы архива ГАФКЭ дают также возможность проследить планы английских правящих кругов относительно Польши. В дипломатических сферах циркулировала анонимная брошюра, автором которой русские дипломаты считали английского посла в Польше Хейлза. В этой брошюре Польша рассматривалась как аграрная страна, в эксплоатации сырьевых и продовольственных ресурсов которой Англия должна была принять активное участие. Прусская и английская дипломатия активно вмешивалась также в русско-шведские дела, пытаясь продлить войну и помешать Екатерине закончить ее на выгодных для России условиях. Но в августе 1790 г. Екатерине удалось закончить войну и заключить мир в Вереле.

Огромная переписка посвящена русско-турецкому миру. На русскую дипломатию оказано было большое давление. Прусские дипломаты обещали туркам свое содействие; они рекомендовали им не соглашаться на предложенные Екатериной условия и требовать обратно Крыма. В то же время Воронцов доносил из Лондона, что английские правящие круги настаивают на том, чтобы мир был заключен на основе строгого соблюдения статус кво. Екатерина требовала вначале признания Валахии и Молдавии независимыми от Турции княжествами, а также уступки ей известной части турецких владений. В дальнейшем Екатерина отказалась от первого требования и заявила о своем намерении ограничиться приобретением полосы земли между Днестром и Бугом с крепостью Очаков. Но Англия продолжала настаивать на строгом соблюдении статус кво.

Одно время англо-русские отношения стали весьма напряженными. В своих многочисленных донесениях Воронцов писал о планах Англии отправить флот в Балтийское море и о том, что в Англии матросам «делают прессу» (принудительный набор); он сообщал также, что в разговоре с ним английские дипломаты проявляют непоколебимое упорство и категорически отказываются признать справедливость того положения, на котором настаивала Екатерина, а именно, что район между Бугом и Днестром есть лишь бесплодный клочок земли, Очаков же совершенно бесполезен для Турции, но весьма важен для России. Но Воронцов сообщал и другое: он доносил о том, что в английском парламенте раздаются голоса, протестующие против предполагаемой войны с Россией, а вместе с тем и сама нация английская протестует против этой войны и настаивает на сохранении мирных взаимоотношений с Россией. Так, в депеше от 25 марта (5 апреля) 1791 г. Воронцов писал: «Ежедневно яснее открывается противность нации ссориться с Россией за Очаков и угождение Пруссии». «Мануфактурщики», как выражался Воронцов, т. е. английская промышленная и торговая буржуазия, чрезвычайно заинтересованная в поддержании и расширении коммерческих связей с Россией, энергично настаивали на том, чтобы правительство официально заявило об отказе от своих воинственных планов в отношении России. Как сообщал Воронцов, на стенах домов красовались надписи: «Не надо войны с Россией». Выступлениями оппозиции в парламенте, недовольством населения и протестами «мануфактурщиков» не исчерпывались, однако, причины, заставившие английское правительство отказаться от планов войны с Россией; углубление революции во Франции также не могло не беспокоить английские правящие круги.

В мае 1791 г. в Петербург приехал Фаукнер, который привез из Лондона уверения в дружбе короля Георга III к Екатерине. В письме, адресованном Фаукнеру, Екатерина привела следующую цитату из «Аталии» Расина: «Я испытываю страх перед господом богом, дорогой Абнер, но кроме него я не боюсь никого». Угроза войны между Россией и Англией миновала.

Еще до приезда Фаукнера в Россию, в феврале 1791 г. в Вену отправился с полномочиями от прусского короля его фаворит Бишофевердер для предварительных переговоров о союзе против революционной Франции и для достижения соглашения по польскому вопросу и по вопросу о мире между Россией и Турцией. Как известно, в 1792 г. союз между Австрией и Пруссией против Франции был заключен. Весной и летом 1791 г. шли предварительные переговоры (материалы, связанные с оформлением пильницкой декларации, входят в состав следующего, третьего тома данной публикации).

Какую же роль играет во всей этой дипломатической борьбе Франция? Материалы, помещенные во втором томе публикации, показывают, как постепенно меняется положение Франции в концерте европейских держав и как под влиянием французской революции осложняется международное положение и изменяются взаимоотношения отдельных государств. Вначале враждебные Франции державы — Англия и Пруссия — были довольны ослаблением ее международной роли; это ослабление казалось неизбежным следствием революции. Отсюда стремление дипломатии этих стран способствовать дальнейшему обострению отношений внутри Франции, происки английских и прусских агентов в Париже (например прусского агента Эфраима), попытки завязать сношения с членами Учредительного собрания и т. д. Напротив, Екатерина вначале смотрела на Францию как на возможного союзника в борьбе против Англии и Пруссии. Русский посол в Париже Симолин вел переговоры с французским министром иностранных дел Монмореном о помощи, которую Франция может оказать России в ее борьбе против происков враждебной ей английской и прусской дипломатии.

По уверениям Монморена, французские дипломаты делали в этом направлении все от них зависевшее. Так например французский посол в Константинополе Шуазель-Гуффье, по заявлениям Монморена и фран-

цузских представителей в Петербурге, противодействовал планам прусской дипломатии в Турции. Обсуждались планы создания Четверного союза — Россия, Австрия, Испания и Франция,— направленного против англо-прусско-голландской лиги, или же создания коалиции трех северных держав— России, Швеции и Дании. Планы эти, как известно, осуществлены не были, а по мере дальнейшего углубления революции царская дипломатия отказалась от какого бы то ни было сближения с Францией и, напротив, начала принимать активное участие в планах создания контрреволюционной коалиции против Франции.

В 1790 г. весьма напряженными стали англо-испанские отношения: разразился конфликт из-за бухты Нутка-Сунд в Калифорнии. Столкновение интересов Англии и Испании в этой области, являвшееся одним из этапов ожесточенной борьбы за колонии, угрожало привести к войне. Но Испания, находившаяся в состоянии полного упадка, не могла оказать серьезного сопротивления стремлениям Англии и помешать ей постепенно прибрать к рукам огромные испанские колониальные владения. Между тем Испания была связана с Францией так называемым «фамильным пактом».

Завязались переговоры о том, придет ли Франция на помощь Испании и сможет ли соединенный франко-испанский флот нанести поражение английскому. В связи с этим в Учредительном собрании развернулись продолжительные прения, затронувшие ряд важнейших вопросов о том, какие изменения вносит революция во внешнюю политику Франции, в частности о том, кому принадлежит право объявления войны и заключения мира — королю или парламенту, о контроле парламента над внешней политикой и т. д. После долгих прений Учредительное собрание высказалось за превращение фамильного пакта в «национальный договор» и за оказание помощи Испании в том случае, если она согласится оформить союз на новых началах. Но испанское правительство не особенно рассчитывало на помощь охваченной революцией Франции. Испания капитулировала, согласившись удовлетворить притязания Англии, и назревавший конфликт разрешился «мирно».

По мере дальнейшего развертывания революции во Франции другие державы перестают относиться к ней как к обычному участнику дипломатических комбинаций; ее начинают бояться как источника «революционной заразы». Коалиции еще нет, но уже начинают поговаривать о ней, усиливаются происки эмигрантов, агенты графа д'Артуа разъезжают по Европе и стараются заручиться обещаниями о помощи. Так, постепенно, меняется международное положение. Вопросы, которые так остро волновали европейскую дипломатию: русско-турецкий и австро-турецкий мир, а также польские дела,— продолжают попрежнему ее волновать, но наряду с ними все острее становится проблема борьбы с революционной Францией и создания для этой цели контрреволюционной коалиции держав. Как уже указывалось выше, после бегства Людовика XVI подготовка в этом направлении пошла значительно быстрее, но известный перелом, нарастание повышенного интереса к событиям во Франции чувствуются еще до этого.

Прежде всего, разумеется, материалы наших архивов отражают отношение к французской революции Екатерины II и ее дипломатов. Екатерина ненавидела революцию и презирала ее деятелей. В своих письмах и заметках она с отвращением отзывалась о революции и строила всевозможные планы расправы с ней. Русский посол в Париже Симолин доносил о важнейших событиях во Франци, о ходе борьбы в Учредительном собрании, о положении короля и королевской семьи. Он не скупился на ругательные эпитеты по адресу революционеров, этих страшных «жакобенов», как говорили тогда в России. В переписке довольно значительное место отводится истории с молодым графом Строгановым, которого его воспитатель Ромм ввел в якобинский клуб. Екатерина предписала Симолину выяснить, кто из русских подданных проживает во Франции, и сообщить этим лицам ее приказание немедленно вернуться в Россию. Симолин составил список, в котором значились две категории подданных Екатерины: «les sujets» (т. е. крепостные) и «les personnes libres» (т. е. вольные граждане). Выяснилось, что некоторые из бывших «sujets» уже успели обосноваться во Франции, вступить в Национальную гвардию и вовсе не желали возвращаться в крепостную Россию. В то же время в Россию, напротив, стремились напуганные революцией французские дворяне, умолявшие Екатерину принять их под свое высокое покровительство. Так, некий граф Тулуз-Лотрек, «лишенный состояния и тех почестей, которые приличествуют его рождению и званию», умолял разрешить ему и его семейству поселиться в России, причем просил принять его на службу и отвести ему земельные владения.

Но эмиграция, как известно, возлагала и более обширные надежды на Екатерину. Рассчитывали, что она окажет активную помощь в борьбе с революционной Францией. В 1791 г. Екатерина заключила с шведским королем Густавом III секретную конвенцию, направленную против французской революции.

Подробно освещен в материалах ГАФКЭ вопрос о конфликте Франции с немецкими князьями из-за феодальных владений в Эльзасе. Ликвидация феодальных привилегий во Франции затронула и эльзасских поместных владельцев, которые обратились за помощью к императору Леопольду II, стоявшему во главе «Священной римской империи германской нации». В этом деле была заинтересована и Екатерина, так как Россия считалась одним из государств-гарантов так называемой «конституции» Германской империи, и Екатерина видела в этом лишний повод для вмешательства в дела германских государств, в частности с той целью, чтобы натравить их на революционную Францию.

Чрезвычайно интересный материал дают донесения некоторых русских дипломатов о революционном движении в соседних с Францией странах, которое в значительной степени являлось откликом на французские события. Так например Белосельский доносил из Дрездена о том, что в Саксонии все шире развертывается крестьянское движение. Он писал о «духе возмущения, проницающем помаленьку между крестьянами саксонскими». По словам Белосельского, «народ саксонский имеет испорченной разум читанием газет, кои непрестанно пишут с скрытой аппробациею о бунтах французском, лиежском и прочее» (донесение от 1(12) июля 1790 г.).

Из различных областей Италии также поступали подобные донесения. Русский дипломат Карпов писал из Турина, столицы Пьемонта, о том, что в Савойе начинается крестьянское движение и крестьяне отказываются выполнять феодальные повинноности. В своей депеше от 12 (23) июня 1790 г. он сообщал Остерману, что «в Мориенском графстве девять больших деревень отказались платить десятинный оброк помещикам и духовенству, и недавно из Савой сюда приехавшие люди уверяют, что тамо народ, будучи столь напоен французским духом, что вседнеевно оказывает склонность к последованию примеру своих соседей...»

Консул Лизакевич доносил из Генуи о том, что генуэзский сенат получил от жителей районов, «лежащих к стороне Франции», обращение, в котором жители просили почтенных сенаторов «лучше управлять делами» и позаботиться о благосостоянии населения, страдающего от высоких налогов и дороговизны. По уверению Лизакевича, обращение это «произвело неприятное ощущение в Сенате и в коллегиях» (донесение от 29 июня (10 июля). Аналогичные сообщения поступали и из других районов Италии, а также из Женевы.

Второй том публикации содержит весьма разнообразный и интересный материал, характеризующий как международное положение в 1790—1791 гг., так и углубление революции во Франции и расширение ее влияния на другие страны.

ЛЕТОПИСЬ

ЛЕТОПИСЬ ВАЖНЕЙШИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г. В СРЕДНЕЙ АЗИИ *

(март—декабрь)

С. Зрячкин

15 (2) марта [1].

◆ Несмотря на противодействие ген.-губернатора Туркестанского края Куропаткина, в течение двух дней скрывавшего от населения г. Ташкента сообщения о революционных событиях в Петрограде, в местных газетах были опубликованы первые сведения о февральской революции в Петрограде.— «Туркестанский курьер», Ташкент, № 51, 17(4) марта; «Коммунистическая мысль» № 3 за 1927 г., стр. 299. Ташкент (Хроника событий) [2].

◆ В г. Ташкенте на собрании рабочих Главных мастерских Среднеазиатской железной дороги был избран совет рабочих депутатов из 12 человек, в который вошли большевики, меньшевики и эсеры.— Институт истории АН СССР. Рукописный фонд по Средней Азии, папка № 1, стр. 1 [3].

16 марта.

◆ В г. Ташкенте на многолюдном митинге рабочих избирается первый совет рабочих депутатов. Среди избранных депутатов преобладали эсеры и меньшевики. — «Коммунистическая мысль», стр. 299.

Вторая половина марта (точной даты нет).

◆ В г. Ташкенте, в старой части города, возникли буржуазно-националистическая организация «Шура-исламия» и реакционная организация мусульманского духовенства «Улема». — Рукописный фонд, стр. 6.

18 марта.

◆ В г. Ташкенте образовано Туркестанское организационное бюро РСДРП (объединенной). Большинство и руководящая роль в нем принадлежали меньшевикам. Вхождение большевиков в одну организацию с меньшевиками объясняется слабостью тогда местных большевиков и еще не изжитыми иллюзиями как среди них, так и среди рабочих масс Турккрая о возможности совместной с меньшевиками революционной работы.— Рукописный фонд, стр. 2.

◆ В г. Ташкенте состоялась демонстрация рабочих под лозунгом «Да здравствует Совет рабочих депутатов, да здравствует Учредительное собрание и 8-часовой рабочий день!» На митинге перед демонстрантами выступил с речью председатель Ташкентского совета (меньшевик), в которой он говорил о необходимости поддержки Временного правительства, участия в войне и продолжения последней до победного конца.— Рукописный фонд, стр. 2—3.

22 марта.

◆ В г. Ашхабаде, центре Закаспийской области, на собрании рабочих и служащих Ашхабадского железнодорожного узла, Среднеазиатской железной дороги, избран совет депутатов рабочих и служащих дороги.— Рукописный фонд, стр. 4.

25 марта.

◆ В г. Верном, Семиреченской области, состоялось первое собрание «Совета представителей рабочих», избравшее временное правление.— «Семиреченские областные ведомости», г. Верный, 1917 г., № 59, 27 марта.

29—30 марта.

◆ В г. Андижане, Ферганской области, состоялся I съезд советов рабочих и солдатских депутатов Ферганской области, принявший решение об отстранении от должности царских ставленников: военного губернатора и командующего войсками Ферганской области полковника П. П. Иванова и его помощника П. О. Пепенгута.— Рукописный фонд, стр. 5.

10 апреля.

◆ В г. Ташкенте на объединенном заседании советов рабочих и солдатских депутатов вынесено решение об объединении их в единый совет рабочих и солдатских депутатов. Объединенное заседание советов обсудило внеочередное заявление о готовящейся провокации со стороны ген.-губернатора Туркестанского края Куропаткина, пытающегося вооружить реакционные

* Настоящая «Летопись важнейших революционных событий 1917 г. в Средней Азии» представляет собой часть (значительно расширенную) работы, подготовленной автором для коллективного труда Института истории Академии наук СССР— «Летописи 1917 г.».

[1] Все даты в дальнейшем по новому стилю.

[2] В дальнейших ссылках «Коммунистическая мысль», стр. . . .

[3] В дальнейших ссылках «Рукописный фонд», стр. . . .

элементы русского населения и сеющего национальную вражду. Заседание приняло решение: «Установить строгий контроль за хранением и выдачей винтовок и боевых припасов и отменить распоряжение Куропаткина о выдаче оружия, а также возвратить в арсенал все ранее выданное Куропаткиным оружие». Собрание избрало оргкомиссию по созыву I краевого съезда советов рабочих и солдатских депутатов, а также приняло резолюцию об издании газеты «Наша газета».— Рукописный фонд, стр. 6; «Коммунистическая мысль», стр. 300.

12 апреля.

◆ На объединенном заседании Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов, исполнительного комитета общественных организаций, представителей совета мусульманских депутатов и представителей крестьянских союзов Ташкентского и Голодностепского районов вынесено решение об отстранении от должности и об аресте (впредь до распоряжения Временного правительства) ген.-губернатора и командующего войсками Туркестанского края ген. Куропаткина и его помощников и об избрании командующим войсками полковника Черкеса.— «Коммунистическая мысль», стр. 300; «Большевик Казахстана», Алма-Ата, 1935 г., № 9—10, стр. 149 (Хроника событий).

15 апреля.

◆ В г. Ташкенте вышел № 1 газеты «Наша газета», органа Ташкентского совета, а потом и краевого совета рабочих и солдатских депутатов.— «Коммунистическая мысль», стр. 301.

16 апреля.

◆ В г. Верном, Семиреченской области, по решению гарнизонного митинга солдат арестованы воинский и уездный начальник, прокурор окружного суда, начальник тюрьмы, начальник охранного отделения, городской голова и другие.— «Семиреченские областные ведомости», 1917 г., № 75, 21 апреля.

19 апреля.

◆ Временным правительством создан Туркестанский комитет по управлению Туркестанским краем, Закаспийской и Семиреченской областями и русскими поселениями в Бухаре и Хиве во главе с кадетом Н. Н. Щепкиным. — Рукописный фонд, стр. 8.

20—28 апреля.

◆ В г. Ташкенте состоялся I съезд советов рабочих и солдатских депутатов Туркестанского края. Съезд принял резолюцию о поддержке Временного правительства. Съездом было принято решение о введении 8-часового рабочего дня. Съезд избрал краевой исполком, главным образом из меньшевиков и эсеров. Съезд принял организационный устав для советов рабочих и солдатских депутатов Туркрая.— «Большевик Казахстана», 1935 г., № 9—10, стр. 150; «Ферганские областные ведомости», г. Скобелев, 1917 г., № 93, 10 июня; Рукописный фонд, стр. 9.

27 апреля — 3 мая.

◆ В г. Ташкенте состоялся I туркестанский краевой мусульманский съезд буржуазно-националистической организации «Шуро-исламия», принявший резолюцию о полной поддержке Временного правительства.— Рукописный фонд, стр. 10—11.

30 апреля.

◆ В г. Пишпеке, Семиреченской области, образована объединенная группа РСДРП.— «Большевик Казахстана», 1935 г., № 9—10, стр. 150 (Хроника событий).

8 мая.

◆ Ташкентский совет рабочих и солдатских депутатов, состоявший в своем большинстве из меньшевиков и эсеров, вынес резолюцию, одобряющую политику Временного правительства по вопросу о продолжении войны до полной победы над Германией.— Рукописный фонд, стр. 12.

14 мая.

◆ В г. Самарканде группа большевиков, входившая в местную объединенную организацию РСДРП, вопреки решению последней выступила в 7-м сибирском полку в г. Самарканде против продолжения империалистической войны. Собрание солдат полка приняло первую в Туркестане резолюцию о необходимости прекращения империалистической бойни.— «Коммунистическая мысль», стр. 301.

15 мая.

◆ На общегородском собрании ташкентской объединенной организации РСДРП принята резолюция о том, чтобы представители социал-демократических партий не участвовали в коалиционном Временном правительстве. В то же время собрание постановило оказывать Временному правительству полную поддержку. По вопросу о выборах в Учредительное собрание было постановлено, что они должны происходить на основе пропорционального представительства от партий, путем голосования за партийные списки.— Рукописный фонд, стр. 14—15.

22 мая.

◆ Ввиду неоднократных выступлений председателя Турккомитета Временного правительства кадета Н. Щепкина против революционной демократии Туркрая краевой совет рабочих и солдатских депутатов предъявил Временному правительству требование о немедленном отозвании Н. Щепкина из Туркестанского края.— Рукописный фонд, стр. 18; «Коммунистическая мысль», стр. 301.

◆ Произошло организационное оформление чарджуйской группы РСДРП (объединенной).— Рукописный фонд, стр. 18.

25 мая.

◆ Несмотря на засилие в Ташкентском совете эсеро-меньшевиков последний из-

брал на I всероссийский съезд советов большевика-рабочего А. Першина.— Рукописный фонд, стр. 20.

7 июня.

◆ В газете «Ферганские областные ведомости» опубликовано обращение группы членов РСДРП г. Скобелева о необходимости оформления организации РСДРП как в г. Скобелеве, так и во всей Ферганской области.— «Ферганские областные ведомости», г. Скобелев, 1917 г., № 90, 7 июня.

23 июня.

◆ В г. Коканде, Ферганской области, организовался кружок рабочей молодежи «Интернационал», состоявший главным образом из рабочих типографии. Кружок находился под идейным руководством местных большевиков. — «Коммунистическая мысль», стр. 301.

25 июня.

◆ В Ташкенте на собрании делегатов правлений отдельных профсоюзов было оформлено центральное бюро профсоюзов и утвержден устав профсоюзов.— «Коммунистическая мысль», стр. 301.

◆ В г. Коканде, Ферганской области, организован союз трудящихся-мусульман— «Иттифак».— Рукописный фонд, стр. 25.

4—10 июля.

◆ В г. Ташкенте состоялся II краевой съезд РСДРП, на котором присутствовало 29 делегатов с решающим и 2 делегата с совещательным голосом. Среди делегатов было 11 меньшевиков-оборонцев, группы «Единство» — 3, бундовец — 1, большевиков — 7 и примыкавших к большевикам—4. Порядок дня съезда был следующий: 1) Вопросы партийной жизни и организации, 2) Вопросы тактики, 3) Аграрный вопрос в России и Туркестане, 4) Национальный вопрос в Туркестане, 5) Выборы в Учредительное собрание, 6) Муниципальный вопрос, 7) Профдвижение и формы экономической борьбы в настоящее время, 8) Отношение к войне и Интернационалу, 9) Отношение к коалиционному министерству и его местным органам, 10) Выборы делегатов в краевой совет. По всем вопросам съездом были приняты резолюции меньшевиков. Присутствовавшая на съезде группа большевиков активно выступала и предлагала принять резолюцию о недоверии Временному правительству и о прекращении империалистической войны, но это предложение было отвергнуто съездом. — «Коммунист», Ташкент, 1922 г., № 5—8; «Коммунистическая мысль», стр. 302.

5 июля.

◆ В г. Маргелане рабочими, вернувшимися с военных тыловых работ, куда они были мобилизованы царским правительством, организован «Совет рабочих-мусульман».— Рукописный фонд, стр. 27.

15 июля.

◆ В г. Ташкенте образован «Совет мусульманских рабочих депутатов».— «Наша газета», Ташкент, 1917 г., № 110, 18 сентября [1]; Рукописный фонд, стр. 27.

28 июля.

◆ В газете «Призыв» опубликовано сообщение, что в г. Кизил-Арвате организовалась группа РСДРП (объединенная). — «Призыв», Ашхабад, 1917 г., № 20, 28 июля.

3 августа.

◆ Ташкентская объединенная организация РСДРП приняла резолюцию, в которой выдвинула лозунг «Вся власть Советам!»— «Коммунистическая мысль», стр. 302.

4 августа.

◆ Собрание полковых комитетов и правлений профсоюзов г. Ташкента ставит Ташкентскому совету требование взять власть в свои руки, советом это требование было отклонено.— «Коммунистическая мысль», стр. 302.

10 сентября.

◆ В связи с контрреволюционным выступлением ген. Корнилова состоялась в г. Ташкенте манифестация под лозунгом решительной борьбы с контрреволюцией. Краевой Туркестанский комитет РСДРП (объединенный) выступил с лозунгом «Вся власть Советам!» и обратился с соответствующим воззванием к трудящимся. — «Коммунистическая мысль», стр. 302; «Наша газета» № 106, 13 сентября.

11 сентября.

◆ В г. Ташкенте на краевом совещании демократических организаций Туркестана большевики внесли предложение о передаче власти советам, предложение было отклонено.— «Коммунистическая мысль», стр. 302.

◆ Кокандский совет, находившийся в руках эсеро-меньшевистских соглашателей, в связи с корниловским выступлением устроил манифестацию с лозунгами поддержки Временного правительства.— «Наша газета» № 108, 15 сентября.

12 сентября.

◆ В г. Ташкенте в связи с контрреволюционным выступлением ген. Корнилова состоялось заседание Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов, на котором присутствовало много трудящихся г. Ташкента. Представитель группы большевиков внес предложение о передаче власти советам и об отмене смертной казни. Голосами меньшевиков и эсеров предложение большевиков было отклонено, а принята была резолюция о поддержке Временного правительства.— «Наша газета» № 106, 13 сентября.

---

[1] В дальнейших ссылках «Наша газета» № ...

13 сентября.

◆ В связи с контрреволюционным выступлением ген. Корнилова состоялось заседание ташкентской городской думы. Предложение большевиков о передаче власти советам было отклонено, дума приняла резолюцию эсеров о поддержке Временного правительства.— «Наша газета» № 108, 15 сентября.

14 сентября.

◆ В газете «Свободный Самарканд» № 61 от 14 сентября помещено сообщение о том, что в г. Самарканде, в старом городе, на выборах в городскую думу буржуазно-националистическая организация «Шуро-исламия» и «Союз домовладельцев» агитировали за свой список № 1. В прокламациях они грозили, что если коренные жители г. Самарканда будут голосовать за русских, армян и евреев, то их постигнет кара: «их жены будут рабынями, а они сами будут рассеяны по земле как израильтяне». В прокламациях было сказано, что коренное население г. Самарканда не получит муки, если будет голосовать не так, как хочется муллам.— «Свободный Самарканд», 1917 г., № 61, 14 сентября[1].

15 сентября.

◆ В связи с контрреволюционным выступлением ген. Корнилова эсеро-меньшевистский областной совет рабочих и солдатских депутатов Самаркандской области обратился с воззванием к солдатам, рабочим и гражданам г. Самарканда, в котором призывал поддержать Временное правительство. «Советы во главе с Временным правительством,— говорилось в воззвании,— единственные спасители России, которые выведут ее на широкую дорогу к счастью, славе, свободе».— «Свободный Самарканд» № 62, 15 сентября.

21—24 сентября.

◆ В г. Ташкенте происходил II краевой буржуазно-националистический съезд Турккрая. На съезде присутствовали представители мусульманского духовенства, интеллигенции и национальной буржуазии. Съезд одобрил тактику и политику всероссийского мусульманского съезда, в частности выступление представителей национальной буржуазии Туркестана на заседании контрреволюционного Московского совещания. Съезд высказался против передачи власти советам и одобрил предложение об автономии Турккрая.— «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1917 г., № 139—140, 25—26 сентября.

24 сентября.

◆ В г. Ташкенте на совещании представителей демократических организаций Туркестанского края предложение краевого бюро РСДРП (объединенного) объявить совещание революционным комитетом, к которому должна перейти власть в Туркестанском крае, было отвергнуто большинством 11 голосов против 6. В числе голосовавших против предложения были представители краевого совета рабочих и солдатских депутатов, краевого совета киргизских депутатов и краевого совета крестьянских депутатов, краевого мусульманского комитета и краевого бюро партии эсеров. За объявление совещания революционным комитетом голосовали представители краевого бюро РСДРП (объединенного), представители железнодорожников, почтово-телеграфного союза и член ВЦИК большевик А. Першин. После провала резолюции краевого бюро РСДРП (объединенного) представители последнего вместе с тов. Першиным в знак протеста покинули совещание.— «Свободный Самарканд» № 73, 30 сентября.

25 сентября.

◆ В г. Ташкенте, в Александровском парке, состоялся 7-тысячный митинг рабочих и солдат. На митинге была принята резолюция большевиков, которая для изжития политического и продовольственного кризиса требовала: 1) немедленной реквизиции у капиталистов продуктов первой необходимости, 2) осуществления действительного контроля над производством и распределением продуктов, 3) национализации банков и предприятий, имеющих государственное значение, 4) немедленного перехода всех земель без выкупа в руки трудового крестьянства, 5) издания закона, запрещающего закрытие фабрик и заводов без разрешения совета рабочих депутатов, профессиональных и фабрично-заводских комитетов, 6) немедленной передачи всей полноты власти в руки советов, 7) немедленного образования ревкома в Ташкенте из представителей революционной демократии, который взял бы в свои руки всю полноту власти. На митинге был избран ревком, было выражено недоверие меньшевистско-эсеровскому краевому совету рабочих и солдатских депутатов.—«Туркестанский курьер», 1917 г., № 205, 27 сентября; «Рабочий путь», 1917 г., № 33, 24 октября; сборник «Из истории партстроительства в Казахстане», стр. 239—240. Алма-Ата, 1936 г.; «Пролетарская революция», 1924 г., № 10, стр. 138.

◆ После митинга в Александровском парке масса рабочих и солдат перешла в «Дом свободы» на заседание Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов. Под их воздействием совет принял решение взять власть в свои руки и переизбрать исполнительный комитет совета.— «Туркестанский курьер», 1917 г., № 205, 27 сентября; «Коммунистическая мысль», стр. 303; «Рабочий путь» №№ 13 и 33, 30 сентября и 24 октября.

◆ В связи с революционными выступлениями, имевшими место в Ташкенте, председатель Туркестанского комитета Временного правительства Наливкин издал приказ о запрещении митингов и демонстраций 12 — 15 сентября (ст. ст.). —

[1] В дальнейших ссылках «Свободный Самарканд» № . . .

«Туркестанские ведомости», 1917 г., № 140, 26 сентября.

◆ Туркестанский краевой совет солдатских и рабочих депутатов, находившийся в руках меньшевиков и правых эсеров, обратился ко всем советам Туркрая с призывом не признавать Ташкентский ревком и просил у них поддержки для борьбы с ревкомом. — «Коммунистическая мысль», стр. 303.

26 сентября.

◆ Ташкентский ревком получил приветственную телеграмму от собрания граждан и солдат г. Чимкента.— «Коммунистическая мысль», стр. 303.

◆ В целях борьбы с ташкентскими рабочими, захватившими 12 (25) сентября власть в свои руки, краевой совет рабочих и солдатских депутатов объединился с общемусульманским краевым советом, с краевым советом крестьянских депутатов и с краевым советом киргизских депутатов. Все эти организации, руководимые меньшевиками и эсерами, приняли постановление, в котором говорилось: «Объединенные краевые организации не признают ни за революционным комитетом, ни за какой-либо иной организацией, не получившей санкции краевых съездов, власти краевой организации».— «Туркестанские ведомости», 1917 г., № 141, 27 сентября; «Свободный Самарканд» № 72, 29 сентября.

◆ В связи с революционными событиями в г. Ташкенте областной и городской советы рабочих и солдатских депутатов в г. Ашхабаде, Закаспийской области, организовали ревком.— «Асхабад», 1917 г., № 210, 29 сентября.

◆ Ташкентский совет рабочих и солдатских депутатов захватил штаб Туркестанского округа, казначейство, редакцию и типографию газеты «Наша газета». Совет послал на места телеграмму о переходе всей власти в г. Ташкенте в его руки и об отстранении от должности командующего войсками округа ген. Черкеса и других и предложил не выполнять их распоряжений.— «Большевик Казахстана», Алма-Ата, 1935 г., № 9—10, стр. 153 (Хроника событий).

27 сентября.

◆ Исполком Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов и временный революционный комитет г. Ташкента разослали всем областным советам рабочих и солдатских депутатов Туркестанского края телеграмму с извещением об отстранении меньшевистско-эсеровского исполкома краевого совета и о взятии Ташкентским советом и ревкомом власти в свои руки. В телеграмме сообщалось, что краевой совет, как не идущий в ногу с революционным пролетариатом, сейчас отстранен ревкомом и советом, «к которым и перешла вся власть». В телеграмме далее говорилось о необходимости немедленной присылки областными советами своих представителей для образования временного краевого совета.— «Наша газета» № 118, 29 сентября.

◆ В г. Перовске, Сыр-Дарьинской области, состоялась манифестация солдаток с лозунгами на знаменах: «Дайте хлеба голодным детям!», «Верните наших мужей, долой войну!» Манифестация закончилась митингом рабочих, граждан и солдат гарнизона, на котором была принята резолюция с требованием немедленного освобождения арестованных большевиков, передачи власти народу, созыва международной конференции, прекращения войны на основе демократического мира.— «Социал-демократ», Москва, 1917 г., № 167, 9 октября.

◆ Туркестанский комитет Временного правительства издал обращение ко всем гражданам Туркестана с призывом сплотиться вокруг Временного правительства и не признавать Ташкентский совет, взявший власть в свои руки.— «Туркестанские ведомости», 1917 г., № 141, 27 сентября.

◆ В г. Ашхабаде получена телеграмма из г. Верного от бежавшего туда из г. Ташкента члена Туркестанского комитета Временного правительства Шкапского, адресованная администрации Закаспийской области. В телеграмме сообщалось о захвате власти большевиками, об аресте войсковых начальников и членов Туркестанского комитета Временного правительства. Шкапский, как единственный оставшийся на свободе представитель Временного правительства в Туркестане, просил чинов администрации быть на страже республики и исполнять распоряжения Временного правительства.— «Асхабад», 1917 г., № 210, 29 сентября.

29 сентября.

◆ Была сделана попытка разгромить организацию революционных рабочих и солдат г. Ташкента. Юнкера школы прапорщиков, военнослужащие штаба командующего округом захватили артиллерийский склад и разобрали оружие. Одновременно Наливкин (председатель Туркестанского комитета Временного правительства) отдал приказ 1-й Туркестанской дивизии разогнать Ташкентский совет и ревком, не останавливаясь перед применением оружия. Ташкентский совет, узнав о готовящейся провокации, обратился за помощью к 1-му и 2-му сибирским запасным полкам. Благодаря вмешательству этих полков выступление контрреволюции было предотвращено.— «Наша газета» № 120, 2 октября.

◆ Опубликовано постановление исполкома совета рабочих и солдатских депутатов и временного ревкома г. Ташкента об отстранении с занимаемых должностей ген. Черкеса и других и об аресте их, как изменивших делу народа.— «Наша газета» № 118, 29 сентября.

30 сентября.

◆ В газете «Рабочий путь» № 13 за 30 сентября 1917 г., в передовой статье «Вся власть советам», товарищ Сталин дал оценку сентябрьским событиям в Ташкенте.— Сталин «На путях к Октябрю», стр. 168—170. 1925.

◆ Исполком Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов обратился с

воззванием к населению г. Ташкента, в котором призывал быть бдительными и организованными в связи с выступлением контрреволюции 29 сентября.— «Наша газета» № 120, 2 октября.

◆ В г. Ташкенте была получена первая телеграмма от Керенского, полная угроз по отношению к Ташкентскому совету. В телеграмме «социалиста» Керенского говорилось, что если Ташкентский совет не признает власти Туркестанского комитета Временного правительства, то Ташкентский совет будет объявлен мятежным и будет послана карательная экспедиция.— «Известия», Ташкент, № 187, 16 октября.

1 октября.

◆ В Петрограде под председательством А. Ф. Керенского состоялось заседание «Совета пяти», посвященное целиком революционным событиям в г. Ташкенте и мерам их прекращения. Временное правительство назначило ген. Коровниченко генеральным комиссаром Турккрая и предложило ему немедленно выехать с воинскими частями в Туркестан.— «День», Петроград, 1917 г., № 167, 2 октября.

◆ Состоялось чрезвычайное заседание Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов. Многие из депутатов совета призывали объявить немедленно всеобщую забастовку в г. Ташкенте в связи с едущей в г. Ташкент карательной экспедицией. Чтобы парализовать подлую, клеветническую кампанию, которую проводил относительно ташкентских событий сбежавший краевой совет рабочих и солдатских депутатов, Ташкентский совет постановил выделить специальную комиссию для разъездов по Туркраю с разъяснением о действительном характере событий в г. Ташкенте. В комиссию было избрано несколько большевиков; в Петроград был послан большевик А. Першин.— «Наша газета» № 121, 3 октября.

◆ Состоялось совместное заседание исполкома Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов и Туркестанского комитета Временного правительства. На совещание явились представители рабочих ташкентских и среднеазиатских железнодорожных мастерских, Центрального бюро профсоюзов, трамвайных мастерских, завода Зальма и союза легковых и ломовых извозчиков с резолюциями и заявлениями о готовности поддержать всеми мерами Ташкентский совет. На заседании было заключено соглашение, в одном из пунктов которого говорилось, что Туркестанский комитет обязуется послать телеграфное сообщение ген. Коровниченко (копия Керенскому) о ненужности посылки карательного отряда в г. Ташкент.— «Наша газета» № 120, приложение, 2 октября.

2 октября.

◆ В газете «Рабочий путь» № 14 за 2 октября 1917 г., в передовой статье «О революционном фронте», товарищ Сталин писал о сентябрьских событиях в Ташкенте следующее: «В Ташкенте Совет, состоящий в своем большинстве из эсеров, взял власть в свои руки, сместив старых чиновников. А правительство Керенского посылает туда карательную экспедицию, требуя восстановления старой власти, «наказания» Совета и пр... Сидящий в Директории питерский эсер Керенский, вооружившись «пулеметами», выступает походом против эсеров, сидящих в Ташкентском Совете, а центральный орган партии эсеров «Дело народа» глубокомысленно молчит, как будто это его не касается! Эсер Керенский собирается резаться с эсерами из Ташкента, а «Дело народа», печатая погромный «приказ» Керенского, находит возможным обойти его молчанием, соблюдая очевидно «нейтралитет»!

Но что это за партия, члены которой доходят до взаимной резни при явном попустительстве со стороны ее центрального органа.

Нам говорят об единстве революционного фронта. Но единство с кем? С партией эсеров, у которой нет мнения, ибо она молчит? С группой Керенского, которая собирается громить Советы? Или с группой ташкентских эсеров, которые творят новую власть во имя революции и ее завоеваний?

Мы готовы поддержать Ташкентский совет, мы будем бороться в одних рядах с революционными эсерами, с ними у нас будет единый фронт. Но поймут ли когда-либо граждане из «Дела народа», что нельзя одновременно поддерживать и ташкентцев и Керенского, ибо кто поддерживает ташкентцев, тот рвет с Керенским?

Поймут ли они когда-либо, что, не порывая с правительством Керенского и соблюдая «нейтралитет», они тем самым изменяют делу своих ташкентских товарищей?» — Сталин. «На путях к Октябрю», стр. 170—173, 1925; «Рабочий путь», 1917 г., № 14, 2 октября.

◆ В связи с посылкой в г. Ташкент карательного отряда ген. Коровиченко, в Петроград, на имя Верховского и ВЦИК советов, была послана телеграмма, подписанная Ташкентским советом, Центральным бюро профсоюзов, комитетом социал-демократической партии, комитетами партий эсеров, Бунда, латышской социал-демократии и членом ВЦИК большевиком А. Першиным. В телеграмме говорилось, что все сообщения о событиях в г. Ташкенте искажены и действия Туркестанского комитета Временного правительства грозят Ташкенту кровавыми столкновениями. «Требуем немедленного задержания карательной экспедиции, оградить от посягательств совет рабочих и солдатских депутатов и поддерживающих его граждан, рабочих и войсковых частей, прибытия представителей революционной демократии и учреждения следственной комиссии».— «Наша газета» № 121, 3 октября.

7 октября.

◆ В г. Ташкент прибыл карательный отряд во главе с генеральным комиссаром

Временного правительства ген. Коровниченко. — «Коммунистическая мысль», стр. 305.

◆ Главный стачечный комитет (в г. Ашхабаде) Среднеазиатской железной дороги разослал по линиям дороги телеграммы о прекращении пассажирского движения в знак протеста против присылки в г. Ташкент карательного отряда ген. Коровниченко.— «Асхабад», 1917 г., № 218, 9 октября; «Коммунистическая мысль», стр. 306.

12—23 октября.

◆ В Ташкенте состоялся II чрезвычайный съезд советов Турккрая. По вопросу об отношении к сентябрьским событиям в г. Ташкенте произошло резкое столкновение между эсеро-меньшевистскими делегатами Ферганской области и представителем ВЦИК меньшевиком Захватаевым с одной стороны и делегацией г. Ташкента, в которой было 10 большевиков,— с другой. После того как выступления меньшевика Захватаева и эсера В. Чайкина, предлагавших осудить ташкентских большевиков, получили отпор, они покинули съезд. Краевой съезд советов осудил предательскую тактику краевого совета и его председателя — правого эсера Фитермана,— которые, как выяснилось на съезде, требовали у Временного правительства присылки в г. Ташкент карательной экспедиции. После этого краевой совет сложил свои полномочия. Съезд избрал комиссию для приема от него дел и предложил советам края прислать своих представителей для образования нового краевого совета.— «Туркестанские ведомости», 1917 г., №№ 154—169; Рукописный фонд, стр. 55; «Жизнь национальностей», 1918 г., № 6, 15 декабря.

26 октября.

◆ В связи с обманом и нарушением командующим войсками Туркестанского военного округа ген. Коровниченко данного им и подписанного его помощником Доррером обещания работать в полном контакте с Ташкентским советом пленум совета принял резолюцию, в которой отмечалось, что командующий округом провел ряд мероприятий по выводу из г. Ташкента некоторых частей гарнизона, не согласовав этого важнейшего вопроса с Ташкентским советом, что делаются и новые распоряжения о расформировании и передвижении частей ташкентского гарнизона без участия Ташкентского совета. Ташкентский совет предложил ротным и полковым комитетам гарнизона руководствоваться в вопросе о передвижении частей ташкентского гарнизона актом генерального комиссара от 16 октября 1917 г., т. е. исполнять только те приказы, в составлении которых принимал участие представитель Ташкентского совета.— «Известия», Ташкент, 1917 г., № 1, 3 ноября.

28 октября.

◆ В связи с расформированием ген. Коровниченко и Доррером революционных частей ташкентского гарнизона и арестом революционных деятелей Ташкентского совета и гарнизона общее собрание солдат 13-й роты 1-го сибирского стрелкового запасного полка в г. Ташкенте единогласно приняло резолюцию протеста против этих контрреволюционных действий. В резолюции говорится, что солдаты будут защищать свободу и Ташкентский совет «всеми средствами, которые имеются в наших руках».— «Известия», Ташкент, 1917 г., № 1, 3 ноября.

29 октября.

◆ Состоялось заседание полковых, ротных и командных комитетов ташкентского гарнизона под председательством представителя Ташкентского совета большевика А. Першина по вопросу о расформировании и выводе из города ген. Коровниченко ряда частей ташкентского гарнизона. Собрание единогласно постановило присоединиться к решению Ташкентского совета от 26 октября и призвало весь революционный гарнизон г. Ташкента сплотиться вокруг советов рабочих и солдатских депутатов и поддержать Ташкентский совет «в его борьбе за право и власть организованной демократии». — «Известия», Ташкент, 1917 г., № 1, 3 ноября.

1 ноября.

◆ В связи с попытками командующего Туркестанским военным округом ген. Коровниченко вывести из Ташкента революционные части гарнизона общее собрание солдат 15-й роты 2-го сибирского запасного полка единогласно постановило поддержать Ташкентский совет и без согласия последнего из г. Ташкента никуда не выходить. «Пусть темные силы надежд на нас не имеют,— говорилось в резолюции солдат,— мы строго следим за их действиями и если с их стороны будут попытки на нашу свободу и советы, то сумеем со своими выборными зло пресечь в корне».— «Известия», Ташкент, 1917 г., № 1, 3 ноября.

4 ноября.

◆ В г. Ташкенте рабочие заводов Емельянова и Сорокина, Гольдберга и фабрики «Ташсама» приняли резолюцию, в которой требовали: 1) передать всю власть советам, 2) немедленно прекратить империалистическую войну и аннулировать все тайные договоры, 3) передать всю землю трудовому крестьянству, 4) организовать общественный контроль над производством и торговлей.— Рукописный фонд, стр. 60.

7 ноября.

◆ На секретном заседании президиума Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов было принято решение о подготовке к захвату власти. Решено было выделить командиров революционных частей, которые должны готовить свои части к выступлению. Провокатор, присутствовавший на заседании президиума, прямо с заседания явился к ген. Коровниченко и рассказал ему о предполагаемом выступлении ташкентских рабочих.— «Коммунистическая мысль», стр. 306; «Исторический журнал» № 11, 1939 г., стр. 86.

9 ноября.

◆ Ген. Коровниченко отдал приказ арестовать исполком Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов и разоружить революционные 1-й и 2-й сибирские запасные полки, стоявшие в Ташкенте. Однако этот план разгрома революционных сил ген. Коровниченко полностью осуществить не удалось. Наиболее видные большевики и члены совета успели укрыться в железнодорожных мастерских. В момент разоружения революционных полков к ним на помощь явились рабочие-железнодорожники, с помощью которых солдаты заняли депо, железнодорожные товарные склады и близлежащие казармы.— «Красная летопись», Ташкент, 1923 г., № 1—2, стр. 75—76.

10 ноября.

◆ Опубликовано письмо генерального комиссара Временного правительства в Туркестане ген. Коровниченко к комиссару Временного правительства по Самаркандской области о необходимости подавлять всеми мерами тех, кто будет поддерживать восставших против Временного правительства революционных рабочих и крестьян. Попытки населения присоединяться к большевикам Коровниченко предписывал также подавлять всеми силами, «не останавливаясь перед вызовом войск и применением оружия».— «Свободный Самарканд» № 101, 10 ноября.

◆ Областной комиссар Временного правительства по Самаркандской области полковник Слинько обратился к гражданам и солдатам Самаркандской области с контрреволюционным воззванием, в котором призывал объединиться вокруг Временного правительства.— «Свободный Самарканд» № 101, 10 ноября.

10—13 ноября.

◆ В г. Ташкенте происходило вооруженное восстание ташкентских рабочих и солдат под руководством большевиков.—«Коммунистическая мысль», стр. 307.

10 ноября.

◆ Бежавший в г. Скобелев Туркестанский эсеро-меньшевистский краевой совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию с протестом против перехода власти к советам. «Власть,— говорилось в резолюции,— до созыва Учредительного собрания должна оставаться в руках Временного правительства в центре и в Туркестане».— Рукописный фонд, стр. 68.

◆ Ашхабадский совет отказал представителям Временного правительства в Туркестане в посылке военных отрядов против восставших ташкентских рабочих и солдат.— «Коммунистическая мысль», стр. 307.

11 ноября.

◆ В г. Ташкенте части ген. Коровниченко повели усиленное наступление на железнодорожные мастерские, в которых сосредоточились революционные рабочие. После упорной борьбы один из казачьих полков, отрезанный от главных своих сил, сдался в плен. Это было первой большой победой революционных рабочих Ташкента в борьбе за установление советской власти.—«Красная летопись», Ташкент, 1923 г., № 1—2, стр. 67.

12 ноября.

◆ В г. Ташкент на помощь восставшим рабочим прибыли 2 эшелона демобилизованных солдат сибирских полков в количестве 600 человек. Получив оружие, они бросились в бой против банд ген. Коровниченко. Части Коровниченко вынуждены были отступить. — «Красная летопись», Ташкент, 1923 г., № 1—2, стр. 68.

◆ Восставшие в г. Ташкенте рабочие и солдаты с боем заняли важнейшие государственные учреждения.— «Коммунистическая мысль», стр. 307.

◆ Совет крепости Кушка отправил 500 человек, 8 орудий и 12 пулеметов на помощь рабочим г. Ташкента, восставшим против Временного правительства.— «Коммунистическая мысль», стр. 307.

◆ Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Красноводска принял решение о поддержке рабочих и солдат г. Ташкента, восставших против Временного правительства, и о передаче власти советам в центре и на местах.— Рукописный фонд, стр. 68.

◆ В г. Перовске, Сыр-Дарьинской области, власть перешла в руки совета. На помощь восставшим рабочим г. Ташкента оттуда был послан отряд Красной Гвардии.— Сборник «Из истории партстроительства в Казахстане», Алма-Ата, 1936 г., стр. 241; «Большевик Казахстана», Алма-Ата, 1935 г., № 9—10, стр. 154 (Хроника событий).

13 ноября.

◆ Совет рабочих и солдатских депутатов г. Чарджуя потребовал от комиссара Временного правительства в Туркестане ген. Коровниченко немедленно прекратить избиение рабочих и солдат г. Ташкента. Совет выразил полную готовность оказать вооруженную помощь ташкентским рабочим.— Рукописный фонд, стр. 68.

◆ Самаркандская объединенная организация РСДРП по предложению меньшевиков несмотря на протест большевиков приняла резолюцию, в которой осуждала выступление рабочих и крестьян под руководством партии большевиков как в Петрограде, так и в г. Ташкенте.— «Свободный Самарканд» № 105, 15 ноября.

◆ В г. Самарканде закончилась краевая конференция армянской буржуазно-националистической партии дашнакцутюн, принявшая контрреволюционную резолюцию по поводу петроградских и ташкентских революционных событий. Конференция заявила, что туркестанская организация партии дашнакцутюн будет бороться с революционными рабочими, взявшими власть в свои руки, «вплоть до применения оружия».— «Свободный Самарканд» № 105, 15 ноября.

◆ На помощь рабочим г. Ташкента из г. Самарканда прибыл эшелон революционных бойцов.— «Красная летопись», Ташкент, 1923 г., № 1—2, стр. 67.

◆ По приказу штаба революционные части войск и красногвардейские отряды г. Ташкента с утра переходят в решительное наступление против частей ген. Коровниченко; к 10 часам вечера они занимают весь город. Тогда ген. Коровниченко посылает делегацию для переговоров о перемирии. В 12 часов ночи условия революционного штаба были приняты делегацией ген. Коровниченко. — «Красная летопись», Ташкент, 1923 г., № 1—2, стр. 68.

13 ноября.

◆ Общим собранием рабочих и служащих г. Самарканда избран ревком.— «Коммунистическая мысль», стр. 307.

Ночь с 13 на 14 ноября.

◆ В г. Ташкенте после четырехдневных боев прекратились военные действия между революционными частями и войсками Временного правительства. Крепость и броневики были сданы революционным частям, а части ген. Коровниченко были разоружены и подвергнуты временному аресту. Ген. Коровниченко и его помощник по гражданской части Доррер были арестованы. Первый этап борьбы за власть советов в г. Ташкенте был окончен. За дни борьбы на улицах г. Ташкента погибло около ста революционных солдат и рабочих.— «Красная летопись», Ташкент, 1923 г., № 1—2, стр. 68—69.

◆ Исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов г. Ташкента и ревком телеграфно известили все города Турккрая о победе рабочих в г. Ташкенте и о переходе власти в руки советов.— «Коммунистическая мысль», стр. 307—308.

14 ноября.

◆ Опубликовано обращение самаркандской контрреволюционной городской думы по поводу захвата власти советами в Петрограде. Дума призывала население г. Самарканда «к непоколебимой твердости в борьбе с мятежом до полного его подавления» и к поддержке лозунга «Вся власть Учредительному собранию». — «Свободный Самарканд» № 104, 14 ноября.

15 ноября.

◆ Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Термеза принял резолюцию о передаче власти советам.— Рукописный фонд, стр. 70.

◆ Объединенное собрание представителей демократических организаций г. Катта-Курган избрало ревком.— Рукописный фонд, стр. 70.

◆ В г. Аулие-Ата уездный крестьянский съезд принял решение о признании власти советов.— Сборник «Из истории партийного строительства в Казахстане», Алма-Ата, 1936 г., стр. 237.

Ночь с 15 на 16 ноября.

◆ В г. Ташкенте состоялось заседание краевых демократических организаций по вопросу о конструировании временной краевой власти. Заседание постановило вместо Туркестанского комитета Временного правительства образовать Всетуркестанский исполнительный комитет в составе трех представителей краевого совета рабочих и солдатских депутатов, двух представителей от краевого совета мусульманских депутатов, по одному представителю от краевого совета киргизских депутатов и от краевых комитетов РСДРП и эсеров. При Всетуркестанском исполнительном комитете должно быть создано совещание из представителей тех же организаций, а кроме того из представителей Ташкентского совета, городской думы и других.— «Туркестанский курьер», 1917 г., № 237, 17 ноября.

18 ноября.

◆ Из г. Пишпека воинскому начальнику г. Верного сообщили, что в городе под руководством большевиков происходит вооружение рабочих, крестьян и приходящих с фронта солдат и готовится захват власти советами.— «Большевик Казахстана», Алма-Ата, 1935 г., № 9—10, стр. 154 (Хроника событий).

28 ноября — 5 декабря.

◆ В г. Ташкенте состоялся III туркестанский краевой съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на который прибыло 104 делегата. В порядке дня съезда стоял вопрос об организации краевой и местной власти. По вопросу о краевой власти было внесено три резолюции: от фракций большевиков, «левых» эсеров и меньшевиков. Громадным большинством (97 голосами) была принята резолюция фракции большевиков. Съезд постановил считать высшим органом власти в Туркестане Совет народных комиссаров, который был составлен главным образом из большевиков и «левых» эсеров. Председателем Совнаркома был избран большевик Ф. И. Колесов. Съезд выработал наказ Совнаркому по управлению краем. В принятой резолюции об организации власти на местах говорилось: «1) Вся власть на местах должна перейти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; 2) Существующие мусульманские рабочие советы должны оставаться автономными и объединить свою деятельность с советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов через исполнительные комитеты и секции советов; дальнейшую организацию советов мусульманских рабочих депутатов должны взять на себя советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».— «Свободный Самарканд» № 135, 22 декабря; Рукописный фонд, стр. 77; «Коммунистическая мысль», стр. 308.

5 декабря.

◆ 5 декабря опубликовано обращение, написанное товарищем И. В. Сталиным и подписанное Сталиным и Лениным, «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» о великих событиях в России и начавшемся освободительном движении народов Запада и Востока.

«Вся Россия,— говорится в обращении,— усеяна революционными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Власть в стране в руках народа. Трудовой народ России горит одним желанием добиться честного мира и помочь угнетенным народам мира завоевать себе свободу. ...Перед лицом этих великих событий мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока.

Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа—все те, мечети и молельни которых разрушились, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!»

В обращении далее говорится, что договоры о разделе Персии и Турции советским правительством аннулированы. В конце обращения говорится: «Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель! Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ! Вы сами должны быть хозяевами вашей страны. Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию. Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в ваших собственных руках...

Товарищи! Братья! Твердо и решительно идем мы к честному демократическому миру. В наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира. Мусульмане России! Мусульмане Востока! На этом пути обновления мира мы ждем от вас сочувствия и поддержки». — «Правда», 1917 г., № 196, 5 декабря; Ленин и Сталин «Избранные произведения 1917 г.», стр. 638—640. 1937.

8 декабря.

◆ В г. Новая Бухара военно-революционный комитет отстранил от должности областного комиссара Временного правительства. Власть перешла в руки областного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов русских поселений в Бухарском ханстве.— Рукописный фонд, стр. 80—81.

10—11 декабря.

◆ В г. Коканде, Ферганской области, состоялся IV чрезвычайный краевой съезд буржуазно-националистических организаций Туркестана при поддержке англичан, Дутова, русской буржуазии и белогвардейцев, а также при содействии меньшевиков и эсеров. На съезде было избрано буржуазно-националистическое «правительство» — так называемая «Кокандская автономия». Съезд вынес решение о присоединении «правительства» «Кокандская автономия» к существовавшему на Северном Кавказе контрреволюционному «Юговосточному союзу».— «Известия Временного правительства автономного Туркестана», Коканд, 1917 г., № 1, 26 декабря.

10 декабря.

◆ В г. Чарджуе совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял резолюцию о признании Совнаркома Турккрая краевой властью.— Рукописный фонд, стр. 81.

11 декабря.

◆ Ташкентский совет избрал новый состав президиума. Председателем был избран большевик.— Рукописный фонд, стр. 83.

◆ Совнаркомом Туркрая предложено советам на местах приступить к созданию Красной Гвардии.— Рукописный фонд, стр. 83.

◆ Самаркандский совет рабочих, солдатских и мусульманских депутатов совместно с представителями воинских частей гарнизона и общественных организаций города принял резолюцию о признании Совнаркома Туркрая краевой властью. Совет взял власть в свои руки.— Рукописный фонд, стр. 83.

12 декабря.

◆ Совнарком Туркрая обратился ко всем советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с телеграммой по вопросу о реализации выработанного III краевым съездом советов наказа. «На местах,— говорилось в телеграмме,— вся власть (должна находиться) в руках советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Мусульманские рабочие советы, где они существуют, остаются автономными, но объединяются с общими советами в исполнительном комитете и в отдельных секциях советов. На местные советы возлагается принятие мер к организации мусульманских рабочих депутатов».— Рукописный фонд, стр. 84—85.

13 декабря.

◆ Совет рабочих и солдатских депутатов г. Джизака взял власть в свои руки.— Рукописный фонд, стр. 85.

15 декабря.

◆ В г. Туркестане, Сыр-Дарьинской области, власть перешла в руки совета.— Рукописный фонд, стр. 86.

15—21 декабря.

◆ В г. Новая Бухара состоялся областной съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов русских поселений Бухарского ханства, на котором было принято постановление об образовании Совнаркома русских поселений в Бухаре из 5 человек и одного представителя от рабочих-мусульман. Функции областного совета в связи с созданием Совнаркома области должны перейти к последнему.— Рукописный фонд, стр. 86.

17 декабря.

◆ В г. Самарканде организационно оформилась городская группа большевиков, ра-

нее входившая в объединенную организацию РСДРП. На собрании группы был избран городской комитет большевиков.— Рукописный фонд, стр. 87.

18 декабря.

◆ В г. Ашхабаде, Закаспийской области, IV областной съезд советов организовал областной Совнарком Закаспийской области, к которому и перешла вся власть от комиссара Временного правительства.— Рукописный фонд, стр. 87.

18—26 декабря.

◆ В г. Оренбурге состоялся контрреволюционный, т. н «общекиргизский» съезд, избравший контрреволюционное правительство «Алаш-орды» во главе с А. Букейхановым. Во время этого съезда в городе состоялась десятитысячная демонстрация казахской бедноты и революционной молодежи, пославшая на имя В. И. Ленина и И. В. Сталина телеграмму, в которой вскрывала байскую сущность партии «Алаш».— Сборник «Из истории партстроительства в Казахстане», стр. 241, Алма-Ата, 1936 г.; «Правда», 1935 г., № 102, 13 апреля.

19—20 декабря.

◆ В г. Скобелеве, Ферганской области, состоялся областной съезд советов рабочих, солдатских и мусульманских депутатов с участием представителей профсоюзов и заводских комитетов. По текущему моменту была принята резолюция большевиков о передаче всей власти в руки советов. На съезде из 50 делегатов большевиков было 16, сочувствующих большевикам — 8, меньшевиков — 8, эсеров — 13, беспартийных — 13.— Рукописный фонд, стр. 87—88.

4 января 1918 года (22 декабря 1917 г.).

◆ В Ташкенте состоялось собрание большевиков, на котором был организационно сформлен разрыв местных большевиков с объединенной организацией РСДРП. Был избран временный городской комитет РСДРП(б).— «Наша газета», 1918 г., № 1, 14 января.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

«Мировые экономические кризисы». Т. III. Акад. И. Трахтенберг. *«Денежные кризисы (1821 — 1938)»*. Государственное финансовое издательство. 1939. 894 стр.

III том капитального издания «Мировые экономические кризисы», выпускаемого Институтом мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР (I том вышел в 1937 г., а II и IV подготовляются к печати), представляет собою значительный вклад в нашу экономическую науку. Эта огромная монография, посвященная теории и истории денежных кризисов, выгодно отличается от I тома тем, что представляет собой не собрание материалов, преимущественно статистических, с предпосланной им вводной статьей, а является действительно теоретическим трудом, написанным таким глубоким знатоком кредитно-денежной сферы капитализма, каким по праву считается академик И. А. Трахтенберг.

Книга состоит из трех частей. Первая часть посвящена теории денежных кризисов, вторая, более обширная, — излагает историю денежных кризисов, а третья — представляет собой собрание весьма ценных статистических таблиц, освещающих самые разнообразные стороны денежного обращения, кредита, эмиссий, курсов ценных бумаг и т. д. в Англии, США, Германии, Франции, России, Японии и других странах с 20-х годов XIX века и до 1938 года. К книге приложена библиография по истории кризисов, охватывающая 1935—1939 годы.

В данной рецензии мы не останавливаемся на теоретической части книги акад. Трахтенберга.

Наиболее яркой и интересной для историка частью книги является описание и анализ истории денежных кризисов. Собранный в книге фактический материал огромен и представляет большую ценность для всякого, кто изучает историю капитализма.

Подробное описание дается ранним кризисам 1825 и 1836 годов. Особенности денежного кризиса 1825 г. обусловливались целым рядом факторов. Известную роль тут сыграли и специфические черты кредитно-денежной системы тогдашней Англии, где наряду с эмиссионным английским банком существовало много мелких банков, выпускавших свои банкноты. Наложила на него сильный отпечаток и международная обстановка. Завоевание независимости государствами Центральной и Южной Америки открыло возможность экспорта туда английских капиталов. «Рост промышленности в Англии, изобилие денежных капиталов, использование новых мест приложения капиталов и новых рынков сбыта товаров — все это создало основу для грюндерства. А преувеличенные надежды на новые рынки и широкое рекламирование богатств новых мест приложения капиталов очень скоро превратили грюндерство в достигшую огромных размеров спекуляцию», — пишет автор, характеризуя непосредственные причины кризиса 1825 года. Самое течение денежного кризиса заключало уже в себе все типичные черты капиталистических денежных кризисов: «Денежный кризис принимал форму не только недостатка капиталов, но и недостатка денег, не только форму кредитного кризиса, но и кризиса денежного обращения. Стремление обменять не только векселя на банкноты, но и банкноты на металл становилось всеобщим» (стр. 97).

Кризис 1836 г. отличался от кризиса 1825 г. тем, что в предшествовавшем ему подъеме значительную роль сыграло железнодорожное грюндерство и спекуляция железнодорожными акциями. «Когда успехи первой железнодорожной линии стали очевидными, — пишет цитируемый в книге буржуазный экономист Бунятьян, — акции железных дорог получили значительный лаж, и благоприятное мнение публики о рентабельности железных дорог повело затем к многочисленному дальнейшему учредительству. Появились проекты железнодорожных линий почти для всех частей Соединенного королевства. Мания учредительства такого рода предприятий поднялась до огромной степени в 1836 г. и имела своим центром Манчестер и Ливерпуль» (стр. 102). Разразившийся в 1836 г. на базе экономического кризиса денежный кризис проявился прежде всего в значительном повышении учетного процента; затем он привел к росту числа банкротств, а в конце лета 1836 г. — и к краху на бирже. Из Англии кризис в апреле—мае 1837 г. распространился и на США.

Любопытно отметить, что начиная с кризиса 1836 г. почти все кризисы эпохи промышленного капитализма так или иначе связаны с железнодорожным грюндерством. Говоря о предшествовавшем кризису 1847 г. подъеме, Маркс пишет: «Цены акций поднимались беспрерывно, а барыши спекулянтов скоро втянули все классы населения в этот водоворот. Герцоги и графы соперни-

чали с купцами и фабрикантами из-за прибыльной чести заседать в правлениях различных железнодорожных линий. Члены Нижней палаты, суд, духовенство имели многочисленных представителей в этих правлениях. Кто имел хоть ничтожные сбережения, кто пользовался хоть малейшим кредитом, спекулировал на железнодорожных акциях»[1]. Экономический кризис разразился с огромной силой осенью 1847 года. Его непосредственной причиной были неурожаи хлебов в течение 2—3 предшествовавших лет в Ирландии и Англии, а также неурожай хлопка в США, приведший к повышению цен и к закрытию многих хлопчатобумажных предприятий в Англии. Взрывы денежного кризиса происходили в 1845 г. и весной 1847 года. Но наибольшей остроты денежный кризис достиг в сентябре—октябре 1847 г., когда наступил паралич английской банковской системы и правительство вынуждено было для спасения Английского банка временно отменить введенный только в 1844 г. банковский акт Роберта Пиля. Кризис 1847 г. распространился на большее количество стран чем предыдущие кризисы.

Но гораздо более широки были размеры кризиса 1857 г., охватившего не только Европу, но и Северную и Южную Америку. «На европейском континенте,—писал Маркс в ноябре 1857 г., — зараза распространилась от Швеции до Италии в одном направлении и от Мадрида до Будапешта — в другом»[2].

И. А. Трахтенберг, давая общую характеристику этого кризиса, отмечает не только территориальную распространенность, но и всеобщность, универсальность кризиса, затронувшего как сферу производства, так и сферу обращения. Первый острый взрыв денежного кризиса произошел на этот раз еще до наступления кризиса экономического: 25—26 сентября 1855 г. на фондовых биржах Германии произошло катастрофическое падение бумаг; во Франции Наполеона III, где колоссальное грюндерство и спекуляция возглавлялись знаменитым банком «Crédit Mobilier» братьев Перейра, кризис потряс всю экономику страны. Наиболее острые проявления денежного кризиса в 1857 г. имели место в США, в Англии и в Гамбурге, «который представлял собою в то время торговый и денежный центр Центральной и Северной Европы» (стр. 146).

Следующий циклический кризис—1866 г.— был в значительной мере осложнен последствиями гражданской войны 1861—1865 гг. в США. Остро протекавший на базе общеэкономического кризиса денежный кризис изобиловал драматическими эпизодами, в особенности в Англии. 11 мая 1866 г. в Лондоне вошло в историю денежных кризисов как день «черной пятницы» («black friday»): банкротство крупнейших банкирских домов, разорение десятков тысяч вкладчиков самых разнообразных положений—все это создало впечатление огромной катастрофы. Автор приводит из французского журнала того времени («Révue des deux Mondes» от 15 августа 1866 г.) описание потрясающих сцен, разыгравшихся в этот день:

«11 мая 1866 года великая столица мировой торговли казалась оцепеневшей, ужасное беспокойство овладело самыми твердыми сердцами и смутило самые решительные умы. Толпы народа текли через Стрэнд, чтобы овладеть Сити... В этих густых рядах ни одного возгласа, ужас морщил лица, отчаяние выражалось в мрачном молчании. Все бросались к некоторым домам, осажденные двери которых пропускали через себя прилив и отлив этих живых волн. Повсюду были видны в сжатых руках портфели, чеки, бумаги разных фирм, исписанные цифрами, — ужасающий символ жестокой катастрофы. Можно было сказать, что на корабле, везущем Англию и ее богатства, открылась со страшным треском течь и что масса, потерпевшая крушение, бросается на обломки, ища средств спасения. Никогда воспоминание об этой конвульсии не исчезнет из памяти Лондона. День «черной пятницы» останется в ней запечатленным; этот день распространил бедствия и ужас; в этот день, казалось, раздался сигнал всеобщего разорения» (стр. 182).

Таких «черных пятниц» оказалось немало в истории Англии и в истории других капиталистических стран. «Черные пятницы» денежных кризисов — неизбежное условие централизации капиталов.

Следующий кризис — 1873 г.,— начавшийся в Центральной Европе с огромного краха на биржах Вены и Берлина, превзошел по своей силе и распространенности все предыдущие кризисы. Эта особенность кризиса была обусловлена последствиями франко-прусской войны, «наводнением стран Центральной Европы денежными капиталами в результате получения Германией многомиллиардной контрибуции от Франции» (стр. 199). Во второй половине сентября 1873 г. острый денежный кризис разразился также и в США, где происходили натиск вкладчиков на банки, массовые банкротства и т. д. В Англии он обострился позже чем в других странах.

Недостаток места не позволяет нам остановиться на приводимых в книге описаниях кризисов 1882 и 1890 гг., относящихся к эпохе перехода от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму. Коснемся вскользь лишь кризисов эпохи довоенного империализма.

Первым из них является кризис 1900 года. В это время бурный рост хозяйств ведущих капиталистических стран, в особенности США и Германии, развитие и усиление монополий «послужили основой для распространения иллюзий о бескризисном капиталистическом хозяйстве, о регулирующей роли капиталистических монополий...» (стр. 293). Кризис 1900 г. нанес сокрушительный удар апологетам монополистического капитализма. Уже первый кризис эпохи империализма «превосходил все исторически ему предшествовавшие кризисы своей интенсивностью и глубиной» (стр.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 220.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 129.

294). Интересно отметить, что на этот раз первый взрыв денежного кризиса произошел в России еще в середине 1899 года. Затем, в апреле 1900 г., он распространился на германские биржи, а в мае 1901 г. захватил и США. Что касается Англии и Франции, то хотя здесь и не было острых проявлений денежного кризиса, но 1900—1901 гг. были отмечены падением курсов ценных бумаг и увеличением числа банкротств. Течение кризиса в Англии в значительной мере модифицировалось англо-бурской войной.

Автор приводит любопытные подробности хода кризиса в России: «Сигналом к кризису послужили банкротства летом 1899 г. двух крупнейших фирм — фон-Дервиза и Мамонтова. Дело шло не об обычных банкротствах единичных, хотя бы крупных, фирм. Как Дервиз, так и Мамонтов были связаны с многочисленными предприятиями, и их банкротства явились результатом огромнейших затруднений, которые испытывали эти предприятия вследствие начавшегося кризиса. Дервиз был связан с Русским торгово-промышленным банком, Северно-стекольным промышленным обществом, Обществом пароходства на Волге, Обществом подъездных путей, Волжско-стальным обществом, Глухоозерским цементным заводом, Франко-русским обществом, Московско-Казанской, Рязано-Уральской ж. д. и т. д. Мамонтов был связан с Северным лесопромышленным обществом, Невским механическим заводом, Московским вагоностроительным заводом, Московско-Ярославско-Архангельской ж. д. и т. д... «Падение столь крупных предприятий,—писал журнал «Народное хозяйство», — оказало удручающее влияние на ход биржи и банков, особенно имевших в достаточном количестве в своих портфелях финансовые векселя. Положение денежного рынка представлялось очень серьезным, а вместе с тем оно ухудшалось вздорожанием денег в Берлине и Лондоне, благодаря войне Англии с Трансваалем...» (стр. 315—316).

Ленин в статье «Уроки кризиса», посвященной кризису 1899—1901 гг. в России, писал: «Замена второстепенных богачей первостепенными, увеличение силы капитала, разорение массы мелких собственников (напр., мелких вкладчиков, теряющих с крахом банка все имущество), страшное обнищание рабочих — вот что ведет за собой кризис» [1].

Кризис 1907 г. далеко оставил за собою по силе, глубине и распространению все кризисы эпохи промышленного капитализма. Кризис этот — первый кризис начавшейся эпохи империализма. Первый взрыв денежного кризиса произошел в феврале—марте 1907 г. в молодой капиталистической стране — в Японии. В марте он охватил Египет, затем перекинулся на Англию и Германию, но наибольшей остроты и напряженности развитие денежного кризиса достигло в октябре 1907 г. в США: «24 октября произошла огромная паника на ньюйоркской бирже. Курсы ценных бумаг стремительно и резко упали. Ставки по ссудам до востребования поднялись с утра до 100—130%, а позже этих ссуд вообще не выдавали. В 2 ч. 30 м. президент биржи заявил о ее закрытии, так как никаких денег вообще нельзя было достать. Натиск вкладчиков на банки и трест-компании в Нью-Йорке достиг огромных размеров. Ряд банков... прекратили платежи. Натиск вкладчиков на банки и банкротства продолжались и 25 октября» (стр. 359).

К концу октября вмешательство финансовых воротил во главе с Морганом остановило падение курсов ценных бумаг, но кризис в сфере банковского кредита и денежного обращения принял еще более острые формы. Возник денежный голод, каналы денежного обращения стали засоряться всевозможными суррогатами денег. Тезаврирование денег приняло огромные размеры. На наличные деньги появился лаж, доходивший до 4%. Острый взрыв денежного кризиса произошел в это же время в Германии, Англии, Голландии.

Раздел 5-й книги, посвященный денежным кризисам эпохи общего кризиса капитализма, содержит краткую характеристику кризиса 1920 г., весьма обстоятельное — на 100 страницах — описание величайшего в истории капитализма кризиса 1929 г. и описание кризиса 1937 г., прерванного современной войной. О кризисе 1920 г. автор говорит, что он был прежде всего реакцией на военное хозяйство, но вместе с тем был и циклическим кризисом, особенно в тех странах, производительные силы которых не были разрушены войной 1914—1918 гг.,— в США, Англии, в нейтральных странах. Что касается мирового кризиса 1929 г., то останавливаться на нем более подробно нет смысла. Тех, кто желал бы подробно изучить этот кризис, мы отсылаем непосредственно к книге акад. И. А. Трахтенберга, где собран огромный материал.

Сделанный нами беглый обзор содержания III тома «Мировых экономических кризисов», конечно, ни в коей мере не может исчерпать содержания его. Но нам кажется, что и такой обзор дает читателю представление о достоинствах книги.

Все же нельзя при этом обойти некоторые ее недостатки.

В книге встречается довольно большое количество таких повторений, которых можно было бы избегнуть. Автор слишком часто повторяет, что основной причиной кризисов является противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Он говорит об этом на страницах 29, 32, два раза на стр. 33 и на страницах 42, 48, 52 и т. д.

Русский текст книги в общем неплохо отредактирован, но иностранные, в особенности английские, термины, фразы, сноски изобилуют ошибками и опечатками. Неуклюжей является, например, фраза: «The influerce of monetary crises upon the, sifferent classes of the society» (стр. 16). Вообще переводчик злоупотребляет в применении определенного члена «the», получается совсем не по-английски; затем, никак нельзя переводить «эмиссия ценных бу-

[1] Ленин. Соч. Т. IV, стр. 167. 1937.

маг 1919—1938 г.», как «New Capital Issue 1919—1938» (стр. 19), а нужно писать во множественном числе — «New Capital Issues 1919—1938». Еще досаднее многочисленные опечатки (стр. 54, сноска; стр. 162 — «blac» вместо «black» и т. д.). В издании Академии наук таких ошибок и опечаток не следовало бы допускать.

Эти недостатки относятся к форме книги. Что же касается ее содержания, то здесь мы считаем своим долгом подчеркнуть, что книга вполне заслуживает высокой оценки. Для лиц, занимающихся научно-исследовательской работой в области экономики и истории капитализма, она явится весьма полезным пособием. Ее можно рекомендовать не только изучающим денежные кризисы, но всем, кто работает и над общими экономическими кризисами, так как собранный в ней материал освещает, по сути дела, все движение циклических кризисов с 1825 по 1938 год.

Проф. Я. Сегалл

ЕФИМОВ А., член корреспондент АН СССР. «Новая история. 1789—1870». Учебник для 8-го класса средней школы. Утвержден Наркомпросом РСФСР. М. 1940. 240 стр. 4 р. 15 к. (Институт истории Академии наук СССР).

Несмотря на ряд крупных недочетов, о которых сказано ниже, рецензируемый учебник новой истории для средней школы представляет собой положительное явление И по содержанию и по внешнему оформлению он отвечает своему назначению.

В учебнике довольно удачно разрешена трудная задача — сделать изучение XIX в. с его сложными экономическими и политическими процессами доступным и привлекательным для подростков, не слишком упрощая и, во всяком случае, не искажая ход исторического развития в угоду легкости понимания и занимательности. В учебнике умело сочетается изложение общих проблем истории XIX в. с живым историческим повествованием. Вполне правильно с педагогической точки зрения, что автор учебника не скупится на конкретные детали при описании крупных исторических событий, отводит значительное место характеристике и биографиям выдающихся исторических личностей, используя при случае и анекдотический материал.

К достоинствам учебника следует отнести также и экскурсы в область истории культуры, хотя эти экскурсы и носят несколько случайный характер. Отмечены французские «просветители», но ничего не сказано о великих представителях германского «просвещения», обойдены такие представители французской революционной романтики, как Виктор Гюго, и т. п.

Простой, ясный и живой язык учебника будет немало содействовать его успеху. Нужно сказать, что все эти положительные качества учебника проявились главным образом в первой его части (до революции 1848 г.). Дальнейшие главы написаны более схематично и сухо.

Общий методологический и научный уровень учебника в основном отвечает задачам, поставленным решениями партии и правительства об учебниках по истории для средней школы.

Однако при всем том учебник несвободен от существенных недостатков. Остановимся на главных из них.

Изложению иногда недостает логической последовательности и связи. При описании февральского переворота 1848 г. упоминается лозунг парижских масс «Долой Гизо!» (стр. 128), но до этого о Гизо нигде не было сказано ни слова. Естественно, что смысл этого лозунга для учащихся остается совершенно непонятным. То же самое и с идеей «организации труда». В тексте не указано, когда и кем был выдвинут этот лозунг и каково его содержание. В то же время отмечаются усилия временного правительства «подорвать» эту идею (стр. 130). Вряд ли также учащиеся смогут уяснить себе из учебника суть борьбы Маркса и Энгельса с прудонистами в период I Интернационала, так как они не найдут в учебнике хотя бы краткого изложения взглядов Прудона и его последователей.

В некоторых случаях, особенно там, где дело касается причин исторических событий, автор учебника склонен отделываться общими, неопределенными фразами, которые могут подчас ввести учащихся в заблуждение. Например политическая почва военной диктатуры Наполеона Бонапарта характеризуется в учебнике следующим образом: «Буржуазия требовала сильной власти, которая железной рукой подавила бы монархистов и якобинцев и могла бы успешно вести войну против феодальной коалиции и Англии» (стр. 67—68). Из этого положения учащийся может сделать неправильное заключение, будто бы военная диктатура Наполеона была в одинаковой мере направлена как против опасности реставрации феодальных порядков, так и против угрозы нового революционного подъема народных масс. Следовало бы расшифровать и точнее сформулировать выставленное в учебнике положение, с тем чтобы для учащихся было ясно, насколько угроза новой якобинской революции перевешивала в глазах французской буржуазии все другие соображения при создании режима военной диктатуры. Тогда для учащихся стало бы вполне понятно, почему во внутренней и внешней политике Наполеона I доминировала реакционная тенденция. Тем самым уяснился бы для них и смысл сталинского определения наполеоновского правительства как «буржуазного правительства, которое задушило французскую революцию и сохранило только те

результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии»[1].

В связи с этим укажем и на другой пробел в учебнике: не дана историческая оценка наполеоновских войн как войн по преимуществу захватнических, завоевательных, а потому и реакционных.

При анализе причин поражения чартистов (стр. 113) упущено обстоятельство, которому Маркс и Энгельс придавали кардинальное значение, а именно: что чартисты не сумели создать подлинно пролетарскую массовую партию, вооруженную теорией научного коммунизма, что, в свою очередь, являлось следствием недостаточной зрелости самого английского пролетариата. Хотя события, приведшие к гражданской войне в США, освещены достаточно подробно, но основные причины войны между Севером и Югом, крывшиеся в противоречии двух социальных систем: системы рабства и системы свободного труда,— в учебнике не раскрыты.

В учебнике встречаются неряшливые формулировки, которые могут поставить учащихся втупик.

Голосование большинства французского крестьянства за Луи-Наполеона на президентских выборах 1848 г. объясняется следующим образом: «Одурманенное буржуазией и попами, настроенное лживыми буржуазными газетами против рабочих, собственническое крестьянство поддержало представителя династии Бонапарта, думая найти в нем защиту от богачей и охрану своей собственности» (стр. 134). Поскольку эта фраза не получила в учебнике никаких добавочных комментариев, она в состоянии породить у учащихся естественное недоумение: каким образом буржуазные газеты и попы, агитируя за Луи-Наполеона, восстанавливали крестьян против богачей? Вместо этой весьма путаной формулы следовало бы дать толковое объяснение отрицательному отношению крестьян к буржуазной республике и их надеждам на Луи-Наполеона.

Весьма неудачно сформулированы идеи Маркса и Энгельса о перманентной революции: «Маркс и Энгельс не считали революцию в Германии завершенной. Германия оставалась раздробленной. Не был разрешен и аграрный вопрос. Феодальные династии остались у власти. Маркс и Энгельс придавали огромное значение использованию революционной энергии демократических масс и прежде всего крестьянства в борьбе против помещиков и феодальных династий и для дальнейшего развития революции. В «Обращении ЦК к Союзу Коммунистов», которое было написано в марте 1850 г., оценивая уроки революции и намечая перспективы, Маркс и Энгельс писали: «...наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти...»[2] (стр. 146). У читателя может сложиться впечатление, что основоположники марксизма выводили задачи перманентной революции из незавершенности в 1848 г. в Германии буржуазно-демократической революции, что, само собой разумеется, совершенно неверно.

К разряду неудачных формулировок нужно отнести также и следующее определение классовой сущности империи Наполеона III: «Придя к власти в то время, когда пролетариат и буржуазия были ослаблены взаимной борьбой, Наполеон III давал лживые обещания рабочим и крестьянам, но на деле выполнял волю буржуазии» (стр. 135). Обращает на себя внимание отсутствие всякой логической связи между первой и последней частями фразы. Это печальный результат попытки чисто механического сжатия сложной марксовой исторической концепции бонапартизма в краткую, упрощенную формулу.

Не лишен учебник и прямых ошибок как фактического, так и теоретического характера. Так, совершенно неверно утверждение, будто бы начало белому террору на юге Франции во время реставрации было положено «бесподобной палатой». Белый террор начал свирепствовать на юге еще с июля 1815 г., т. е. более чем за два месяца до открытия «бесподобной палаты». Вождь английских чартистов О'Коннор — богатый помещик по социальному положению и адвокат по профессии — превращен на стр. 109 учебника в ирландского учителя. Очевидно, автор учебника смешал О'Коннора с другим чартистским вождем, О'Брайеном, который действительно был учителем.

Из изложения событий, имевших место после открытия французского учредительного собрания 1848 г. (стр. 130), явствует, что, по мнению автора, закрытие люксембургской комиссии послужило одной из причин народного восстания 15 мая 1848 г. в Париже. В действительности же люксембургская комиссия была упразднена только 16 мая, на другой день после майского восстания.

Образование в Англии парламентской группировки фритредеров-радикалов ошибочно отнесено автором к пятидесятым годам. Как известно, эта группировка создалась в парламенте еще в 1833 г., причем Кобден стал одним из лидеров парламентских радикалов с начала сороковых годов.

Автор учебника совершенно неосновательно приписал Бакунину инициативу резолюции Базельского конгресса о расширении власти Генерального совета. Вся известная документация по истории I Интернационала и в том числе опубликованные ИМЭЛ протоколы Базельского конгресса отнюдь не говорят в пользу такого утверждения. Наоборот, следует сделать вывод, что данное решение Базельского кон-

---

[1] И. Сталин «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 года, стр. 10. Партиздат. 1937.

[2] К. Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 131. 1940.

гресса представляло собой осуществление общей линии Маркса в организационном вопросе. Роль же Бакунина в данном случае свелась к тому, что он вынужден был присоединиться к этому решению, равно как и к другим решениям Базельского конгресса, так как чувствовал себя еще слишком слабым для открытого нападения на Маркса. В этом, как известно, он и сам откровенно признавался [1].

Наиболее досадный промах автор допустил в изложении и критике лассалевского «железного закона» заработной платы. Свою характеристику Лассаля и лассальянства (стр. 204—205) он заимствовал из учебника новой истории для вузов (том I, глава XXIX — «Воссоединение Германии», стр. 470—471; автор—Р. А. Авербух), лишь несколько сократив и местами перефразировав текст оригинала. Этот литературный прием привел к тому, что А. В. Ефимов пересадил в свой учебник вместе с чужим текстом также и чужую ошибку.

Оба учебника следующим аргументом опровергают лассалевский «железный закон»: «Размер заработка рабочего зависит не только от стоимости продуктов питания, одежды и т. п., необходимых рабочему для поддержания его жизни, но и от степени культурного и политического уровня рабочих, от их потребностей, от их организованности, способности сопротивляться капиталистам» (учебник для средней школы, стр. 204; учебник для вузов, стр. 471). Эта аргументация свидетельствует о слабом понимании вопроса.

Во-первых, Лассаль при определении размеров заработной платы принимал в расчет не только стоимость продуктов, необходимых для поддержания жизни, но и «содержание, требуемое привычками народа» [2].

Во-вторых, и это — самое главное, ошибка Лассаля состояла не в его убеждении, что рабочие при капитализме не в состоянии на длительный срок улучшить свое экономическое положение, а в том, что он вслед за Мальтусом, Рикардо и другими буржуазными экономистами объяснял это явление действием биологического фактора — быстрым размножением рабочего населения, вызывающим перенаселение. Он не понимал, что рост резервной армии пролетариата (относительное перенаселение) и вытекающее отсюда абсолютное и относительное обнищание рабочего класса представляют неизбежный результат процесса концентрации производства и изменения органического состава капитала. Иначе говоря, он не понимал основного закона капиталистического накопления.

Усматривая причину обнищания пролетариата не в законах развития капиталистического производства, а в законах народонаселения, Лассаль возводил нищету рабочих в закон природы и тем самым приходил к выводу, исключавшему возможность экономического освобождения рабочего класса при социализме.

Все это и послужило основанием для той блестящей критики лассалевского «железного закона», которую Маркс дал в «Критике Готской программы» [3]. Правда, развернуть в учебнике для 8-го класса научную критику «железного закона» — дело, трудно осуществимое. Но в таком случае предпочтительнее было бы вовсе обойти этот вопрос, нежели прибегать к заимствованным из вторых рук безграмотным суррогатам научного изложения.

Из всего сказанного явствует, что разбираемый учебник нельзя признать безукоризненным пособием для средней школы. Однако, подчеркивая это обстоятельство, мы вовсе не намерены отрицать те положительные качества учебника, которые были отмечены в начале этой заметки.

Мы не сомневаемся, что учебник несмотря на ряд допущенных автором промахов будет содействовать улучшению преподавания новой истории в нашей средней школе. Нужно надеяться, что указанные недочеты будут устранены в следующем издании учебника.

В. Бирюкович

---

[1] См. письмо Бакунина к Огареву от 28 октября 1869 года. «Письма Бакунина к Герцену и Огареву», стр. 340. СПБ. 1906.

[2] Лассаль «Гласный ответ». Соч. Т. II, стр. 67. Изд. Глаголева.

[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 279.

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ СССР

«Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I. *«Первый этап гражданской войны»*. Под ред. И. Минца, Е. Городецкого. М. 1940. 544 стр. 10 руб. (Секретариат главной редакции «Истории гражданской войны»).

Новый сборник документов, составленный секретариатом Главной редакции «Истории гражданской войны», посвящен периоду от Великой Октябрьской социалистической революции до VI съезда советов РСФСР (ноябрь 1917—ноябрь 1918 г.). Сборник — ценный вклад в дело изучения истории Великой социалистической революции и гражданской войны. Значительная часть материалов сборника публикуется впервые. Они извлечены из ряда центральных и местных архивов (Центральный архив Октябрьской революции, Центральный архив Красной Армии, Партархив ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), Центральный архив профдвижения, Центральный государственный исторический архив УССР и др.). Кроме того в сборнике опубликован ряд материалов секретариата «Истории гражданской войны» и перепечатаны материалы из редких и малодоступных теперь изданий 1917—1918 гг. (провинциальная пресса, белая пресса и т. д.). В текст сборника умело включены выдержки из работ Ленина и Сталина, дающие марксистский анализ исторических фактов. Каждая глава снабжена содержательным введением, ко многим из документов даны примечания, содержащие, как правило, интересный и ценный конкретно-исторический материал.

Заслуга составителей и редакции сборника в том, что они сумели показать гражданскую войну в неразрывной связи со всей историей нашей страны, с историей борьбы за победу социализма в СССР.

Вооруженная борьба с белогвардейцами и интервентами переплетается в этот период с творческой работой строительства первого в мире социалистического государства. Это было время, когда «нам приходилось строить под огнем» подобно каменщику, «который, строя одной рукой, другой рукой защищает тот дом, который он строит» [1].

В I главе — «Триумфальное шествие советской власти» — помещены интересные документы о создании органов разведки и карательных органов социалистического государства. Вот, например, выдержка из протокола заседания Совнаркома 20(7) декабря 1917 года: «Слушали: Доклад Дзержинского об организации и составе комиссии по борьбе с саботажем... Постановили: Назвать комиссию Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее» (стр. 30, 31).

Особенно много ценного и интересного помещено в сборнике по истории строительства Красной Армии (глава III и др.). Документы красноречиво показывают, как по призыву Ленина трудящиеся строили первую в мире армию социалистического государства. Документы убедительно говорят о том, что Красная Армия — детище народа. Поток добровольцев непрерывно пополнял в первые месяцы 1918 г. ряды бойцов Красной Армии. Добровольцы принимались лишь по рекомендации пролетарских организаций. Когда создавался костяк вооруженных сил страны социализма, особенно важен был строгий отбор наиболее стойких, преданных и сознательных борцов за власть советов. Большой интерес в этом отношении представляет директива товарища Сталина командованию оренбургским фронтом (декабрь 1917—январь 1918 г.): «Негодные элементы распускайте, годные сплачивайте в революционные отряды. Пусть будет меньше людей, но зато будут верные. Этот путь верный и можно итти по нему смело» (стр. 63).

Книга показывает, как Ленин и Сталин создавали Красную Армию. Не только в Петрограде и Москве, но и в других пролетарских центрах выковывались лучшие части Красной Армии, ставшие ядром ее. Об этом свидетельствует телеграмма председателя Луганского совета К. Е. Ворошилова от 3 марта 1918 г. Я. М. Свердлову, в которой он сообщает: «Организуется Красная Армия, готовая выступить по первому требованию куда укажут. Я остаюсь работать здесь в области, организуем отряд, с которым уйду на фронт» (стр. 111). Этот отряд стал ядром сначала V Украинской Красной Армии, командующим которой был К. Е. Ворошилов, потом X армии, под руководством И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова выросшей в дни героической обороны Царицына в грозную для врага силу.

В IV главе, посвященной «передышке» 1918 г., много интересных и ценных документов, рисующих борьбу за новую, социалистическую дисциплину на производстве. Здесь, например, приведены выдержки из «правил внутреннего распорядка» Брянского завода. Эти правила Ленин рекомендовал конференции национализированных металлообрабатывающих предприятий принять за образец «в интересах создания строгой

---

[1] И. Сталин «Три года пролетарской диктатуры». См. Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II, стр. 330. 1936.

трудовой дисциплины»[1]. Замечательно, что сами рабочие были застрельщиками борьбы за трудовую дисциплину, за новую, социалистическую дисциплину. По их инициативе созданы были рабочие товарищеские суды (см. стр. 135 и 139).

В одном из документов, исходящих от руководимого В. М. Молотовым Бюро Совнархозов Северного района, ярко выражена мысль о необходимости борьбы за повышение производительности труда. «Во имя защиты общепролетарских интересов,— говорится там,— необходимо поднять производительность труда, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к суровым репрессиям» (стр. 138).

Вся IV глава в целом показывает, как воплощались в жизнь ленинские идеи, как осуществлялся ленинский план приступа к социалистическому строительству.

Главы V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, посвященные гражданской войне в Поволжье, на Урале, в Сибири, Средней Азии, на Северном Кавказе, в Закавказье, на Украине, в Белоруссии, Литве, в прибалтийских республиках, на Дальнем Востоке и на Севере, рисуют картину борьбы народов нашей страны против интервентов и белогвардейцев. В двух главах (VI и X) читатель найдет замечательные памятники героической борьбы за Царицын под руководством И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова.

Очень много дает книга и для углубленного изучения VIII главы «Краткого курса истории ВКП(б)». Она показывает также, почему победила Красная Армия. В ней много ярких и убедительных документов, рисующих роль партии большевиков как руководящего ядра тыла и фронта. В книге показаны военные руководители нового типа и народные герои: Фрунзе, Ворошилов, Чапаев, Лазо, Щорс, Маркин и др.

Интересны письма Щорса, воззвание Маркина. Ярким свидетельством большевистской идейности и преданности делу революции являются такие документы, как предсмертное письмо народного комиссара туркестанской республики Н. Полторацкого: «Товарищи рабочие, — пишет он, — я приговорен военным штабом к расстрелу. Через несколько часов меня уже не станет, меня расстреляют. Имея несколько часов в своем распоряжении, я хочу использовать это короткое драгоценное время для того, чтобы сказать вам, дорогие товарищи, несколько предсмертных слов.

Товарищи рабочие, погибая от руки белой гвардии, я, как революционер, ничуть не страшусь смерти, ибо я верю, что на смену мне придут новые товарищи, более сильные, более крепкие духом, которые станут и будут вести начатое святое дело, дело борьбы за полное раскрепощение рабочего люда от ига капитала... Не давайте себя взять окончательно в руки контрреволюции, ибо тогда будет слишком трудно и опять потребуется много жертв» (стр. 300).

Ряд документов показывает работу в тылу белых армий замечательных большевиков, партийных и непартийных. Интересно извлеченное из партархива ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) письмо партийного работника из белогвардейского подполья в Сибири, помеченное 29 октября 1918 года. «Все рабочие,— говорится в нем,— жадно ждут восстания. В крестьянской среде настроения также ломаются в пользу советской власти. Прокатываются волной стихийные крестьянские восстания в Славгородском, Тюкалинском, Павлодарском,... Змеиногорском, Кузнецком и на всем Алтае, в Мариинском уездах... Теперь почти при каждом партийном комитете имеется военная организация как для работы в войсках, так и для организации рабочих боевых дружин» (стр. 349).

Много интересного дает глава XI—«Восстановление советской власти на Псковщине, Украине, в Белоруссии и Прибалтике». Во введении к главе приводятся выдержки из телеграммы Ленина от 9 ноября 1918 года. Ленин предлагал повести революционную агитацию в немецких оккупационных войсках за совместное выступление немецких солдат и красноармейцев против белых генералов на Дону и Северном Кавказе и на Украине. «Тогда,— писал Ленин,— мы вместе завоюем десятки миллионов пудов хлеба для немецких рабочих и отразим нашествие англичан»[2].

Немецкие солдаты обсуждали эту директиву Ленина. «На станции Беломестной, под Белгородом,— говорится во введении,— на трехтысячном митинге немцами было принято решение о совместном действии против Краснова. Командир Богунского полка Н. Щорс сообщал 13 ноября из Унечи, что приняты меры для выполнения ленинской директивы» (стр. 416).

В этой главе приведена телеграмма Н. Щорса, сообщающая, что немецкими солдатами обезоружены гайдамацкие отряды: «В селе Туросна наши повстанцы соединились с немецкими солдатами и довольствуются из одной кухни, поют интернациональный гимн» (стр. 427).

Документы XI главы рисуют освободительную войну с интервентами рабочих и крестьян Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии и ярко показывают всемирноисторическую роль Красной Армии как армии-освободительницы.

Во время беседы с товарищем Сталиным члены эстонской делегации сообщили, что в освобожденной от интервентов молодой советской республике «во всех безусловно учреждениях государственных и общественных слышен эстонский язык, то чего никогда не бывало. Видно, что советская власть... стала близкой и родной для эстонских масс» (стр. 454).

Крупным пробелом этой главы является отсутствие документов о борьбе против интервенции Антанты на Украине и в Крыму и о разложении французских и прочих войск интервентов.

Последняя глава сборника — «Советская республика—военный лагерь»—является замечательной иллюстрацией положения «Краткого курса истории ВКП(б)» о том, что «Красная Армия победила потому, что

[1] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 22. 1931.

[2] Ленинский сборник XXI, стр. 256.

советской власти удалось поднять весь тыл, всю страну на службу интересам фронта»[1].

В постановлении ВЦИК об образовании Совета рабочей и крестьянской обороны 30 ноября 1918 г. сказано, что решение ВЦИК от 2 сентября 1918 г. о провозглашении Советской России военным лагерем «должно быть ныне проведено во всех отраслях хозяйственной деятельности и государственного управления» (стр. 468). Для проведения в жизнь этого решения «Совету обороны предоставляется вся полнота прав в деле мобилизации сил и средств страны в интересах обороны» (стр. 468).

Вслед за этим документом приведена выдержка из протокола первого заседания Совета обороны 1 декабря 1918 г., в которой говорится: «Поручить тов. Сталину составить постановление Совета обороны о борьбе против областничества и о борьбе с волокитой» (стр. 469). Такое постановление было вскоре издано. Оно имело огромное значение для обеспечения строжайшей централизации, без которой победа в гражданской войне была не мыслима.

В. М. Молотов на пленуме Совнархоза Северной области призывал петроградских рабочих взяться за создание мощной оборонной промышленности. «Нужно,— говорил он,— взять на себя бремя организации военных работ... Если мы сделаем все от нас зависящее, победа советской республики обеспечена» (стр. 472).

В построении книги и в подборе документального материала сказывается большая, вдумчивая работа и хорошее знание эпохи. Следует отметить один недостаток структурного порядка — чехословацкий мятеж дан в двух главах—в главе V и в главе X (стр. 338).

Что касается археографической обработки текста, то здесь надо указать на одну «вольность». Редакция нигде не оговорила, является ли дата, помещаемая в заголовке документа, датой составления или датой публикации документа; не ясно, имеется ли она на самом документе или установлена редакцией. Это затрудняет пользование документами, особенно для историка-исследователя. В тех случаях, когда документ дается частично, следовало бы не ограничиваться заголовком «Из документа», а поставить многоточие в начале и в конце выдержки и отметить соответствующим образом сделанные купюры в тексте.

Иногда недостаточно ясен характер публикуемого документа: является ли он выдержкой из газеты, подлинной телеграммой или чем-либо другим. Так, на стр. 417 и 418 (док. № 472) дан текст-заголовок «Телеграмма Российской мирной делегации в Москву», а ниже: «Бюллетень № 27, 2 октября 1918 г... Из Орши сообщают...» Для читателя, конечно, неясно, что представляет собой публикуемый документ.

Вызывает недоумение публикация письма ЦК РКП(б) о работе в деревне 21 сентября 1918 г. по тексту газеты «Вооруженный народ» (номер от 24 сентября 1918 г.), подобного рода документы, конечно, следует печатать (если нет подлинника) по тексту центрального органа «Правда». В частности в данном случае мы располагаем не только текстом письма, опубликованным в «Правде» в № 203 от 21 сентября 1918 г., но и подлинником, сохранившимся в копировальной тетради Я. М. Свердлова. Он воспроизведен в книге Я. М. Свердлова «Избранные статьи и речи». М. 1939, на стр. 121—122. Сличение текста письма в рецензируемом сборнике с текстом, помещенным в названном сборнике статей и речей Я. М. Свердлова, обнаруживает, что в рецензируемом сборнике опущены два последних абзаца письма и допущен ряд других неточностей, в частности во 2-м абзаце. В примечании следовало бы оговорить, что автором является Я. М. Свердлов.

Редакция правильно дала текст «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа» (стр. 69), принятый III съездом советов, но в примечании она почему-то делает ссылку на XXII том Сочинений Ленина, где помещен совсем другой текст декларации, начинающийся словами: «Учредительное собрание». Следовало осветить историю документа. Почему-то в примечании не указано, что этот документ был разработан совместно Лениным и Сталиным, о чем красноречиво свидетельствует дошедшая до нас рукопись, в которой переплетаются ленинский и сталинский почерки.

В примечании на стр. 143, 144 декрет 28 июня 1918 г. назван декретом о «всеобщей национализации промышленности», тогда как этим декретом национализированы были главным образом крупные предприятия важнейших отраслей промышленности. Нет достаточной точности и в примечании на стр. 27 о составе ВСНХ, в примечании на стр. 135 конференция представителей металлообрабатывающих предприятий названа конференцией «металлургических» предприятий.

Желательно при выпуске следующих томов этой серии избежать подобного рода недочетов и неточностей. Выхода этих томов с нетерпением будут ждать все изучающие историю эпохи, открываемой победой Великой Октябрьской социалистической революции.

Д. Баевский

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 234.

БЕРЛИНСКИЙ Д. Ю. Ладо Кецховели в Киеве (к 35-летию со дня убийства. 1903 — 1938). «Студентські наукові праці». Збірник № 6 — істория, право, література. Випуск I Видання Київського Державного Університету ім. Т. Г. Шевченка. 1940.

Жизнь и деятельность пламенного революционера, замечательного большевика Ладо (Владимира Захариевича) Кецховели являются образцом для того поколения революционных марксистов, которые в конце 90-х годов прошлого столетия и в начале 900-х годов на своих плечах вынесли

тяжесть борьбы за партию нового типа — партию Ленина, партию большевиков. Сверстник товарища Сталина, вместе с ним строивший в Закавказье первые ленинские, искровские организации, Ладо Кецховели отдал свою молодую жизнь, всю, без остатка, борьбе революционного пролетариата. Выстрел тюремного стража оборвал в 1903 г. эту прекрасную жизнь. Но память о Ладо Кецховели, образ прекрасного большевика и сегодня вдохновляют молодые поколения большевиков на борьбу за окончательную победу коммунизма.

Благодаря работе тов. Л. П. Берия мы имеем превосходную биографию Ладо Кецховели. Кроме того издан сборник статей Ладо Кецховели (изд. 1938 г.). Статья тов. Берлинского Д. Ю. с чрезвычайно интересными данными о жизни Ладо Кецховели в Киеве помещена в недавно вышедшей книжке сборника научных трудов студентов Киевского государственного университета. Д. Ю. Берлинский разработал соответствующие дела в архивах Киевской духовной семинарии и киевского жандармского управления. Ладо Кецховели, как известно, был исключен из Тифлисской духовной семинарии за организацию (в конце 1893 г.) забастовки учащихся. Семинария была на месяц закрыта. По указу святого синода 87 учащихся были уволены без права поступления в другие учебные заведения. Ладо Кецховели в числе 27 других семинаристов предложено было покинуть Тифлис.

Но, видимо, по просьбе отца, священника Захария Кецховели, святейший синод смягчил свое решение и в июне 1894 г. разрешил Л. Кецховели вступить в любую семинарию, кроме Тифлисской. Ладо выбрал Киев. Началась деятельная переписка; в конце концов согласие ректора Киевской духовной семинарии было получено, и в сентябре 1894 г. Л. Кецховели поступает в Киевскую духовную семинарию. Ему было отказано в приеме в пансионат, и он поселился на частной квартире.

Воспитанники семинарии подвергались постоянной слежке в стенах семинарии, «недреманое око» рясофорных шпионов, конечно, не оставляло в покое учащихся и на частных квартирах. Помощник инспектора семинарии Ильяшевич при обыске обнаружил у Ладо Кецховели следующие запрещенные семинаристам книги: 1) сочинения Шелгунова в изд. Павленкова; 2) «Старые и новые этюды об экономическом материализме» Н. Кареева; 3) журнал «Русская мысль» за март 1896 г.; 4) неразрешенные в России «летучие листки», издаваемые «Фондом вольной русской прессы» в Лондоне под редакцией Ф. Волховского; 5) рукописную тетрадь «О покушении Веры Засулич на убийство петербургского градоначальника генерал-адъютанта Трепова».

Это было 18 марта 1896 г., в 7 часов вечера. Как только инспектор семинарии узнал об этой находке, он приказал двум своим помощникам произвести дополнительный обыск; они нашли под матрацем кровати еще ряд нелегальных изданий и, в частности, две тетради, переписанные рукою Л. Кецховели.

Л. Кецховели тотчас же был вызван на допрос. Он заявил, что нелегальную литературу получил от какого-то Петра Алексеевича. Конечно, это было вымышленное имя: ни фамилии, ни каких-либо других данных об этом мифическом Петре Алексеевиче Л. Кецховели не сообщил.

Делу дали ход. 3 апреля Л. Кецховели был исключен из Киевской духовной семинарии. Ректор семинарии 9 апреля 1896 г. лично посетил начальника киевского жандармского управления генерала Новицкого и познакомил его с делом Кецховели. На другой день, 10 апреля 1896 г., Л. Кецховели был «для пресечения ему способов уклониться от суда и следствия заключен под стражу в Киевскую тюрьму». В киевской тюрьме Л. Кецховели находился в 11-й камере. К делу был привлечен, хотя и не арестован, также Елевферий Абесадзе, принимавший участие в переписке тех двух тетрадей, что были отобраны при обыске у Л. Кецховели.

Два месяца Л. Кецховели просидел в тюрьме. 26 июня 1896 г. дознание было закончено и Л Кецховели решено было выслать на родину, в деревню Тквиави, Горийского уезда, Тифлисской губернии, куда он вскоре и был отправлен с проходным свидетельством.

Эти новые данные о пребывании Л. Кецховели в Киеве в 1894 — 1896 гг. дополняют новыми чертами светлый, мужественный образ пламенного большевика.

В сборнике научных трудов киевских студентов помещены и еще две работы: 1) «Некоторые материалы об откликах ленских событий в Киеве (по архивным данным)» того же автора и 2) «Про деякі питания князівської влади в Київській державі» І. К. Вдовиченко.

Можно только приветствовать опубликование таких студенческих работ.

Ем. Ярославский

КУДРЯВЦЕВ Ф. История бурят-монгольского народа. Изд. АН СССР. 1940. М.-Л. 240 стр. 12 руб. (Бурят-монгольский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории).

Книга Ф. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа» — хорошая научно-популярная работа, дающая в основном ясное представление об этапах исторического развития одного из очень значительных народов нашего Союза и отвечающая, как правильно отмечено в предисловии, очередной задаче советской историографии — создать историю всех народов, входящих в состав нашего Союза. Автор сумел в достаточно сжатой, но живой форме показать историю бурят-монгольского народа с древнейших времен до средины XIX века.

В своей книге Ф. Кудрявцев дает правильную концепцию. К достоинствам рецензируемой работы надо отнести также и то, что в ней с большой определенностью устранен ряд ошибочных исторических построений, которые и до сих пор еще не вполне изжиты в специальной литературе. К таким ошибочным построениям принадлежит мнение об особом «облавном периоде» в истории бурят, так называемом периоде «зэгэтэ-аба» (общественная охота или облава). А. П. Окладников в книге, вышедшей в 1937 г., говорит об «эпохе зэгэтэ-аба» [1]. Поэтому очень уместны краткие, но определенные критические замечания тов. Кудрявцева, приводящие к совершенно верному выводу, что «зэгэтэ-аба» являлась не особой эпохой в социально-экономическом развитии, а одним из составных элементов хозяйственной жизни, причем в разные периоды исторического развития удельный вес облавной эпохи изменялся (стр. 10—12). Так же уместна и убедительна полемика Ф. Кудрявцева с буржуазными националистами, которые «затушевывали классовое расслоение и классовую борьбу в бурятском обществе» (стр. 28).

К достоинствам книги Ф. Кудрявцева нужно отнести также то, что в ней хорошо показаны две стороны русского проникновения в Бурятию. Автор раскрывает с достаточной полнотой все отрицательные стороны царского завоевания: эксплоатацию коренного населения со стороны царской казны и администрации, притеснения со стороны служилых людей и т. д., а также рисует освободительную борьбу, которую вел против эксплоататоров бурят-монгольский народ. Но наряду с этим он с полной убедительностью показывает и положительные стороны русской крестьянской колонизации, способствовавшей подъему производительных сил края и развитию среди местных жителей более высоких форм хозяйственной жизни (стр. 90, 104—106). Особенно интересны в этом отношении сведения о культурной роли декабристов в Бурятии (стр. 225—229).

Такая постановка вопроса тем более заслуживает внимания, что нередко можно встретить в литературе одностороннюю оценку результатов присоединения того или иного народа к России, когда либо совершенно замалчивается известное прогрессивное значение русской колонизации либо, наоборот, колониальная политика царизма идеализируется и ставится под сомнение законность освободительной борьбы покоренных народов.

Очень ценной стороной рецензируемой книги является то, что в ней дается история бурят-монгольского народа не только в XVII столетии, на котором обычно останавливаются исследователи, но дается исторический обзор XVIII в. и половины XIX в., о чем и в старой и в советской литературе почти совершенно нет исследований.

[1] Окладников А. «Очерки по истории западных бурят-монголов», стр. 316. Ленинград. 1937.

Указанные положительные стороны работы тов. Кудрявцева делают ее полезным пособием для каждого занимающегося не только специально историей Сибири, но и историей СССР в целом.

Для своей работы «История бурят-монгольского народа» Ф. А. Кудрявцев, по его словам, использовал, «кроме старых и новых печатных трудов... неопубликованные материалы, хранящиеся в архивах Бурят-Монгольской АССР, Иркутской и Читинской областей; частично использовались также отдельные документы центральных архивохранилищ» (стр. 3). Однако не только неизданный, но и напечатанный материал, как мне кажется, использован недостаточно полно. Так, из книги А. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов», на которую автор ссылается несколько раз, можно было бы при более детальном ее использовании взять гораздо больше данных о хозяйстве и общественном строе бурят-монголов. Архивный материал, привлекаемый автором, носит случайный характер. Указанным и объясняется то, что некоторые разделы книги разработаны неполно, в частности разделы об общественном строе бурят в XVII и XVIII веках. Так, Ф. Кудрявцев ограничивается традиционным указанием, что буряты в XVII в. делились на три больших племени: булагатов, эхиристов и хоринцев (стр. 4—5), указанием, основанным на бурятских легендах. Однако источники XVII в. знают, кроме этих племен, еще ряд других, как то: ашахабаты, икинаты, готолы и другие [2]. Следовало бы также сказать о местах поселений отдельных бурятских племен. В книге (стр. 144, сл.) приводится официальное деление бурят в первой половине XIX в. на территориальные группы без всякой попытки выяснить племенной состав этих групп. Между тем наряду с отдельными племенными названиями, известными еще с XVII в. (хоринцы), большинство приводимых в этом месте книги названий географические и, следовательно, определяют местожительство, а не племенной состав той или иной части бурятского народа. Автор не делает даже попытки выяснить, не скрываются ли под территориальными подразделениями остатки старинных племенных подразделений или же к началу XIX века эти племенные подразделения совершенно уже отмерли.

Точно так же мало освещен вопрос о родовой организации у бурят. Как известно, в русских источниках XVII и XVIII вв. (и даже отчасти еще в XIX в.) под названием «род» подразумевались самые разнообразные понятия: племя, род в точном смысле слова, семья. Сведения о бурятском роде XVII—XVIII вв. в книге (стр. 27) очень общи и не дают полного о нем понятия. Перечисляя на страницах 120—121 «ступени местного управления в бурятских ведомствах», автор даже не ставит вопроса, в

[2] См. Токарев С. «Расселение бурятских племен в XVII в.». «Записки Бурят-монгольского института языка, литературы и истории». Вып. 1-й. 1939.

какой мере «улус», «холбон» и «поколение» могут быть отождествлены с действительными родоплеменными подразделениями у бурят, хотя бы находившимися в это время в состоянии разложения. Не ставит он этого вопроса и в отношении «улусов», «стойбищ» и «наслегов» 1763 г. (стр. 131). Нет и попытки объяснить происхождение «сугланов» (съездов) и существовавших «в родовых объединениях» «мирских сугланных изб». Ф. Кудрявцев ограничивается глухим замечанием на стр. 132: «При раскладке ясака и организации управления были использованы родовые пережитки. Род являлся основной административной единицей, за которой закреплялись ясачные плательщики» и т. д. Необходимо было бы конкретно выяснить, в чем заключались те родовые пережитки, которые еще существовали у бурят-монголов в конце XVIII в., каков был состав «рода», официально признанного царской властью, какие родовые пережитки и как использовались царизмом для организации управления бурят-монгольским народом. Тогда и общественный строй буряг-монгольского народа и видоизменения, которым он подвергался, стали бы яснее для читателя.

Одним из неудачных разделов книги является раздел о шаманстве (стр. 28—30). В основу этого раздела автор положил исследование известного бурятского ученого Д. Банзарова о «черной вере или шаманстве у монголов», которое для своего времени было очень крупным достижением. Однако сейчас наши требования к критике фольклорного материала возросли. Сам Ф. Кудрявцев показал хороший образец критического подхода к бурятскому эпосу, когда отметил ряд поздних в нем наслоений (стр. 37, сл.). С такой же осторожностью следовало бы оперировать и с шаманскими представлениями, существовавшими в XIX в., на которые, несомненно, оказали влияние религиозные верования соседних народов и в первую очередь ламаизм. Очень наивно звучит повторяемое автором утверждение Банзарова, будто в основе культа онгонов (душ умерших) первоначально лежало «простое почтение к предкам» (стр. 29). Конкретные сведения о религии бурят, приводимые автором, явно недостаточны.

Значительно более разработаны разделы, посвященные хозяйству бурят-монголов в различные эпохи. Но и здесь некоторые вопросы заслуживали более углубленного рассмотрения, как то: о взаимоотношениях коневодства и скотоводства в хозяйстве бурят. Как известно, коневодство часто предшествует разведению рогатого скота. Можно ли проследить у бурят в этом отношении хозяйственную эволюцию, подобную той, которая наблюдается у забайкальских тунгусов, или же у бурят в этом отношении были особые условия, которые способствовали сохранению коневодства в Забайкалье и разведению рогатого скота и т. п. в западных областях, как об этом пишет автор на стр. 9? Следовало бы уточнить и вопрос о времени появления у бурят сенокошения; автор не совсем правильно относит его появление к концу XVII в. (стр. 109), хотя сведения о нем имеются и от более раннего времени. Вопрос этот представляет большой интерес, от его разрешения зависит решение вопроса о том, насколько высоко стояло бурятское скотоводческое хозяйство в момент появления русских в Бурятии.

Таким образом, ряд существенных вопросов истории бурят-монгольского народа не нашел исследовательской разработки в книге Ф. Кудрявцева, но это не лишает ее значения полезного пособия по истории Сибири.

Отмечу некоторые небольшие фактические неточности: «беломестных казаков» (стр. 69) едва ли правильно считать отставными казаками—это были служилые люди, которые вместо жалованья получали участки земли, занимались в мирное время сельским хозяйством, а в случае опасности должны были выходить с оружием на защиту границ. «Мулянская земля» (стр. 69), вероятно,— не мусульманская земля, а мултянская, т. е. молдавская. Бумага красная — вряд ли кумач (стр. 70), который был известен и в XVII в. под теперешним названием кумача; имеется, вероятно, ввиду бумага хлопчатая, т. е. вата. Есть некоторые неточности в описании ясака. «Подростки» платили не половину оклада (стр. 57), а начинали с минимального оклада (одна шкурка), который в течение последующих лет постепенно повышался, пока не достигал оклада взрослого ясачного человека. За аманатов не выплачивался «выкуп» (стр. 59): их отпускали при условии замены другими, не менее влиятельными в племени аманатами. Вряд ли правильно говорить о «монополистическом характере торговли» в XVII веке. Утверждение, будто «торговля сделалась монополией царского правительства», не соответствует действительности: торговые операции царской казны были очень невелики, торговля же частных лиц была лишь несколько ограничена (например обязанностью продавать наиболее ценные меха казне). Впрочем, автор довольно непоследовательно рядом с «агентами царской власти» ставит и купцов. Отмеченные автором черты характерны вообще для колониальной торговли. Все эти и подобные незначительные неточности желательно было бы исправить при втором издании, которого книга, несомненно, потребует.

Неприятное впечатление производит обилие опечаток, несколько удивляющее в книге, напечатанной издательством Академии наук. На стр. 17, например, во втором абзаце снизу, напечатано «1690 г.» — должно быть «1609 г.»; на стр. 25 — «эрины» вместо «арины»; на стр. 44, 4-я строка сверху, — «жертвовали», когда должно быть «шертовали» (присягали); на стр. 52, 3-я строка снизу,— «за тое кровавую саблю лизали», должно быть «да тое кровавую саблю лизали»; на стр. 68 «винокурки» вместо «винокурни» и т. д. Не выдержана и транскрипция собственных имен. Бурятский князец Онлан, упоминаемый неоднократно под этим именем, на стр. 78 назван Оло-

ном. На стр. 32 названа шаманка Асой хан-удаган, и на этой же странице она фигурирует под именем Асуй-хан.

Книга иллюстрирована. Очень интересны рисунки, воспроизводящие наскальные изображения старинных предметов материального быта бурят. Хотелось бы в книге видеть побольше таких документальных иллюстраций, за счет хотя бы довольно слабых иллюстраций к бурятскому эпосу или репродукции тоже технически неудачно выполненной картины художника Окладникова.

С. Бахрушин

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

BENNET H. S. Life on the English Manor.
БЕННЕТ X. С. Жизнь английского поместья.

Недавно в Англии появилась весьма интересная книга. Она вышла из кружка молодых медиевистов при Кэмбриджском университете, подготовивших и опубликовавших под руководством Coulton'a целую серию монографических исследований по истории главным образом средневековой деревни. Рецензируемая книга принадлежит перу Беннета и представляет собой очерки, посвященные внутренней жизни населения английского поместья средних веков. Она вышла под характерным для социально-политических тенденций автора заглавием — «Life on the English Manor». Это заглавие помогает Беннету отмежеваться от обычных в литературе попыток чисто юридической интерпретации манориального режима. Намереваясь исследовать хозяйственную и социальную жизнь на территории манора, автор справедливо обвиняет Мэтланда и Виноградова в том, что они ограничились лишь общими юридическими определениями крестьянской свободы и несвободы, оставив вне своих исследований экономическое рабство, хотя оно столь часто сочеталось в положении крестьян с их юридической свободой (стр. VII). Беннет ставит задачу — восполнить своей работой этот пробел классической историографии манора.

В прологе (стр. 1—26) дана общая, но яркая картина средневековой английской деревни в ее внешних проявлениях. Затем, после неуместной главы I (стр. 29—37), посвященной сельской церкви, автор дает в главе II (стр. 38—62) характеристику манора и его агрикультуры, ограничивая хронологически свою тему периодом 1150—1400 гг., т. е. временем наибольшего расцвета манориальной системы. Опасаясь упрощения картины феодальной деревни (стр. 60), автор принимает поправки новейшей литературы по вопросу о географическом распространении «типичного манора» и степени его социально-экономического господства, направленные против тезиса старой историографии об общей манориализации английской деревни XII—XIV веков. При этом исследование Е. А. Косминского об английской деревне XIII в. рекомендуется вниманию читателей как наиболее капитальное решение проблемы. Наоборот, в характеристике поземельных распорядков и манориальной агрикультуры автор стоит на позициях старой общинной теории и приводит много полноценных фактов, взятых из монографий и источников, свидетельствующих о многочисленности пережитков общинного земледелия и господстве общинного землепользования в английской деревне времен даже развитого феодализма, о широком распространении системы открытых полей, принудительных севооборотов и тому подобных явлений.

В следующей, III главе (стр. 63—72) Беннет анализирует социальный состав населения манора и в соответствии со своей задачей подчеркивает широкое распространение экономической зависимости даже среди прослоек юридически свободного крестьянства, поскольку «свободный» крестьянин, имевший иногда лишь 2—3 акра земли, сказывался часто в более тяжелом экономическом положении, чем его крепостной сосед, пользовавшийся целой виргатой (стр. 63). Среди крепостных крестьян манора автор отмечает крайнее разнообразие земельных держаний и выдвигает на первый план характеристику социально-экономических условий существования коттеров, справедливо обвиняя историографию в игнорировании многовековой истории деревенской нищеты. Подробное рассмотрение хозяйственной деятельности коттеров является весьма ценным отделом книги, а реабилитация истории деревенской бедноты в качестве темы научных исследований достойна похвалы. При этом Беннет держится той правильной точки зрения, что коттеры являлись своеобразным резервом рабочей силы феодального поместья и в хозяйственном маневрировании манориальной администрации играли выдающуюся роль, давая ей возможность пополнять состав дворовых, получать в форме оброков ремесленные изделия важного хозяйственного значения, производить починку инвентаря домашними средствами и, главное, своевременно выполнять неотложные сеноуборочные и хлебоуборочные работы в соответствии с капризными требованиями сезонности производства. Коттеры кроме того выполняли самые разнообразные работы в качестве плугарей, пастухов и часто получали весьма специфические функции посыльных, их обязывали ловить воров и охранять арестантов. Столь разнообразное и специальное использование манором коттеров, естественно, не укладывалось в узкие рамки обычных крепостных форм эксплоатации крестьянства, и поэтому коттеры очень рано стали переводиться на положение оброчников, плательщиков денежной ренты, а их хозяйственные отношения с манориальной администрацией начали приобретать форму найма. В их среде раньше всего стали подтачиваться основы натурально-крепостной организации манора. Коттеры часто становились инициаторами всякого рода агрикультурных начинаний (стр. 68), так как они меньше других

крестьян и самих лордов были связаны традицией и могли свободнее экспериментировать на своих земельных участках (стр. 77—96).

Глава IV, посвященная описанию годового цикла сельскохозяйственных работ в крестьянском хозяйстве, дает детальную характеристику крестьянской агрикультуры и последовательной смены на протяжении года хозяйственных забот крестьянской семьи. В книге сделана попытка определения годового хлебного баланса виргатария, что также достойно внимания. Автор приходит к выводу, что хотя у виргатариев и имелись излишки хлеба, допускавшие продажу (в сумме 49 бушелей на семью), но держатели 30 акров оставались меньшинством населения манора, своеобразной крестьянской «аристократией», а десятки тысяч малоземельных крестьян (коттеров, крофтеров, держателей долей боваты и т. д.) имели земельные участки, не достигавшие ¼ виргаты (стр. 89). Этой части населения манора приходилось вести повседневную борьбу за существование, она находилась на грани голода и нищеты.

В V и VI главах своей работы (стр. 99—149) Беннет рисует картину многообразных и обременительных повинностей населения манора. Центральное место в этих главах отведено вилланам, характеристике их барщинных повинностей и оброчных платежей. В них отмечено множество фактов, свидетельствующих о гибкости барщинной системы манора, сочетавшей фиксированную еженедельную барщину с произвольными, так называемыми помочами (lovebon...) (стр. 106—108), во время которых для срочных работ по хлебоуборке на домениальные земли выгонялось все население деревни, зависимой от манора. Автор правильно отмечает, что барщина была самой главной повинностью крепостных (стр. 102), и вполне основательно отвергает точку зрения П. Г. Виноградова, считавшего традицию нейтральным элементом отношений между лордом и вилланами, отводившего обычаю роль третейского судьи в делах манориальной жизни, а лорду — роль высокого покровителя этой своеобразной конституции поместья (стр. 100). Наоборот, обычай манора складывался в ходе повседневной борьбы между лордами и крепостными, часто борьбы длительной, доходившей в некоторых местах до настоящих восстаний (стр. 102). При характеристике баналитетов автор вполне законно акцентирует на их экономических функциях, указывая на то, что лорды использовали мельницы для своего обогащения (стр. 129) и для устранения конкуренции сделали их посещение обязательной повинностью крепостных, штрафуя уклоняющихся и конфискуя ручные мельницы крестьян (стр. 130—131).

Глава VII содержит богатый фактический материал по истории манориальной администрации; в ней неоднократно отмечены столкновения крестьян с бэлифами, занимавшимися вымогательством (стр. 164) в качестве носителей манориального произвола.

Книга заканчивается главой XI (стр. 277—316), трактующей о путях развития крестьянской свободы. Автор незаслуженно игнорирует великое историческое значение крестьянского восстания 1381 г., но правильно отмечает первостепенную роль в ликвидации крепостничества таких своеобразных форм классовой борьбы того времени, как бегство вилланов в города (стр. 307) и др.

В целом книга производит весьма благоприятное впечатление и дает основание для важных, с нашей точки зрения, выводов.

Ф. Полянский

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

HOPE-JONES ARTHUR. Income Tax in the Napoleonic Wars. Cambridge. University press. 1939, X, 145 p. *ХОП-ДЖОНС А. Подоходный налог в период наполеоновских войн.*

На долю автора рецензируемой книги выпала редкая удача: ему посчастливилось обнаружить совершенно новую группу очень важных материалов по экономической истории Англии начала XIX века. Речь идет об открытых в архивах английского казначейства документах, относящихся к сбору подоходного налога, взимавшегося в Англии с небольшим перерывом в период 1799—1815 годов. Этот налог был столь непопулярен в Англии, что немедленно по окончании войны с Францией был отменен; более того, по предложению Брума, все материалы, относящиеся к сбору этого налога, были уничтожены. Легенда говорит, что все приходные книги, расписки и декларации подоходного налога были сожжены рукой палача и сам Брум подбрасывал в огонь эти бумаги. Это обстоятельство, казалось, лишило историков весьма важного материала, необходимого для знакомства с экономической историей Англии этого периода; исследователи давно примирились с тем, что эти документы исчезли навсегда.

Находка Хоп-Джонса показала, что они не исчезли. Благодаря счастливой случайности они сохранились: копии всех документов этого рода направлялись по традиции в канцелярию верховного казначея (King's remembrancer). Оттуда они позже в общем порядке попали в английский публичный архив (Public record office), где и были обнаружены автором. Характеризуя эти документы, автор делит их на три группы.

Первая и самая значительная по объему группа — это сводки цифр налогового обложения и сборов по приходам; эти материалы, охватывающие, почти без исключения, все районы Англии и Уэльса, содержат полные данные об имени, занятии, доходе плательщиков, сведения о сборах и недоимках, а также цифры административных расходов по сбору налога.

Вторая группа документов — отчеты сборщиков по графствам и более мелким

округам, на которые были разделены графства для удобства взимания налогов; эти отчеты адресованы центральной палате по сбору налогов (Commissioners for the Affairs of the Taxes) и главному контролеру (Auditor general); в этих отчетах указаны общие налоговые доходы по округам, уточнены сведения о суммах административных расходов, о суммах, внесенных в банк, и т. д.

Несколько менее полно представлены документы третьей группы; сюда относятся отчетность главного сборщика налога, а также переписка между секретарем палаты и заместителем главного контролёра.

В целом эти материалы представляют огромный интерес для исследователя. Они должны пролить новый свет на экономическое развитие Англии в первые 15 лет XIX века.

Две первые главы книги Хоп-Джонс посвящает истории возникновения подоходного налога и его эволюции; три главы автор отводит описанию организации сбора этого налога и характеристике лиц, занятых этим делом, их положения, оплаты и т. д. Последняя глава рисует недовольство, которое господствовало среди имущих классов в связи с этим налогом.

Только предпоследняя глава несколько, хотя и весьма скупо, освещает вопрос о том, что могут дать нам новые материалы, найденные Хоп-Джонсом. Автор на основании данных о поступлениях подоходного налога по некоторым графствам рисует картину экономического развития нескольких районов страны, которые он считает типичными для тогдашней Англии: восточного Ланкашира, западного района Йоркшира, Уорикшира, Корнуоллса, Норфолка, Кембриджшира, Миддлсекса, Вестминстера и лондонского Сити. Материалы по этим районам, приводимые автором, содержат интересные данные, уточняющие наши представления о ходе промышленного развития Англии в условиях незавершенной промышленной революции.

Подоходный налог, введенный Питтом, диференцировался по видам дохода: отдельно доходы от промышленной деятельности, отдельно от владения землей. Эта система так называемых «шедул» (schedules) позволяет теперь довольно точно установить удельный вес отдельных отраслей в экономике той или иной области, подметить из года в год намечающуюся тенденцию. Так например материалы, приведенные автором, рисуют нам тогдашний Кембриджшир. Это один из самых отсталых районов современной Англии. Любопытно, что таким он был и в начале прошлого века. Отсутствие дорог затрудняло сообщение внутри графства и вне его. Значительную часть земель в графстве занимали болота, осушение которых только начиналось. Земля в большинстве приходов Кембриджшира в этот период оставалась еще не огороженной.

Подобные экскурсы автора в экономическую историю Англии на основании данных подоходного налога представляют значительный интерес. Однако они занимают, к сожалению, лишь незначительную часть книги: основное внимание автора обращено на анализ учреждений, взимавших налог, и на технику взимания. Главы, посвященные истории налога, могут послужить ценным введением в изучение этих документов. Что касается других глав, то они должны, по мысли автора, осветить эволюцию английских налоговых учреждений, доказать преемственность английской правительственной системы, продемонстрировать органический рост английской государственной машины и прежде всего подчеркнуть гениальность Вильяма Питта Младшего, который созданием налоговых учреждений своего времени подготовил все последующее развитие этой отрасли английского государственного управления.

Такова в общих словах идея автора книги.

Н. Ерофеев

SEIJI HISIDA. Japan among the Great Powers. New York — London. 1940. 405 p.

СЕЙДЗИ ХИСИДА. Япония среди великих держав.

Рецензируемая книга представляет собою переработанный и значительно расширенный труд того же автора, вышедший в 1905 г. под общим заголовком «International Position of Japan as a Great Power» («Международное положение Японии как великой державы»).

Автор книги Сейдзи Хисида является наиболее информированным и широко известным за пределами Японии специалистом в области международных отношений. На протяжении многих лет он находился в тесном контакте с министерством иностранных дел Японии, имел доступ к архивам и редактировал официальные публикации по корейскому и маньчжурскому вопросам.

С точки зрения источников, использованных автором, книга С. Хисида на первый взгляд производит впечатление монументальной научной работы. Помимо обширной американской и европейской литературы автор использовал некоторое количество японских источников, обычно малодоступных иностранным исследователям. Научный аппарат книги включает в себя большое число монографий, мемуарной литературы, биографических очерков японских государственных деятелей, публикаций и т. п. Однако при более внимательном изучении источников обращает на себя внимание невероятная скудость ссылок на неопубликованные японские архивные материалы. Здесь автор проявляет изумительную «скромность» и осмотрительность. С. Хисида цитирует архивные документы крайне экономно, причем приводятся лишь те места из них, которые рисуют действия Японии в неправдоподобно выгодном свете.

В небольшом введении автор пытается определить место и роль Японии в концерте великих держав, затем в девяти главах дает очерк истории внешних сношений Японии начиная с древнейших времен и

кончая нашими днями. Первая глава знакомит читателей с особенностями географического положения Японии, со спецификой императорской власти и ролью правительства. Говоря о географическом положении Японии и ее населении, С. Хисида выдвигает на первый план несостоятельную, с научной точки зрения, теорию абсолютного перенаселения японских островов и угрожаемое положение самой Японии. Эта мысль красной нитью проходит через всю книгу в качестве оправдания японской экспансии в Восточной Азии. Глава вторая, в которой излагается история внешних сношений Японии с 33 г. до нашей эры до 1638 г., не представляет особого интереса. Заслуживает внимания лишь описание походов Хидеоси с целью завоевания Кореи и Китая (1587—1598 гг.). Эта часть книги значительно уступает работам таких японских и иностранных авторов, как Иоси Куно, Такекоси, Мардок, Бринкли и другие.

В главе третьей дается описание периода установления Японией нормальных дипломатических отношений со всеми странами мира (1853—1895 гг.). К числу важнейших событий, описываемых в этой главе, относятся открытие Японии в 1853 г., подписание японским правительством неравноправных договоров, революция Мейдзи 1868 г., война с Китаем 1894—1895 гг. и ликвидация Японией неравноправных договоров.

В этой главе, как и в предыдущей, автор весьма далек от объективности.

Обрушиваясь на «бесчинства» китайцев в Корее в 1895 г., С. Хисида ни одним словом не обмолвился об участии японского посла в Сеуле виконта Миура в государственном перевороте и убийстве корейской королевы. Упоминая о заключении японо-китайского договора о торговле и дружбе (1896 г.), автор эпически повествует, что, по условиям договора, «консульская юрисдикция Китая в Японии была уничтожена, в то время как в Китае японцы сохранили таковую» (стр. 80).

Четвертая глава охватывает период с 1896 по 1905 год.

Здесь автор пытается доказать, что на протяжении целого десятилетия — с 1894 по 1904 г.—Япония придерживалась миролюбивой политики и занимала оборонительную позицию по отношению к агрессивным европейским государствам, стремившимся подчинить себе весь Китай и чуть ли не Японию. Отсюда и русско-японская война 1904—1905 гг. преподносится автором как война оборонительная со стороны Японии.

Но это утверждение невольно опровергается самим же автором, когда он говорит о переговорах Японии с Англией в 1898—1902 гг., закончившихся подписанием англо-японского военного союза. Стараясь доказать «миролюбие» Японии и отсутствие у нее каких бы то ни было завоевательных планов, Хисида приводит мирные условия, сформулированные князем Кацура еще в октябре 1904 г., в которых, между прочим, говорится об особых интересах Японии не только в Корее и Маньчжурии, но и в Приморской области России!

Не выдерживают никакой критики и данные автора о соотношении вооруженных сил России и Японии накануне войны. Хисида стремится убедить читателей, что против Японии с самого начала войны сражалась чуть ли не вся русская армия. Совершенно смехотворны утверждения, что русский военный флот был в два раза больше японского.

Чрезвычайно любопытны признания Хисида о положении Японии в разгар войны. Уже 18 апреля 1905 г., т. е. вскоре после мукденского сражения, японское правительство обратилось через своего посланника в США к президенту Рузвельту с просьбой позондировать возможности мира. 31 мая 1905 г., три дня спустя после цусимского боя, японский министр иностранных дел Комура официально обратился к Рузвельту с просьбой о посредничестве в мирных переговорах. Когда 28 августа 1905 г. мирные условия обсуждались японским правительством в присутствии императора, за немедленное заключение мира высказались начальник штаба действующей армии генерал Кодама и морской министр адмирал Ямамото. Причины подобной поспешности заключались не только в экономическом истощении Японии. Хисида пишет: «...хотя Япония и одержала крупные победы на суше и на море, тем не менее к концу войны ее военное положение коренным образом отличалось от того, что имело место десять лет назад, во время японо-китайской войны. Тогда японская армия имела и силы и возможность атаковать столицу Китая Пекин, что и вынудило Ли Хун-джана приехать в Симоносеки для мирных переговоров. Военная обстановка отличалась также и от франко-прусской войны, когда князь Бисмарк, опираясь на германскую армию, продиктовал Франции мир у ворот Парижа» (стр. 155). Таким образом, автор признает, что Япония не могла добиться в 1905 г. такого положения, когда бы сопротивление России стало невозможным с военной и финансовой точек зрения.

Говоря о портсмутском мирном договоре, Хисида приводит всего 7 статей договора из 15, цитируя лишь те места, где речь идет о правах Японии. Все, что касается обязательств Японии, зафиксированных в портсмутском договоре, автор опускает.

Много неточностей, искажений и замалчиваний можно обнаружить и в последующих главах.

Аннексия Кореи в 1910 г. представлена как акт благодеяния по отношению к «простодушным и отсталым корейцам, которые не смогли оценить этого и протестовали против установления японского протектората» (стр. 174). Вступление Японии в войну против Германии 23 августа 1914 г. автор объясняет благородным стремлением японского правительства выполнить свои союзнические обязательства в отношении Англии. Японский ультиматум Китаю весной 1915 г. Хисида характеризует как нормальную дипломатическую процедуру. Правда, кое-где автор говорит довольно откровенно. Когда союзники обратились в 1916 г. к японскому правительству с просьбой поддержать их нажим на Китай с целью вовлечь последний в войну с Германией, японский министр иностранных дел Иссин

«...категорически отклонил этот план, заявив, что Япония не может равнодушно относиться к созданию боеспособной китайской армии, необходимой для подлинного участия в войне. В равной мере Япония не может спокойно созерцать развязывание экономической самостоятельности четырехсотмиллионного народа» (стр. 223).

Совсем смехотворными выглядят попытки автора оправдать союзническую интервенцию в Сибири в 1918 г. тем, что на Дальнем Востоке Японии и Антанте якобы угрожала «советско-германская комбинация».

Более или менее добросовестное изложение событий можно встретить лишь в главе седьмой, где описывается внешняя политика Японии в период между Вашингтонской конференцией и оккупацией Маньчжурии (1922—1930 гг.), хотя и здесь имеется немало погрешностей, не говоря уже о замалчиваниях. Зато две последние главы (восьмая и девятая), посвященные истории последнего десятилетия, представляют собой чистейшую пропаганду. Правда, это пропаганда тонкая, завуалированная, облеченная в псевдонаучные покровы, но это все же пропаганда, стремящаяся оправдать и представить в розовом свете внешнюю политику Японии в период маньчжурского кризиса 1931 г. и японо-китайской войны 1937—1940 годов.

Книга Хисида имеет и ряд достоинств. Известный интерес представляет раздел об индустриальной мощи Японии. Весьма любопытны данные о японской помощи союзникам в первую мировую войну.

Даже две последние главы, наименее ценные с научной точки зрения, имеют, по крайней мере, то достоинство, что дают в систематическом изложении официальную версию внешней политики Японии за последние десять лет.

К. Ющак

АНДРЕ МАРТИ. Восстание на Черном море. Перевод Э. Шлосберг, под ред. Б. Лавренева. Военмориздат. 1940. 391 стр. 8 р. 20 к.

Ценность и значимость этой книги определены уже именем ее автора и темой его работы.

Верный сын трудовой Франции, лучший представитель французского рабочего класса и его боевых революционных традиций, Марти своей мужественной борьбой на передовых линиях фронта классовой войны завоевал себе любовь и уважение трудящихся не только на своей родине, но и далеко за ее пределами.

Сын участника Коммуны в Нарбонне 1871 г., рабочий-медник, участник движения виноделов на юге Франции в 1907 г., матрос французского военного флота в первой империалистической войне, организатор восстания во французском флоте на Черном море в дни интервенции против Советской страны, узник французского империализма, продолжавший с ним борьбу и из стен тюрьмы, боевой руководитель компартии Франции, вырванный из заключения мощным движением народа, 44 раза избравшим «государственного изменника» в 1923 г. в различные муниципалитеты, а позднее и в парламент, участник освободительной борьбы испанского народа в 1931 и 1936—1938 гг., член политбюро компартии Франции, член президиума Исполкома Коминтерна—таковы бегло обозначенные вехи важнейших этапов политической биографии Марти.

Но за этим сухим перечнем стоит яркая и героическая жизнь, полная мужественной борьбы и лишений, несокрушимой веры в правоту дела рабочего класса, жизнь, приведшая рядового французского пролетария к ответственнейшим обязанностям одного из руководителей ИККИ — генерального штаба мировой партии ленинизма.

Но воспоминания Марти ценны еще и тем, что они рассказывают не о личной судьбе одного из революционных борцов, а о движении пролетариев Франции, одетых в военные шинели, вооруженно выступивших на известном этапе и в определенных условиях на защиту советов.

Новое, переработанное автором издание его книги нельзя уже назвать воспоминаниями в точном смысле этого слова. Эта работа основана как на личных воспоминаниях автора, так и на обширной документации, умело использованной для освещения во всей его широте этого важнейшего исторического события.

Марти квалифицирует восстание на Черном море как «наиболее значительное массовое движение во Франции после Парижской коммуны», заставившее «французский империализм... разжать тиски, сжимавшие Советскую Россию» (стр. 379).

Самое замечательное и поучительное в этом восстании то, что оно наглядно показало и доказало бессилие французского (и не только французского) империализма в его попытках вооруженного выступления против советской власти.

Если империалистической буржуазии удавалось, хотя и с трудом, удерживать в повиновении армию и флот в империалистической войне, то при попытке вооруженной интервенции против страны пролетарской революции рабочие и крестьяне не только отказались от повиновения, но и повернули оружие против своих империалистических правительств.

Ленин, оценивая значение восстания во французском флоте в Одессе в 1919 г., писал:

«...мы видим, что солдаты возвращались из Одессы либо убежденными большевиками, либо людьми, которые заявляли, что «они воевать против рабоче-крестьянского правительства не будут» [1].

Книга Марти иллюстрирует эти ленинские слова конкретными фактами, живой историей массового политического движения. Она убедительно показывает процесс разложения армии империалистического государства при ее соприкосновении с защитниками рабочей диктатуры, процесс превращения послушных выполнителей боевых

[1] Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 132. 1931.

приказов в сознательных борцов против собственного империалистического правительства.

Марти открывает первую главу своей книги эпиграфом из выступления французского министра иностранных дел Стефана Пишона в палате депутатов:

«План союзников состоит в том, чтобы осуществить экономическую блокаду большевизма и восстановить порядок силами русских. Мы предоставляем поэтому материальную помощь тем элементам, которые стремятся к порядку в России».

Пишон этими словами наиболее откровенно высказал программу действий империалистов Антанты. Правда, он в этом выступлении скромно ограничился указанием на «материальную помощь», но что означала эта «материальная помощь», было достаточно ясно расшифровано еще за год до этого в декларации Бальфура на союзнической дипломатической конференции в марте 1918 года. В обращении к правительству США, излагая взгляды британского, французского и итальянского правительств «на положение в России», Бальфур писал:

«...Каково лечение? (Советской России.— *А. М.*) — Конференция считает, что есть только одно средство—союзная интервенция. Если Россия не может сама себе помочь, ей должны помочь ее друзья» [1].

«Лечение» интервенцией было начато и германским империализмом и империалистами стран Антанты с первых же дней победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Но если в своем кругу в деловых переговорах руководители империалистических правительств называли, хотя и с лицемерными оговорками, интервенцию интервенцией, то для широких масс, и в особенности для солдат, им нужно было изобретать иные объяснения.

Четыре года империалистической войны революционизировали широчайшие массы трудящихся. Убедительней всякой пропаганды революционизирующее действие на сознание масс оказывал их повседневный личный опыт. Империалистическая война и порожденный ею политический кризис расшатывали основы политического господства буржуазии.

Октябрьская социалистическая революция дала мощный толчок процессу революционизирования масс во всем мире. Это мощное нарастание революционного подъема, отчетливо обозначившееся в странах капиталистического мира после Октябрьской революции, не могло не захватить и армии. Революционное выступление в армии и флоте, сравнительно редкое до 1917 г., теперь становится предметом особой тревоги правящих кругов империалистических правительств.

Именно этот страх перед влиянием социалистической революции на трудящиеся массы и угнетенные народы колоний и зависимых стран и был одной из основных, хотя и тщательно маскируемых пружин интервенционистской политики империалистических правительств против советской власти.

Ленин еще в 1918 г., раскрывая истинные причины интервенции, писал:

«...У них одна мысль: как бы искры нашего пожара не перепали на их крыши» [2].

Марти убедительно показывает, к каким ухищрениям и выдумкам приходилось прибегать командованию французских военных сил, чтобы изобразить солдатам и матросам «поход в Черном море» в сколько-нибудь приемлемом виде. Офицеры разъясняли солдатам и матросам, что борьба против большевиков есть продолжение борьбы против немцев. Они повторяли приевшиеся басни о Ленине, как «немецком агенте», объясняя, что поэтому-то Ленин и подписал с Германией сепаратный мир и что даже самое «слово большевик происходит от слова «бош» (стр. 70). Пресловутые легенды о «национализации женщин», о «китайских полках», о зверствах и варварстве — все это было мобилизовано для обмана войск.

Путем демагогии, лжи, обмана и клеветы на первых порах им удалось достигнуть определенных результатов. Солдаты были недовольны задержкой демобилизации, но истинный контрреволюционный характер «похода» ими еще не был разгадан. Марти констатирует, что «в первые дни оккупации спокойствие в частях не нарушалось».

Однако первое же соприкосновение с советскими рабочими, большевиками раскрыло французским солдатам и морякам глаза на предназначенную им роль и помогло им постепенно осознать и понять смысл происходившей борьбы.

Крупная заслуга Марти в том, что он в своей работе убедительно, ярко и правдиво показал, как совершался рост классового сознания рабочих и крестьян, одетых в военные шинели, как шел постепенный процесс превращения исполнительных солдат в революционных борцов против буржуазии.

Вначале недовольство существующим режимом, бессмысленной войной, бедствиями народа выражалось в мечтаниях о революции. «Часто я мечтал о революции, надеясь, что стихийно подымутся рабочие и крестьяне, охваченные единым порывом «Парижская Коммуна не может не повториться, думал я»,— пишет Марти (стр. 36).

Но за этими мечтаниями, еще пассивными и отвлеченными, поднимался вопрос о собственной роли, о том, что он, живой участник событий, может и должен делать.

Для Марти этот вопрос встает со всей повелительностью, когда ему становится известно, что французская эскадра идет к советским берегам. Он принимает решение: в критическую минуту вывести из строя машины на военном судне. Но вскоре же, под влиянием наблюдений и размышлений, он приходит к выводу, что индивидуальных усилий одного человека недостаточно: машины будут исправлены другими. Тогда Марти переходит к пропаганде, «обработке» машинистов, кочегаров и матросов.

---

[1] Л л о й д-Д ж о р д ж «Военные мемуары». Т. VI, стр. 88. Соцэкгиз. 1937.

[2] Л е н и н. Соч. Т. XXII, стр. 249. 1937.

Марти прекрасно показывает постепенное «прозревание» солдат и матросов под влиянием пропаганды.

Уже первая встреча французских солдат с рабочими на улицах Одессы изменила их представление о большевиках, навеянное «страшными» рассказами офицеров и статьями лживых газет:

«На одной из широких улиц Молдаванки французских солдат окружила толпа, состоявшая, главным образом, из молодежи. Они вначале глядели друг на друга молча, одни со скрытым любопытством, другие с полной непринужденностью. Потом кто-то из толпы обратился к солдатам по-французски:

— Откуда вы пришли и почему вы здесь?

Эти слова прозвучали, как разорвавшаяся бомба. Услышав французскую речь, солдаты бросились к толпе...» (стр. 71).

Офицеры помешали этой первой беседе. Но уже через некоторое время, несмотря на все строгости командования, начинается братание французских солдат с рабочими, организуемое большевиками.

«Почему вы здесь?» — этот вопрос стоит теперь перед каждым солдатом.

Газеты, офицеры, французские официальные представители уверяли солдат, что они воюют не с русскими, а с немцами. Но в сражении под Херсоном французские солдаты воочию увидели, как французские и немецкие войска вместе выступали против Красной Армии, как французское командование посылало подкрепления германским отрядам, сражающимся против красных частей, и немецкие части помогали французам. Перед лицом классового врага воюющие империалистические соперники объединились для борьбы с вооруженным пролетариатом России и Украины. Марти приводит характерное заявление французского генерала Ансельма о его сожалении по поводу невозможности наградить орденом почетного легиона отличившегося в борьбе с Красной Армией под Херсоном германского лейтенанта Гренера (см. стр. 116).

Солдаты воочию убеждаются, что варварами, убийцами являются не большевики, как это рассказывали газеты и офицеры, а французские военачальники, расстреливающие безоружных рабочих, женщин и детей.

Этот процесс пробуждения классового сознания солдат и матросов не оставался секретом для французского высшего командования. Еще ранее, когда Фош развивал план грандиозного похода на Страну советов, ген. Франше Д'Эспре, командующий вооруженными силами на юговостоке, в телеграмме Клемансо спешил его предупредить, что «военные операции и оккупации территорий на Украине и в России были бы плохо восприняты и грозили бы вызвать печальные последствия» [1]. Командование французскими силами очень скоро почувствовало «печальные последствия» своих интервенционистских планов. Начавшееся разложение армии и флота оно пыталось преодолеть репрессиями, усилением воинской дисциплины, заменой «сомнительных» частей более надежными, новыми изданиями старой легенды об «освободительной миссии» французских войск и т. д.

Но все оказывалось тщетным. «В чем дело? — спрашивали солдаты.— Это мирная оккупация страны, которая должна встретить нас как освободителей? Нам солгали, нас обманули! — слышалось со всех сторон.—Мы начинаем здесь новую войну. И в эту минуту появлялась листовка...» (стр. 74).

Марти убедительно показывает, какую огромную роль сыграла большевистская организация в пробуждении классового сознания солдат и матросов, в разложении союзнической армии оккупантов. В Одессе подпольный большевистский комитет создал специальную «иностранную коллегию» из товарищей, знающих иностранные языки. Через два часа после прихода оккупационных войск подпольная большевистская типография, устроенная за городом, в каменоломне, уже выпускала листовки, призывающие матросов и солдат к солидарности с русским пролетариатом. С января начала издаваться газета «Коммунист» на французском языке, увеличился выпуск листовок, усилилась устная агитация.

Прокламации расклеивали по городу ночью. Литература перевозилась в город в бидонах для молока. «В городе солдатам раздавали листовки и брошюры прямо на улицах, в местах расположения войск их распространяли дети под видом продажи газет или папирос (многие из них подвергались за это жесточайшему избиению), наконец, это делали солдаты и матросы, непосредственно связанные с «иностранной коллегией» (стр. 65).

Большевистская литература проникала на корабли, в казармы, распространялась в ротах и полках. «Несмотря на то, что за распространение этой литературы грозила смерть, листовки и газеты не оставались под спудом: большинство солдат и матросов настолько сочувствовали большевикам, что вопреки опасностям, они привезли часть этих документов во Францию и сохранили их как реликвию» (стр. 75).

В большевистских листовках солдаты и матросы нашли ответ на стоявший перед ними вопрос: «Зачем вы здесь?»

В первых числах февраля 1919 г. 58-й полк, действовавший под Тирасполем, восстал и отказался сражаться против социалистической Республики советов. Солдаты были разоружены и сосланы в Марокко. Ненадежные французские части были заменены польскими войсками и зуавами. Французское командование старалось скрыть от солдатской массы выступление 58-го полка. Но Одесский комитет большевиков позаботился о том, чтобы мужественное поведение 58-го полка стало известно всем оккупационным частям. В листовке, обращенной «К французским солдатам и матросам!», большевистский комитет писал:

«...В соответствии с желанием французского народа 58-й полк, получивший приказ

[1] Slovès H. La Françe et l'Union soviétique. Les Editions Rieders, p. 87. Paris. 1935.

осуществить на деле преступные замыслы международной буржуазии, отказался сражаться на тираспольском фронте.

Солдаты этого полка не захотели быть слепым орудием буржуазии, они протянули руку братской помощи нашим рабочим и крестьянам и этим снискали французской армии самую лучезарную славу.

Этот поступок достоин французов, бывших всегда носителями прогресса, революционный дух которых указал новые пути человечеству...

...Мы хотим думать, что это является лишь началом братского единения французских и русских войск на фронте, созданном буржуазией помимо нашего желания...» (стр. 87—88).

Весть об отказе солдат 58-го полка сражаться с русскими рабочими, большевистские листовки с призывом к братанию произвели на французских солдат и матросов огромное впечатление. Командование неистовствовало. Оно издало приказ, расклеенный по всей оккупированной зоне, немедленно расстреливать всякого пропагандиста, застигнутого на месте «преступления» (стр. 91).

Французская контрразведка уже давно охотилась за неуловимой «иностранной коллегией» большевистского комитета. Особенно ненавистна была им Жанна Лябурб — француженка-коммунистка, мужественно и самоотверженно боровшаяся против оккупантов. В ночь с 1 на 2 марта французско-белогвардейская разведка с помощью провокатора арестовала руководящих работников иностранной коллегии и большевистского комитета, в их числе Жанну Лябурб, и после зверских пыток расстреляла их.

Но режим террора, установленный во всей оккупированной зоне, лишь ускорил революционные процессы во французской армии. Французские солдаты и матросы уже видели в русских рабочих и Красной Армии своих братьев по классу.

2 марта в сражении под Херсоном 6 рот 176-го полка отказались воевать с красными частями. В Николаеве французские матросы установили тесную связь с большевиками, снабжали голодных рабочих хлебом (см. стр. 120).

Херсон и Николаев были взяты Красной Армией.

Товарищ Сталин писал: «Освободившиеся войска» оказались явно непригодными для вооруженной борьбы с революцией. Более того, соприкасаясь с восставшими рабочими, они сами «заразились» большевизмом. Взятие советскими войсками Херсона и Николаева, где войска Антанты отказались от войны с рабочими, особенно красноречиво свидетельствует об этом»[1].

Французская буржуазия была напугана этим быстрым проникновением «заразы» большевизма в армию. Уже 29 марта 1919 г. большинство палаты депутатов высказалось за немедленную эвакуацию войск из Украины. Но французское командование еще не хотело мириться со своим поражением: оно продолжало концентрацию военных судов в Черном море.

Матросы в эти дни проходили ту же школу подготовки большевистского восстания, что и солдаты. Процессы вызревания классового сознания и решимости к борьбе шли здесь несколько медленнее чем в армии, так как и условия для большевистской агитации на кораблях были труднее. Зато именно среди моряков нашлись такие самоотверженные и энергичные борцы, как Андре Марти.

Марти сумел сколотить на миноносце «Протэ» крепкую группу из кочегаров и матросов, готовую к решительным революционным действиям. Когда было получено известие о взятии Одессы Красной Армией, возглавляемая Марти группа выработала смелый план: захватить миноносец и привести его в Одессу, оставив офицеров заложниками. Накануне выступления, 16 апреля, Марти и его товарищи, выданные провокатором, были арестованы.

Анализируя причины неудачи восстания на «Протэ», Марти приходит к выводу: «Мне недоставало знания ленинской тактики и организационных методов массовой работы» (стр. 205).

16 апреля, в тот же день, когда были арестованы Марти и его товарищи, командующий 2-й французской эскадрой, стоявшей на севастопольском рейде, отдал приказ о начале боевых действий. Приказ заканчивался словами: «Наш флаг покроется новой славой!»

На севастопольском рейде стояли 3 дредноута (2 французских и 1 английский), 3 броненосца, крейсеры, миноносцы и другие суда. Эта огромная эскадра была грозной силой.

16 апреля броненосцы открыли стрельбу по советским позициям. 17 апреля на броненосце «Франс» после приказа открыть огонь вся команда скрылась по гальюнам и отсекам. Командование, убедившись в ненадежности моряков, приказало прекратить огонь.

19 апреля команда броненосца «Франс» отказалась грузить уголь. Но командиры понимали, что дело не в угле. Вечером матросы «Франс» фактически овладели броненосцем. Они выбрали делегатов и отправили их на флагманский дредноут «Жан Бар». Матросы «Франс» побежали на батарейную палубу с криками: «Вставайте! Вставайте! Революция!» (стр. 220). Команда «Жан Бар» присоединилась к восстанию. На палубах французских броненосцев гремел «Интернационал».

Вице-адмирал Амет пытался обещаниями и угрозами вернуть матросов к «порядку». Его речь была прервана криками: «Смерть тирану!», «Бандит!»,—единодушным требованием прекращения интервенции против Советской России и возвращения судов домой. Адмиралу пришлось спешно покинуть судно.

Утром 20 апреля на судах, как всегда, ожидали поднятия флага. «И тогда в утрен-

---

[1] И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 78—79.

ней тиши развернулась незабываемая картина. Почти весь наличный состав экипажей «Жан Бар» и «Франс» собрался на широких баках броненосцев, и, вместо того чтобы приветствовать трехцветный флаг, поднятый на корме, матросы стояли лицом к форштевню и пели «Интернационал» в то время, как красный флаг взвивался на гюйс-штоке» (стр. 226—227, разрядка моя. — *А. М.*).

Так закончилась попытка «покрыть новой славой» в боях против страны социализма трехцветный флаг империалистической Франции.

Восстание перекинулось и на другие корабли В тот же день состоялась в Севастополе демонстрация единения французских матросов с рабочими Севастополя. По приказу французского командования греческие отряды открыли огонь по безоружной демонстрации. Было убито 13 русских демонстрантов и 6 французских матросов.

Расстрел демонстрации вызвал ярость матросов. Красный флаг взвился и на броненосце «Верньо». Поднялась команда броненосца «Жюстис». Матросы командовали судами. Матросским делегатам на броненосце «Франс» поступали записки от пехотных частей, адресованные «Правительству Советской республики на борту броненосца «Франс» (стр. 235). Восстание перебросилось на французские суда, стоявшие на одесском рейде. 27 апреля восстала команда броненосца «Вальдек Руссо». Одновременно матросы захватили власть и на крейсере «Брюэ».

Высшее командование поняло, что игра безнадежно проиграна, что теперь уже надо думать не об интервенции, а о собственном спасении. Высшие командиры послушно выполняли требования матросских делегатов. 20 апреля командующий эскадрой объявил, что эвакуация будет произведена через две недели. На следующий день ему пришлось сократить срок. По требованию делегатов «Франс» отплытие броненосца было назначено на 23 апреля.

Броненосец «Франс» и канонерка «Эско» в назначенный день покинули севастопольский рейд. На обоих судах власть была в руках команды. 25 апреля интервенты эвакуировали Крым. 28 апреля Красная Армия заняла Севастополь. 2 мая последний броненосец, «Жан Бар», уходил из советских вод.

Восстание на Черном море не только сорвало французскую интервенцию против Страны советов: оно вызвало мощное массовое движение во Франции и серьезные революционные выступления в армии и флоте.

По Франции прокатилась волна выступлений с требованием прекращения интервенции. Рабочие манифестировали по улицам под лозунгами «Да здравствуют Советы!», «Да здравствует Ленин!» 25 мая в Париже состоялась грандиозная демонстрация перед Стеной коммунаров, приветствовавшая Советскую Россию и французских моряков, отказавшихся воевать против нее.

20 мая в Тулузе под лозунгами «Долой Клемансо!», «Да здравствуют Советы!» восстал 117-й полк. В июне вспыхнуло восстание на флагманском дредноуте «Прованс», стоявшем в Тулоне, и на военных судах в Бресте. Крупные революционные выступления были в Шербурге и Рошфоре.

Франция подходила к революционному кризису. Но у французских пролетариев в этот ответственный час не было еще своей коммунистической партии, единственной партии, которая могла бы возглавить движение и привести к победе.

Свою книгу Марти заключает подробным анализом уроков героического восстания на Черном море. Он вскрывает ошибки и слабости, допущенные в этой мужественной революционной борьбе французских моряков и солдат, в то же время подчеркивает огромное значение этого исторического события и видит в нем важный урок для будущего.

Восстание на Черном море «...на деле показало возможность превратить войну против Советского Союза в народное движение, угрожающее господству буржуазии в стране, которая решилась напасть на социалистическое государство» (стр. 379—380).

Замечательная книга Марти, просто и правдиво рассказывающая о восстании на Черном море, дает неопровержимые доказательства правильности этого вывода. Желательно, чтобы она была прочтена самыми широкими массами населения Советского Союза.

А. Манфред

ЛИФ Ш. Война и экономика Японии. Политиздат. 1940. 247 стр. 6 р. 50 к. (Институт мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР).

Работ, посвященных экономике Японии, у нас очень мало. Книга К. Попова «Экономика Японии», вышедшая в 1936 г., сейчас в значительной мере устарела, так как предвоенная и военная конъюнктура в Японии произвела резкие изменения в ее хозяйственной структуре. Поэтому издание работы Лифа, посвященной проблемам японской военной экономики, нужно признать вполне своевременным.

Одним из самых интересных вопросов, поставленных Лифом в его книге, является вопрос о причине быстрых темпов капиталистического развития Японии. Лиф приводит данные, свидетельствующие о том, что по сравнению с другими странами, при крайней неравномерности их капиталистического развития, Япония имеет наиболее высокие темпы роста промышленности. Это видно из следующей таблицы, приводимой автором:

Среднегодовые темпы роста промышленной продукции

Страны	1860—1900 гг.	1900—1913 гг.	1913—1929 гг.	1929—1937 гг.
Япония		+12	+12,0	+8
США	+14,0	+7	+4,0	—1
Англия	+3,3	+2	—0,06	+3
Германия	+9,0	+4	+0,2	+2
Франция	+3,8	+4	+2,0	—2

Чем это объяснить?

Отвечая на этот вопрос, автор показывает, что основным источником накопления капитала и быстрого роста японской промышленности является высокая норма прибавочной стоимости. Автор исчисляет норму прибавочной стоимости в японской промышленности в 380%. Если учесть, что норма прибавочной стоимости в русской промышленности накануне первой империалистической войны была исчислена немногим выше 100%, а норма прибавочной стоимости в американской промышленности в 1931 г., по исчислениям тов Варги, была равна 147%, то исчисленная автором норма прибавочной стоимости для Японии показывает чрезвычайно высокий уровень эксплоатации рабочего класса. Высокая норма прибавочной стоимости сложилась в Японии в связи с тем, что японский рабочий класс формировался и рос в условиях крайней нищеты японской деревни. Громадная резервная армия безработных, к которой принадлежат безземельные батраки и малоземельные крестьяне, давила и давит на условия индустриального труда. Так называемые временные рабочие на фабриках и заводах, женщины и дети, законтрактованные подрядчиками в японской деревне, составляют многочисленную, наиболее низко оплачиваемую и бесправную часть рабочего класса Японии.

Но эксплоатация рабочего класса не была единственным источником быстрого накопления капиталов. Лиф показывает и другие источники. Сюда относятся: эксплоатация крестьянства, эксплоатация и грабеж колоний, войны и контрибуции, военно-инфляционный фактор. Сюда же автор относит протекционистскую политику правительства и иностранные займы. В главе об аграрных отношениях автор показывает, что японские помещики «изымают у крестьян в форме натуральной ренты свыше 50% урожая со сданных в аренду земель» (стр. 104). Та дань, которую получают помещики, по самым скромным подсчетам, превышает 800 млн. иен в год (1938 г.). «Кроме того помещики имеют значительные доходы от ростовщичества, от спекуляции рисом, от сдачи в аренду рабочего скота, машин и т. д.» (стр. 29).

К сожалению, автором не показаны конкретно другие источники накопления. Вопросу о колониях, как источнику накопления капитала, автором уделено всего три страницы. Между тем ограбление колоний, несомненно, играло большую роль в быстрых темпах капиталистического развития Японии. Об особом удобстве для Японии грабить инородцев, Китай и пр. говорил В. И. Ленин. Этот момент подчеркивают также тезисы западноевропейского бюро Исполкома Коминтерна. Автор вообще не уделил внимания вопросу экономики колоний, если не считать главы «Роль Маньчжурии в системе японского империализма».

Автор поставил своей задачей показать экономическое положение Японии в условиях империалистической войны против Китая. После общей характеристики экономики Японии автор начиная с седьмой главы дает анализ военной экономики. Он характеризует сельское хозяйство и внешнюю торговлю Японии в условиях войны, а также дает анализ финансового положения страны. Специальные главы посвящены вопросам регулирования промышленности, характеристике государственного капитализма в Японии, положению японского пролетариата и борьбе японского народа против войны. Все эти главы представляют большой интерес несмотря на их описательный характер. Автор показывает причины растущего из года в год дефицита риса, сильного падения сбора коконов, ухудшения питания широких слоев населения и растущего обнищания городского и сельского трудящегося населения.

В главе о внешней торговле автор заостряет вопрос об импортной и экспортной зависимости Японии от США и Англии. Вывод автора: прекращение вывоза военно-стратегического сырья из США и Великобритании нанесло бы сильный удар военной промышленности Японии. Вывод этот обоснован и подтверждается практикой. Эмбарго на вывоз военно-стратегического сырья, установленное США после 16 октября 1940 г., заставило Японию целиком использовать свои ограниченные сырьевые запасы и с еще большей активностью искать новые источники снабжения в странах Южных морей.

Вопрос о финансовой слабости Японии, о чем говорил В. И. Ленин еще в 1920 г., имеет особое значение сейчас, когда Япония вынуждена вести затяжную войну в Китае и готовиться к новой, «большой войне», развивая свою южную экспансию. Автор указывает на чрезвычайную напряженность финансового положения Японии, значительное исчерпание золотых резервов и пресыщение внутреннего рынка государственными облигациями.

Большой интерес представляет глава о регулировании промышленности в условиях войны с Китаем. Автор показывает, что регулирование экономики обогащает крупные концерны и осуществляется в их интересах. Он приводит данные о необычайно высоких прибылях крупных компаний, подтверждая цифрами ленинское положение о том, что капиталисты «регулируют экономическую жизнь» так, чтобы рабочим (и крестьянам отчасти) создать военную каторгу, а банкирам и капиталистам рай»[1].

В главе о государственном капитализме автор показывает, как японское государство подчиняет своему контролю целые отрасли промышленности, чтобы полнее использовать все ресурсы страны для ведения войны. Такие тресты, как Нихон Сейтэцу, дающий 95% производимого в Японии чугуна и 50% стали, японская компания по производству и передаче электроэнергии, нефтяная компания, компания по распределению сульфат-аммония и др., являются характерным доказательством быстрого роста государственного капитализма в Японии.

Заключительные главы о положении японского пролетариата и борьбе японского народа против войны показывают, как в условиях ухудшающегося экономического положения и жестокого террора развертывается антивоенное движение и растут предпосылки революции в стране.

Важным недостатком книги является то, что несмотря на обилие данных по вопросам военной экономики работа во многих частях выглядит весьма неконкретной. Например, несмотря на то что автор сообщает размеры доменного производства и цифры о добыче и ввозе железных руд, у читателя не остается ясной картины железорудного баланса. У автора не возникает никакого вопроса о том, как же японцы будут удовлетворять потребности в железной руде, если построенные ими доменные печи будут работать полной нагрузкой, откуда японцы будут брать 20 млн. тонн железной руды, чтобы выплавить около 7 млн. тонн чугуна в год.

Показывая запасы и добычу угля, автор не выделяет проблемы коксующегося угля, особенно важной в связи с развитием металлургической промышленности. Для читателя, который хотел бы серьезно и конкретно заняться экономикой Японии, общая трактовка об углях ничего не дает. Читателю остается неясным, как же японцы удовлетворяют свои потребности в спекающихся углях, достаточно ли им собственных углей для отопления паровых котлов и городских зданий.

Нет четкости и ясности в вопросе о балансе нефти и нефтяных продуктов, о характере переработки нефти на японских нефтеперегонных заводах. Указывая на диспропорцию между производством чугуна и стали в Японии, автор, по существу, ничего не говорит о сталеплавильной промышленности.

Характеристика всей промышленности дается вне связи с японской географией. В очень редких случаях автор упоминает географические пункты, где расположены те или иные заводы.

Хорошо, что автор выделил отдельной главой вопрос о роли Маньчжурии в системе японского империализма, но анализ этой роли страдает той же неконкретностью. Давая очень ценные материалы о японских инвестициях в Маньчжурии, о роли ЮМЖД в Маньчжурии, автор оставил в тени концерн Кухара—Аюгава, который сейчас является господствующим в Маньчжурии. Автор упоминает о создании в 1937 г. нового концерна — «Компания тяжелой промышленности», — но он почти ни слова не говорит о его деятельности в период войны. Именуя Кухара «известным реакционером, близким военным кругам», автор ни слова не говорит о роли, какую играют Кухара и Аюгава в борьбе с так называемыми старыми концернами. Об этом следовало сказать, не оставляя в тени некоронованного короля Маньчжоу-Го — Аюгава — и его концерн.

Если для общих теоретических выводов о темпах накопления автор привлекает данные статистики за старые годы, начиная с 1900 г., то при анализе конкретной экономики он приводит данные не более чем за 3—4 года Это—чрезвычайно узкое историческое полотно, на котором невозможно строить какие-либо обобщения и выводы. Постраничные сноски проработанной литературы показывают, что в основном автором был использован текущий журнальный и газетный материал. Между тем привлечение к анализу более широкого исторического материала сделало бы работу интереснее и полезнее, помогло бы автору подойти к некоторым обобщениям и выводам.

Было бы неправильно все военные расходы Японии, производимые за последние годы, относить за счет войны в Китае. Всем известно, что морской флот почти не участвовал в войне с Китаем, кроме операции блокады побережья. На втором этапе войны с Китаем, т. е. почти весь 1939 и 1940 гг., как известно, не было крупных сражений. Таким образом, значительная часть военно-технической мощи Японии оставалась неиспользованной. Однако бюджетные ассигнования на войну шли в возрастающих размерах. Это означает, что Япония, ведя войну с Китаем, готовилась и готовится к другой войне, больших масштабов. Автор во всех своих расчетах и выводах опускает этот момент.

В заключение нужно отметить несколько бросившихся в глаза неправильностей.

Неверно, что «рост промышленности обусловлен главным образом стремлением Японии расширить свои территориальные владения в Китае» (стр. 60). Этот рост, как известно, обусловлен внутренними законами капитализма и стремлением к получению высоких прибылей.

Неправильна цифра о запасах железной руды в Корее в 10 млн. тонн (стр. 42).

Непонятна фраза на стр. 45: «Японская фирма, контролирующая горную компанию «Луиза», приобрела через нее железоруд-

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 167. 1937.

ные залежи на острове Луиза, исчисляемые в 10 млн. т магниевой руды». При чем тут магниевая руда?

Нехорошо, с точки зрения советского читателя, приводить статистические данные в иностранных мерах: галлоны, баррели и т. д.—без сносок с переводом их в метрические меры.

В. Масленников

BUEL RAYMOND L. Isolated America. New York — London.

БЮЭЛЛ Р. Изолированная Америка.

Вышедшая в конце прошлого года книга Бюэлла, посвященная проблемам внешней политики Америки в условиях второй мировой империалистической войны, представляет большой интерес. Ее автор — президент Ассоциации внешней политики США — принадлежит к числу наиболее осведомленных и компетентных писателей Америки.

В первой части книги автор на основе анализа истории послевоенного периода 1919—1939 гг. пытается выяснить причины второй империалистической войны в Европе. Бюэлл приходит к выводу, что чудовищная бойня 1914—1918 гг. и связанные с ней опустошения породили у всех народов совершенно небывалое отвращение к войнам, в особенности к нынешней. «Вторая мировая война является самой непопулярной войной в истории человечества. Было бы, конечно, неправильно утверждать, что эта война неизбежно разрушит цивилизацию. Тем не менее не подлежит ни малейшему сомнению, что сентябрь 1939 г. знаменовал собою наступление новой эры в истории — эры беспрецедентных человеческих страданий, нищеты и колоссальных социальных потрясений, результаты которых еще трудно предвидеть».

Корни нынешней войны Бюэлл видит в послевоенной системе, созданной версальским и другими договорами. Автор пытается особо выяснить роль Америки в международных отношениях в послевоенный период и ее ответственность за создание и развал всей послевоенной системы. Эта часть книги заслуживает особого внимания потому, что, по мнению автора, значительная часть европейских историков, по традиции XIX в., продолжает рассматривать США как богатое, но провинциальное государство, расположенное на периферии, в стороне от центров мировой политики, тогда как в действительности за последние 20 лет роль США не только в мировой экономике, но и в мировой политике гигантски возросла. По мнению Бюэлла, центр мировой политики империалистических держав все больше перемещается из Лондона в Вашингтон, и каждый день приносит все новые доказательства этого положения.

В последующих разделах книги Бюэлл дает пространное и связное изложение внешней политики США за последнее двадцатилетие. Специальные главы посвящены дальневосточной политике Америки в период рузвельтовской администрации и взаимоотношениям США со странами Латинской Америки, проблеме военных долгов и кредитов. Ценность этих глав состоит в том, что автор приводит в них большой и интересный фактический материал, относящийся также и к внутренним экономическим, политическим и социальным сдвигам в США за последние десять лет.

На основе анализа международного и внутреннего положения США Бюэлл приходит к выводу, что в современных условиях изоляция США стала не мыслима. Так например, говоря о программе вооружений США, автор пишет: «На первый взгляд мы вооружаемся во имя обороны, но в действительности США вооружаются в целях сохранения равновесия сил во всем мире. Мы создаем вооруженные силы с таким расчетом, чтобы они были достаточно мощны для обороны Соединенных штатов и Западного полушария от нападения извне, но современем эти силы могут стать достаточно велики для вмешательства и в европейские дела. Американский народ несклонен сейчас вести войну за пределами своей страны. Но по мере того как мы будем усиливаться в военном отношении, тем сильнее будет соблазн применить это оружие для защиты интересов США за пределами Западного полушария».

В четвертой и последней части своей книги Бюэлл раскрывает скобки и подробно разъясняет читателю, что нужно понимать под «американскими интересами за пределами Западного полушария», и излагает в общих чертах планы и цели США во второй империалистической войне. Главы XII—XVI представляют собой сплошной панегирик мощи американского империализма. Автор с пафосом говорит об американском колоссе, возвышающемся над просторами двух океанов: «Мы, американцы, знаем, что наша страна очень велика, но мы еще не отдаем себе отчета в том, насколько мы сильны и какую ответственность накладывает на нас эта мощь. По количеству населения наша страна превышает любую европейскую страну, кроме Советской России. Как это видно на карте, США занимают центральное, командное положение между Европой и Востоком. Это положение дает Америке ключ к межконтинентальному единству».

Бюэлл пишет, что, несмотря на то что территория США составляет менее 6% всей площади земной суши, а их население всего лишь около 6% населения земного шара, Соединенные штаты обладают почти половиной мирового богатства. В мировой экономике и торговле удельный вес США настолько велик, что «один уже тот факт, что мы существуем, означает очень многое для сотен миллионов других людей». В этих условиях изоляция США становится, по мнению Бюэлла, химерой. Автор считает, что благодаря своей экономической и военной мощи, а также в силу исключительно благоприятного географического по-

ложения Америка в недалеком будущем превратится в решающий фактор новой мировой войны. События развиваются таким образом, что процесс превращения США в мирового гегемона может, по мнению Бюэлла, произойти значительно быстрее, чем это бывало раньше с другими мировыми державами. «В результате нынешней войны мировые позиции Англии неизбежно ослабеют, независимо от того, кто выйдет из нее формальным победителем. Основной вопрос будущего заключается, следовательно, в том, будет ли руководящей мировой державой Америка или Германия».

Поскольку Бюэлл предназначает Америке роль правопреемника Британской империи, для читателей небезынтересно познакомиться с конкретными планами организации этого своеобразного «Pax Americana». Краеугольным камнем экономической политики США автор провозглашает принцип «открытых дверей и равных возможностей» для всех стран. Все колониальные владения европейских держав должны быть открыты для торговли, а управление ими должно быть поручено международной организации, конечно, с участием США. Важнейшие мировые пути, в том числе Суэцкий канал, Дарданеллы и Гибралтарский пролив, не должны находиться под контролем одной державы, они будут поставлены под контроль международной комиссии при участии США.

Восстановление Европы после войны также должно проходить с помощью американских капиталов и под руководством США. Таможенные барьеры будут уничтожены. Что касается Японии, то здесь, по мнению автора, неизбежна вторая вашингтонская конференция.

Автор считает весьма возможным возникновение социальной революции в одной или нескольких странах Европы. В этом случае США должны, по его мнению, употребить все свои силы и все свое влияние для того, чтобы добиться мира между воюющими державами и задушить революцию прежде, чем она примет широкие размеры.

Книга Бюэлла дает многое для понимания позиции США, которые сейчас становятся одним из важнейших факторов мировой политики.

К. Ющак

ПОВРЕМЕННЫЕ ИЗДАНИЯ

«Известия Казахстанского филиала Академии наук СССР». Серия историческая. Выпуск первый. Алма-Ата. Казахское государственное издательство. 1940. 107 стр. 4 р.

Первый выпуск исторической серии «Известия Казахстанского филиала Академии наук СССР» содержит следующие статьи: 1) М. Вяткин «Казахское общество в середине XVIII в». (стр. 3—17); 2) М. Вяткин «Тюленгуты в XVIII в.» (стр. 19—29); 3) В. Шахматов «Земельные отношения во Внутренней (Букеевской) орде в начале XIX в.» (стр. 31—61); 4) А. Якунин, В. Шахматов «Восстания в Казахстане в 50-х годах XIX в.» (стр. 63—94) и 5) А. Баймурзин «Из истории захвата царизмом Большой и Средней орд» (стр. 95—107).

Большой интерес представляют статьи проф. М. П. Вяткина. Первая из его названных статей посвящена выяснению структуры казахского общества в середине XVIII века. Изучение архивных материалов, сохранившихся в Москве, Ленинграде и Оренбурге (ныне город Чкалов), позволило автору дать четкую характеристику общественных отношений в Казахстане в середине XVIII в. и доказать, что казахское общество изучаемой эпохи было феодальным несмотря на наличие значительных пережитков родовых отношений. Казахский род в это время «ни в хозяйственном, ни в политическом отношении не представлял из себя чего-либо цельного» (стр. 8). Под родовой оболочкой скрывались уже феодальные отношения.

Социальную верхушку местного общества составляла так называемая «знать белой кости» — султаны, считавшие себя потомками Чингисхана. Наряду с ними не меньшее значение имела и «знать черной кости» — родовые старшины, среди которых первое место принадлежало батырам—военной знати. Попадались среди старшин и бии — родовые судьи — и ходжи — представители духовной мусульманской знати. Автор вскользь упоминает и о баях (стр. 9). Классом-антагонистом по отношению к феодальной верхушке была основная масса казахов-скотоводов, называемая автором «кочевым крестьянством». Третьим классом казахского общества были рабы, занимавшиеся домашними работами и уходом за скотом. Но их роль была не настолько значительна, чтобы можно было говорить о рабовладельческом обществе. «Основным процессом развития этого (казахского.— *Н. У.*) общества был процесс феодализации» (стр. 13). Мельком автор упоминает и еще об одной социальной категории — тюленгутах, которых он рассматривает как личную дружину ханов и султанов.

Наряду с крупными достоинствами в статье имеются некоторые недостатки, мешающие ясности изложения. Прежде всего следует отметить некоторую нечеткость терминологии. Например М. П. Вяткин употребляет термин «кочевое крестьянство» для характеристики основной массы казахов-скотоводов (стр. 5, 6, 12). Едва ли этот термин можно признать удачным. В нем заключается внутреннее противоречие. Крестьянин — оседлый земледелец — очень часто противопоставляется кочевнику. Применять термин «крестьянин» к кочевнику, думается, нет никаких оснований. Правильнее сохранить выражение «основная масса казахов-скотоводов». Термин «кочевое крестьянство» может внести только путаницу в понятия.

Встречаются недостатки и иного порядка. Автор считает возможным ограничиться упоминанием одного имени того или иного деятеля XVIII в., не указывая его общественного положения, что порождает неясно-

сти. Вот несколько примеров: на стр. 5 упоминается Галдан Церен без указания, что он был джунгарским владетелем; на той же странице назван барон Игельстром, тоже без указания, что он был генерал-губернатором и главным начальником Оренбургского края.

Нельзя не остановиться и на некоторых редакционных промахах, на некоторой небрежности технического порядка. Рецензируемая статья является сокращенной главой из монографии автора «Батыр Срым». При подготовке этой статьи к отдельному изданию не было произведено соответствующих исправлений в примечаниях. Например на стр. 12 приведена цитата из рукописи «Обозрение Киргиз-кайсацкой степи», составленной Я. Гавардовским, ездившим в 1803 г. с караваном в Среднюю Азию, и сделана ссылка: «Гавардовский, цит. рукопись (прим. 1)». Между тем до этого о рукописи Гавардовского не упоминалось, она цитировалась в других главах монографии. Другой пример. Автор, упоминая о праве казахского хана распоряжаться кочевками, ссылается на мусульманского писателя XVI в. Мухаммед-Хайдера и при этом отмечает, что отрывки из сочинения этого автора «приведены у Вельяминова-Зернова (цит. соч., ч. II)» (стр. 13, прим. 3). Речь идет о работе В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах» (ч. 2-я), но раньше эта работа в данной статье не цитировалась.

Эти недостатки не умаляют крупных достоинств рецензируемой работы. Она является ценным вкладом в изучение истории Казахстана.

Вторая статья М. П. Вяткина посвящена выяснению социальной природы тюленгутов в XVIII веке. Автор собрал различные отрывочные упоминания о тюленгутах в источниках XVIII в., дополнил их указаниями источников XIX в. и пришел к выводу, правда, высказанному очень осторожно, что тюленгуты XVIII в. — ханские и султанские дружинники, находившиеся в вассальных отношениях к своему сюзерену. К концу XVIII — началу XIX в., «по мере того, как падала политическая самостоятельность феодальной знати, по мере того, как эта знать из вассальных владельцев превращалась в царских чиновников в орде, отпадала потребность и в военных дружинах» (стр. 29). Тюленгуты поэтому в первой половине XIX в. теряют свое значение, и их положение приближается к положению крепостных.

Публикуя свою статью о тюленгутах, М. П. Вяткин подчеркнул, что он ее печатает в порядке постановки вопроса (стр 19, прим. 1), т. е. сам автор признает свои выводы в известной мере спорными. Вот на этой спорности основного вывода и хотелось бы остановиться. М. П. Вяткин на основании источников первой половины XIX в. определяет условия, на каких свободный казах превращался в тюленгута. Наиболее четкую формулировку этих условий дал бий Чабантай Сагалов стряпчему Скорине, собиравшему в 1833 г. сведения о социальных отношениях внутри казахского общества. Казахи, по словам Чабантая Сагалова, становились тюленгутами в силу следующих причин: «Во-первых, по неимению скотоводства бедные киргизы прибегают к достаточным и остаются у них из-за одного пропитания даже навсегда со своим потомством... Во-вторых, имеющие скотоводство киргизы, желая обезопасить стадо и быть под покровительством, остаются при покровителе... В-третьих, во избежание какого-либо взыскания, правильного или неправильного, киргизы укрываются под покровительство султана или другого влиятельного киргиза» (стр. 20). Подчеркнув неоднородность социального состава тюленгутов и их личную связь с ханами и султанами и отметив, что некоторые тюленгуты находились в родстве с влиятельными казахскими старшинами, М. П. Вяткин ставит вопрос: «...что же — вассалитет или коммендация являлось характерным для развития тюленгутизма в XVIII в.?» (стр. 23) — и решает вопрос в пользу вассалитета. Автор считает возможным сблизить казахских тюленгутов с нукерами монгольских и узбекских ханов, личными вассалами «знати белой кости», составлявшими их дружины (стр. 25).

Аргументация М. П. Вяткина в пользу того, что тюленгуты—нукеры, личные вассалы, представляется мало убедительной. Автор явно недооценивает элементы коммендации в положении тюленгутов. Если искать аналогии тюленгутам в условиях развития других феодальных обществ, то, думается, следовало бы обратиться не к монгольским нукерам, которые были и остались феодалами, а к западноевропейской коммендации и русскому закладничеству. В этом отношении очень характерно цитированное выше показание бия Чабантая Сагалова, в котором особенно подчеркнут момент защитной зависимости. Если обратиться к русским закладчикам, то можно отметить, что закладчики, встававшие под защиту крупных духовных и светских феодалов, считались их людьми, но вассальных отношений между ними не устанавливалось. По социальному составу закладчики, как и тюленгуты, были разнородны. Здесь были и обедневшие посадские люди и крестьяне, которые заложились за сильных людей «от бедности», были здесь и крупные торговые люди, которые, избывая посадского тягла, закладывались за монастыри «для легкости», т. е. руководились желанием получить облегчение в платеже повинностей. Встав под защиту крупного феодала, такие люди продолжали вести торговлю, а их зависимость от феодала выражалась лишь в уплате определенного ежегодного оброка, за что феодал оказывал своему человеку защиту и покровительство. Если сближать закладчиков с другими категориями феодального общества, то всего ближе к закладчикам стояли крепостные крестьяне [1].

---

[1] См. Павлов-Сильванский Н. «Акты о посадских людях — закладчиках». «Летопись занятий Археографической комиссии». Кн. 22-я. СПБ. 1909.

Конечно, положение русского закладчика не совпадает во всех деталях с положением тюленгута. Но это социальные категории одного и того же порядка. В Казахской степи общественная жизнь складывалась иначе, чем в Московском государстве. Особенности казахского быта обусловили своеобразное использование тюленгутов ханами и султанами. Московский феодал довольствовался получением оброка. Непрерывные войны, которые вели казахские феодалы как с соседними народами, так и между собою, вызывали необходимость в особой постоянной военной силе, которая была бы готова в любую минуту отразить набег врага и отправиться в поход по распоряжению хана или султана. Такой силой и явились тюленгуты — лица, искавшие защиты и покровительства у хана и султанов. Личная привязанность хана к своим тюленгутам и высокое положение некоторых из них при хане не являются аргументами против такой трактовки тюленгутов.

Документы XVIII в., приведенные М. П. Вяткиным в подтверждение его мысли об особо почетном положении тюленгутов в XVIII в., как раз не подтверждают этого почетного положения. Тюленгуты посылаются в качестве слуг при ханских детях, отправляемых в аманаты (стр. 23—24). Тюленгутам, включенным в состав ханского посольства в Петербург в 1758 г., русская администрация назначала кормовые деньги в размере даже меньшем, чем простым казахам: простые казахи получали по 5 копеек на день, тюленгуты — по 3 копейки (стр. 25).

Таким образом, наиболее вероятной трактовкой положения тюленгутов является трактовка их как дворовых слуг, которые в условиях казахского общества, при несложности бытовой обстановки казахских ханов и султанов, использовались главным образом как военная сила, так как именно в военной силе казахские феодалы испытывали наибольшую нужду. Если посмотреть на тюленгутов с этой точки зрения, то нет ничего удивительного в том, что в XIX в. их стали рассматривать как крепостных.

Царское правительство очень внимательно относилось к феодальным прослойкам различных народностей, входивших в состав и Московского государства и Российской империи, и не превращало феодалов в крепостных. Калмыцкие нойоны и зайсанги, татарские, башкирские и мишарские тарханы и мурзы после подчинения их царской власти продолжали считаться феодалами. Тюленгутов в XIX в. приравняли к крепостным.

Но несмотря на спорность основного вывода статья М. П. Вяткина очень интересна. Она будит исследовательскую мысль, ставит перед ней новые вопросы, удачное разрешение которых явится несомненным шагом вперед в деле изучения истории Казахстана.

Статья В. Шахматова «Земельные отношения во Внутренней (Букеевской) орде в начале XIX в.» является главой из монографии автора «Восстание казахов в 1837—1838 гг. под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова». Статья основана на большом и свежем архивном материале, извлеченном автором из фондов Казахского центрального архивного управления, и дает достаточно полную и ясную картину земельных отношений в Букеевской орде накануне восстания Исатая Тайманова. Земельная теснота и эксплоатация трудящихся казахов казахскими феодалами на почве захвата общинных угодий этими феодалами явились главными причинами восстания Исатая Тайманова. Поэтому подробное выяснение земельных отношений в Букеевской орде представляется совершенно необходимым. Статья В. Шахматова отвечает этой насущной потребности. Автор не ограничивается изучением земельных отношений внутри Букеевской орды: он подробно останавливается на захватах земель между Уралом и Волгой Уральским казачьим войском и помещиками Юсуповым и Безбородко и на тех последствиях, какие имел этот захват.

Статья А. Якунина и В. Шахматова «Восстания в Казахстане в 50-х годах XIX в.» посвящена восстаниям Исета Кутебарова и Джан-Ходжи Нурмухаммедова, совершенно не изученным в литературе. Она также основана на использовании неопубликованных материалов Казахского центрального архивного управления. В основном это сводка фактического материала.

Статья А. Баймурзина «Из истории захвата царизмом Большой и Средней орд» представляет собой общий очерк колониальной политики царизма в восточном и южном Казахстане с середины XVIII до середины XIX в., частично основанный на неопубликованных материалах Казахского центрального архивного управления и Омского областного архива.

Сборник в целом представляет значительный интерес и является ценным пособием для всех интересующихся историей Казахстана.

Н. Устюгов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

1918—1939 годы

(Основная литература)

I. Классики марксизма

В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч. Т. XIX, стр. 67—175.

В. И. Ленин. Империализм и раскол социализма. Соч. Т. XIX, стр. 301—313.

В. И. Ленин. Ответ на вопросы американского журналиста. Соч. Т. XXIV, стр. 402—405.

В. И. Ленин. Речь на I всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 47—62.

В. И. Ленин. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 331—346.

В. И. Ленин. Речь на собрании секретарей ячеек московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 498—513.

В. И. Ленин. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда советов 21 декабря 1920 г. Соч. Т. XXVI, стр. 5—23.

В. И. Ленин. О тезисах по аграрному вопросу французской коммунистической партии. Соч Т. XXVII, стр. 101—106.

В. И. Ленин. Об интервенции (материалы для докладчиков). М. и Л. 1931. 290 стр.

И. В. Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. «Вопросы ленинизма», стр. 423—438. 11-е изд.

И. В. Сталин. Беседа с председателем американского газетного объединения «Скриппс Говард Ньюспейперс» г-ном Рой-Говардом 1 марта 1936 г. «Правда». 1936 г. № 64, 5 марта.

И. В. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. «Вопросы ленинизма», стр. 564—575. 11-е изд.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1940, стр. 287—289, 316—320.

II. Общие работы

Аки. Речь. (В книге: XII пленум ИККИ. М. 1933, стр. 76—82).

Виолис А. Япония и ее империя. Перев. с французского. М. 1934. 143 стр.

Ворошилов К. Е. XX лет рабоче-крестьянской Красной Армии и Военно-морского флота.— «Партстроительство». 1938 г., № 5, стр. 16—27.

Жданов А. А. Речь. (На первой сессии Верховного Совета СССР 17 января 1938 г.)—«Советское государство». 1938 г. № 1, стр. 23—25.

Жуков Е. История Японии. Краткий очерк. М. 1939. 220 стр.

Катаяма Сен. Современная Япония. М. 1926. 99 стр.

Кельин Н. Япония. Культурно-исторический и экономический очерк. М. 1924. 167 стр.

Куусинен. Речь. (В книге: XII пленум ИККИ. М. 1933, стр. 1—18).

Мануильский. Угроза империалистической войны и фашизм. (В книге: XI пленум ИККИ. М. 1933, стр. 26—42).

Молотов В. М. К годовщине Октябрьской революции. Доклад на торжественном пленуме Московского совета 6 ноября 1933 г. (В книге: В. Молотов. В борьбе за социализм. Речи и статьи, 2-е дополн. изд. М. 1935, стр. 451—463).

Молотов В. М. Речь. (На первой сессии Верховного Совета СССР 19 января 1938 г.).—«Советское государство». 1938 г. № 1, стр. 11—14.

Окано. О дальневосточной войне и о задачах коммунистов в борьбе против империалистической войны и военной интервенции против СССР. (В книге: XII пленум ИККИ. М. 1933, стр. 1—15).

Окано. Речь. (В книге: XII пленум ИККИ. М. 1933, стр. 35—42).

Окано. Революционная борьба трудящихся масс Японии. Речь на XIII пленуме ИККИ. М. 1934. 31 стр.

Соколов Б. Япония. 2-е изд. М. и Л. 1934. 109 стр.

Танака. Речь на X пленуме ИККИ. (В книге: Экономическая борьба и задачи компартии. 1929. Вып. 3-й, июль, стр. 139—141).

Хаяма У. Япония. 2-е исправ. и дополн. изд. М. 1939. 206 стр. (Академия наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики).

Ясугамо. Речь. (В книге: XII пленум ИККИ. М 1933, стр. 70—73).

Allen G. C. Modern Japan and its problems. L., 1928. 226 p.

Bryan J. I. Japan from within; an inquiry into the political, industrial, commercial, financial, agricultural, ornamental and educational conditions of modern Japan. L., 1924. 288 p.

Kennedy M. D. The problem of Japan. L., 1935. XVI, 287 p.

Kitazawa Naokichi. The government of Japan. Ed. with an introd. by W. S. Myers. Princeton, 1929. 130 p.

Latourette K. S. The development of Japan. 4-th ed. rev. N. Y., 1938. XI, 272 p.

Masanori Ito. Kato Takaaki Den. Vol. 1—2. Tokyo, 1932.
Peffer, Nathaniel. Japan and the Pacific. L., 1935. 247 p.
Takeuchi Tatsuji. War and diplomacy in the Japanese empire. Introd. by O. Wright. N. Y., 1935, XIX, 505 p.
Young A. M. Japan in recent times 1912—1926. N. Y., 1929, 347 p.

———

Crocker W. R. The japanese population problem. The coming crisis. L., 1931, 240 p.
Ishii Ryoichi. Population pressure and economic life in Japan. L., 1937, XIX, 259 p.
Jyenaga Toyokichi and Sato Kenoske. Japan and the California problem. N. Y. — L., 1921, VI, 249 p.

III. Экономика

а) Общие вопросы

Great Britain. Department of overseas trade. Report on the commercial, industrial and financial situation in Japan. Vol. 1—10. L., 1920—1933.

———

Лиф Ш. Война и экономика Японии. Л., 1940. 248 стр. (Институт мирового хозяйства АН СССР).
Попов К. М. Экономика Японии. 2-е изд. М. 1936. 551 стр.
Allen G. C. Japan. The hungry guest. L., 1938, 261 p.
Davidson Ch. The japanese earthquake of 1923. L., 1931. XII, 128 p.
Hubbard G. E. and Barung D. Eastern industrialization and its effect on the West. 2-nd ed. enlarged and rev. L., 1938, XX, 418 p.
Japanese trade and industry. Present and future. Tokyo, London, New York, 1936, XVIII, 663 p. (Mitsubishi economic research bureau).
Kobayashi U. The basis industries and social history of Japan, 1914—1918. New Haven, 1930, XIII, 280 p.
Labrouquère A. Capitalisme japonais. P., 1939, 152 p.
Moulton H. G. Japan, an economic and financial appraisal with the collaboration of J.Ko. Washington, 1931. XIX, 645 p.
Orchard J. F. Japan's economic position; the progress of industrialization. N. Y., 1930. XVI, 504 p.
Smith N. S. Materials on japanese social and economic history. The transactions of the Asiatic Society of Japan. Second series. 1937. Vol. 14, p. 1—177.

б) Отдельные вопросы

Плетнер О. В. Аграрный вопрос в Японии. Л. 1928. 246 стр.
Тани Гомнэй. Крестьянство и аграрный вопрос в Японии. Перев. с английской рукописи Вл. Устинович. М. и Л. 1928. 109 стр.
Kisao Ikemoto. La restauration de l'ère Meiji et sa répercussion sur les milieux agricoles japonais (1867—1930). P., 1931, 371 p.
Embree J. F. Suye Mura. A Japanese village. Chicago, 1939, XXV, 354 p.
Kimura M. Japan's agrarian problems. Tokyo, 1937, 38 p.

———

Атлей Ф. Ланкашир и Дальний Восток. Перев. с английского, под ред. И. Звавича. М. и Л. 1934, IV, 295 стр. (Институт мирового хозяйства АН).
Вайнцвейг Н. К. Японские концерны. М. 1935. 120 стр.
Минобэ. Картели и тресты в Японии. Перев. с японского. М. 1936.
Попов К. Технико-экономическая база Японии. Ч. 1-я. М. 1934. 232 стр. (Институт мирового хозяйства АН).
Allen G. C. Japanese industry: its recent development and present condition. N. Y., 1940. XII, 124 p.
Asari Junshiro. Development of the cotton spinning industry in Japan. Prepared for the fourth bi-annual conference of the Institute of Pacific relations to be held and Hangchow from October 21-st — November 4-th, 1931. Tokyo, 1931, 21 p.
Fujihara G. The spirit of Japanese industry. Tokyo, 1936. XIV, 149 p.
Maurette F. Social aspects of industrial development in Japan. Geneva, 1934. 69 p. (International labour office. Studies and reports, Ser. B, № 21).
Ogawa Gotaro. Industry. (В книге: «The effect of the world war upon the commerce and industry of Japan». New Haven. London, 1929, p. 213—255).
Uyehara S. The industry and trade of Japan. 2-nd rev. L., 1936, XII, 259 p.

———

Kobayashi Ushisaburo. Military industries of Japan. Japanese monographs edited by Y. Sakatoni. N. Y., 1922. XV, 269 p. (Public. of the Carnegie endowment for international peace).
Masuda N. Military industries of Japan. N. Y., 1922. XV, 262 p.
Ono Giichi. War and armament expenditures of Japan. N. Y., 1922. XVIII, 314 p. (Publication of the Carnegie endowment for international peace. Division of economics and history).
Utley F. Japan's feet of clay. L., 1937. VIII, 408 p.

———

Institute of international finance. N. Y. Credit position of Japan (Rev.). N. Y., 1930, 27 p.

———

Andréadès A. Les finances de l'empire japonais et leur évolution. P., 1932, 203 p.
Furuya S. Y. Japan's foreign exchange and his balance of international payments... N. Y., 1928, 208 p.
Kambe M. Grundzüge des japanischen Steuersystems der Gegenwart. Uebersetzt und bearb. von Kushimoto. Jena, 1926. 90 S.
Kushimoto T. Japanisches Bankwesen. Stuttgart, 1925. 52 S.

Russell O. D. The house of Mitsui. Boston, 1939. XII, 328 p.

Торговая экспансия Японии. Под ред. Г. Войтинского. М. 1936, 220 стр.

Jsoshi Asahi. The secret of Japan's trade expansion. N. Y., 1934. XIII, 130, 64 p.

Kawakami K. K. Britain's trade war with Japan.— Foreign affairs, 1934. Vol. 12; № 3, p. 483—494.

Lederer E. Japan in world economics. N. Y., 1937, 32 p.

Magami Umeo. Import tariff of Japan, 1926. Tokyo, 1926. 320 p.

· Stein G. Made in Japan. L., 1935. VIII, 206 p.

Wright Ph. The trade and trade barriers in the Pacific. Honolulu, 1935. XVIII. 530 p.

IV. Труд. Революционное движение

Коминтерн и Профинтерн по японскому вопросу. Сборник важнейших документов. М. 1934. 205 стр.

Программные документы коммунистических партий Востока. М. 1934.

Пятый конгресс Профинтерна. Стенографический отчет. М. 1930. Задачи революционного профдвижения в Японии, стр. 678 — 683.

Industrial labour in Japan. Geneva—London, 1933. XVI, 413 p. (International labour office. Studies and reports, A, 37).

Le travail industriel au Japon. Genève—Berlin, 1933, 444 p. (Bureau International du travail. Etudes et documents. A.).

Ватанабе В. А. Жизнь и борьба рабочего класса Японии. М. и Л. 1932. 55 стр.

Катаяма Сен. Капиталистическое наступление в Японии. М. 1923. 40 стр.

Коммунистическая партия Японии против режима войны, голода и бесправия. Речи тт. Окано, Танака, Нисикава, делегатов японской компартии. М. 1935. 48 стр. (VII всемирный конгресс Коммунистического Интернационала).

Лившиц Ю. Японский пролетариат и война в Китае. М. 1940. 140 стр.

Петров А. Н. Японский пролетариат. История, быт и борьба. Л. 1927. 182 стр.

Попов А. Д. Япония. С предисл. Мих. Павловича. М. 1925. 110 стр. (Рабочее движение в странах Востока. Вып. 2-й).

Тани Г. Капитал и труд в Японии. М. 1926. 106 стр.

Топеха П. П. Японский пролетариат в борьбе против империалистической войны. М. 1932. 60 стр.

Туров А. Война и революционное движение в Японии. Хабаровск. 1933. 69 стр.

Хаяма У. Империализм и пролетариат Японии. М. 1936.

Хаяма У. Профдвижение в Японии. М. 1930. 107 стр.

Хаяма У. Рабочее движение в Японии. М. 1937. 157 стр. (Институт мирового хозяйства АН).

Ayusawa Jwao F. Législation et conditions du travail dans l'industrie au Japon. Genève, 1926. VI, 120 p. (Bureau international du travail. Études et documents. sér. B., № 16).

Harada Shuichi. Labour condition in Japan. N. Y., 1928, 293 p.

V. Государственный строй

а) Общие вопросы

Александров Б. А. Государственный строй Японии. М. 1935. 110 стр.

Квигли С. Правительство и политическая жизнь Японии. Перев. И. Звавича. С предисл Л. Зархина. М. 1934. 318 стр.

Тода С Белый террор в Японии. М. 1933. 37 стр.

Beard C. A. The administration and politics of Tokyo. N. Y., 1923. VII, 5, 187 p.

The Japanese elections. — Foreign policy association, 1928. Vol. 3, extra number.

Jto H. Commentaries on the constitution of the empire of Japan. Tokyo. 1931.

Nakano Tomio. The ordinance power of the japanese emperor. Baltimora. 1923. XVIII, 269 p. (Johns Hopkins university studies in historical and pol tical sciences. Extra volumes. New series. № 2).

Oda Yorodzu. Principes de droit administratif du Japon. P., 1928. VIII. 601 p.

Saito Hirosi. Japan's policies and purposes sections from recent addresses and writings. Boston, 1935. X, 231 p.

Sato Hiroshi. Democracy and the japanese government. Present day political problems in Japan. N. Y., 1920, VI, 97 p.

A selection of Japan's emergency legislation. Transl. by W. J. Sebald. Kobe. 1937. XI, 177 p.

б) Буржуазно-помещичьи партии

Жуков Е. К характеристике японского социал-фашизма. «Записки Института востоковедения АН СССР» 1932 г., № 1, стр. 63—123.

Изабелов. Милитаризация японской школы. М. 1934. 39 стр.

Хамадан Ал. Япония на путях к «Большой войне». Военно-фашистский заговор в Токио 26—29 февраля 1936 года. М. и Л., 1936. 46 стр.

Causton E. E. M. Militarism and foreign policy in Japan. L., 1936, 207 p.

Kennedy M. D. The military side of Japanese life. Boston — New York, 1925, XIX, 367 p.

Political realignments in Japan. — Foreign policy association, 1932, October, p. 8—17.

в) Вооруженные силы

Владимиров М. А. Воздушный флот Японии. М. 1934. 59 стр.

Стрешневский А. Воздушный флот Японии. Справочные сведения. М. 1934. 276 стр.

Шведе Е. Е. Военно-морской флот Японии. М. и Л. 1939. 60 стр.

Hasegawa Nyozekan. Critique of Japanese fascism. Tokyo, 1932. 411 p.

Kennedy M. D. Some aspects of Japan and his defence forces. L., 1928. V, 243 p.

Ogawa Gotaro. Conscription systems in Japan. N. Y., 1921. XII, 245 p. (Publications of the Carnegie endowment for international peace.

VI. Колониальная политика

Раппопорт В. Маньчжурия. М. 1940. 112 стр. (Институт мирового хозяйства АН).

Тадао Яутихара. Формоза под властью японского империализма. М. 1934. XX, 162 стр.

Asami Noboru. Japanese colonial government. N. Y., 1924, 82 p.

Clyde P. Japan's pacific mandate. N. Y., 1935. VI, 244 p.

Kolu Li. Korea und sein Unabhängigkeitskampf gegen Japans Imperialismus. B., 1927.

Yanaibara Tadao. Pacific islands under japanese mandate. A report in the international research series of the Institute of Pacific relations. Shanghai, 1939. X, 312 p.

VII. Внешняя политика Японии. Тихоокеанская проблема

а) Общие вопросы

Tanaka. Japan and the next world war. Secret memorial, concerning Manchuria, Mongolia, China, USA, and the world. Submitted by Tanaka to the Japanese emperor in 1927. Shanghai, 1931. II, 42 p.

Денлингер. Война на Тихом океане. Проблемы будущей войны. Перев. с английского. М. и Л. 1939. 228 стр.

Коровин Е. А. Япония и международное право. Предисл. Н. Игнатьева. М. 1936. 246 стр.

Мотылев В. Е. Тихоокеанский узел второй империалистической войны. М. 1940. 200 стр.

Стимсон Г. Л. Дальневосточный кризис. Воспоминания и наблюдения о событиях на Дальнем Востоке в 1931 и 1932 гг. Перев. с английского. М. 1938. XVI, 196 стр.

Хаяма У. Современный японский империализм. М. 1932. 94 стр.

Chamberlin W. H. Japan over Asia. Boston, 1937. VII, XII, 395 p.

Chassagne H. Le Japon contre le monde. P., 1938, 275 p. (Collection «Problèmes»).

Etherton P. T. and Tiltman H. H. Japan mistress of the pacific? L., 1934, 302 p.

Hindmarsh A. The basis of Japanese foreign policy. Cambridge, 1936, 265 p.

Jensen G. Japan's Seemacht. Der schnelle Aufstieg im Kampf um Selbstbehauptung und Gleichberechtigung in den Jahren 1853—1937. B., 1938, 379 S.

Kawakami K. K. Japan's pacific policy, especially in relation to China, the Far East and the Washington conference N. Y., 1922. XIV, 380 p.

Klévanski G. Le «monroisme» japonais. P., 1935, 174 p.

O'Conroy T. The menace of Japan. 3-d impr. L., 1933. 294 p.

Redmann N. V. Japan in crisis. An englishman's impressions. L., 1935, 223 p.

Smith W. Japan at the crossroads. L., 1936, 125 p.

Smith W. Où en est le Japon? P., 1936. 116 p.

Zischka A. Japan in der Welt. Die japanische Expansion seit 1834—1934. Lpz., 1938, 341 S.

б) Вашингтонская конференция

Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М. 1927. 218 стр. Постановление Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. по китайским делам, стр. 204—208.

Documents diplomatiques. Conférence de Washington. Juillet 1921 — février 1922. P., 1923. XI, 208 p. (France. Ministère des affaires étrangères).

Treaty between the United States, the British empire, France, Italy and Japan. Limitation of naval armament signed at Washington, February 6, 1922. Washington, 1923, 35 p. (Conference on the limitation of armament. Washington, 1921—1922).

Washington conference on limitation of armaments. P. 1—2. N. Y., 1921—1922.

Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам 1921 до 1922 г. М. 1924. 139 стр.

Buell R. L. The Washington conference. N. Y.— L., 1922. XII, 461 p.

Ichihashi Yamato. The Washington conference and after. A historical survey. Stanford University, California, 1928. XII, 443 p.

Latimer H. Naval disarmament. A brief record from the Washington conference to date. Pref. by P. H. Kerr. L., 1930. VIII, 112 p. (Chatham house monographs, № 3).

Millard T. F. Conflict of policies in Asia. L., 1924. 507 p.

в) Лондонские морские конференции

Documents of the London naval conference 1930. Consisting of the treaty signed on april 22, 1930 the minutes of plenary meetings. L., 1930, 565 p.

Documents of the London naval conference 1935. L., 1936, 967 p. (Foreign office).

The London naval conference 1935. Report of the delegates of the United States of America, text of the London naval treaty of 1936 and other documents. Washington, 1936 VII, 444 p. (The department of state, Conference series, № 24).

Bouy R. Le désarmement naval. La conférence de Londres. P., 193. 284 p.

Harris H. W. Naval disarmament. L., 1930, 124 p.

Morgan L. P. The background of the London naval conference with comparative statistics on the five navies. Washington, 1930, 76 p.

г) Япония и Китай

Ян Чжу-лай. Японские империалисты в Шанхае. М. 1932. 80 стр.

Ahlers J. Japan closing the «open door» in China. Shanghai, 1940, 140 p.

Bisson T. A. Japan in China. N. Y., 1938, 417 p.

Против японского империализма, за спасение родины. Сборник важнейших документов о борьбе китайских народных масс против японского империализма. М. 1935. 232 стр.

Le brigandage japonais en Mandchourie. Mémorandum présenté par le président du conseil japonais à l'empereur du Japon. P., 1932, 54 p.

Conditions in Manchuria. Message from the president of the United States transmitting in response to Senate resolution № 87, a report by the secretary of state relative to the existing conditions in Manchuria. Washington, 1932, 56 p. (U. S. Department of state).

Relations of Japan with Manchuria and Mongolia. Documents B. (Rev. ed.) S. l., 1932.

Аварин В. Империализм в Маньчжурии. 2-е изд. Т. 1—2. М. и Л. 1934. (Институт мирового хозяйства АН).

Арима. Уличные бои японских морских десантов в Шанхае. Сокращ. пер. с японского. М. 1935. 104 стр.

Бушманов Н. С. Боевые действия японской армии в Маньчжурии и Шанхае 1931—1933. М. 1940. 143 стр. (Военно-историческая библиотека).

Жданов М. Г. и Топеха В. Японский империализм в Маньчжурии. С предисл. А. Лозовского. М. 1931. 77 стр.

Хагер В. Японская интервенция в Китае. Москва и Хабаровск. 1932. 73 стр.

The history of the Kuramoto incident. Being a full account of the mysterious disappearance of a japanese vice-consul at Nanking in the summer of 1934. Shanghai, 1934, 72 p.

Hsü Shuhsi. Essays on the Manchurian problem. Shanghai, 1932, 349 p.

Hsü Shuhsi. Japan's fifty-four cases. N. Y., 1932, 46 p.

Kawakami Kiyoshi. Japan speaks on the sino-japanese crisis. N. Y., 1932, 200 p.

Meng Chin. China speaks. On the conflict between China and Japan. With an introd. by W. W. Yen. N. Y., 1932. XX, 211 p.

Remer C. P. Foreign investments in China. N. Y., 1933. XXI, 708 p. (Institute of Pacific relations, vol. 4).

Sorge W. Krieg entbrennt am Pazifik. B., 1934, 229 S.

Wing Mah N. and Chang C. F. Sino-japanese relations since the Tangku truce May 31, 1933. A brief historical survey. Prepared for the Sixth conference of the Institute of Pacific relations Yosomite national park, California, Aug. 15—29. 1936. S. l, China Institute of Pacific relations, 1936. 20 p.

Wou P. La vérité sur la Mandchourie. Préface de M. C. Rousseau. P., 1936. X, 291 p.

L'agression japonaise et la conférence des neuf puissances à Bruxelles. Bruxelles, 1938, 78 p.

Chiang. Generalissimo Chiang's statements following the publication of Wang Ching Wei's secret agreement with Japan. Chungkin, 1940, 32 p.

The conference of Brussels, November 3—24, 1937. Convened in virtue article 7, of the Nine-power treaty of Washington of 1922. Washington, 1938. IV, 82 p.

Documents concerning the sino-japanese conflict, comp. by Lin Mousheng Hsitien. N. Y., 1938, 89 p. (China reference series. Vol. 2. Jan. 28, 1938. Complete vol.).

Japanese aggression and the Nine-power conference at Brussels. Vol. 1—2. Brussels, 1937.

The sino-japanese crisis. 1937. First comprehensive, authentic, factual statement, with official American and Japanese documents. Published by the Japanese chamber of commerce of New York. N. Y., 1937, 91 p.

Ван Мин. Новый этап агрессии японского империализма и новый период борьбы китайского народа. М. 1937. 28 стр.

Hsia C. L. Foreign press opinions on sino-japanese hostilities in Shanghai, 1937. Comp. by C. J. Hsia. Nanking, 1937, 47 p. (Information bulletin, vol. 4, № 12, 1937).

Hsü Shuhsi. How the Far Eastern war was begun. Prepared under the auspices of the Council of international affairs, Hankow, Shanghai, 1938, 97 p.

Hsü Shuhsi. Japan and Shanghai. Shanghai, Hongkong, Singapore. 1938. 8, 104 p. (Political and economic studies, № 4).

Hsü Shuhsi. The war conduct of the Japanese. Shanghai, 1938.

La presse chinoise et le conflit Sino-japonais 1937. Japanese aggression and Chinese opinion. Par le Bureau du Kouomintang en Europe (Paris). P., 1938, 156 p.

д) Япония и Лига наций

Actes de la session extraordinaire de l'Assemblée convoquée en vertu de l'article 15 du pacte sur la demande du gouvernement chinois. Vol. I, Genève, 1932.

Appeal by the chinese government. Report. Geneva, 1932, 148 p. (League of nations).

The Far Eastern problem. Official texte and summary of the Lytton report. Worcester — New York, 1933, 87 p.

Japanese aggression and the League of nations. Vol. I—8. Geneva, 1937—1940.

Japanese aggression and world opinion (July 7 to Oct. 7, 1937). Geneva, 1937, 127 p.

Koo V. K. Wellington. Memoranda. Presented to the Lytton commission. Vol. 1—2. N. Y., 1932.

La lettre adressée à la Commission d'inquète des Sociétés des nations sur la situation mandchourienne par la Chambre de commerce de Shanghai. L'article: Une refutation aux fausses représentations japonaises sur les causes amenant à la crise sino-japonaise. La deuxième lettre (en anglais). S. l., 1932, 26 p. (Shanghai. Chambre de commerce).

The sino-japanese conflict and the League of nations. 1937. Speeches, documents, press comments. Ed. by C. Kuangson Young. Geneva, 1937. 250 p.

The sino-japanese controversy and the League of nations, comp. by Willoughby, W. W. Baltimore, 1935, XXV, 733 p.

The verdict of the League; China and Japan in Manchuria. The official documents with notes and an introduction by M. O. Hudson. Boston, 1933, 102 p.

———

Tullié A. R. La Mandchourie et le conflit sino-japonais devant la Société des nations. P., 1935, 379 p.

е) Советско-японские отношения

Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах. Подготовил к печати И. Минц. М. 1934. 235 стр. (Центрархив. Массовая историческая библиотека).

———

Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918—1920). Перев. с английского А. Ф. Сперанского и С. С. Соколова. М. 1932. XVII, 247 стр.

Как мы били японских самураев. Сборник статей и документов. М. 1938. XX, 339 стр.

Павлович, М. РСФСР в империалистическом окружении. Вып. 4. Японский империализм на Дальнем Востоке. М. 1923, 145 стр.

Рейхберг Г. Разгром японских интервентов на Дальнем Востоке. 1918—1922. М. 1940, 210 стр.

Союзная интервенция в Сибири (1918—1919). Записки начальника английского экспедиционного отряда Джона Уорда с предисл. И. Майского. М. и Л. 1923. 171 стр.

Japanese intervention in the Russian Far East. Washington, 1922. VII, 164 p.

Schuman F. L. American policy toward Russia since 1917. A study of diplomatic history, international law and public opinion. N. Y., 1928. IX, 10, 399 p.

ж) Япония и США

Аварин В. Я. Япония и Америка. М. и Л. 1936.

Кайиро Сато. Япония и Америка в их взаимоотношениях. 1923. 141 стр.

Катаяма Сен. Япония и Америка. Перев. с английской рукописи А. И. Певзнер. М. 1925. 59 стр.

Japan's trade boom does it menace the United States? «Foreign policy reports». 1936. Vol. 12, p. I.

Ireland, T. War clouds in the skies of the Far East. N. Y., 1935. 452 p.

Tokutomy Tiçhiro. Japanese-american relations. Transl. by S. Yanagiwara. N. Y., 1922. XVI, 207 p.

Yoshitomi, M. Les conflits nippo-américains et le problème du Pacifique. P., 1926, XV, 388 p.

з) Япония и Британская империя

Australia and the Far East. Diplomatic and trade relations. Ed. by Cl. Ross. Foreword by Th. Bavin, S. I. 1935, IX. 310 p.

Australian foreign policy, 1935—1936. Paper presented at the sixth conference of the Institute of Pacific relations. Yosemite, 1936, 88 p.

Cuttack F. M. The Manchurian arena; an Australian view of the Far Eastern conflict. Sydney, 1934. VIII, 76 p.

Gulick S. Toward understanding Japan. Constructive proposals for removing the menace of war. N. Y., 1935, 270 p.

Willert A. and others. The empire in the world. N. Y., 1937. 337 p.

VIII. Библиография и справочники

Японское хозяйство. Статистический сборник. Хабаровск. 1926. II, 165 стр. (Дальневосточная краевая плановая комиссия).

Academic and cultural organizations in Japan. Compiled by the National Committee of Japan on intellectual cooperation. Tokyo, 1939. 525 p.

Bibliographie der Sozialwissenschaften. Jhrg. — B., 1905. — В настоящее время выходит под заглавием: Bibliographie der Staats- und Wirtschaftswissenschaften.

Bibliographie von Japan. Hrsg. von O. Nachod. Bd. 1—6. 1906—1937. L.— Lpz., 1928—1939.

Bibliographie von Japan 1936—1937. Mit Erg. f. d. j. 1906—1935. Bd. 6. des Gesamtwerkes. №№ 25377—33621. Bearb. v. Wolf Haenisch und Hans Paesent. Leipzig. Hiersemann, 1940, XI, 5695.

Japon. Bureau de la statistique générale. Résumés statistique de l'émpire du Japon. Tokio, 1887.—

Japon. Bureau de la statistique générale. Résumé statistique du mouvement de la population de l'émpire du Japon. Tokio, 1920.—

Japan. The Department of finance. Annual return of the foreign trade of Japan. Tokyo. Annual.

Japan. Department of finance. Financial and economic annual of Japan. Vol. I—. Tokyo, 1901.—

Japan-Manchoukuo year-book. Tokyo, 1934.—

Japan year-book. Vol. 1—31. Tokyo. 1906—1931. (Contains a section: «Who's who in Japan»).

The Japan year-book. Tokyo. The Foreign affairs association of Japan, 1933.—

International bibliography of historical sciences. Vol. 1—8; 12 (F. t. y. 1926—1933; 1937).

Kerner R. Northeastern Asia, a selected bibliography. Contributions to the bibliography of the relations of China, Russia and Japan, with special reference to Korea, Manchuria, Mongolia and Eastern Siberia, in oriental and european languages. Vol. 1—2 Berkeley university of California press. 1939.

Langer W. and Armstrong H. Foreign affairs bibliography. A selected and annotated list of book on international relations 1919—1932. N. Y.—L., 1933. XVII. 551 p.

Social science absracts. A comprehensive abstracting and indexing journal of the world's periodical literature in the social sciences. N. Y., 1929—1932.

The who's who in Japan. Tokyo, 1933.—

IX. Периодические издания (газеты и журналы)

Записки Института востоковедения АН СССР. Л. 1932—1937.

Коммунистический Интернационал. М. 1919.—

Материалы по национально-колониальным проблемам. М., 1931—1937.

Международная жизнь. М. 1922—1930.

Мировое хозяйство и мировая политика. М. 1926.—

Новый Восток. М. 1922—1930.

Революционный Восток. М. 1927—1937.

Тихий океан. М. 1934—1938.

Amerasia. N. Y. 1937.—

Contemporary Japan. Tokyo. 1932.—

Far-Eastern review: engineering, commerce, finance. Manila — Shanghai. 1904.—

Far-Eastern survey. N. Y. 1932. —

Foreign Affairs. An American quarterly review. N. Y. 1922.—

Japan Advertiser. Yokohama. 1895. В 1940 г. слился с Japan Times.

Japan Chronicle. Weekly edition. Kobe. 1897.—

Japan Times. The only political paper in the English languages edited by japanese. Tokyo, 1897.—

Oriental Economist. Tokyo. 1895.—

Pacific Affairs. Journal of the Institute of Pacific relations. Honolulu — New York. 1928.—

Tokyo Gazette. A monthly report of currend policies, official statements and statistics. Tokyo, 1937.—

Фундаментальная библиотека по общественным наукам Академии наук СССР. Сектор истории. Сост. Г. Иоганнсен, редактор—Н. Ерофеев

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

История СССР

Панкратова А. *Первая русская революция 1905—1907 гг.* Политиздат при ЦК ВКП(б). 1940. 187 стр. 3 руб.

Книга проф. А. Панкратовой является первой марксистской работой, дающей популярный очерк революции 1905 г. в целом—от выступления петербургского пролетариата до вооруженного восстания в Москве, провинции и национальных районах. В книге дан богатый конкретный материал, особенно по вооруженному восстанию в Москве и других городах, дан анализ предпосылок революции и причин ее поражения.

Бакинская стачка 1904 года. Сборник документов из фондов Центрального архива революции (ЦАР), библиотеки ИМЭЛ, Института истории партии им. Шаумяна в Баку и др. Госполитиздат. 1940. 126 стр. 3 руб.

Сборник содержит прокламации Бакинского, Петербургского и других комитетов РСДРП(б), корреспонденции в газете «Вперед» и правительственные документы. Собранные материалы характеризуют революционную борьбу бакинского пролетариата под руководством большевистской партии.

Самойлов Ф. *По следам минувшего.* С предисловием акад. Ярославского. Госполитиздат. 1940. 268 стр. 10 руб.

Книга является воспоминаниями старого большевика-рабочего, члена большевистской фракции IV государственной думы Ф. Н. Самойлова. Воспоминания тов. Самойлова дают яркую картину подпольной работы Ивановской организации большевиков в период первой революции и деятельности большевистской фракции в IV государственной думе. В книге рассказывается о жизни ссыльных членов фракции в Сибири на поселении, о встречах с товарищами Сталиным и Свердловым. Книга написана живым литературным языком и дает много ценного материала по истории большевистской партии и революционного движения.

Белоруссия в борьбе против польских захватчиков в 1919—1920 гг. Госполитиздат. 1940. 189 стр. 8 руб.

Сборник составлен по воспоминаниям рабочих, колхозников, красных партизан, работников большевистского подполья Белоруссии и по материалам комиссии по расследованию польских зверств. Статьи сборника и приводимые документы дают исключительный по своей яркости материал, освещающий героическую борьбу белорусского народа против белопанов.

Сборник подготовлен к печати научными сотрудниками секретариата главной редакции «Истории гражданской войны» О. Шекун, Р. Кроль и Н. Трусовой.

Л. К.

История древнего мира

Andrae Walter. *Das wiedererstandene Assur.* Leipzig, 1938. XII+ + 232 S.

Андре Вальтер. *Воскресший Ассур.*

Первая часть книги носит название «Ассур при короле Санхерибе». В ней дается описание Ассура в VII веке до нашей эры. Вторая часть называется «Ассур в историческом становлении». Здесь автор последовательно описывает наслоения различных эпох в Ассуре, начиная с момента его возникновения. Затем излагается ход раскопок. К тексту приложено около сотни фотографий различных находок, обнаруженных при раскопках Ассура, а также план этого города.

Patric Carleton. *Buried empires. The earliest civilizations of the Middle East.* London, 1939. 290 p.

Патрик Карльтон. *Погибшие империи. Древнейшие цивилизации Среднего Востока.*

Книга посвящена истории «самых древних цивилизаций Среднего Востока»—Двуречья и Древней Индии— и охватывает период от возникновения древнейшей суммерийской культуры до возвышения Ассирии (около 3 тысяч лет до н. э.— 700 лет до н. э.). Работа написана на основе археологического материала и носит одновременно исторический и археологический характер. К книге приложены многочисленные иллюстрации, 2 карты и синхронистическая таблица.

История нового времени

Hassel Ulrich von. *Das Drama des Mittelmeers.* Berlin, 1940. 176 S.

Ульрих фон Гассель. *Средиземноморская драма.*

Книга посвящена международной роли Средиземного моря и истории средиземно-

морской политики держав. Автор начинает с изложения основ средиземноморской политики и обзора «носителей этой политики», т. е. держав, заинтересованных в Средиземном море (к их числу автор относит и Россию). Далее дается обзор периодов средиземноморской политики от греко-персидских войн до XIX века. В заключение автор характеризует современную средиземноморскую политику Англии, Франции, Италии и Испании и описывает «арабско-сирийское и североафриканское движение» за участие в определении судеб Средиземноморья. К книге приложены хронологическая таблица и карты.

Naujoks Eberhard. *Die katholische Arbeiterbewegung und der Sozialismus in den ersten Jahren des Bismarckschen Reiches*. Berlin, 1939. 136 S.

Науйокс Эбергард. *Католическое и социалистическое рабочее движение в первые годы бисмарковской империи.*

Автор указывает, что с самого основания «империя Бисмарка имела в качестве противников два направления политической жизни: социал-демократию и политический католицизм». Автор анализирует влияние социалистических идей на католическое рабочее движение и борьбу идей католицизма с марксизмом. На основании этого анализа он приходит к выводу, что между марксизмом и католицизмом никогда не существовало настоящего союза и что оба направления постоянно боролись друг с другом за руководство рабочим движением. Работа написана на основании неопубликованных архивных материалов.

Thompson Charles M. and Jones Fred M. *Economics development of the United States*. A first course. New York, 1940. 794 p.

Томпсон Ч. и Джонс Ф. *Экономическое развитие Соединенных штатов Америки.* Элементарный курс.

Книга представляет собой вузовский учебник по экономической истории США. Она охватывает период с 1607 г. (основание первого постоянного английского поселения в Америке) до наших дней (1939). Книга делится на 5 основных разделов: 1. Основание США (1607—1789). 2. Рост национализма (1789—1860). 3. Промышленная экспансия (1860—1917). 4. Война и послевоенный период (1917—1929). 5. Отступление и восстановление (1929—1939). Для облегчения работы студентов к каждой главе книги приложены выдержки из документов. Таким образом, она является и учебником и хрестоматией одновременно. Книга снабжена статистическими таблицами, иллюстрациями и хронологической таблицей.

Oakeshott. *The social and political doctrines of contemporary Europe*. Cambridge, 1939. VII + 241 p.

Оэйкшот. *Социальные и политические доктрины современной Европы.*

Книга представляет сборник документов, характеризующих, по мнению автора, пять основных направлений современной политической мысли: коммунизм, парламентский демократизм, национал-социализм, фашизм и католицизм. В книге приведены отрывки из теоретических работ и программных документов. Так, в разделе «Парламентский демократизм» приводятся отрывки из произведений Линкольна, Токвиля, Джона Стюарта Милля и др.; в разделе «Фашизм» — статья Муссолини «Доктрина фашизма», отрывки из устава фашистской партии и др.; в разделе «Католицизм» дается ряд папских булл и энциклик и т. д. Крупнейшим разделом книги является раздел, посвященный коммунизму. В нем приводятся отрывки из «Коммунистического манифеста», из книги Ленина «Государство и революция» и других ленинских работ, ряд статей из «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа» и Конституции СССР.

Sicilia e Piemonte nel 1848—1849. Corrispondenza diplomatica del Governo del Regno di Sicilia con la missione inviata in Piemonte per l'offerta della corona al Duca di Genova. Roma, 1940. 308 p.

Сицилия и Пьемонт в 1848—1849 гг. Дипломатическая переписка правительства королевства обеих Сицилий с миссией, посланной в Пьемонт для предложения короны герцогу генуэзскому.

Книга содержит ряд документов из государственного архива г. Палермо, опубликованных Институтом истории итальянского Возрождения. Письма относятся к периоду с 16 апреля 1848 г. по 9 апреля 1849 года. В это время, после свержения короля Фердинанда II, сицилийское монархическое правительство искало принца, способного занять сицилийский престол. Наиболее подходящим кандидатом для этой цели считался герцог генуэзский Альберт-Амедей, который и был избран королем обеих Сицилий. С целью добиться его согласия на принятие короны сицилийское правительство послало в Пьемонт специальную миссию, переписка с которой и составляет содержание книги. Напечатанные в книге 135 писем содержат разнообразный материал о международном положении в Европе во время революции, о позиции держав по отношению к революции в Италии, о политическом и экономическом положении Сицилии, внешней и внутренней политике Сардинского королевства, о вой-

не 1848—1849 гг. с Австрией и являются ценным источником по истории революции 1848—1849 гг. в Италии.

Falls C. *History of the Great War. Military operations.* France and Belgium, 1917. London, 1940. XXXIX + 586 p.

Фоллс К. *История великой войны. Военные действия. Франция и Бельгия. 1917.*

Разбор военных операций 1917 г. во Франции и Бельгии. В первых главах описываются передвижения германских войск, связанные с их отходом к линии Гинденбурга, в последующих дан детальный разбор боев на р. Аррас с 9 апреля по 24 мая 1917 года. К книге приложено большое количество схем и карт, иллюстрирующих отдельные моменты боев, а также календарь важнейших событий.

Davis Charles. *The cotton kingdom in Alabama.* Montgomery, 1939. VIII + 233 p.

Дэвис Ч. *Царство хлопка в Алабаме.*

В книге дано описание плантационного хозяйства Алабамы к началу гражданской войны 1861—1865 гг. в Северной Америке. В главе I дается географический очерк Алабамы, ее почв и климата; в главе II освещается вопрос ее заселения; в главе III описываются методы управления плантацией; глава IV трактует вопрос о покупке рабов и условиях их жизни; в главе V рабовладение рассматривается с точки зрения современного законодательства; главы VI и VII посвящены хлопку (его значение в системе плантационного хозяйства, транспорт, экспорт и т. д.); в главе VIII разбирается вопрос о прибыльности плантационного хозяйства. В приложении приводятся данные о распределении негров-рабов по различным районам Алабамы за 1820, 1830, 1840, 1850, 1860 годы и о доле отдельных районов в общей хлопковой продукции Алабамы за 1850 и 1860 годы.

Bohner Theodor. *Der deutsche Kaufmann über See. Hundert Jahre deutscher Handel in der Welt.* Berlin, 1939. 491 S.

Бонер Т. *Немецкий купец за океаном. Сто лет германской мировой торговли.*

Книга о заокеанской торговле Германии. Прослеживается ее развитие, начиная с середины XVIII века. Затем автор характеризует отдельные рынки и положение на них Германии. Специальные разделы посвящены Северной Америке, Центральной Америке, Южной Америке, Дальнему Востоку (Китай, Япония), Индийскому океану и Южным морям, Африке. В конце книги даны таблицы и цифры по внешней торговле Германии за последние годы.

Lüpke Helmut. *Historische Fälschungen als Werkzeug der Politik.* Berlin, 1940. 57 S.

Люпке Г. *Исторические фальсификации как орудие политики.*

Содержание книги: церковные подделки раннего средневековья (константинов дар, лжеисидоровы декреталии и др.), подделанные политические завещания эпохи абсолютизма (завещания Ришелье, герцога Карла Лотарингского, Петра Великого), германские подделки XVII—XVIII вв., чешские литературно-политические подделки первой половины XIX века. В качестве образца фальшивок Антанты накануне первой мировой империалистической войны приводится «доклад германского генерального штаба» весной 1913 года. Дальше идут подделки Антанты, изготовленные в пропагандистских целях в годы войны 1914—1918, а также фальшивки, связанные с версальским договором, шпеттовская карта восточных провинций Германии и др.

История колониальных и зависимых стран

Hänel Karl. *Vom Sudan zum Kap.* Leipzig, 1939. 153 S.

Генель К. *От Судана до Капской земли.*

Автор — один из пионеров германской колониальной политики в Африке — дает политический, экономический и исторический обзор стран Восточной и Южной Африки: Англо-Египетского Судана, Итальянской Восточной Африки, Британского Сомали, Занзибара и др. Специальные главы посвящены экономическому проникновению Японии в Восточную Африку и индусскому вопросу в Африке. Особое внимание автор уделяет бывшим германским владениям в Восточной Африке и колониальным требованиям Германии.

Gaither R. *Expropriation in Mexico. The facts and the law.* New York, 1940. XI + 204 p.

Гайтер Р. *Экспроприация в Мексике. Факты и закон.*

Тема книги — экспроприация собственности иностранных нефтяных компаний в Мексике. Первым шагом мексиканского правительства в этом направлении автор считает мексиканскую конституцию 1917 года. В главе I он излагает основные моменты, связанные с этим вопросом, начиная с 1917 г. до конца 1939 г.; в главе II характеризуются права нефтяных концессионеров

согласно мексиканскому законодательству; глава III дает анализ законов и декретов мексиканского правительства об экспроприации. Главы IV и V посвящены описанию функций верховного суда Мексики как высшего органа в делах об экспроприации и процедуры прохождения этих дел. Главы VI и VII содержат анализ целого ряда конкретных случаев, связанных с экспроприацией. Глава VIII посвящена специально решению верховного суда Мексики от 2 декабря 1939 г. по поводу декрета президента Карденаса об экспроприации имущества английских и американских нефтяных компаний от 18 марта 1938 года. Хотя автор и заявляет, что он «не представляет какую-либо нефтяную компанию», однако он крайне враждебно относится к мероприятиям правительства Карденаса и объявляет их незаконными даже с точки зрения мексиканского законодательства.

М. Альперович,
А. Беленький

Henderson Nevile. *Failure of Mission*. New York, 1940.

Гендерсон Н. *Неудача одной миссии.*

Книга Гендерсона, бывшего английского посла в Берлине, посвящена описанию политических событий, предшествовавших возникновению второй империалистической войны в Европе. Пребывание Гендерсона в Берлине (с 30 апреля 1937 г. по 4 сентября 1939 г.) относится к периоду резкого обострения международной обстановки в Европе.

В первой части автор довольно подробно и в осторожных выражениях описывает общую ситуацию в Европе в момент его назначения британским послом в Германии, свой приезд в Берлин, первые впечатления, встречи и разговоры с государственными деятелями Германии по вопросу об англо-германских отношениях.

Вторая часть мемуаров Гендерсона посвящена событиям в Австрии и Чехословакии весной—осенью 1938 г., мюнхенскому соглашению и, наконец, обострению польско-германских отношений летом 1939 года. Значительное место в книге Гендерсона занимают его личные впечатления и характеристики государственных и общественных деятелей современной Германии.

Свои довольно объемистые мемуары Гендерсон написал в рекордно короткие сроки, через месяц после приезда из Берлина (в октябре 1939 г.). Гендерсон признает в предисловии что его книга содержит много противоречий и еще больше недоговоренностей Для советского историка интерес представляет не только самая книга Гендерсона, но и приложения к ней, где помещены некоторые очень важные документы. К числу таковых относятся: письмо германского рейхсканцлера Чемберлену от 27 сентября 1938 г., письмо Чемберлена Гитлеру от 22 августа 1939 г., ответ рейхсканцлера от 23 августа того же года и другие не менее интересные документы.

К. Ющак

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Научная работа на историческом факультете Могилевского педагогического института (БССР)

Исторический факультет Могилевского пединститута объединяет две кафедры: истории СССР и всеобщей истории. Кафедры ставят своей задачей подготовку молодых сотрудников к сдаче кандидатского минимума и к оформлению диссертаций.

В октябре 1940 г. заведующий кафедрой всеобщей истории М. Коган защитил диссертацию при Ленинградском государственном университете на степень кандидата исторических наук. Для диссертации была избрана слабо разработанная в науке тема: «Католическая реставрация в Англии (царствование Марии Тюдор)». Автор уделил главное внимание социальному движению и социальным силам так называемой католической реставрации, в частности дал детальную картину полузабытого, но весьма интересного восстания Уайатта (1554).

В ближайшее время состоится защита диссертации на соискание степени кандидата исторических наук старшего научного сотрудника местного музея и доцента Института В. Р. Тарасенко. Тов. Тарасенко посвятил свою диссертацию обобщению своей многолетней работы над раскопками ранних городищ верховьев Днепра. Диссертация будет обсуждаться в Институте истории Академии наук БССР в Минске.

Истории местного края посвящена и диссертация, подготовляемая старшим преподавателем Л. Н. Преображенской, избравшей темой диссертации «Чиншевую реформу в Белоруссии конца XIX века».

Старший преподаватель М. Н. Артеменков заканчивает кандидатскую диссертацию на тему о промышленной политике Екатерины II.

120-летие со дня рождения Ф. Энгельса было отмечено рядом научных докладов, поставленных на кафедрах.

В сборник научных работ истфака, сданный в печать, вошли работы ряда сотрудников кафедры. Статья доцента А. А. Михайлова «Славянофилы и крепостное право» представляет собой главу из защищавшейся им в прошлом году кандидатской диссертации. Анализируя переписку виднейших славянофилов, тов. Михайлов приходит к выводу, что славянофилы являлись противниками крепостного права.

Доцент В. Р. Тарасенко представил в сборник три статьи, посвященные истории местного края: «Восстание Наливайко в 1595 г.» (история восстания Наливайко против польско-литовского гнета непосредственно связана с историей города Могилева), «Кричевское восстание 1740—1744 гг.» (город Кричев, ныне районный центр Могилевской области, был в 1740—1744 гг. ареной неизученного еще до сих пор широкого антифеодального движения), третья статья тов. Тарасенко посвящена раскопкам городища Барсучья Горка в окрестностях Могилева, произведенным в 1936—1937 годах.

Нужно отметить также, что члены кафедры нередко выступают с лекциями на предприятиях и в клубах города.

Ближайшими задачами кафедры являются повышение научной активности сотрудников, еще большее вовлечение тем из истории местного края в круг научных интересов сотрудников, втягивание лучших студентов в научную работу.

М. К.

Научная работа на историческом факультете Краснодарского пединститута

В составе Краснодарского истфака имеются 2 кафедры: кафедра истории народов СССР (заведующий кафедрой—доцент М. В. Покровский) и кафедра всеобщей истории (вр. и. о. заведующего кафедрой — доцент Б. И. Иванов). Эти кафедры объединяют коллектив в 13 человек.

Институт вступил осенью 1940 г. в 21-й год своего существования, за это время он создал библиотеку более чем в 180 тыс. томов. При Институте имеется большой Историко-археологический музей.

Доцент кафедры истории народов СССР М. В. Покровский 5 ноября 1940 г. за-

щитил в Ленинградском пединституте диссертацию на степень кандидата исторических наук «К истории взаимоотношений русского царизма и адыгейских феодалов в первой половине XIX века». Диссертация получила высокую оценку, и декан истфака проф. А. Е. Кудрявцев поставил вопрос о ее издании в «Трудах Института имени Герцена». Тов. Покровский приступает к собиранию материала по докторской диссертации.

По кафедре всеобщей истории и. о. профессора Ю. А. Иванов пишет докторскую диссертацию о заговоре Катилины. Краткий автореферат ее (1-я часть) напечатан в № 1 «Вестника древней истории» за 1940 год. Там же предполагается напечатать историографическую главу. Развернутое изложение 1-й части (на 4 печ. лист.) вышло в VII томе «Трудов Института».

Ю. А. Ивановым сданы в антирелигиозную секцию Института философии АН СССР две статьи: «Церковь и государство в Византии» и «Кто убил императора Юлиана?»

Н. В. Анфимов (старший научный сотрудник Краевого музея и и. о. доцента пединститута) заканчивает большую работу — «О культуре сарматских могильников Прикубанья». Работа написана на основании материала раскопок у станицы Варениковской. Доцент Б. И. Иванов собирает материал для диссертации о братьях Гракхах.

Старший преподаватель древней истории В. М. Самсонов сдал в марте 1940 г. кандидатский минимум в Москве в МИФЛИ и теперь работает над кандидатской диссертацией «Римское магнатство при династии Юлиев — Клавдиев».

Преподаватели А. И. Мельниченко, Г. Е. Улько и З. И. Чеснюк приступают к сдаче кандидатского минимума.

В первой половине декабря кафедры общими силами провели научно-теоретическую конференцию, посвященную историческим работам Ф. Энгельса.

Кроме того работают три студенческих научных кружка: 1) по древней и средней истории (руководитель — Б. И. Иванов), 2) по истории народов СССР (руководитель — М. В. Покровский) и 3) по подготовке в аспирантуру (руководитель—Ю. А. Иванов).

Очень тормозит работу (особенно студенческую) то, что в библиотеке Института все книги дореволюционного издания почему-то сданы в «специальный архив», что затрудняет пользование ими.

Ю. Иванов

Защита диссертаций

На истфаке Московского государственного университета

Во второй половине 1940 г. на истфаке МГУ защищался ряд диссертаций на темы, освещающие период монополистического капитализма в России.

25 июня Д. Шполянский защищал диссертацию «Монополистические организации довоенного Донбасса и Криворожья».

Диссертант поставил себе задачей раскрыть общие теоретические положения В. И. Ленина о соотношении монополии и конкуренции в эпоху империализма на конкретном примере монополистических организаций юга России и выяснить, какое влияние на развитие монополий и конкурентную борьбу оказывали особенности русского военно-феодального империализма.

По отзыву проф. С. Выгодского, диссертантом эта задача разрешена «с большой последовательностью и теоретической глубиной». Недостатками работы являются отсутствие критического очерка литературы вопроса и недостаточная разработка вопроса о переходе к трестированию.

Проф. Г. Грановский также признал, что диссертант справился со своей задачей успешно. Неправильным лишь является утверждение об образовании на юге России монополий трестовского типа, какими он считает Донецко-Юрьевское, Брянское и другие общества, дававшие от ¼ до ½ млн. тонн чугуна в год и владевшие собственными копями и рудниками.

По отзыву проф. А. Кона, диссертанту удалось раскрыть некоторые формы конкуренции монополистов, вытекавшие из специфических условий российской обстановки, например «внутренний демпинг» за счет казенных заказов.

29 июня Б. Энерфельд защищал диссертацию «Съезды и совет съездов горнопромышленников юга России как монополистическая организация».

Признав тему диссертации имеющей большой интерес ввиду того, что данный вопрос почти совсем не освещен в марксистской экономической литературе, оппонент проф. Г. Дашевский, однако, отметил в работе ряд существенных дефектов. Автором не были привлечены архивные источники и периодическая пресса; использованный же материал не подвергся достаточно тщательной обработке. Не показано, как эволюционировала работа съездов на разных исторических этапах, какую роль играли они во время революции 1905 г. и наступившей затем реакции.

Проф. А. Кон отметил, что тезис диссертанта о том, что съезды горнопромышленников юга России были центром монополий, является спорным.

4 ноября Е. Савоневич защищал диссертацию «Продуголь как монополистическая организация».

По отзыву проф. К. Пажитнова, диссертант обработал значительный материал (хотя и без обращения к архивам) и дал в

общем правильное освещение деятельности этого синдиката, являвшегося одним из наиболее мощных монополистических объединений дореволюционной России. Литературное изложение хорошее. Диссертация может считаться заполняющей пробел в нашей специальной экономической литературе по данному вопросу.

Недостатком работы является отсутствие ссылок на источники в некоторых ответственных местах диссертации.

Доцент А. Казаринов отметил, что характеристика деятельности синдиката правильна и вполне обоснована собранным автором материалом. Существенным недостатком является отсутствие данных о взаимоотношениях синдиката и банков.

23 декабря Л. Грот защищала диссертацию «Синдикат «Продамета» как монополистическая организация».

Проф. К. Пажитнов отметил как большое достоинство диссертации то, что в ней использованы не только печатные, но и архивные источники и что автор обнаружил большую способность к самостоятельному анализу (в разделах о политике цен, борьбе за монопольное господство, экспортной политике).

Существенным же недостатком диссертации является отсутствие цельности и законченности, так как представлена для обсуждения только половина работы, предусмотренной планом. По вопросу о количестве металлургических заводов, действовавших на юге России, в диссертации приводятся не согласованные между собою цифры, благодаря тому что они брались не из первоисточников.

В разделе, посвященном влиянию «Продаметы» на производство, очень слабо освещена концентрация производства и ничего не говорится о сдвигах в области техники производства, а между тем они были очень значительны.

Доцент А. Казаринов как недостаток диссертации отметил трафаретность ее плана, не допускающую превращения работы в развернутое историко-экономическое исследование. Утверждение диссертанта о наличии элементов кольбертизма в политике правительства по отношению к монополиям представляется, по его мнению, ошибочным.

23 декабря И. Козодоев защищал диссертацию «Политика цен донецких монополий».

По отзыву проф. А. Кона, диссертация представляет большой интерес как для истории монополистического капитализма в России, так и для теоретической политической экономии. На основе очень большого материала, полученного из печатных и архивных источников, автор дает новое освещение целому ряду очень важных вопросов (техника установления и повышения монопольных цен, диференциация их, себестоимость угля и железа в сопоставлении с монопольными ценами и т. д.). Проф. А. Пробст, признавая диссертацию Козодоева «глубоким и оригинальным научным исследованием», отметил в качестве недостатков ее, что автор сильно преувеличил размеры капитальных вложений в каменноугольной и металлургической промышленности и неправильно осветил вопросы импорта и экспорта угля, придя к заключению, будто «Продуголь» не был заинтересован в вывозе его и даже всячески противился этому. Доцент Казаринов отметил, что диссертация является оригинальным произведением на почти совершенно неисследованную ни историками, ни экономистами тему.

К числу дефектов работы относится недостаточно конкретная характеристика линии правительства по отношению к политике цен капиталистических монополий, что является последствием не изжитых еще пережитков вульгарно-социологического подхода к вопросам экономической политики самодержавия и отсутствия детального анализа роли казенных заказов в развитии южнорусских монополий.

Ученым советом истфака МГУ всем вышеозначенным диссертантам была присвоена ученая степень кандидата экономических наук.

К. П.

В Институте истории АН СССР

◆ 24 января 1941 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук тов. И. Г. Антелава на тему «Очерки по истории Абхазии в XVII—XVIII вв.».

Тов. Антелава — сотрудник Отделения истории Абхазского научно-исследовательского института грузинского филиала АН СССР.

Официальными оппонентами выступали д-р исторических наук проф. А. А. Савич и кандидат исторических наук С. К. Бушуев.

Тов. Антелава единогласно присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

◆ 22—28 февраля 1941 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР состоялась защита диссертаций Б. А. Романовым на тему «Русско-японская война 1904—1905 годов. Политико-исторические очерки» на степень доктора исторических наук и аспирантом Института истории С. М. Кляцкиным на тему «Организация Рабоче-Крестьянской Красной Армии в СССР» на степень кандидата исторических наук.

Диссертация тов. Романова — результат его многолетнего труда. Оппонентами на защите диссертации тов. Романовым выступили акад. Е. В. Тарле, докторант Института истории А. Л. Сидоров и старший научный сотрудник сектора новой истории Института Е. М. Жуков.

На защите же диссертации тов. Кляцкиным оппонентами выступили кандидат исторических наук научный сотрудник секретариата «Истории гражданской войны» Е. Н.

Городецкий и старший научный сотрудник Института истории АН СССР А. П. Кучкин.

Ученый совет Института истории присудил Б. А. Романову ученую степень доктора исторических наук (17 голосами при 1 воздержавшемся) и С. М. Кляцкину — ученую степень кандидата исторических наук (единогласно).

◆ 7 марта 1941 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР защищали диссертации на степень кандидата исторических наук: и. о. доцента кафедры Всеобщей истории Томского государственного пединститута Р. Е. Кугель и и.о. старшего научного сотрудника Института истории С. И. Лившиц. Работа Кугеля— «Итало-турецкая война 1911—1912 гг.» Оппонентами выступали проф. А. С. Ерусалимский и доктор исторических наук Ф. И. Нотович.

Работа Лившица — «Испания в 1918—1923 гг.». Оппоненты—кандидат исторических наук З. М. Рабинович и проф. Г. М. Дашевский.

21 марта 1941 г. защищал диссертацию на степень кандидата исторических наук аспирант Института истории АН СССР А. А. Матюгин. Тема диссертации — «Участие украинского народа в отечественной войне против белополяков в 1920 г.». Оппонентами выступали чл.-корр. АН СССР А. М. Панкратова и кандидат исторических наук Р. Голубева.

Диссертантам Р. Кугелю, С. Лившицу и А. Матюгину Ученым советом Института истории АН СССР была присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ В 1939 г. в Нью-Йорке вышла книга бывшего голландского колониального чиновника Фурнивал я «Нидерландская Индия» («Netherlands India» by J. S. Furnivall. New York. XXII. 502 p.). «Американский исторический журнал» пишет об этой работе: «Концентрируя внимание на экономических вопросах, автор сумел сочетать детальный анализ истории и современного положения голландцев в Индонезии с широкими обобщениями и гипотезами, значение которых далеко выходит за пределы той частной колониальной области, с которой он имеет дело. В результате книга очень ценна как для того, кто хочет детально ознакомиться с Голландской Индией, так и для того, кто интересуется общими вопросами колониальной политики. Книга в значительной степени может считаться иллюстрацией к положению автора, что «экономические мотивы руководят колониальной политикой и что всякая колониальная политика в действии эффективна лишь тогда, когда благоприятны экономические условия» («American Historical Review» № 3. 1940).

◆ В Штутгарте в 1939 г. вышла работа Гальманна «Вокруг русской мобилизации» (H. Hallmann «Um die russische Mobilmachung». Stuttgart. 1939. 176 p.). «Журнал новой истории» пишет об этой книге: «В книге описывается русская мобилизация день за днем; в первой части книги описывается ответная реакция Германии, во второй — Франции. «Героем» этой восьмидневной истории был, по Гальману, французский посол в Петербурге Палеолог, всячески стремившийся к тому, чтобы в России был дан отпор всем попыткам соглашения с Австрией» («Journal of Modern History» № 2. 1940).

◆ В 1939 г. в Париже была издана книга Жерара «Волжские болгары и дунайские славяне» (M. Ch. Gerard «Les Bulgars de la Volga et les Slaves du Danube». Paris. 1939). «Английский исторический журнал» отмечает, что эта работа представляет собой «попытку дать популярную историю болгарской нации вплоть до исчезновения ее восточных ветвей и окончательного слияния дунайских болгар с балканскими славянами. Последний момент автор относит ко времени отречения царя Бориса, когда было завершено обращение болгар в христианство» («English Historical Review» № 217. 1940).

◆ В Чикаго вышла книга «Документы и тексты по европейской истории с 1918 года», составитель — Лангсем («Documents and Readings in the History of Europe since 1918» by W. C. Langsam Chicago. 1939. 865 p.). «Американский исторический журнал» пишет о ней: «Эта коллекция содержит договоры, пакты, конвенции, конституции, законы, судебные решения, манифесты, прокламации, партийные программы, рассказы и описания современников, речи, образцы пропаганды и другие документы, необходимые для каждого серьезного исследования общего развития Европы после мировой войны» («American Historical Review» № 3. 1940).

◆ В 1939 г. в Филадельфии (США) вышла работа Джона Фергюсона «Американская дипломатия и бурская война» (John Ferguson «American diplomacy and the Boer War». Philadelphia. 1939. 240 p.).

«Эта книга дает анализ влияния бурской войны на общественное мнение и правительство Соединенных штатов... Американские граждане, проживавшие в Трансваале и Оранжевом свободном государстве, симпатизировали требованиям «уитлендеров». Однако эти симпатии не разделялись большинством соотечественников на их родине. Президент Мак-Кинли и государственный секретарь Джон Гей придерживались осторожного курса... Нейтралитет Соединенных штатов был благоприятен для англичан. Займы и поставки Соединенных штатов помогли победе Англии, которой определенно хотел государственный секре-

тарь» («The journal of Modern History». Chicago March 1940).

◆ В 1939 г. в Берлине вышла книга Роберта Штупприха «Начало освобождения крестьян в России» (Robert Stupperich «Die Anfänge der Bauernbefreiung in Russland». Berlin. 1939. 214 S.). «Автор не пытался дать общий очерк происхождения и развития движения за освобождение крепостных; его интересует деятельность славянофила Юрия Самарина и влияние, которое Самарин оказывал на движение за реформу начала и середины XIX века. В общем автор написал четкий, полный сочувствия и тщательно документированный очерк политической деятельности Самарина вплоть до 1861 года... Влиянию определенных экономических факторов на движение за реформу не уделено достаточного внимания. Д-р Штупперих, разбирая моменты, которые оказали решающее влияние на законодательство 1861 г., снова и снова ссылается на требование Самарина о том, чтобы крепостные были освобождены с землей; он не показывает, однако, как зачастую это требование повторялось северными землевладельцами, которые привыкли получать налоги ввиде оброка и боялись, что освобождение крепостных без земли сможет повредить их интересам» («The American Historical Review». January 1940).

◆ В Англии в 1939 г. вышла книга д-ра Стояновича «Великие державы и Балканы в 1875—1878 гг.» (Stojanovic M. «The great powers and the Balkans, 1875—1878». Cambridge. 1939).

«Исследование д-ра Стояновича о ближневосточном вопросе в период между 1875 г. и Берлинским конгрессом 1878 г. ценно как благодаря привлечению нового материала, так и вследствие своей краткости. Новый материал состоит из неопубликованной дипломатической переписки из британских, австрийских и сербских официальных архивов; книга является расширенной докторской диссертацией на тему о роли Сербии в международной политике в 1875—1878 гг., и разделы, касающиеся австро-сербских отношений, являются существенным дополнением к нашим знаниям в этой широко разработанной области... Д-р Стоянович, быть может, склонен несколько упрощать: очень сомнительно, можем ли мы действительно утверждать, что «группировка держав в 1914 г. была фактически определена интересами, которые существовали уже в 1875—1878 гг.». ...Д-р Стоянович утверждает, что Великобритания, если бы ей пришлось выбирать, предпочла бы в 1877 г., так же как и в 1914 г., скорее защищать Францию от Германии чем Турцию от России... В заключение д-р Стоянович приходит к выводу, что, по существу, от Берлинского договора была в выигрыше Англия» («The English Historical Review». April 1940).

М. Альперович,
А. Беленький

Проф. В. С. Сергеев.

8 января 1941 г. в расцвете сил внезапно скончался широко известный в СССР профессор древней истории, доктор исторических наук В. С. Сергеев.

Владимир Сергеевич родился в 1889 г. в крестьянской семье; первоначальное образование получил в сельской и городской школе. Жажда знаний, любовь к труду и кипучая энергия открыли ему путь к высшему образованию, а потом и на ученое поприще.

По окончании городского училища Владимир Сергеевич, работая на фабрике, одновременно готовился к экзамену за шесть классов гимназии. В 1903 г. он выдержал этот экзамен и поступил в 7-й класс орловской гимназии, а по окончании гимназии завершил свое образование на историко-филологическом факультете Московского университета.

После сдачи в 1916 г. магистерских экзаменов при Петербургском университете В. С. Сергеев был зачислен доцентом этого же университета.

Однако научно-педагогическая работа Владимира Сергеевича во всей широте развернулась только при советской власти.

С осени 1917 г. В. С. Сергеев начал свою преподавательскую деятельность в Москве.

С первых дней организации Коммунистического университета имени Свердлова он работал в нем с исключительной добросовестностью до момента реорганизации университета.

Одновременно он вел большую педагогическую работу в 1-м Московском государственном университете, а в последующем— в Институте красной профессуры и во 2-м Государственном университете.

В течение ряда последних лет В. С. Сергеев читал лекции и заведовал кафедрой древней истории в Московском государственном университете, в МИФЛИ и в Московском городском педагогическом институте, выполняя одновременно большую научную работу в качестве старшего научного сотрудника в Институте истории Академии наук СССР.

Его лекции всегда собирали полную аудиторию, слушались с исключительным вниманием и большим интересом.

Научные интересы Владимира Сергеевича проявились главным образом в области истории древнего Рима, особенно периода поздней империи. Неустанно изучая различные вопросы из истории древнего Рима, он особое внимание обращал на развитие экономики и классовой борьбы в Риме.

Его статьи, печатавшиеся в «Историке-марксисте», «Под знаменем марксизма» и в других журналах, всегда вызывали большой интерес у историков. Талантливо написанные на большом фактическом материале его «Очерки по истории древнего Рима» (два тома) хорошо знакомы не только научным работникам, но и широким слоям советской интеллигенции. «Очерки» охватывают все стороны истории древнего Рима: социально-экономическую, политическую и культурно-бытовую. Написанный им в первом томе «Истории дипломатии» раздел является лучшей частью этой книги.

Прекрасный лектор и руководитель семинаров, В. С. Сергеев, целиком отдававшийся своей работе, воспитал немало молодых историков. Все знавшие Владимира Сергеевича любили и ценили его способности и энергию и тяжело переживают эту преждевременную утрату.

М. О.

Проф. Н. А. Кун.

28 февраля 1941 г. внезапно скончался крупный специалист по истории древней Греции профессор Н. А. Кун.

Проф. Кун родился в 1877 г. Будучи студентом Московского государственного университета, Н. А. Кун принимал участие в студенческом движении, и вследствие этого попечитель Московского учебного округа не утвердил оставление его при университете.

Несмотря на хорошую подготовку, проявленную инициативу и научные дарования Н. А. Кун по окончании университета вынужден был работать в средних школах. Как организатор лекций для рабочих, он не раз подвергался преследованиям царских чиновников.

В 1908 г. Н. А. Кун был избран профессором всеобщей истории Московских высших женских педагогических курсов, а в 1914 г.—профессором Московского народного университета имени Шанявского.

Особенно широко и интенсивно Н. А. Кун развернул свою научно-педагогическую работу после Великой Октябрьской социалистической революции. С 1920 по 1926 г. он был профессором Московского государственного университета, а с 1933 г.—профессором Московского института философии, литературы и истории, где и продолжал работать до последнего дня своей жизни.

Н. А. Кун является автором ряда популярных книг по истории. В 1907 г. он издал перевод «Писем темных людей». Его работа «Что рассказывали греки о своих богах и героях» получила довольно широкое рас-

пространение, она выдержала три издания, и уже подготовлено четвертое. Им же написаны брошюры: «Предшественники христианства» и «Восточные культуры в Римской империи».

Наряду с этим Н. А. Кун с 1933 г. состоял редактором отдела древней истории Большой советской энциклопедии, причем сам написал свыше 300 статей и заметок в энциклопедию.

Смерть Н. А. Куна является тяжелой утратой для нашей исторической науки.

М. О.

Проф. М. Д. Приселков

19 января 1941 г. умер проф. Ленинградского государственного университета Михаил Дмитриевич Приселков, выдающийся советский историк (род. в 1881 г.). Научно-литературная и педагогическая деятельность М. Д. Приселкова длилась почти сорок лет и теснейшим образом была связана с двумя характерными для научной традиции Ленинградского университета направлениями работы. Одно из этих направлений — изучение русско-византийских отношений, которое получило развитие в трудах академика В. Г. Васильевского; второе ведет свое начало от академика К. Н. Бестужева-Рюмина, который направлял внимание своих учеников преимущественно на изучение источников русской истории. В годы, когда складывались научные интересы М. Д. Приселкова, внимание к изучению источников было оживлено работами акад. А. А. Шахматова над изучением одного из самых сложных источников — русских летописей. Первый крупный труд М. Д. Приселкова — его магистерская диссертация «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» (СПБ. 1913) — явился в результате сочетания обоих указанных направлений. Тема этого труда — русско-византийские отношения. М. Д. Приселков выявил сложнейшую сеть политических интересов и непрекращавшейся дипломатической борьбы Византии и Киевского государства, прикрытую оболочкой церковных отношений. Ни в какой другой работе не представлены с такой яркостью, с одной стороны, стремление Византийской империи к подчинению себе молодого Киевского государства, а с другой — упорная и умелая борьба последнего против маневров Византии. Основным источником для этой работы послужили летописи. К этому времени основные труды А. А. Шахматова, касающиеся летописей и новых приемов их изучения, уже появились в печати и создали целую плеяду последователей А. А. Шахматова. Среди всех его последователей М. Д. Приселков оказался самым своеобразным. Он был и наиболее, если так можно выразиться, «ортодоксален» по отношению к теориям Шахматова, но в то же время сразу же перенес свои рассуждения из области филологической критики, которою по преимуществу обосновывал свои построения Шахматов, в область конкретной исторической аргументации в пользу того или иного взгляда на состав, происхождение и значение летописных сводов. М. Д. Приселков видоизменил также самую манеру аргументации: на место подробнейшего аналитического разбора изучаемого текста, шахматовского разбора, за которым читатель следит иногда со значительными усилиями, М. Д. Приселков сумел поставить синтетическое изложение, в котором дана вся необходимая аргументация в той мере, в какой она необходима для изучения истории летописных сводов. Эти свойства М. Д. Приселкова с наибольшею яркостью сказались в его работах, посвященных истории летописания: в ряде статей, в книге о «Несторе-летописце», в написанной, но не изданной еще большой монографии о Троицкой летописи и, наконец, в вышедшем в прошлом году основном труде М. Д. Приселкова — «История русского летописания XI—XV вв.» (Ленинград. 1940). Изучение летописей, длящееся более двух столетий, обогатило нашу науку рядом выдающихся трудов. До работ Шахматова подобная задача представляла огромные трудности, после же работ Шахматова она неимоверно усложнилась. Ранее можно было ограничиться внешней историей наличных, дошедших до нас летописных сводов. Теперь надлежало дать не внешнюю только, а подлинную историю летописания, историю, в которой дошедшие до нас обломки бесследно исчезнувшего богатства былой летописной литературы явились бы не целью исследования, а прежде всего материалом, историческим источником для восстановления действительного хода летописания в древней Руси. М. Д. Приселков выполнил эту задачу и мы впервые в литературе русской истории получили труд, охватывающий всю историю древнего нашего летописания. Летописание М. Д. Приселков связывает со всем ходом исторического развития России, с основными фактами ее политической истории и борьбы классов. Это выдающееся произведение советской историографии может служить также образцом научно-литературного изложения.

Кроме русско-византийских отношений и истории летописания М. Д. Приселков работал в области русско-татарских отношений XIII—XIV вв.; им изучен один из важнейших памятников этих отношений — «Ханские ярлыки русским митрополитам» (П. 1916).

М. Д. Приселков умер в расцвете творческих сил. Последние годы его жизни проходили в обстановке самой усиленной научной и педагогической работы в Ленинградском государственном университете. Смерть М. Д. Приселкова — тяжелая утрата для советской исторический науки, особенно тяжелая для родного ему Ленинградского университета.

С. Валк

КОНКУРС НА ШКОЛЬНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ

В 1940 г. исторический факультет Московского университета впервые объявил конкурс на лучшее школьное сочинение по истории. На этот призыв откликнулись 400 школьников Москвы, которые быстро разобрали предложенные темы и приступили к работе, систематически пользуясь консультациями профессоров и аспирантов исторического факультета. 100 школьников представили в срок свои сочинения, и 70 из них оказались достойными премий или поощрительных отзывов. Работы показали искреннее увлечение школьников историческими темами, их способность овладеть литературой и уменье использовать некоторые категории источников. Темы брались из разных исторических периодов: были сочинения по истории древнего Египта, античной Греции и Рима, средневековья, нового времени, истории СССР. Некоторые авторы привлекли неопубликованные архивные материалы. Так поступила группа учащихся опытно-показательной школы имени Шацкого, которая под руководством своего преподавателя тов. Кузина написала сочинения по истории своего района.

В конкурсе участвовали ученики 6-х, 7-х, 8-х, 9-х и 10-х классов. Многие из них потом говорили, что работа над историческим сочинением принесла им громадную пользу, развив в них самостоятельные навыки пользования материалами. Некоторые из школьников, сочинения которых были премированы, осенью поступили на первый курс исторического факультета.

В настоящем году исторический факультет вторично организовал такой же конкурс; на него снова откликнулось несколько сот московских школьников. Большинство выбрало темы по истории СССР; многих заинтересовали Отечественная война 1812 года, движение декабристов, просветители 1860-х годов; некоторые взяли темы по истории различных народов: монголов, татар, чукчей и пр.; немало участников конкурса увлеклось темами по истории гражданской войны и социалистического строительства («Чапаев», «Изотов» и пр.). Нередко среди сочинений, представленных на конкурс, встречаются темы краеведческого характера: «История города Владимира в XIII—XIV веках», «История города Павлова-Посада», «История Новодевичьего монастыря» и т. д.

«Клуб юных историков имени Баумана» представлен на конкурсе 15 участниками. Представили сочинения кое-кто и из участников прошлогоднего конкурса. Некоторые школьники стремятся связать свою работу с пережитыми впечатлениями. Например ученик 10-го класса свердловской школы Игорь Портнягин пишет: «В выборе темы я остановился на «Присоединении Грузии к России» вот из каких соображений: летом 1939 года я ездил в экспедицию на Кавказ (я каждое лето начиная с 1938 г. езжу в экспедиции), и, может быть, мне удастся в сочинение включить что-нибудь из собственных наблюдений».

Почти ежедневно в бюро конкурса поступают заявления иногородних школьников, выражающих желание участвовать в объявленном конкурсе. К сожалению, исторический факультет Московского университета не может обеспечить иногородних школьников необходимой консультацией. Потребность в организации подобных конкурсов обнаруживается воочию. Необходимо, чтобы исторические факультеты университетов подхватили инициативу московских историков и сами пошли в школьные массы.

Помещаем обращение по этому поводу профессоров, преподавателей, аспирантов и студентов исторического факультета Московского ордена Ленина государственного университета имени Ломоносова ко всем историческим факультетам высших учебных заведений Советского Союза.

Дорогие товарищи!

XVIII съезд большевистской партии выдвинул задачу коммунистического воспитания трудящихся как одну из основных задач советского государства. «От наших успехов в этой области, — говорил товарищ Молотов на съезде, — зависит решение всех остальных задач».

Одной из наиболее важных сторон этой великой задачи, поставленной XVIII съездом партии, является коммунистическое воспитание подрастающего поколения нашего народа, воспитание миллионов советских школьников, которые должны вступить в жизнь образованными, дисциплинированными, любящими труд и науку, преданными партии Ленина — Сталина, способными про-

должить великое дело своих отцов — дело строительства коммунизма.

Большую роль в деле коммунистического воспитания советских школьников играет наша марксистско-ленинская историческая наука. Знание прошлого расширяет кругозор, помогает понять настоящее и будущее, воспитывает в наших детях и юношах гражданские чувства, любовь к своей родине, к ее героическому прошлому, помогает молодым гражданам нашей страны осознать величие той борьбы, которую ведет сейчас окруженная капиталистическими государствами Советская страна.

Вот почему партия и правительство и лично товарищ Сталин уделяют такое серьезное внимание делу правильной научной постановки преподавания истории в школах и распространению исторических знаний в нашей стране.

Исторический факультет Московского государственного университета после XVIII съезда партии, следуя призыву X пленума Центрального комитета Комсомола, сделал первые шаги в деле помощи школе и педагогам. Формой работы мы избрали конкурс среди школьников Москвы на лучшее сочинение по истории. Первый конкурс был проведен в 1939—1940 учебном году. Объявление конкурса вызвало большой интерес среди учащихся не только московских школ: на факультет поступали письма от школьников со всех концов нашей страны. За работу принялись ученики не только старших классов, но и 6-х и 7-х.

Для участников конкурса факультетом были организованы консультации, в которых участвовали наряду с аспирантами и студентами старших курсов профессора факультета — крупные ученые-историки.

Большую помощь в организации конкурса оказали нам лучшие педагоги-историки Москвы и Московской области, помогавшие своим ученикам и в выборе тем и в отыскании интересных материалов. Содействие филиала Публичной исторической библиотеки показало, какую большую помощь в такой работе могут оказать библиотеки.

В результате конкурс дал значительно более высокие результаты, чем первоначально ожидали. После тщательной и строгой проверки из 100 представленных сочинений 70 удостоились премий и поощрительных отзывов. Почти все участники конкурса использовали в своей работе источники, в некоторых случаях даже неопубликованные материалы (краеведческого характера). Некоторые из юных историков в поисках материалов для своей работы обращались даже в библиотеку Института Маркса—Энгельса—Ленина.

Участники конкурса единодушно говорили о большом удовлетворении, которое они получили от первой самостоятельной работы над историческим сочинением. На итоговых собраниях школьники дружно просили повторить конкурс и организовать систематическую работу с учащимися средней школы в области истории. Многие из участников первого конкурса стали частыми гостями на факультете и уже приступили к работе над новыми сочинениями.

Учитывая благоприятный опыт первого конкурса и считая, что подготовка исторических кадров может и должна начаться со школьной скамьи, Ученый совет исторического факультета Московского государственного университета решил объявить в этом году второй общемосковский конкурс на лучшее сочинение школьников по истории.

Объявляя второй общемосковский конкурс на лучшее сочинение школьников по истории, профессора, преподаватели, аспиранты и студенты исторического факультета МГУ обращаются ко всем историческим факультетам Советского Союза с призывом поддержать инициативу нашего факультета и начать систематическую работу со школьниками в области истории.

Этим будет сделано большое государственное дело, будет оказана серьезная помощь школам и педагогам в деле коммунистического воспитания школьников.

Ждем вашего ответа, товарищи!

По поручению коллектива исторического факультета МГУ — жюри второго общемосковского конкурса на лучшее сочинение школьников по истории:

Председатель жюри член-корреспондент Академии наук СССР **С. Бахрушин**

Члены жюри — декан истфака **С. Сказкин**, проф. **Белкин**

От бюро ВЛКСМ — секретарь бюро **Захарьян**

От аспирантов — **О. Кель**, **Л. Петров**

SOMMAIRE:

ARTICLES: Rjabinskij A. La Russie tsariste et Boukhara à l'èpoque de l'impérialisme.— Golubeva R. Les événements de Tachkent en septembre 1917.— Belenickij A. Contribution à l'histoire de la propriété terrienne féodale dans l'Asie centrale et dans l'Iran à l'êpoque de Timouride (XIV—XV siècles). (La création de l'institut „Soyurghal"). COMMUNICATIONS: Salikov D. L'émeute d'Osipov à Tachkent les 18—22 janvier 1919. (Souvenirs). — Semjonyčev I. Bibliothèque publique d'Histoire. — Rostovskij S. L'Institut des études sur l'Orient près l'Academie des sciences de l'URSS. Session du secteur d'histoire (3—6) février 1941). NOTES HISTORIQUES: Zajončkovskij P. La bibliothèque de P. I. Pestel.— Šangin M. Les mesures byzantines sur la sécurité des fronfières.— Pigulevskaja N. L'histoire des peuples de l'URSS d'après des sources syriennes.—Milicina T. „Le tsarisme et la révolution bourgeoise française". Publication du second tome. ANNALES: Zrjačkin S. Les annales des événements révolutionnaires marquants de l'Asie centrale (mars — décembre 1917). CRITIQUE et BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE. Nécrologie: prof. V. S. Sergejev; prof. N. A. Kun; prof. M. D. Priselkov. Concours scolaire pour la meilleure composition d'histoire.

CONTENTS:

ARTICLES: Rjabinskij A. Tsarist Russia and Bokhara in the Age of Imperialism. - Golubeva R. The Tashkent Events of September 1917.— Belenickij A. Some Remarks on the History of Feudal Land Tenure in Central Asia aud Iran in the Timuridian Age (Fourteenth and Fifteenth Centuries). The Institution of the „Soyurghal". COMMUNICATIONS: Salikov D. The Osipov Rebellion in Tashkent, January 18—22, 1919 (Reminiscences).— Semjonyčev I. The State Public Historical Library.— Rostovskij S. Proceedings of the Eastern Research Institute of the Academy of Science of the USSR (Session of the History Sector, February 3—6, 1941). HISTORICAL NOTES: Zajončkovskij P. The Library of P. I. Pestel.— Šangin M. Protection of Frontiers in the Byzatian Empire.— Pigulevskaja N. Some Syrian Sources on the History of the Nations of the USSR.— Milicina T. „Tsarism and the Bourgeois Rovolution in France". Vol. II. ANNALS: Žrjačkin S. Calender of Revolutionary- Events in Central Asia for 1917 (March to December). GRITICISM and BIBLIOGRAPHY. CHRONICLE. Obituaries: Prof. V. S. Sergejev; Prof. N. A. Kun; Prof. M. D. Priselkov. The School history Essay Competition.

INHALT:

ARTIKEL: Rjabinskij A. Das zaristische Russland und Buchara in der Epoche des Imperialismus — Golubeva R. Die Septemberereignisse des Jahres 1917 in Taschkent.— Belenickij A. Zur Geschichte des Feudalgrundbesitzes in Zentralasien und im Iran in der Epoche der Timuriden (14.—15. Jahrhundert). Die Entstehung der Institution „Soyurghal". MITTEILUNGEN: Salikov D. Der Osipov-aufstand in Taschkent vom 18.—22. Januar 1919. (Erinnerungen).— Semjonyčev I. Die öffentliche Staatsbibliothek für Geschichte.— Rostovskij S. Im Institut für Orientforschung der Akademie der Wissenschaften der UdSSR (Tagung des Geschichtssektors vom 3.—6. Februar 1941). HISTORISCHE NOTIZEN: Zajončkovskij P. Zur Frage der Bibliothek von P. I. Pestel.— Šangin M. Byzantinische Grenzschutz-Massnahmen.— Pigulevskaja N. Syrische Quellen zur Geschichte der Völker der UdSSR.— Milicina T. Der zweite Band der Veröffentlichung „Der Zarismus und die französische bürgerliche Revolution". ANNALEN: Zrjačkin S. Chronik der wichtigsten revolntionären Ereignisse von 1917 (März - Dezember) in Zentralasien. KRITIK und BIBLIOGRAPHIE. CHRONIK. Nachrufe: Prof. W. S. Sergejev; Prof. N. A. Kun; Prof. M. D. Priselkov. Schüler-Preisausschreiben für den besten historischen Aufsatz.

Редакционная коллегия: Ем. Ярославский, Б. Д. Греков, И. И. Минц, С. Н. Ростовский

Адрес редакции: Москва. Волхонка, 14, комн. 113, Тел. К 0-70-16

А 37829. Изд, № 435. Зак, № 1039. Тираж 35 000.
Подп. к печати 19/IV 1941 г. 65000 п. зн. в п. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина. Москва, ул. „Правды", 24,